

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

38-том

МАҚАЛАЛАР, ОЧЕРКТЕР, ЖОЛЖАЗБАЛАР,
ЗЕРТТЕУ

1959–1960

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122

ББК 84 Қаз-7

Ә 82

*Қазақстан Республикасының Мәдениет министрлігі
«Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару»
бағдарламасы бойынша шығарылды*

Редакциялық кеңес:

Кеңес төрағалары – *М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов*

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы *У. Қалижанов*

Кеңес мүшелері:

*Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанатиянов Б., Қасқабасов С.,
Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали Қ., Мағауин М., Мұртаза Ш.,
Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.*

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

38-том: Мақалалар, очерктер, жолжазбалар, зерттеу. 1959–1960. – 408 б.

ISBN 978-601-294-180-7

Мұхтар Омарханұлы Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 38-томына 1959–1960 жылдарда жазылған “О труде многолетнем и вдохновенном”, “Народный “Бустан”, “60-летие академика Каныша Сатпаева”, “Братство наших литератур”, “Әдебиетіміздің туыскандығы”, “Как я работал над романами “Абай” и “Путь Абая”, “Қазақтың халық жұмбақтары”, “Искреннее большое сорадование” атты мақалалары, “Оңтүстік сапарынан”, “Шаяндағы шешен Керекең”, “Америка әсерлері” очерктері, “Америка сапары” жолжазбалары енді. Сонымен қатар бұл томда қырғыздың батырлық эпосы “Манас” жырына қатысты “Манас” – киргизская героическая поэма” атты зерттеушілік жұмысы тұңғыш рет жарияланып отыр.

Кітап ғылыми жұртшылыққа, қалың оқырман қауымға арналған.

УДК 821.512.122

ББК 84 Қаз-7

ISBN 978-601-294-180-7 (38-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

Мақалалар

О ТРУДЕ МНОГОЛЕТНЕМ И ВДОХНОВЕННОМ

Роман “Абай” является любимым делом едва ли не всей моей творческой жизни. Создававшийся в течение ряда лет, а если считать и годы подготовительных трудов, то и добрых два десятилетия, он состоит из четырех книг. Первые три неоднократно издавались на казахском и на русском языках. Четвертая вышла отдельными фрагментами – на казахском и теперь переводится на русский язык. Роман посвящен жизни и деятельности классика казахской литературы и просветителя казахского народа, замечательного человека, воплотившего в себе лучшие черты этого народа, человека, жившего в многосложную эпоху, предшествовавшую первой русской революции 1905 года. Абай родился в 1845 году и умер в 1904 году.

Работе над этим романом я посвятил многие годы упорного и кропотливого труда и теперь хочу поделиться с молодыми писателями опытом этой работы. Но прежде чем перейти к конкретному вопросу о том, как я работал над романом, я хочу осветить некоторые общие положения, поделиться своими мыслями о том, как я себе представляю авторское задание при обращении к подобной теме и каким жанром представляется мне такого рода исторический роман, как “Абай”.

Ясно, что поскольку речь идет о личности исторической, жившей в определенную эпоху и в определенной социальной среде, то “Абай” относится к категории романов исторических, но это произведение отличается еще и дополнительной особенностью – это роман о творческой личности. Будь это роман, в центре которого стоит общественный деятель, главной задачей писателя было бы отразить через жизнь героя, через его деятельность, через его борьбу – особенности определенной социальной среды

и общественных отношений в определенную конкретно-историческую эпоху, в определенной стране, в данном случае в Казахстане. Отразить в образе героя и через его жизнь и борьбу общественно-экономические особенности эпохи — это задание, общее для любого исторического романа, остается в силе и здесь, но так как это роман о поэте, он отличается от романов такого типа, как, например: “Петр Первый”, “Емельян Пугачев” или “Степан Разин”. Пугачев и Разин — это борцы, возглавившие массовое народное движение, которое и должно быть отражено в художественном произведении о них. “Абай” же должен отражать социально-экономический уклад, в котором жил данный герой, через его особую биографию, особую природу, особый род деятельности, в которых жизнь общества получает отображение не прямое, а опосредствованное в творческом мышлении героя-художника.

Герой моего романа — писатель — это явление общественное, продукт его творчества — это результат социально-экономических отношений. Вместе с тем это борец, своеобразно проявляющий себя. Он не возглавляет движения, он идет вместе с народом, но свою деятельность, свою борьбу проявляет через поэтическое творчество.

Поэтому, когда автор обращается к такой теме, он должен помнить о ее специфических особенностях, о специфичности требований, предъявляемых к данному роману. Требования же эти заключаются в том, что автор должен вскрыть не только переживания и деятельность героя, связанные непосредственно с жизнью общества, но и внутреннюю психологию его творчества, реально-исторические корни тех поэтических замыслов, которые рождались в его душе и которые потом, будучи оплодотворенными общественной жизнью, претворенной в его творческой психологии, воплощались в его творениях.

Таким образом, исторически роман здесь несет добавочную нагрузку. Жизнь, борьбу, среду моего героя я должен изображать реально, исторически через те факты действительности, с которыми он сталкивался. Они могут быть большого общественного значения или семейного, личного, но все это должно откладываться в его душе, в его чувствах для того, чтобы воплотиться в его произ-

ведениях, а отразившись в произведениях, в свою очередь должно отображать его эпоху и влиять на общественные отношения.

Эта особенность, о которой я говорил, распространяется на все романы, посвященные поэтам, писателям, художникам, вообще творческим личностям.

Нужно ли говорить, что этот тип романа наиболее сложен? Он возникает лишь в начале XIX века.

Читая подобные романы, написанные советскими писателями и современными западными писателями, я в данном случае непосредственно учился тому, как надо писать, а в другом случае учился, критически воспринимая чужие произведения, как не нужно делать. Скажем, обращаясь к изображению жизни Байрона у Моруа, который описывает его взаимоотношения с его сестрой Августой, сделавшиеся в свое время предметом сплетен и причиной травли Байрона аристократией, я раздумывал о том, как нужно относиться к подобного рода биографическим фактам, в какой мере, как и целесообразно ли вообще отражать их в художественном произведении.

Мне представляется, что наша современность не может примириться с натуралистическим изображением жизни гения прошлого. Каждый из нас, советских людей, интересуется не теми, подчас случайными, биографическими подробностями и фактами, которые в любой жизни могут быть или не быть. Эти факты стираются, а каждый из выдающихся деятелей остается в памяти народа той стороной жизни, которая наиболее существенна, незабываема, которая для прогрессивной истории человечества имеет свою непреходящую ценность. Поэтому мне представляется, что именно с этой точки зрения главным образом и нужно рассматривать жизнь замечательных людей.

Роман о творческой личности, конечно, не начинается с моего романа, а начинается с опыта многих моих предшественников, в том числе советских писателей и писателей наших братских республик, как, например, Юрий Тынянов, Айбек (роман “Навои”) и другие.

Таким образом, я начинал не с гладкого места, а во многом прислушивался, критически размышлял над тем

или иным романом, прислушивался к передовой критике. Так как я должен был писать исторический роман о творческой личности, причем не оторванной от жизни народа, а многими корнями связанной с ней, то я учитывал критику, раздававшуюся по адресу “Смерти Вазир-Мухтара” Тынянова, главным недостатком которого критика считала изображение Грибоедова оторванным от народа. Я решил обратиться к образу Абая для того, чтобы через его жизнь изобразить жизнь казахского народа той эпохи.

Правда, я имею и другую творческую цель и задание: изобразив через Абая полвека жизни казахского народа в дореволюционном прошлом, в дальнейшем перейти к серии романов о советской эпохе, которые должны в своей внутренней связи раскрыть путь казахского народа от патриархальщины к коммунизму. Ленин сказал о том, что некоторые народности России, минуя стадию капитализма, придут к социализму. Вот так пришел к социализму, минуя стадию капитализма, и казахский народ.

Я взял Абая со всеми его историческими и творческими особенностями еще и для того, чтобы в нем, как в фокусе, сосредоточить изображение всего передового, исторически прогрессивного, что в его дни являлось новым, только что нарождавшимся, но уже наступившим на старое, отживающее, но еще очень сильное то время.

Старое — отец Абая Кунанбай, крепко сидящий своими корнями в историческом прошлом, а Абай — новое. Поэтому становление поэта Абая должно раскрывать тезис диалектического противопоставления и отрицания. Все, что несет Кунанбай — это историческое препятствие, которое мешало развитию нового, зарождавшегося под влиянием культуры русского народа.

Вот то главное задание, идейно-историческое с одной стороны и художественное с другой, которое лежало в основе моего произведения и которое мыслилось автору, когда он брался за эту тему — это общее положение распространяется на все мои четыре книги, но становится и разрешается в каждой из них по-разному, в соответствии с исторической правдой.

Вторая группа вопросов, которых я хочу коснуться, также относится ко всем четырем книгам. Эти вопросы

относятся к характеру материала, к условиям моей работы над ним.

Все, что касается жизни Абая, борьбы его, особенно начальных этапов его формирования, до нас в письменном виде не сохранилось. Хотя во времена Абая уже были отдельные писатели, а письменность стала распространяться задолго до него, но до тех пор, пока Абай не стал настоящим признанным поэтом, а главное, пока он сам не признал себя поэтом, многие его произведения не были зафиксированы в письменном виде, а сохранились лишь в памяти Абая и близких ему людей. Об Абае не сохранилось никаких мемуаров, дневников, никаких его публикаций.

Как же мне пришлось собирать материал о жизни Абая? Когда я начал работать над темой Абая, Абаю было бы около восьмидесяти лет, а мне нужно было воспроизвести детские, отроческие и юношеские годы Абая.

Я сам происхожу из казахов того же района, той же области, откуда происходил Абай, поэтому мне посчастливилось в отроческие годы встречаться с современниками Абая — стариками и старухами, которые знали поэта, некоторые из них были даже на несколько лет старше его.

Из людей, от которых я получил материал, я могу назвать первую его жену Дильду, которая умерла в 1924 году, затем любимую его жену Айгерим, которая умерла 60-ти лет в 1918 году. Затем были более молодые, но которые слышали много рассказов о жизни того времени от самого Абая. Таким образом, детские годы поэта известны только из воспоминаний, причем они, как и всякие воспоминания, принимают характер фольклора, легендарно изменяются.

О жизни Абая рассказываются довольно противоречивые вещи. Я начал интересоваться Абаем уже тогда, когда учился в городе и на лето приезжал в аул. Стихотворения и произведения Абая мне были знакомы с 5–6 лет, потому что мой дед был другом Абая и нас, внуков, заставляли заучивать душевные излияния Татьяны и Онегина в переводе Абая, хотя мы в ту пору не имели ни малейшего представления, кто такая Татьяна и кто Онегин. Естественно, что я начал интересоваться Абаем рано, хотя, разумеется, и будучи учеником средней школы,

а позже студентом Ленинградского университета я еще не ставил перед собой никаких конкретных задач, а просто насыщался интересными сведениями. Уже после 1930 года, когда, к сожалению, из людей, лично знавших Абая, в живых оставались только одиночки, старухи и старики, я начал сознательно собирать материал, но оказалось, что я уже многое упустил, так как многое в памяти стариков уже стерлось. Все же я стал изучать жизнь Абая как биограф. Мои записи рассказов, услышанных непосредственно из уст, знавших Абая, мы начали печатать начиная с 1933 года.

Мою работу над романом можно сравнить с трудом запоздалого путника, который приходит к месту давно ушедшего каравана и находит последний тлеющий уголек угасшего костра и хочет своим дыханием оживить, раздуть этот уголек. Мне приходилось из потускневшей памяти стариков восстанавливать прошлое Абая, точно так же, как по лицу 60-летней Айгерим – восстанавливать ее пленительную юность, когда-то обворожившую поэта.

Иной раз подумаешь, что автору, пишущему об Александре Сергеевиче Пушкине, легче, чем мне, хотя дали, лежащие между его и моим героем, несоизмеримы. Однако жизненный путь Пушкина с множеством дневников и всяких иных документов и материалов может быть как бы воочию представлен писателю, а дальнейшее зависит уже от умения и разумения исторического романиста, которому дана возможность пользоваться обильным и достоверным историческим материалом, дающим пищу его воображению, а мне приходится в немалой мере зависеть от воображения моих рассказчиков, которые некоторые факты сообщают точно, а некоторые легендарно приукрашивают.

Исходя из этого, я и начал собирать материал не только от друзей, но и от недругов Абая, потому что в то время в казахском обществе было разделение на роды, и между родами была большая вражда. Эти записи помогали восстановить быт его среды. Приходилось сопоставлять факты и каждый раз исследовать их самому как исследователю и историку. Таковы общие условия, которые сопровождали мой труд тогда и сопровождают его сейчас.

В отношении достоверности сведений наиболее благополучно обстоит дело с последними годами жизни Абая. К 1896 году Абаю посоветовали собрать в один сборник все его стихи, а до этого бывало так, что вот напишет Абай стихи, кто-нибудь из близких друзей прочитает их, возьмет себе, запомнит или запишет, а там друг у друга перепишут их, и таким образом они переходили из рук в руки, из уст в уста или распространялись с помощью домбры, как народные песни.

Благодаря тому, что за восемь лет до своей смерти Абай разрешил своим друзьям собрать его стихотворения, начиная с 1885 года все его стихотворения датированы. В отношении дат, конечно, могут быть и отдельные неточности, но в основном они правильны, как записанные при жизни Абая, по свежей памяти его друзей, которым нетрудно было установить дату возникновения того или иного произведения. Начиная с 1885 года мне на помощь приходит сам Абай со своими стихотворениями, а они были очень тесно связаны с современностью, бичевали пороки его среды и его времени. Абай был очень современным поэтом. Всего две-три его поэмы посвящены прошлому, а все остальные произведения отражают нравы той среды, в которой он жил. Особенно сильны его сатирические стихотворения. Как сатирик, Абай напоминает Салтыкова-Щедрина. Абай создал обширную галерею отрицательных образов: волостного правителя, степного воротилы и т.п. Некоторые его современники узнавали себя в его образах, Абай поднимается до сатирического осуждения жизни и быта своей среды, осуждения позорных институтов прошлого, угнетенного положения женщины и, таким образом, в последней книге Абай сам приходит мне на помощь своими творениями.

Что в романе документально исторично, кроме самого Абая и его жизненного пути? Имена действующих лиц, за очень немногими исключениями, это личности, реально существовавшие. В большинстве своем они исторического значения не имели, но на 90% это люди, которые действительно были, так же, как были до Октябрьской революции их роды, колена, племена. Географические адреса, пейзаж, который описывается в романе, все это

воспроизводит реальную картину жизни Абая. Названия урочищ в романе — те же самые, которые существовали в действительности. Здесь вымышленного мало, но те отрывочные данные, которые мне удалось собрать об отдельных событиях, столкновениях, распрях, примирениях в каждом отдельном случае, приходилось дорабатывать, восстанавливать возможные, допустимые для той эпохи и среды ситуации.

Словарно мой роман воспроизводит языковые особенности исторического прошлого времени Абая. Кроме того, я часто оперирую речевыми особенностями произведений самого Абая.

В переводе на русский язык эти языковые особенности романа в известной степени сглажены, и русский текст далеко не полно воспроизводит эпоху XIX века. В подлиннике мои персонажи говорят своеобразным казахским языком того времени, тогда как в русском переводе они говорят современным нам русским языком. Я, например, старался в речи Кунанбая изобразить его типическим представителем той феодальной степи, где он жил. Абай в отношении своего языкового мышления переживает очень интересную эволюцию, которая соответствует его творческой эволюции.

Вначале Абай, получивший образование в мусульманском медресе, был романтичен, в ту пору он многие вещи воспринимает, как ученик медресе, как шакирд, а позже он уже мыслит трезво, как передовой казах своего времени, отличающийся большим вниманием к творческой стороне жизни и критическим подходом к ней. В романе он переживает эволюцию от 13-летнего подростка, которым он вошел в роман, до передового деятеля своего народа, и его языковое мышление соответственно меняется и, наконец, в последней книге он мыслит уже не совсем по-казахски, временами книжно, в его языке чувствуется влияние синтаксиса русских литературных произведений. Его чувства становятся сложнее, усложняется и его речь. Таким образом, языковая эволюция Абая должна быть отражена с присущими ему особенностями.

О детстве Абая сохранились весьма отрывочные сведения. Он помнит себя с ранних лет, когда он воспитывался между двумя матерями, т.е. между бабушкой и матерью.

Кунанбай имел четырех жен и рожденных от них детей передавал в другие семьи, чтобы между женами-соперницами не было вражды. Абай же со своим младшим братом, который на 6–7 лет моложе его, рос в своей родной семье между двумя матерями. О бабушке Зере я слышал сохранившиеся воспоминания самого Абая, который говорил, что она была очень спокойным мягкосердечным человеком. В ее понятии не существовало представления, что она принадлежит к феодальной аристократии, потому что она сама была одной из пяти жен и испытывала на себе гнет несправедливого отношения мужа. Она жила совершенно иными мыслями и чувствами, чем ее знатный муж и хозяин, и была ближе к интересам простых людей, которые страдают от правящего класса. Слезы и горести батраков, пастухов многочисленных стад богатого животноводческого хозяйства были ей гораздо понятнее и ближе. Ее мысли и чувства носили в себе элементы народного гуманизма, которые она воспринимала и передавала своим любимым внукам.

Кроме того, Абай в течение 3–4 лет учился в медресе, много читал, как-никак, а понятия о добре и зле до него доходили. Произведения, которые он читал на персидском языке, уже проникали в его сознание.

Я начинаю повествование об Абае с 13-летнего возраста, когда он возвращается в родную степь из города потому, что для изображения становления личности Абая и пути дальнейшего его развития, с моей точки зрения, этот период его жизни является переломным, итогом пройденного и зарядкой на будущее. Такие переломные моменты наступают в отрочестве у людей большой души.

Абай возвращается в аул, где не был три года, подростком, уже впитавшим своеобразное понятие о добре, возвращается на родину, которую романтично представлял себе в мечтах. И ветры, и ковыль, и запахи трав — все это обаяние охватывает его душу, он любит всю степь, не подозревая в этой степи никакого зла. И вот эту открытую душу ребенка опалает жарким истребительным огнем несправедливая кровавая казнь, совершенная его же отцом. Происходит острое столкновение душевных переживаний: с одной стороны, светлая юношеская любовь к степи, а

с другой стороны, эта степь являет перед ним картину ужаса казни Кодара, невольным свидетелем которой он стал. Этот момент его настолько потряс, что запечатлелся на всю жизнь, это словно кровоточащая сердечная рана, которая не заживает до конца жизни. Я представляю себе, как Абай, мальчик с чистой душой, приехавший в родную степь, видит жуткое, коварное злодейство своего отца и ему кажется, что пальцы отца обгарены невинной кровью. И вот он узнает, что это убийство – всего только ход хитроумной политики Кунанбая, желавшего овладеть землей казненного Кодара.

Когда я начал собирать материал, мне говорили, что Кунанбай велел убить Кодара за действительную вину, и только совершенно случайно я узнал истину. Проезжая зимой в Чингисских горах, я попал в аул потомков Кунанбая. В этом ауле жил старик, который многое помнил и охотно рассказывал о прошлом Абая. До этого своего приезда я неоднократно расспрашивал старика о смерти Кодара, и вдруг он мне говорит: – А ты знаешь, где был казнен Кодар? – и показывает утес, с которого сбросили Кодара. И вот тогда-то для меня стала раскрываться истина. На этом месте находится большой аул внука Кунанбая от старшей жены его Кунке. Раньше эти земли принадлежали Кодару и его родственникам и здесь же его казнили. А так как считалось, что племя Кодара опозорило весь род, то, по обычаю, эти земли имел право отобрать и отобрал старейшина оскорбленного рода, Кунанбай. Оказывается, об этом в свое время рассказывали представители сорока племен, которые были соучастниками казни Кодара.

Кунанбай был хитроумный степной воротила: он пустил слух, что шарият повелевает казнить преступника через повешение, а для того, чтобы снять с себя ответственность, привел на место казни старейшин сорока племен и заставил каждого из них бросить камень в труп Кодара. Тем самым они, согласно обычаю, приняли на себя ответственность за убийство, и после этого ни один человек из всех сорока племен не мог поднять голоса и обличить Кунанбая, так как в то время за убийство мужчины или женщины платили пени, а вина ложилась на всех и каждого из этих племен. В результате в роду Кунанбаевых усиленно распространяли

слух, что Кодар был виновен в страшном преступлении и убит по закону.

Поэтому, выясняя, когда переселился Кунанбай на урочище Кодара, пришлось пользоваться легендой, одни жизненные факты отражены в романе в их девственном виде, другие — в измененном домысле.

По поводу исторических произведений, основанных на жизненных фактах, естественно возникает вопрос о прототипах и типах, о том, как действительность жизненная переходит в действительность искусства.

Трудно было установить истину в отношении Кунанбая — крупного степного феодала, который стремился увековечить себя в памяти потомства отдельными “благодеяниями”. В свете иных его поступков трудно было установить его настоящий облик. Я слышал о Кунанбае как о благочестивом старце, который за 16 лет до своей смерти ездил на поклонение праху Магомета и в эти 10 лет будто бы ушел от всех сует мира и вел жизнь святого подвижника. А в ранние годы его деятельности, когда его старейшины соперничали с ханскими потомками, Кунанбай сделался султаном и начал распространять ислам, заботиться об обучении мусульман грамоте.

Перед поездкой в Мекку он построил странноприимный дом. Все это делалось за счет народных средств, однако в условиях степной темноты, когда общественное мнение во многом зависело от фанатиков ислама, ишанов, мулл — все эти “добродетели” играли колоссальную роль и заслоняли в представлении невежественных людей все то зло, которое творил Кунанбай, а творил он огромные бесчинства и насилия. Взяв власть в свои руки, он встал во главе огромного приказа над населением целого уезда. Внутри своего приказа он творил произвол: отнимал земли у целых родов, что раньше происходило только в результате набегов или волею всемогущего хана. Кунанбай собственноручно избил своего противника Божея; он посадил 30—40 всадников на коней, чтобы избивать иргизбаев, пороть всех людей этого племени подряд. Власть его была неограниченна.

Правда, в редких аулах, но я начал находить данные о том, что Кунанбай брал взятки. Это даже было запечатлено

в фольклоре, в остроумных стихотворных характеристиках, в народных эпиграммах. С одной стороны, о нем говорили, что он святой человек, построил мечеть и тому подобное, а с другой — он стал раскрываться, как взяточник. А уж став взяточником, человек может оказаться каким угодно злодеем. Рассказывают в народе такой случай: два человека поспорили насчет земельного наследства. Кунанбай приказал своему человеку поехать и определить, кому какая земля принадлежит. Посланец, который поехал распределять землю, оказался на стороне бедного.

Тогда Кунанбай говорит:

— Ты, пегий! Куда направляешь коня?

А тот отвечает:

— Я направляю коня не по пути, протоптанному овцами, а по пути, проложенному богом.

Оказывается, Кунанбай получал взятки овцами, а тот человек делил землю по правде.

Я узнал, что Абай с раннего детства вступал в противоречия с отцом на почве многих разногласий, одной из причин разногласия был такой факт: Кунанбай в целях получения первенства в своем роду отдает свою дочку — родную сестру Абая — враждебному племени. Это было сделано в силу дикого обычая: в знак замирения родов, прекращения кровопролитной войны между родами устраивать сватовство между вожаками враждующих племен. Таким образом, они как бы становились родственниками и вражда должна была быть прекращена. Так и в данном случае для того, чтобы прекратить вражду с враждебным Кунанбаю племенем иргизбаев, он приказал отдать свою маленькую дочку в дом своего врага. И эта девочка там погибла. Мне сообщили, что дочка Кунанбая от его жены Айгыз погибла во враждебном ауле.

Из воспоминаний нескольких бедняков я узнал, как Кунанбай напал на аул, в котором люди находились в трауре, и как он был беспощаден в битве с враждебными племенами.

Таким образом, постепенно жизненный прототип Кунанбая вырастал передо мной в лютого бая — феодала, носителя исторических противоречий, который стоял на пути всего передового, что зарождалось в степи. Будучи

религиозным человеком, “правоверным” мусульманином, он не мог воспринимать всего того, что шло из России; только для своей карьеры он принимал чуждые ему русские законы, только внешне, а внутренне он всегда был ярким противником России.

Абай, видящий и деяния отца и остро чувствующий его неправоту, долгое время остается пассивным свидетелем, но вступает в борьбу против отца. Понятно, что в тех условиях, в которых жил Абай, развитие его самосознания было замедленным. Поэтому на протяжении всей первой книги происходит формирование личности Абая. И лишь в самом конце первой книги происходит решающий разговор Абая с отцом, когда они открыто расходятся в своих основных взглядах и задачах.

В первое время Абай выражает свои переживания в слезах, скорби, рыданиях, с болью оплакивая деяния, совершаемые его отцом. Находясь в окружении своего отца и его современников – феодалов, Абай все более твердо убеждается в справедливости жалоб, которые исходят от противников отца. Он убеждается и в том, что в широких казахских степях знают истинную цену Кунанбая. Старший народный певец слагает песни об его отце как о жадном вороне. Говорят, что даже мечеть воздвигнута Кунанбаем не за счет тех бесчисленных табунов, которыми он владел, а на взятки, благодаря которым он накопил свое огромное богатство.

Таким образом, постепенно чувства любви и преданности сына к отцу рушатся. Сначала Абай просто плачет, потом начинает размышлять, прозревает, прислушивается к словам матери и к тому, что говорит беднота. Для будущего поэта важно накопить как можно больше жизненных впечатлений в отроческие и юношеские годы. Все, кто читал произведения Абая, знают, что он в своих стихотворениях пишет о женской доле, о насилиях богатых над бедняками, о коварстве степных воротил, осуждает все виды институтов прошлого – все это Абай в жизни прочувствовал, продумал, пережил.

Большое значение для романа имеет образ русского друга Абая, Михайлова, занимающий не так много места, но идейно противостоящий Кунанбаю. Образ Михайлова

также исходит от реально существовавшей личности. Правда, этот образ в дальнейшем становится собирательным, но основные жизненные факты даны в свете исторической действительности. Образ Михайлова включает в себя жизненный путь Михаэлиса. Тот факт, что его сестра бросила букет цветов Чернышевскому, когда его увозили в ссылку, общеизвестен. Его старшая сестра Лидия была женой известного революционера Шелгунова. Михаэлис был одним из самых инициативных студентов-народников. В нем видели очень талантливого человека. И если бы не те условия жизни, в которых он оказался, из Михаэлиса вышел бы большой человек. Михаэлис попал в Семипалатинск в ссылку, правда, он потом уехал в Усть-Каменогорск. Я изменил его фамилию на Михайлова, причем, меняя фамилию, я упустил другой факт, что был в то время поэт Михайлов. Ко мне поступает много писем, в которых читатели пишут, что Михайлов не был в Семипалатинске, но я-то имел в виду Михаэлиса. Михаэлис тот самый человек, про которого Абай написал, что он раскрыл ему русскую культуру. Абай неоднократно встречался с Михаэлисом, и он всю жизнь руководил его самообразованием.

По переводам Абая произведений Лермонтова и Пушкина, по его лирическим высокохудожественным произведениям мы узнаем, насколько хорошо он знал русский язык. Путем самообразования он достиг всего. Он проштудировал всю русскую литературу, эстетические взгляды Добролюбова, Чернышевского, Белинского. Он глубоко осознал, что искусство не только отражает действительность, но и выносит приговор ее явлениям.

Абай штудировал Белинского, знает произведения Герцена, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, он знал древнегреческую философию, о рассуждениях Сократа он написал в своих карасоз, морально-этических наставлениях, он изучал труды Спинозы и Дарвина. Своим образованием он обязан Михаэлису. Правда, признания большого человека надо оценивать не в буквальном смысле. Так, например, Алексей Максимович Горький, встретившись со своим учителем Калюжным, говорит, что прошло 30 лет, как мы расстались, но вы передо мною стоите во всем своем величии; много интересных встреч у меня было, но никто не затмил вашего образа.

Но следует ли из этого, что А.М. Горький по истечении этих тридцати лет остался на уровне ученика Калюжного?

Конечно, нет. Михаэлис сделал первый толчок, давший направление интересам Абая, но вместе с тем все, что следовало получить Абаю в процессе роста его культуры, он получил, непосредственно читая русскую классику и революционных демократов: Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Стоящий в центре третьей книги Абдрахман — лицо реально-историческое. Это сын Абая, умерший в 1895 году. Он учился в Семипалатинске, потом его — по совету Михаэлиса — послали в Тюмень, после этого он уезжает в Петербург и там поступает в Михайловское артиллерийское училище. Затем он едет в г. Алма-Ату и там заболевает костоедом — костным туберкулезом — и умирает в 1895 году. Много стихотворений Абая посвящено Абдрахману, так как в нем поэт видел человека будущего, носителя и поборника всего передового.

Конечно, в образе Абдрахмана присутствует домысел, исходящий из исторических возможностей, я пишу в романе о том, что Абиш участвовал в Морозовской стачке, участвовал в крестьянском движении. До нас не дошло никаких сведений о подобных беседах между Абаем и его сыном, но тут я дополняю своим воображением: приехавший из Петербурга образованный и передовой молодой человек, конечно, не мог не знать о том, что в России происходили такие важные события, как крестьянские волнения или Морозовская стачка.

Любимая юного Абая Тогжан была в действительности, я ее в старости видел. От одного из ранних стихотворений Абая осталось две строчки, где он говорит, что лицо Тогжан предстало перед ним, как заря жизни. Тогжан была его первой любовью.

Даже второстепенные герои романа редко бывают у меня целиком вымышленными. Такова, например, Салтанат. Не с этим именем, но похожая по характеру и положению женщина тоже была в действительности.

А вот молодой поэт Дармен — это вымышленный образ. В романе говорится о том, что когда старик Кодар был повешен, у него остался внучатый племянник, которого

потом приводят к Абаю с просьбой о помощи. Этот сын казахского народа, потомок Кодара, доживает в моих романах до революции. Но в его судьбе отражены судьбы казахских “разночинцев”, таких, как, например, ныне здравствующий поэт и педагог Испандиар Кубеев.

Если первая книга моего романа посвящена формированию личности, то вторая книга посвящена становлению Абая-поэта. На основе своих переживаний, чувствований и наблюдений Абай создает произведения, которые являются детищами его правдивого ума и большой души. Третья книга романа названа “Путь Абая”. Почему же “Путь Абая”? Ведь если говорить о его жизненном пути, то, казалось бы, следовало все книги вместе взятые назвать “Путем Абая”. А потому, что от пути формирования личности поэта я отличаю другой путь – путь своего класса – крестьянства Казахстана, путь развития всего передового, роста культуры, творческий путь поэта, мыслителя, передового деятеля своего народа. Абай – это личность, которая как в фокусе собрала в себе все лучшее, свойственное его времени, то, что оставила нам в наследство его эпоха от исторического прошлого. Абай для меня в этом-то плане и интересен. Поэтому в моем романе масса добытых мною фактов жизненной биографии Абая остается в стороне. Некоторые факты я развернул, а некоторые факты вовсе опустил, потому что они не имеют существенного значения в том историческом здании, которое я поставил себе задачей возвести в своих книгах.

В романе, например, подробно показана первая встреча Абая с его невестой Дильдой. До ее приезда она была чужда ему, в его представлении калым за нее платили тоже из взяток. Кроме того, он любил другую девушку – это была чистая возвышенная любовь, свои чувства к ней он представлял себе даже несколько преувеличенно, исходя из того, что вычитал в свое время из книг восточных поэтов. Когда Дильда приезжает в аул жениха, то внешне все обставлено богато, пышно, как будто бы происходит радостное событие, родители оказывают сыну большое внимание. Появление Дильды в ночной юрте настолько переворачивает в нем все его представления о любви, что у него рождается протест против этого брака в момент первой

же встречи со своей невестой. Эта свадьба воспринимается Абаем как насилие, мысль, которую Абай всю жизнь хранил в своих сокровенных переживаниях.

Таким образом, оказывается злом то, что исходит от отца, — обездоленная мать, погибшая сестра, загубленная любовь — весь этот круг страданий расширяется. Абай постепенно узнает, что везде, где распространяется власть Кунанбая — льются слезы, усугубляются страдания людей и даже целых родов. Так образ Абая складывается как противостоящий образу степного феодала, его отца. У Абая зарождается серьезный протест против отца. К личным горестям и обидам присоединяются народные страдания.

Но в первой книге борьба классов еще не раскрыта до конца, здесь больше показана борьба родовых верхушек. Во второй книге классовая борьба усиливается. В третьей книге она уже на первом плане.

Все это сделано в соответствии с замыслом романа.

Я задался целью на протяжении всего романа изображать жизнь казахской степи глазами самого Абая, раскрыть ее через его чувства и переживания. Таким образом, вначале не все исторические явления жизни казахского народа ясны Абаю. В пору своего юношества он не видит социальных противоречий своего времени, а чувствует лишь непосредственное проявление одной злой воли, воли своего отца, не будучи еще способным обобщить факты действительности в широком плане. И я иду в ногу с чувствами и размышлениями своего героя.

Во второй книге, когда Абай становится поэтом, борцом, его исторический горизонт расширяется. В первой книге Абай романтичен, т.е. романтизировано воспринимает все явления жизни степи: кочевой быт со всеми его юртами или полуюртами, вечерний аул многокрасочный, многоголосый, ночные качели и т.д. В первой книге быт описан более красочно, широко, а во второй и третьей книгах романтика степного быта совершенно снимается; вместо летней идиллии степных ночей приходит снежный ночной буран, когда люди чувствуют себя соломинками в степи. Когда зимой Абай видит степь в мираже, этот мираж поднимает в его воображении неведомые города, и он понимает, что его степь безлюдна, что к ней не прикоснулось влияние

культуры. Вот это прозрение Абая и является наиболее существенным и жизненно правдивым. Поэтому все то, что в первой книге рисовалось так красочно, раскрыто на уровне развития Абая того времени. Он не мог еще в ту пору критически воспринимать все окружающее, оно представлялось ему более или менее нормальным; но постепенно в нем зарождается сначала стихийный протест, а затем и сознательный критический взгляд на окружающую жизнь. Этот период развития личности Абая и завершается в первой книге его спором со своим отцом, когда он обвиняет Кунанбая в том, что он недоступен народу, а Кунанбай обвиняет сына за то, что он выбирает друзей не из тех людей, каких нужно, и за то, что он тяготеет к русскому народу.

Кунанбай хотел видеть Абая продолжателем своих дел, а он восстает против отца — это конец формирования личности Абая, а дальше уже начинается процесс становления поэта.

Первая книга начинается трагическим конфликтом, когда казнь Кодара рождает у Абая стихийный протест против деяний отца; кончается книга тем, что Абай уже сознательно формирует свой протест как принципиальный. Поэтому в первой книге линии Кунанбая и Абая идут как бы параллельными стержнями романа, в целом же они составляют единство противоречий, и это противопоставление носит характер не случайный, а составляет композиционно цельный и в художественном плане единый замысел.

Вторая книга “Абая” делится на несколько глав. Их названия в известной мере обозначают движение образа Абая: “Перед бродом”, “На жайляу”, “Взгорьями”, “По рытвинам”, “На перевале”, “На распутье”, “На вершине”, речь здесь идет о становлении Абая как поэта. Цель романа — показ этого длительного процесса, выраженного в движении жизни и образа героя. Положительный герой в романе меняется, растет. Происходит двухсторонний процесс: он меняется, растет как личность, меняется и растет как поэт. Те названия глав, которые я привел, образно воспроизводят этот процесс — процесс движения через географические аналогии: “Перед бродом” (раздумье),

“Взгорьями” (нравственный подъем, надежды), “На жайляу” (моменты отдыха, спокойствия, ясности), “По рытинам” (сомнения, жизненные невзгоды) и т.д.

Это условно взятая образная параллель пути медленного становления Абая как поэта.

Как во всей книге, так и в каждой главе движению образа дается жизненная реалистическая основа. Как в первой книге, так и во второй, кроме биографических точных данных, здесь присутствуют безусловно, как и у всякого исторического романиста, данные, дополненные из воображения, не только то, что было, а то, что могло быть в жизни Абая. Вот что должно быть воспроизведено в этом романе: путь Абая через его жизненные обстоятельства и через его творческие поиски к нахождению себя в творческом проявлении.

В ходе романа отражена его судьба: борьба, дерзания, ошибки, достижения, поражения и победы. Это соответствует правде жизни Абая и его творческих поисков.

Жизненные предпосылки развития характера героя, состоящие из столкновений, драматических ситуаций, чувствований, мыслей Абая, распадаются на ряд различных по своему значению фактов: личных, интимных, фактов семейного порядка и общественных, народно-исторического значения фактов.

В романе они даются не в разрозненном плане, а в естественном жизненном переплетении, как это и должно быть в любом реалистическом произведении.

Так события первой главы романа переносят нас в город Семипалатинск, где Абай ночи напролет читает произведения доступных ему тогда авторов на разных языках. Далее возникает конфликт между отъезжающим на богомолье в Мекку Кунанбаем и Даркембаем. Даркембай привел к Кунанбаю внука давно казненного Кунанбаем Кодара и от имени его предьявляет иск за убийство. Свой иск Даркембай мотивирует тем, что Кунанбай уходит в святые места, чтобы просить о прощении своих грехов, и он должен для очищения души ответить перед обездоленным им мальчиком своим имуществом и тем урочищем Кодара, на котором теперь расположен главный большой аул Кунанбая.

Постепенно это столкновение из частного спора между Кунанбаем и Даркембаем приобретает в сознании Абая общее значение, Абай внутренне осуждает своего отца Кунанбая и, обращаясь к мальчику, берет на себя отцовский долг перед ним.

Этот эпизод принадлежит к тем мотивам романа, которые в идейно-сюжетном отношении как бы выделяют вершины событий и перекликаются из книги в книгу.

По отношению к казни Кодара Абай считал Кунанбая преступником, а себя ответственным за преступление отца, но в пору отрочества он еще не смог сформулировать это для себя. Теперь же при новой встрече с лицами, причастными к драме, при предъявлении Даркембаем законного иска от имени внука Кодара, Абай точно осмысливает для себя долг перед мальчиком за обиду, нанесенную слабому племени.

Эта идея проходит через всю книгу и через многие произведения Абая. Абай признает себя должником угнетенных Кунанбаем семей и племен. Это понятие постепенно расширяется: он посвящает свое поэтическое творчество и свою общественную деятельность народу, обиженному Кунанбаем, так как чувствует себя должником за преступления отцов — за преступления власть имущих, угнетателей народа.

Так личное переходит в общественное. Каждый факт личного столкновения отдельных людей становится предпосылкой к раздумьям и обобщениям, зерном будущих произведений Абая. В первой главе, называющейся “Перед бродом”, Абай изображается как бы нащупывающим свой особый путь в жизни и в поэзии. Когда Абай едет вместе со своей сестрой в коляске, он как будто бы всецело уходит в личное, интимное: он вспоминает о своей семейной жизни, о том, как она неудачно сложилась у него с нелюбимой Дильдой. Вспоминает Тогжан, разлученную с ним навек, и в нем, в его творческой психологии это личное начинает превращаться в песню. Тут и рождается то стихотворение Абая, которому, с моей точки зрения, не может быть другого объяснения, чем то, которое представляется мне единственно верным и которое я стремился раскрыть в образах романа. У Абая есть такое стихотворение:

Сияют в небе звезды и луна,
Моя душа печальна и темна,
Мне в жизни не найти другой любимой,
Хоть лучшего, чем я, себе найдет она.

Этот мотив жертвенной любви, красивой, чистой — и мне представляется, что он впервые, в порядке импровизации, сложен Абаем в пути. И то тайное, интимное, что стало основой его вдохновения, он постепенно и скупко приоткрывает перед сестрой, признаваясь ей в том, что его жизнь разбита. Его уделом остается влачить бремя семейной жизни, навязанной ему чужой волей, в то время как он пронесит через всю свою жизнь чистую искреннюю любовь, которая в этой его песне становится жертвенной. Это стихотворение короткое, выразительное, положено на музыку, также созданную Абаем, который был и поэтом и композитором. В этой песне не сказано, кому конкретно она посвящена, но, зная отношение Абая к Тогжан, сквозь всю жизнь пронесенную чистую любовь к ней, я считаю, что это стихотворение должно быть посвящено ей. И в романе и в жизни Абай неоднократно к нему возвращается. У Абая много любовных песен, но эта — конкретна, интимна, она имеет свой постоянный адресат и, зародившаяся в его душе, вызывает в нем протест против всего того, что произошло с ним благодаря той несчастливой жизни, которую он ведет с Дильдой.

В этой же главе происходит странная встреча Абая с Айгерим. Я старался передать особую, индивидуальную психологическую обстановку, в которую после тягостных переживаний, после размышлений вслух перед сестрой, после разочарования и тоски Абай неожиданно попадает в ауле, где впервые встречает Айгерим. Он проделал 130 верст на коне, и вот, усталый, заснул в юрте у костра и во сне ему приснилась Тогжан, которая поет чудесную песню любви, ту, что пела она в первой книге на качелях, когда в песне перед народом раскрывались их души гораздо красноречивее, чем в словесных объяснениях наедине. Абай просыпается и наяву также слышит эту песню — оказывается, ее поет девушка в соседней юрте. В нем происходит смятение, он посылает своего друга Ербола в соседнюю юрту, и тот, возвращаясь,

говорит, что там сидит девушка, как две капли воды схожая с Тогжан. Здесь нет мистики, такой случай психологически возможен. Душевная встревоженность Абая, физическая усталость и сон, в который вплетается явь, обостряют сходство идеального образа Тогжан с живой девушкой Айгерим (настоящее ее имя Шукиман) – все это приводит к тому, что Абай, всей своей смятенной душой протестующий против того, что случилось в его личной судьбе, решает жениться на Айгерим.

В этом смятенном состоянии поэт продолжает творить вдохновенные любовные произведения, посвященные Айгерим.

“Ты зрачок очей моих...”

Он наполовину импровизирует, созерцая красоту Айгерим, причем и душевно она ему представляется такой же, как Тогжан. Тут соединяются личное, семейное, общественное и, наконец, историческое. Личные глубокие переживания, с одной стороны, определяют судьбу поэта, а с другой, определяют его творческие особенности, переходящие в дальнейшем в историческое наследие Абая.

Вторая глава романа посвящена новой специфической теме. До сих пор в романе степная молодежь не была представлена творческой: поющей, слагающей стихи. Здесь поводом сбора молодежи на несколько дней является приезд певца Биржан-сала. Молодежь, собравшаяся в ауле Абая, любит музыку, песни своего народа. Она талантлива и может не только воспринимать поэзию, но и ее создавать. Здесь же воспевается друг жизни Абая – Айгерим. Мотивам светлого отдыха, ясности чувства, душевной радости посвящена эта глава, названная “На жайляу”. Этот поэтический праздник молодости представляется мне неким островком мнимой свободы, мнимо свободного раскрытия душ. Юные друзья Абая талантливы, они несут в себе еще не проявленные возможности, и они раскрыли свои души для восприятия всего лучшего, для того, чтобы услышать такого замечательного поэта и человека как Биржан. Здесь Абай и Биржан одинаково влияют на эту молодежь, здесь возникает истинная любовь между Абаем и Айгерим.

Но здесь же раскрывается и суровая реальность: закабаление женщины и другие общественные тяготы того

времени. Происходит вражда между родами, огромные столкновения, доходящие до боев, и решение событий переходит в руки степных воротил, которые каждое такое столкновение в семье или между отдельными аулами и родами готовы использовать в своих интересах, проявляя свою злую волю угнетателей.

Таким образом, глава, начавшаяся с увеселений и песен, заканчивается трагедией. Так несправедливо и жестоко складываются судьбы людей.

Мы видим, как творческие возможности молодежи, не получившие благоприятных условий для своего развития, приводят талантливых молодых людей к гибели: “так вянет юный цветок под холодным дуновением смерти”.

Это тоже становится конкретным жизненным обстоятельством, опалившим жизнь Абая, и Абай не может не откликнуться на это как поэт. Он создает стихотворения, сурово обличающие дикие степные обычаи.

Следующая глава “Взгорьями”, где тема личная переходит в народную, здесь главное — показ жизни и борьбы беднейшей части казахского населения, жатаков, которых объединяла общая зависимость от феодалов, та социальная неправда, какую им приходилось терпеть. Здесь объединение происходит не по родовым признакам, а по признакам социальным, происходит перегруппировка общественных сил в степи: с одной стороны, рабы эксплуататоров, а с другой стороны, сплочение народных демократических сил в степи. Жатаки привлекают внимание Абая, но они не нашли еще своего пути борьбы с угнетателями, хотя Абай и влияет на них. Они терпят огромные, невыносимые обиды со стороны степных воротил, биев и баев и одновременно — от царских чиновников.

В этой главе дана психологическая подготовка Абая к социально-политической борьбе, в то время как в предыдущих главах его переживания идут по линии личной, частной. Абай уже более ясно видит свой путь борьбы. Поэтому, когда он видит нищий аул жатаков, он понимает, какая буря пронеслась по степи, какое зло было сделано степными воротилами. Он уже открыто идет на осуждение хозяев жизни — баев, идет и на открытое столкновение

с царскими чиновниками, впервые возглавляя протест населения – протест жатаков.

Столкновения эти рождают в Абае новый круг мыслей и чувств, иной характер его произведений. Все эти столкновения, которые происходят перед глазами Абая и в которых он обдуманно и сознательно принимает участие, формируют новые общественные требования Абая, его отношение к существующему строю, его отношение к казахской бедноте, которой принадлежит историческое будущее.

Следующая глава названа “По рытвинам”. В этой главе мы видим события, в известной мере возвращающие нас к теме, затронутой еще в первой книге романа. В первой книге прямых столкновений Абая с его отцом Кунанбаем не было. Теперь, после трехлетнего путешествия в Мекку, Кунанбай вернулся и заявил, что он отрекся от всех мирских дел. Однако в романе раскрывается ложь этого отречения, ибо бай, вопреки своим благочестивым заверениям, как паук, распускает тенета и следит за всем, что происходит в степи, и, когда ему это выгодно, проявляет злую волю степного воротилы. Он выступает как блюститель морали, за охрану семейной чести, решительно осуждая молодого джигита, своего внука Амира, который полюбил просватанную за другого девушку. Этот джигит принадлежит к той талантливой молодежи, которую в свое время Абай и Биржан-сал вовлекли в свою среду. Стремясь оградить родовые претензии близких ему феодалов, Кунанбай собственноручно расправляется с внуком, пытается его умертвить. И тут происходит трагическое столкновение между Абаем и отцом, которое доходит до физического столкновения, так как Абай силой вырывает Амира из рук разъяренного деда. Кунанбай проклинает Абая, причем это проклятие Абай принимает совершенно равнодушно. Обличая отца, он говорит, что теперь наступило другое, новое время, а время неограниченной власти Кунанбая прошло. В этом эпизоде происходит многообразный конфликт, столкновение интересов: личных, семейных, общественных. Противоречия личные и общественные приводят к семейному столкновению между отцом и

сыном, которое перерастает в социально-историческое столкновение. Эти противоречия постепенно приводят к тому, что Абай отходит от своего класса, от своего отца. Пренебрежение проклятием отца, борьба против его злой воли делают Абая общественным борцом. Отсюда из любовной, личной истории постепенно возникает исторически значительное содержание творчества поэта.

В этот период рождаются лучшие произведения Абая о шариае, о муллах, об угнетении казахской женщины.

В конце главы происходит отъезд Абая на зимнюю орлиную охоту. У Абая много лирических описаний природы. Одно из его высокохудожественных стихотворений целиком посвящено орлиной охоте, в нем реалистически ярко воспроизводится природа. Тут сказывается благотворное влияние традиций русской классической литературы, традиций Пушкина, чувствуется пушкинский реалистический пейзаж!

Я изображаю Абая на охоте с орлом для того, чтобы мотивировать жизненные предпосылки этого замечательного стихотворения, которое так любят казахские читатели. На охоте в то время, когда спущенный орел на лету падает на лисицу, Абай скользит с горы, готовый перевалиться через голову коня, и вдруг видит перед глазами пушистый снег и на нем красную лисицу с темным орлом, между которыми идет ожесточенная борьба. На минуту ему представляется та образная параллель, которую он потом переносит в стихотворение. Я даю здесь одну строчку его знаменитого стихотворения: “с купанием красавицы схож этот миг...”, внезапно возникающую в творческом воображении поэта.

Первое зерно вдохновения, зародившееся в душе поэта, — это образная параллель лисицы и купающейся девушки. В дальнейшем из него развивается замечательное лирическое описание орлиной охоты.

После охоты, как известно моим читателям, Абай попадает в аул, где теперь живет первая любовь поэта — Тогжан. К своей любимой он попадает совершенно неожиданно. Я стремился психологически воспроизвести эту встречу. К этой встрече Абай приходит не только внутренне не подготовленным, а, наоборот, с ослабленной волей. Он попадает в аул Тогжан

после изнурительных блужданий в степи. Налетает буря, который дан в несколько сгущенных красках. Родные места теперь не узнать. Охотники в течение нескольких дней и ночей блуждают по степи, которая грозит им гибелью. Наконец Абай и его охотники, измученные, попадают в какой-то неизвестный аул. Его огни и собачий лай манили Абая сквозь бушующую степную стихию, и вдруг, войдя в юрту, он находит свою давно потерянную возлюбленную, Тогжан. Но Абай предстает перед ней, простуженный, в жару, у него начинается горячка; он то видит Тогжан, то теряет, лишаясь сознания, она сидит рядом с его постелью и льет слезы скорби о том, что долгожданная встреча стала для нее расставанием, и Абай плачет вместе с ней, как возлюбленный и как поэт, тонко ощущающий трагизм этой встречи с безвозвратно ушедшей юностью.

В жару, едва различающий явь от бредового видения, Абай плачет по Тогжан. Ему мерещится, будто бы все окружающее уносит его к гибели и, только держась за руку Тогжан, он может спастись, Тогжан просит его спеть, он хочет вспомнить песню своей любви и не может.

Эта встреча с Тогжан раскрывает для Абая всю силу его чувства к Тогжан, и эта вновь обретенная любовь становится для него неиссякаемым источником песен, самых интимных и самых волнующих.

В творческом наследии Абая мы находим только 2–3 поэмы, и в основном они состоят из мелких лирических стихотворений. Так как в его произведениях много любовной лирики, необходимо было раскрыть в романе ее жизненные истоки. Таким образом, в этой главе дается становление Абая-лирика. Далее следует глава “На перевале”. В этой главе я подхожу к центральной теме романа, на которую нацелено все произведение — Абай намечает правильный путь в историческом развитии своего народа: он ведет караван своего народа из степи ко всему великому в истории, к культуре русского народа. Абай встречается с Михайловым. Эта дружба начата еще раньше, в той главе, где описано заключение Абая после стихийного бунта жатаков, здесь между Михайловым и Абаем происходят самые сокровенные беседы, в которых Абай многому учится у Михайлова, и через эти беседы он,

вооруженный и окрыленный новыми мыслями, возвращается к новой борьбе.

Теперь социально-историческая тема уже становится преобладающей и четко проводится линия исторической роли Абая-просветителя. Беседы с Михайловым ведутся о Чернышевском, об угнетении крестьянства в России, о силах борьбы и протеста, о том стихийном движении, которое объединяет аульную бедноту, переходящую к земледелию и оседлости.

Абай отдаёт своих детей на обучение в русскую школу. Беседы с Михайловым определяют их путь на всю жизнь. С другой стороны, он от Михайлова приобретает большую жизненную зарядку. В результате большого разговора с Михайловым Абай едет бороться за жатаков на родовом съезде.

Дело в том, что царские канцелярии, областные правления губернатора, окружные или уездные судьи не в состоянии были справиться с теми раздорами, которые постоянно велись в степи между отдельными волостями, родами, племенами. Поэтому время от времени устраивались чрезвычайные съезды, куда съезжались уездные начальники, волостные правители, степные воротилы, и тут по многим тяжбам выносились решения организацией наподобие третейского суда. На время царские правители передоверяли разбирательство споров самим казахам и на основе обычного права происходила расправа баев-феодалов друг над другом, а главное, над людьми из народа.

Абай едет на такой съезд, который происходит в урочище Балкыбек. Тут Абай борется за оседлых жатаков-земледельцев, которым принадлежит будущее, за их способ хозяйствования, к которому должно придти через некоторое время все казахское население. Разумеется, объединение жатаков вызывает злобу степных богатеев, и они травят их посевы, крадут их стада, разоряют бедняцкие аулы.

Абай видит, что все нити борьбы сходятся там же, откуда исходили и другие проявления зла, исходило все то, с чем Абай до сих пор боролся. Они сходятся около Кунанбая — его племянников и внуков. Теперь вместо одного Кунанбая мы уже видим множество маленьких

кунанбайчиков, которые становятся врагами Абая не на жизнь, а на смерть. Абай теперь не только осуждает и разоблачает их, а выходит на открытую борьбу с ними, заступаясь за жатаков, за степную бедноту.

Будучи на съезде, он создает стихотворения, осуждающие волостных правителей, сутяжников, родовых воротил, которые являются возмутителями спокойствия всей округи, ненасытными угнетателями и эксплуататорами народа. Так как Абай справедливо рассудил дела жатаков, то его избирают третейским судьей.

Спор происходит из-за девушки Салихи между двумя большими родами. Это весьма характерный для того времени спор. Девушка просватана за молодого джигита, который затем умирает, и по степному обычаю право на эту девушку приобретает родственник умершего – брат ее жениха хочет взять ее второй или третьей женой. Девушка страдает, она приходит к Абаю, и в ее признании он улавливает столько трагизма, что это находит отражение в его стихах о девушке, которая не хочет выходить замуж за старика и бросается с утеса в омут.

Когда Абай вызывает девушку Салиху, чтобы поговорить с ней об ее горе, она высказывает те же мысли, говорит, что каждый раз, проходя берегом реки, думает, что ей лучше броситься в омут и перестать жить.

Здесь так же, как и в деле жатаков, Абай-поэт учится у жизни, видит ее уродливые явления, видит прекрасные картины степной природы, и эти его жизненные впечатления воплощаются потом в том или ином стихотворении.

Моей целью в романе была не просто иллюстрация деятельности Абая-поэта; роман своей главной задачей ставит раскрытие общественно-исторических, философских, жизненных основ творчества Абая. В этом смысле особое значение приобретает его обращение к наследию Пушкина.

Последняя глава романа посвящена его основной теме. В главе “На вершине” Абай дан в своем духовном общении с Пушкиным. Абай читает “Евгения Онегина” и, созерцая степную природу глазами человека, испытавшего много бед и несчастий, увидевшего горести и слезы казахской женщины, в образе Татьяны начинает видеть не только Татьяну Ларину, а общечеловеческий женский идеал, отразивший

все лучшее в человеческом обществе. Душевные излияния Татьяны для него становятся голосом знакомых ему людей. Пред его глазами проносятся Тогжан, Айгерим, Салиха. И он не только воспроизводит Пушкина на казахском языке в своем переводе письма Татьяны, но воплощает в нем и свои переживания, переживания своих соотечественников и современниц. На востоке существовала традиция перепева, творческого обращения к наследию прошлого, но уже с позиций своей эпохи, когда классические сюжеты Навои и других великих поэтов перепевались поэтами более позднего времени, наполнявшими эти сюжеты чувствами и мыслями своей среды. В данном случае Абай обращается к наследию Пушкина на почве своей степной действительности. Он стоит на вершине степного кургана, глубоко взволнованный гением Пушкина, и в тот же день создает мелодию для того, чтобы душевные излияния Татьяны стали народной песней. Это песня в первую очередь попадает в город Семипалатинск, где поется на свадебных торжествах, а затем песня Татьяны и песня Онегина широко разносятся по всей степи.

Это обращение Абая к наследию Пушкина уже явилось первым действенным шагом Абая в деле приобщения его народа к мировой культуре, для степных условий весьма значительным, отличным от всего того, что Абай до сих пор создавал. Абай приобщался к русскому литературному наследию, русской классике и вел за собою все передовое, зарождавшееся новое казахское общество своего времени.

Так заканчивается книга. В конце ее дается эпилог — признание того, чего достиг Абай на своем жизненном и творческом пути. При жизни Абай не был напечатан, но он был широко популярен в своих родных степях и начал приобретать эту популярность к середине 80-х годов — к тому времени, когда перевел отрывки из “Евгения Онегина”, распространяя письмо Татьяны и объяснение Онегина в своих переводах и в своих мелодиях для домбры. Одновременно распространяются и стихи Абая о женщине, слава об Абае-лирике, слава об Абае, поющем о природе родных степей и о природе русской, это постоянное восхождение Абая из тьмы феодально-родового уклада до общественного признания его как деятеля и поэта, всем тем передовым, что было в его время на его родине.

Однако исторические противоречия, которые раздирали степь в период жизни Абая, продолжали существовать. Они порождали отчетливо враждебное отношение к Абаю со стороны господствующих классов. Поэтому следующая книга “Путь Абая” посвящена другому кругу вопросов и новому периоду в его жизни.

Двумя первыми книгами романа “Абай” мы подведены к тому моменту, когда Абай получил общественное признание. Дальше он уже признанный поэт и мыслитель. Тому, какую славу он приобретает и как использует ее возможности, посвящена третья книга романа “Путь Абая”. Собственно говоря, в этой книге продолжается изображение дальнейшего жизненного пути поэта-просветителя, но задание этой книги и значение ее названия другого порядка: “Путь Абая” – решительный отход Абая от своего класса и приход его к бедноте, к интересам крестьянства – это с одной стороны. С другой стороны, путь Абая-поэта, ставшего широко известным передовым деятелем и мыслителем, показан как путь от вековой отсталости феодальной степи через духовное наследие Пушкина к русской литературе – Лермонтову, Крылову, Салтыкову-Щедрину, ко всему тому, что дает русская культура, ко всему тому, что могло быть доступно Абаю через библиотеку в городе Семипалатинске.

В процессе моей работы над первыми двумя частями романа “Абай” мне во многом помогла общественность и критика первой книги.

Я учел те замечания, которые вызвало первое издание первой книги, замечания, относящиеся главным образом к тому, что мною показана не столько классовая борьба, сколько борьба родов и только слегка раскрывается вопрос о классовом пробуждении степной бедноты. Это замечание было справедливо и оно меня натолкнуло на то, чтобы во второй книге показать, как через жатаков, через их борьбу Абай начинает видеть мир по-другому.

Во второй книге романа и показана дружба Абая с жатаками, особенно с Даркембаем, вожак жатаков. Это сделано с целью раскрытия социально-исторической сущности общественной борьбы, которая проходила в степи, где в ту пору уже происходило классовое расслоение.

Классовая борьба, разумеется, существовала и раньше, однако она маскировалась родовыми отношениями. Теперь борьба классов все больше обнажается, происходит постепенное усиление организованности борющихся сторон, постепенное потрясение сознания беднейших слоев народных масс. Показ всего этого и становится теперь основной целью автора.

Я подвожу читателя к реальным жизненным столкновениям, благодаря которым, в частности, через встречу Абая с Михайловым, Абай узнает о Чернышевском, о русских революционных демократах и их борьбе. Таким образом, то частное, что он видит в степи, становится для него частью общего, он более правильно ориентируется во всем увиденном и пережитом.

Чем дальше продвигается роман через жизнь Абая к нашему времени, тем теснее в моем представлении должна сходиться линия развития казахского общества с судьбами русского крестьянства, с общероссийской общественной борьбой. Поэтому в последней книге “Путь Абая”, изображающей конец 80-х и начало 90-х годов, привлечено гораздо больше материала, этой борьбы. Здесь Михайлов сообщает Абаю о крестьянских волнениях, он узнает о Морозовской стачке. Таким образом, родина для Абая – это уже не изолированная степь, которая пребывает в условиях азиатского средневековья, в условиях безраздельной власти степных воротил. Он видит значительно шире и полнее историческое социальное зло своего времени.

Все это передается через дела и мысли Абая, через его дерзания и поиски, провалы и ошибки, достижения и находки как общественного деятеля и поэта. Во второй книге мы обращаемся к стихотворениям самого Абая значительно чаще, чем в первой, потому, что в эту пору своей жизни Абай все свои мысли и впечатления фиксировал в своих творениях. Вторая книга имеет определенную цель показать становление Абая как поэта.

Так как Абай был одним из первых письменных казахских поэтов, особое значение имеет вопрос о его отношении к народному творчеству. Непосредственно к фольклору, его мотивам, к сюжетам, Абай не обращался. Но он любил народные поговорки, пословицы, широко

использовал словарный запас казахского языка, который он сам, в свою очередь, обогащал неизмеримо больше, чем все его предшественники. Его словарь включает многообразные богатства казахского языка, выразительные возможности которого он стремился освоить с исчерпывающей полнотой. Мы часто встречаем народные поговорки и пословицы, которые включаются в его стихотворения. Еще чаще мы находим афоризмы, созданные в духе народных поговорок. В этом есть прямое продолжение традиций народного творчества, с одной стороны, и с другой – диалектическое отталкивание от того, что уже было создано, и поиски нового. В казахской степи ни один человек, ни один поэт до Абая не воспевал времена года, не воспевал богатства природы, например, о весне в казахской поэзии до Абая не было создано ни одного стихотворения. Такого рода тематика в казахской поэзии появляется вместе с развитием письменной литературы. До Абая никто в нашей степи не создал стихотворения о роли поэта, о задачах искусства или против угнетения женщины. Все то новое, что нес Абай, не отчуждалось от народа: в области языкового мышления он использовал все возможности своего народа, но он создает произведения принципиально новые, иные, чем создавались до него. Он уже представитель письменной литературы, поэт-классик, поэтому его обращение к фольклору было избирательным, критическим, да и не могло быть иным, потому что он создавал свое исторически, программно новое.

Абай не встречался при жизни со своим сверстником и современником Джамбулом, ибо их разделяло расстояние в тысячу километров. В нашем сегодняшнем представлении это расстояние небольшое, но если принять во внимание транспортные возможности тех времен, то оно очень велико. Были в то время певцы, которые знали и Абая и Джамбула. Сам Джамбул высказывался об Абае восторженно. Джамбул говорил, что его не нужно сравнивать с Абаем, скромно оценивая свое собственное дарование, у него было исключительно почтительное отношение к Абаю. Джамбул видел новое в методе абаевского стихосложения, в его стиле, во всем строе его произведений, и он ценил Абая как носителя новой культуры.

Естественно задать вопрос: нужно ли было после выхода первых двух книг продолжать роман об Абае? А если продолжать, то какие соображения были у автора, какие основания исторические и культурные должны были лечь в основу решения этого вопроса? Я считаю, что необходимо было продолжить описание жизни и борьбы Абая в новом романе по двум основным соображениям.

С одной стороны, потому, что в романе “Абай” далеко не исчерпан жизненный путь Абая, программа его общественной деятельности: там представлен Абай – поэт, Абай – мыслитель и Абай, формирующий новую среду передового казахского общества. Абай в последнее десятилетие его жизни – непримиримый обличитель пороков степных феодалов, который стоял за приобщение казахского народа к передовой русской культуре.

Однако в новом романе стояла задача показать жизнь Абая не только в интересах исчерпывающего сообщения фактов биографического, личного порядка, и, главным образом, с целью максимально полного раскрытия исторического пути Абая, воплотившего в себе передовое, исторически-прогрессивное начало своего народа во второй половине девятнадцатого века. Поэтому роман и назван “Путь Абая” – путь Абая как исторического деятеля, передового гражданина своего общества, путь Абая от отсталого степного уклада к народно-демократической передовой, прогрессивной русской культуре, путь Абая, формировавшего вокруг себя передовые силы казахов своей эпохи. Вот таким должен был быть изображен Абай в этом романе. Такое же задание стояло перед автором при написании еще одной, последней книги о жизни и деятельности великого поэта и просветителя казахского народа, эта, четвертая, книга также написана и в данное время переводится на русский язык.

Таким образом, идея этого романа определяется замыслом всей серии романов об Абае: показать жизнь казахского народа за полувековой период до революции.

В этом смысле роман находится в цепи тех произведений, которые начаты романом “Абай” и будут продолжаться дальше, постепенно переходя к советскому периоду. Каждое произведение этой серии будет самостоятельным

в общей цепи, будет отражать новый исторический этап, новый, взятый в пределах этого произведения отрезок времени.

Я сказал, что в новых романах меньше будут освещаться факты частной жизни Абая. Здесь на первый план выходит изображение связи Абая с народом, борьбы Абая за народ и эпизоды столкновений Абая с наследниками феодалов в степи. Тут он сталкивается и со своими родными — потомками крупных феодалов, ханов, султанов, в том числе и с родным братом, Такежаном, который, хотя он и является фигурой куда более мелкой, но все же повторяет качества своего отца, Кунанбая, и творит то же самое зло, которое творил Кунанбай. Ныне Абай сталкивается и со своими бывшими друзьями. В юношеские годы дружил с Жиренше и другими джигитами из феодальной среды. Эти люди, придя на смену своим отцам — степным воротилам, продолжают их путь консерваторов, реакционных деятелей, как правители, угнетающие свой народ. Абай сначала дружил с ними, потому что он тоже происходил из этой среды, но постепенно происходит отход Абая от этой среды, его разрыв с ней, и, наконец, его бывшие друзья становятся противниками Абая. Это должно на деле показать отход Абая от своего класса и вступление в непосредственную борьбу с его представителями на стороне народа, в защиту его интересов. Поэтому уже не личное, а общественное выдвигается на первый план в разворачивающихся событиях романа.

Еще одна линия романа имеет существенное значение — новые, невиданные еще в степи, передовые силы, которые приходят на помощь Абаю в новую историческую эпоху, к ним относятся представители совершенно нового молодого поколения, такие, как сын Абая, Абдрахман, выросший, с одной стороны, под влиянием своего передового отца, а с другой стороны — под воздействием русской культуры. Он учится в Петербурге. Слышит обо всем происходящем в России того времени и приходит как носитель русской культуры в до того изолированную от внешних событий степь, которая и не ведала ни о чем, кроме того, что в ней происходило и что слышала она из призывных стихов Абая.

Из новых сил степи надо назвать и джигита Базаралы. Он на несколько лет старше Абая, но, помимо той жизненной школы, которую прошел Абай, он побывал в сибирской ссылке, встречался там с передовыми представителями русского крестьянства, узнал много новых людей, уже несущих в своей судьбе исторически новые судьбы России. Базаралы появляется вернувшимся из ссылки: он представитель трудового народа, стихийный борец за правду. Он возвращается в степную среду социально обогащенным. Базаралы и является той новой силой, которая приобщается к начинаниям Абая.

Поддерживает Абая и Даркембай – старик-крестьянин, перешедший от кочевого образа жизни к оседлому. До сих пор не ведавший земледельческого труда, он начинает заниматься земледелием. Новый исторический сдвиг происходит в сознании жатаков. И это новое приобщается к тому, что несет Абай в своем творчестве.

С другой стороны, в романе действуют русские люди типа Михайлова, а затем и переселенцы из Пензенской и Орловской губерний. Вытесненные нуждой из Центральной России, они попадают в казахскую степь. В конце 80-х и начале 90-х годов прошлого столетия в Казахстан шел целый поток русских крестьян-переселенцев, которые заселяли плодородные долины. Таким образом, беднейшее русское крестьянство приносит в Казахстан оседлую земледельческую культуру, и казахская беднота получает много полезного, нового. Доля бедняков русской деревни и казахского аула сразу делает их родными. Не зная языка друг друга, они быстро приходят к взаимному пониманию, как социально-близкие группы, у которых общие нужды, общая цель, общий протест и общие стремления, основанные на отрицании того социально-экономического и социально-правового гнета, который давил их в ту пору.

Это тоже исторически новое явление, которое не может не войти в сознание Абая, а следовательно, не может не войти и в круг внимания исторического романиста.

А такой представитель русской передовой интеллигенции, как Павлов, входит в роман в несколько ином виде, чем входил в шестидесятых годах Михайлов. Михайлов был народоволец, непосредственный продолжатель деятельнос-

ти Чернышевского. Он ушел в ссылку из Петербурга в 1861 году. Оказавшись в Сибири, он в известной мере оторвался от революционной среды и перешел на легальную деятельность. На смену ему появляется Павлов. Это представитель наиболее революционной русской молодежи того времени, как мыслится мне, один из участников группы русских марксистов конца 80-х годов.

Вот какие силы группируются вокруг Абая: с одной стороны, Россия проникает в степную глушь, с другой стороны, сама степь уже поднимает свои новые силы. Вот в какой среде действует Абай того времени.

Теперь Абай — борец, мыслитель, определяющий дальнейший исторический путь развития своего народа.

Вместе с тем в романе происходит постепенная консолидация сил консерватизма. Бывшие друзья юности Абая становятся его убежденными противниками. Его родной брат по матери, Такежан, становится врагом Абая. Уездный начальник Казанцев принимает сторону Такежана и даже Ласовский, который представляется Абаю лучшим из чиновников царской администрации, раскрывается перед ним так, как в свое время предсказывал Михайлов, всегда считавший, что его политика по сути своей также вредоносна, как и политика всех остальных чиновников. Крестьянские начальники, урядники, приставы смыкаются с реакционными, консервативными силами казахского аула, вместе осуществляют эксплуатацию и угнетение казахской бедноты и трудового крестьянства.

В романе лагерь реакции показан в непосредственном столкновении с Абаем. Во имя того, чтобы развернуть убедительную картину исторической действительности конца 80-х и начала 90-х годов, я должен через личность Абая показать: широкий исторический процесс, происходящий в казахской степи того времени. Решение этой задачи распределено по отдельным главам.

Первая глава называется “Абай-ага”. Я сначала думал выпустить роман под этим общим названием. Такое название имеет казахский вариант, напечатанный в 1950 году. “Ага” в буквальном переводе значит дядя, но по-казахски это слово употребляется как почтительное обращение к старшему вообще. По-русски трудно было передать

смысл этого слова. На украинском языке можно было бы сказать “батько”, а на русском языке мы не могли найти адекватного выражения и поэтому я изменил название романа, сохранив его лишь для первой главы, потому что здесь Абай выступает как руководитель молодых сил, молодых поэтов своей среды. По летам иные из них, может быть, и старше Абая, но по общественному авторитету, по силе мысли, по тому, как он располагает к себе окружающую молодежь, почтительно к нему относящуюся, он является как бы старшим поэтом той среды.

Первая глава воспроизводит до некоторой степени идиллическую обстановку. Абай едет охотиться со своими сверстниками и молодыми друзьями и в пути встречает гору, на которой сообщает путникам горестную повесть о гибели двух влюбленных, Енлик и Кебека, 100 лет тому назад, и сразу же у Абая возникает мысль воспроизвести эти события в новом произведении, рассказать новым поколениям правду, утаенную в свое время.

Писать на эту тему изъявляют желание двое молодых людей. Они решают, что тема будет принадлежать тому, чей ястреб первый поймает дулдака. Эта подглавка имеет целью показать, насколько Абай требователен в отношении молодых поэтов и как он иной раз совершенно неожиданно испытывает их силы. Когда они пустили ястребов, Абай предложил каждому из них сложить на скаку стихотворение о том, что поет бабушка, убаюкивая внучка в бурную зимнюю ночь. Абай испытывает живую радость, когда самый талантливый из его молодых друзей, Дармен, успешно слагает заданную песню. Абай убеждается в том, как талантлив молодой поэт, насколько богата его фантазия и как развита его способность не только писать, но и импровизировать стихи. Нужно сказать, что способности поэтов в те времена испытывались главным образом на импровизации, на экспромте. Это идиллический эпизод, в котором, если и есть порывы, то лишь порывы поэтического духа, ведь если и говорится о зле, то зле минувшем, совершенном сто лет тому назад.

Однако картина кажущейся мирной степной жизни сразу же нарушается. В той же главе в ауле Такежана мы встречаем молодого батрака, который выражает недо-

вольство своим хозяином. Этот батрак и становится главным героем новой поэмы Дармена.

В той же главе Абай подводит итоги некоторых своих мыслей относительно мусульманства, относительно учения ислама. Он выступает здесь как человек, мыслящий довольно свободно, независимо от догмы ислама и его апологетов. Абай начинает развенчивать Коран, причем он основывается на высказываниях философов Карлейля, Ирвинга Вашингтона, Эрнеста Ренана и других, положительно высказывавшихся об исламе. У одного из философов того времени Дрепера, который полемизировал с Кораном, я взял основные положения и, расширив их, добавил размышления самого Абая. Абай говорит, что мусульмане доказывают, будто Коран — это последняя книга откровения, посланная Магомету через ангела Жебраила. Но если эта книга продиктована самим богом, не в пример всем другим священным книгам, то она должна быть верхом совершенства, и в ней не должно быть ничего недосказанного. Она должна заключать в себе всю полноту истины. А между тем, если взять хотя бы ту молитву, которую мусульмане читают ежедневно, мы увидим, что она вещает о такой небылице, будто бы племя филь было наказано самим господом богом через посланных им небесных птиц, каждая из которых держала в клюве камень и бросала на голову каждого из племени филь, пока все племя не было уничтожено.

В Коране, говорит Абай, гораздо меньше смысла, чем в греческой философии, в нем нет даже сотой доли того, что излагали индийские мудрецы, Абай не мог говорить об этом непосредственно с народом, писать в своих стихах. Но я прочел много таких произведений Абая, по которым легко установить его антирелигиозные взгляды. Сам Абай помогает в этом своими рассуждениями, в частности, это видно из его бесед с читателями, где он говорит о мусульманском духовенстве: не верьте им, ибо это самые презренные люди мира, у которых вся сила в чалме и вся убедительность в четках. Это темные люди, которые, несмотря на свое невежество, берутся утверждать, что они будут единственными спасителями верующих на том свете.

Все эти подлинные высказывания Абая говорят о том, насколько он был волен в своих беседах и как смело

развенчивал, что проповедовали мусульманские книги, муллы, ишаны и хазреты.

Таким образом, здесь дается идейно-историческое и философское обоснование тому, что должно было определиться в характере героя и его отношении к действительности дальше. Это должно дать возможность легко понять, как Абай принимает представителей различных слоев степной жизни.

Вторая глава называется “Месть”. Это месть Базаралы, вернувшегося из ссылки. Базаралы приходит выросшим и окрепшим, как протестант и борец за народное дело. В ссылке у него была большая дружба с русскими крестьянами, в частности, с неким Кириллом – крепостным крестьянином русского помещика из Центральной России, который за свой бурный протест против злодеяния своего помещика сначала был приговорен к смертной казни, а потом сослан пожизненно на каторгу. Этот человек еще не старый, но уже седой, мощный телом и духом, внушает много новых мыслей Базаралы. Базаралы вспоминает, как он бежал из далекой сибирской ссылки, где ездят на собаках, как шел пешком через русские деревни. Он рассказывает, сколько доброго он видел у русских крестьян и что только благодаря их помощи он добрался до своих родных степей. В каждой деревне он останавливался в крайней хате, где его укрывали и указывали путь. Наученный многому через свою борьбу со степными воротилами, Базаралы возвращается из ссылки нравственно обогащенным. Он видит теперь, что свои кунанбаи и такежаны есть везде: и в России, и в казахской степи у бедняков одна доля. Вернувшись, он встречается с новыми злодействами, которые совершает Такежан со своими сородичами. За то, что жатаки успели увезти скошенное с их же земли сено, Такежан обрушивается со всем своим конским табуном, со всей мощью своего богатства на их скудную землю. Происходит подлинное разорение бедняков, открытый грабеж накануне зимы, когда горсточка скота бедняцких аулов вынуждена спасаться от гибели на каких-то других участках. Базаралы бросает гордый вызов Такежану: пусть я буду недостоин имени своего отца, если не отомщу тебе теперь же. Он собирает сорок человек обязанной бедноты, уже не по родовым признакам,

и нападает на стада Такежана, у которого паслись в степи восемьсот голов скота. В результате происходит стихийная экспроприация Такежана.

Разумеется, эта вспышка народного гнева, эта борьба в то время не могла завершиться успехом. Бедняки терпят поражение не на суде народа, а на суде биев, степной знати, на суде городского купечества, городских властей царского аппарата. На практике, в данном конкретном случае, жатаки терпят поражение, но исторически самый факт экспроприации для степи того времени был потрясающим событием. Этот акт народной мести мог быть совершен только Базаралы, и Базаралы не первого и не второго периода романа, а именно третьего периода, когда он побывал в ссылке и возвратился оттуда, обогащенный опытом общерусской революционной борьбы.

Этот конфликт непосредственно связан с тем, что происходило в первой главе романа, т.е. с вопросом борьбы за землю. Каково же отношение Абая к этой борьбе?

Отношение Абая наиболее ярко выражено в его беседе со своим братом Такежаном, который едет в город, чтобы жаловаться на Базаралы. Абай говорит ему, что во всем происшедшем виновен он сам, потому что своим поведением вызывает народ на протест. Таким образом, раскрывается идейное задание романа, показ разрыва Абая с его родными и его отход от своего класса, своей среды.

Абай не едет в город защищать Базаралы на суде, но он открыто признается своему брату, что он не на его стороне, а на стороне Базаралы и народа, угнетаемого Такежаном. Для этого и нужно было показать открытую, острую борьбу степной бедноты с Такежаном.

Третья глава называется “Черный сбор”, раньше в степи это событие так и называлось. Помимо налогов, помимо покибиточного сбора, в то время существовал еще и так называемый “черный сбор”, т.е. темный сбор, когда волостные правители, бии, аульные старшины, пятидесятники, писари и пр. к установленным пошлинам произвольно добавляют свои. Каждый волостной правитель за три года пребывания у власти обогащался невероятно. Поэтому из-за места волостного в степи происходила

ожесточенная борьба одной партии с другой. Каждая сторона поднимала своих приближенных людей путем беззастенчивого подкупа и насилий, причем все расходы по такой своеобразной “выборной кампании” раскладывались на каждую кибитку как “черный сбор”.

В третьей главе и описывается подобный сбор налога, а на деле открытый грабеж беднейшего населения: пастухи, доярки – самые неустроенные люди в степи, самая отягощенная жизнью беспросветная беднота облагается этими сборами, а Абай во время этих сборов, в решающий момент, вступает в острое столкновение с правителями степи, в том числе и с Такежаном, и со своим бывшим другом Жиренше, а самое главное, с представителями царской администрации, которые помогают взимать с населения незаконные “черные сборы”. Тут и крестьянские начальники, и урядники, и волостные писари, т.е. та самая хищническая грабительская среда, которая творила свои злые деяния ежегодно, ежечасно, против чего Абай решительно восставал в своих стихотворениях.

В своих произведениях Абай беспощадно изобличает насилие над народом, обман народных масс, бесстыдные действия царских чиновников, толмачей и степных баев.

До сих пор Абай, разоблачавший носителей степного зла в своем творчестве, не мог открыто участвовать в борьбе против них, в протесте народных масс. Теперь он изображается вступающим в непосредственные столкновения с властью в качестве защитника народа. После этого события Абай приезжает в аул, где лежит больной Базаралы.

Абай, выражающий волю народа в поэтическом творчестве, и Базаралы, воплощающий протест народных масс в действии, должны теперь идти рука об руку вместе и заимствовать друг у друга силу, волю к борьбе, координировать свои действия на пользу народа. Базаралы прикован к постели, он осуждает кочевой образ жизни. В то время никто из казахов не думал еще, что в степи может быть какой-либо иной образ жизни, кроме кочевого. Базаралы болен, у него ревматизм, и он прекрасно знает, что каждая кочевка отражается на состоянии его здоровья, так как кочуют обычно в наиболее прохладных районах,

ближе к вершинам гор. Там сыро, а это усугубляет болезненное состояние Базаралы. Это личный момент, а с другой стороны, он понимает, какой это имеет смысл для всей бедноты, лишенной скота и средств передвижения. Разумеется, летние откочевки нужны богачам, баям, чтобы их скот набирал жир, для этого они меняют урочища, но зачем бы бедноте носиться как “перекати-поле” за байскими стадами и табунами? Об этом говорит Базаралы, поддерживая Абая, который стал часто предаваться грустными размышлениям о судьбе своего народа.

Когда Абай был молод, его чувствами, его действиями руководили жизненные его переживания, а теперь он ведет интеллектуальную сознательную жизнь, часто размышляет, впадает в тоскливое настроение, видя степное зло, и задается мыслью о том, чем он помог и чем нужно помочь народу. Он переживает все это в себе и не может найти выхода, не находит ясного пути для народа. В этом смысле элементы обреченности в мыслях Абая вполне понятны. Ведь Абай не знал настоящего пути классовой борьбы. Абай, как и все идеалисты, в вопросах социально-исторических считал, что в основе изменения общества должны будут лежать изменения нравственных качеств общества, деятельность идеальной личности: не материально-экономическое, а нравственное начало для Абая является определяющим первичным. Поэтому у него и должны были время от времени происходить разочарования, наступать периоды неверия в будущее народа, как у мыслителя своего времени, много понимавшего, много видевшего, сильного критической мыслью, но не находившего пути борьбы и ответа на “свои” проклятые вопросы. Из этого-то тупика его и выводят порой передовые люди из народа.

Не философствуя, а выражая самоочевидную для него практическую истину, Базаралы говорит, что он крикун, а Абай — сеятель. Абай же считал, что настоящее дело делает Базаралы, который заносит кистень над головой казахских феодалов и живет в непосредственной близости к народу, его делам и нуждам.

Молодежь в аулах несет службу ночных дозоров, устраивает качели и поет песни. Конечно, не без участия Базаралы, молодежь начинает петь песни и стихи Абая.

Это радостно окрыляет Абая. Поэтому-то Абай и говорит Базаралы: “Не сравнивай себя со мною: ты сеятель всего передового в народ, и народ поет о тебе”.

Таким образом, здесь показаны, с одной стороны, злодеяния царской власти, феодальной знати и столкновения с ними демократических сил общества, а с другой стороны, происходит проверка делом идей и планов Абая в его соприкосновении с Базаралы, с народной средой. Дальше они уже идут рука об руку, согласовав свои усилия и свои мысли с лучшими людьми из народа.

Следующая глава называется “Горечь”. Она включает в себя события, которые возникли в результате действий крупного феодала Уразбая, бывшего друга, а теперь неприимимого противника Абая. Матерый степной феодал, он организовывал конокрадство в широких масштабах, а с другой стороны, обогащался, беспощадно эксплуатируя своих сородичей. Теперь он разбогател настолько, что у него были несметные количества лошадей и среди них трехтысячный табун драгоценных белых коней. Уразбай много вредил Абаю в своей жизни, организовывая против него силы степных феодалов, теперь он начинает склонять на свою сторону брата Абая – Такежана, стремясь углубить раскол в семье Кунанбая и тем самым ослабить позиции Абая. Сложные степные отношения в феодально-родовой среде вступают в действие. Уразбай стремится заполучить Такежана, он говорит, что против Абая идет весь его род: если старший брат осуждает Абая, то весь народ должен быть против него. С другой стороны, Уразбай хочет закрепить свою связь с Такежаном путем сватовства. Часто степные воротилы, которые ранее находились во вражде, замирялись, заключая браки. У Такежана есть внучка, которой полтора года, а у Уразбая внучок двух-трех лет, их-то и нарекают женихом и невестой. И под видом первого взноса за невесту Уразбай обещает послать Такежану сто коней, таким образом он подкупает его. Однако никто не может открыто назвать это взяткой, потому что это злодейство узаконенное, так как узаконены дары при сватовстве. Таким образом, Уразбай путем взятки заполучает скупого Такежана как своего союзника против Абая. А вместе с Такежаном Уразбай получает и его друзей, и вассалов. Таким образом, против

Абая вырастает грозная сила, которая собралась идти в наступление.

Я узнал в свое время, что в 1897 году эта группа совершила покушение на жизнь Абая путем инсценирования избиения его, якобы оскорбленная его “отступничеством” к правоверным. Целая группа степных головорезов, направленная Уразбаем, напала на Абая. Это происходило около юрты уездного начальника Казанцева, который сделал вид, что он ничего не слышит.

В конце 80-х и начале 90-х годов до этого дело еще не доходило; степные воротилы собирали силы в степи и в городе вокруг уездного начальника Казанцева. В городскую канцелярию на Абая идут жалобы, его называют изменником белого царя, говорят, что он устраивал пожары в степи, обвиняют его за его русских друзей ссыльных, за бежавших из тюрьмы преступников.

Таким образом, против Абая нарастает грозная сила. Но тут появляется Оспан – брат Абая, который до сих пор не был у власти, но был богатырем, человеком недюжинной силы. Он рос возле Абая на положении сына, безотчетно подчиняясь воле старшего брата. Из шести сыновей Кунанбая самым близким Абаю был Оспан, теперь он стал волостным управителем и, зная, что против Абая нарастает такая сила, прямо пошел против Уразбая, собрал всю бедноту, весь обиженный люд, ограбленный Уразбаем, и решил произвести в ауле обиженных суд над Уразбаем: отобрать у него скот и передать народу.

Его действия были не плохо задуманы, совершенно правильные были у него намерения, но он не сумел довести свой замысел до конца. Уразбай бежал в город, в канцелярию уездного начальника, но Оспан настиг его на улице, сам своей рукой поднял Уразбая за шиворот и бросил в свою повозку. Сгоряча избив противника, Оспан вывез его за город, привязал к задку своей повозки и двое-трое суток вез по степи. Только в ауле Такежан заступился за Уразбая, и Оспан его отпустил.

Таким образом, вся борьба свелась к тому, что два феодала сцепились между собой. Получилось, что снова сын Кунанбая совершил насилие. Начав дело с хорошими намерениями, Оспан в конце концов оказался в положении

обычного степного воротилы, который для утоления своей ненависти пользуется при этом дикими недозволительными средствами. Своим опрометчивым поступком Оспан еще больше восстанавливает против Абая степных воротил, а сам становится личным врагом Уразбая. Этой же осенью Оспан умирает.

Таким образом, все, что он совершил, должно теперь опрокинуться на голову Абая.

В предпоследней главе, которая названа у меня “Схватка”, происходит другое важное событие. Такежан совершает непосредственное насилие над жатаками, которых всю жизнь опекал Абай и с которыми имел постоянную связь, Даркембай и Базаралы занимаются посевами. Около сорока беднейших голодающих семей, где имеются 3–4-летние дети, мечтают, что скоро будет жатва и у них будет пшеница, сухая и жареная. И вот однажды ночью Такежан пускает пятьсот голов коней на посевы жатаков совершенно сознательно, борясь против оседлости. Он говорит, что земледельцы царапают землю, расстраивают жизнь в степи, что эти жатаки принесли в степь нечто небывалое, неугодное богу, и что это предзнаменование надвигающихся бедствий. Мирные красивые кони в эту ночь превращаются в страшное стихийное бедствие, подобное пожару в степи. Табун ведет темно-рыжий жеребец Такежана, у которого единственный глаз, чудовище, которое идет сожрать плоды народного труда, уничтожить посевы.

На другой день происходит столкновение. В этом столкновении случайно участвуют те русские крестьяне Тамбовской и Пензенской губерний – пятьдесят-шестьдесят семей, которые в свое время встретили хорошее отношение со стороны жатаков, которые производят посевы по-крестьянски. Базаралы вспоминает, что в годы своих бедствий он видел добро именно от тех русских крестьян, которые обитали на краю деревни. Поэтому, когда переселенцы в поисках отведенных им урочищ прибывают в аул жатаков, он их гостеприимно принимает. На другой день он дал им проводников, чтобы обоз ехал дальше. Наутро бедняки узнают, что все их посевы потравлены. Тогда в отместку они угоняют тридцать–сорок коней.

В аул приезжает сын Такежана со своими подручными, вооруженными кистенями, и происходит жестокая драка.

Видя и понимая всю меру зла, совершенного над жатаками, русские крестьяне вмешиваются в эту драку. Они распрягают своих коней, садятся на них и вступают в бой. Тут расправляет свои плечи крестьянин Федор. Не удовлетворяясь конным боем, он добросовестно ухаает по головам противников оглоблей. Это справедливый гнев русского мужика, который отлично понимает, что такое потрава посева.

Отдельные читатели, казахи говорили мне: возможно ли такое заступничество со стороны русских крестьян за казахов? На это я обычно отвечаю, что тут имеет колоссальное значение психология русского крестьянина, в представлении которого нет большего преступления, чем уничтожение созревших хлебов. Если в такую минуту, когда совершается чудовищное преступление, кто-то из толпы крикнет: садись на коней, то безусловно все пойдут в защиту обиженных.

Здесь происходит непосредственное столкновение, рукопашная схватка, а дальше борьба разгорается, вовлекая весь род Уразбай. Уразбай требует, чтобы жатаки явились к нему с повинной, иначе он сотрет с лица земли весь их аул.

Когда эта новость доходит до Абая, то Абай оказывается как бы в тупике, ибо он никогда в непосредственном классовом столкновении со степной знатью не находился. И тогда ему на помощь приходит его сын Абдрахман, который говорит, что протест жатаков подобен протесту русских крестьян, которые за последние десять лет совершили в шестидесяти губерниях триста шестьдесят выступлений против помещиков. И поэтому все, кто ценит по-настоящему народ, должны быть в подобных случаях вместе с народом. “Довольно вам вести наедине горестные размышления, — говорит Абдрахман, — сегодня вы должны быть вместе с народом”. И Абай садится на коня и призывает своих одноаульцев идти с жатаками. На другой день, когда степные воротилы являются с грозной ратью всадников, им навстречу тоже выезжают сто всадников и во главе с Абаем.

Таким образом, Абай в последней главе должен решить окончательно свой отрыв от родни и отход от своего класса.

Итак, начиная с критического взгляда на мусульманство, на идеологию этого мира, Абай приходит к открытой физической борьбе с врагами и угнетателями своего народа.

Последняя глава романа — “В кольце”. Мы видим, что все эти реакционные, феодальные элементы накапливали силу против Абая, они ждут Абая на суд, на расправу, куда выезжают уездные начальники, степная знать и даже сам губернатор Семипалатинска. Тут должно произойти окончательное решение судьбы Абая. Согласно всем поступившим в канцелярию уездного начальника бумагам, Абай должен быть сослан или посажен в тюрьму. Абай встречается со своими друзьями, в том числе и с Павловым, который говорит: ведите себя независимо, говорите с гордостью обо всем том, что вы несете в себе. И Абай встречается с губернатором, разговаривает с ним, как равный с равным. Это производит сильное впечатление на губернатора, который рассказывает окружающим, что встретился с человеком, у которого можно многое узнать, что это подозрительная личность и, несомненно, значительная сила в степи. Губернатор понимает, что Абай превосходит его как личность, и хотя считает его вредным человеком, но ничего не может сделать с ним, потому что народ на его стороне.

Так Абай избавляется от нависшей над ним угрозы, благодаря своей решительности, благодаря крепости своей связи с народом. Его победу празднуют на родной ярмарке, веселым пиршеством на степном холме, которое устраивают люди в изношенных армяках.

В самых последних эпизодах роман снова возвращается к теме поэта, к поэтической программе Абая-просветителя. К нему сошлись молодые поэты, которые привозят свои поэмы на суд учителя. Среди них есть люди, которые идеализируют прошлое, воспевают ханов, враждебных народу. Их расхваливает в своей поэме Кокпай, который долгое время жил у Абая и считался его учеником.

Теперь Базаралы, истинно близкий Абаю человек, говорит, что с тех пор, как появились песни Абая, мы ста-

ли забывать невежественные, песни прошлого, которые воспевали дух предков, дух ханов. Он противопоставляет поэме Кокпая произведение самого талантливого из учеников Абая, Дармена – внучатого племянника Кодара, повешенного в первой книге романа по воле Кунанбая. Таким образом, все самое лучшее, что нес в своем творчестве Абай, воспринято не родственником Абая, а сыном народа Дарменом. Именно он правдиво воплощает реальную жизнь степи в поэме о жизни и смерти бедняка Исы, погибшего возле аула Такежана, в битве с волками, нападшими на стада. Рождается реалистическая поэма, героем которой впервые является бедняк, погибший благодаря тому социальному гнету, который существовал в байском ауле. Эта поэма открывает Абая, в ней он видит образную параллель всему тому, что происходит лично с ним самим в его смертельной борьбе со своей средой. Он вспоминает народную легенду, которая была услышана мною лично в Алатауских горах, недалеко от Алма-Аты. Это легенда об орлице. Худосочные, слабосильные орлицы гнездятся невысоко в горах, а самые сильные – иные из них сильнее орла – гнездятся на самой высокой вершине снежных гор.

Мне рассказал один старик такую легенду: могучая орлица кладет свои яйца в трескучие морозы на самой высокой вершине самого крутого утеса, но не высидит эти яйца и не прилетает смотреть за ними. Проходят морозные месяцы зимы, лопается одно яйцо, лопается другое и, бывает, что орлица оказывается бесплодной, потому что яйца ее не выживают. Но если яйцо выживает, то вешним днем орлица начинает греть его своим телом, и из него вырастает могучий орел.

Абай представляет себе, что таков и народ: рождая сыновей, народ надеется, что из них вырастут люди, подобные могучим орлам. Но часть яиц лопаются, люди гибнут. Подобное происходит и со мной, думает Абай: я тоже надеялся, что вокруг меня вырастет много сильных людей. Не все мои ученики выдержали суровые испытания, из их среды вышли и такие люди, которые сложили поэмы против России. Единственный проблеск надежды, который у Абая вспыхнул, когда он услышал поэму Дармена,

оправдывающего надежды самого народа. Исходя из жизненной правды, он создал первую реалистическую поэму степи, такую поэму, какой не писал еще и сам Абай. И эта поэма сразу напомнила ему стихи Некрасова о крестьянской доле. Это та идейная высота, к которой Абай еще не пришел в своем творчестве. Некрасов — новое явление в русской литературе, и вот сегодня появляется нечто подобное ему и в литературе казахской. Этого еще не рождалось доселе в степи.

Абай говорит, что Дармену принадлежит будущее. Он говорит: лети смело вперед, в те благодатные края, куда должен привести караван трудового народа.

На этом кончается роман.

Таким образом, поэт-реалист рождается в среде народа и воспринимает лучшие традиции русской культуры. К этой мысли приводит в романе правда истории. Идейная ориентация Абай на передовую, демократическую, русскую культуру характеризует путь Абая в целом. Его движение на этом пути воплощено в разных событиях и трагических коллизиях жизни Абая, неразрывно связанной с жизнью его народа.

Стремление правдиво, без прикрас воплотить этот замысел в живых образах людей недавнего прошлого вдохновляло меня все долгие годы моей работы над романом об Абае, который виделся мне как роман о казахском народе.

НАРОДНЫЙ “БУСТАН”

Что сегодня можно сказать об искусстве и литературе казахского народа? Они напоминают мне цветущие крепкие ветви, что тянутся все выше и выше к светлому небу, яркому солнцу. Так растет плодовое дерево, плодонося и размножаясь, чтобы превратиться со временем в прекрасный сад. Как водится, вначале дерево утверждает свое бытие — прямым одиночным молодым стволом. Еще скупо, слабо распускаются веточки в первые годы. Но вот размножились окрепшие ветви, раскинулась дружная крона. Под благодатным солнцем вешних дней из его семян вырастают молодые побеги. И все больше прекрасных плодовых деревьев, все стройнее их уверенные ряды — и, наконец, расцветает сад, каждым деревом и его плодами радуя взор, являясь счастливым воплощением, великим символом плодоношения. Это гимн жизни.

Не так ли можно представить развитие и могучий расцвет социалистической культуры казахского народа? Да, цветущим садом, “бустаном”, — как некогда назвал поэт свой прославленный сборник стихов¹, — можем мы назвать сад искусства и литературы, взращенный искусным садовником — казахским народом.

Процесс развития литературы и искусства Казахстана при его многосторонней широте был еще и необычайно ускоренным во времени и по темпу.

Особое место в развитии национальной культуры нашего народа занимает казахское искусство.

С первых шагов своего существования Казахский драматический театр шел по пути реализма, проложенному русскими актерами, русскими драматургами. Наряду с произведениями казахских авторов в репертуаре театра — пьесы Островского, пьесы Горького и других советских

писателей. Вместе с тем на афишах театра мы можем сегодня увидеть имена Шекспира и Мольера.

Мне, как переводчику, например, было необычайно дорого услышать от одного зрителя, что казахскую постановку “Укрощения строптивой” он смотрел уже несколько раз. Такова жизнь иных образцов мировой драматургии в нашем национальном саду искусства.

Многие из нас, писателей Казахстана, свою творческую жизнь начали с совместных с театром поисков верного пути к искусству, нужному народу. И театр, в свою очередь, связан с писателями общим повседневным трудом над оригинальной пьесой или над художественным переводом.

Надо отметить при этом, что нигде, ни при каких иных обстоятельствах не осязаемы так остро достоинства и недостатки литературного произведения, как на сцене, в выразительном слове актера. И по существу Казахский академический театр драмы своим оригинальным и переводным репертуаром представляет ту зону, где воедино слиты средства и свойства искусства и литературы, где две смежные области культуры существуют, тесно взаимодействуя.

В истории развития самых различных видов искусства казахское драматическое искусство сыграло огромную роль. Оно выявилось как бы материнским стволем, вокруг которого постепенно вырастала молодая поросль. Именно здесь, в коллективе Казахского государственного театра, который долгое время оставался единственным театром республики, рождается и музыкальный театр, выделяется в самостоятельный коллектив ансамбль народных инструментов.

В настоящий момент советское казахское искусство многогранно и красочно. Наш народ имеет национальные, самобытные оперы: “Абай”, “Биржан и Сара”, “Ер-Таргын”, “Кыз-Жибек”, балеты “Камбар-Назым”, “Дорогой дружбы”. В основу их положена прежде всего народная музыка, что и позволило авторам этих опер и балетных постановок создать типические, яркие образцы народной культуры.

В годы советской власти чудесно расцвели ансамбли, объединенные Казахской государственной филармонией имени Джамбула. Вершину инструментального искусства

представляет здесь Оркестр народных инструментов имени великого казахского композитора Курмангазы, в котором новое стострунное, богатое многоголосье заменило собою одиночный рокот тихой двухструнной домбры, веками робко вещавшей о думах народных.

Этот путь — от одинокой домбры до национального симфонического оркестра, от певца до многоголосного хора, до всех видов оперной вокальной формы русского и мирового репертуара — глубоко знаменательное явление.

И еще одна новая черта музыкальной жизни Советского Казахстана: появление симфонических произведений казахских композиторов. Кантата “Огни коммунизма” М. Тулебаева, симфонические поэмы “Родина радости” С. Мухамеджанова, “За счастье народов” К. Мусина созданы на основе народных песен, народной инструментальной музыки.

То же значение, какое имела национальная музыка для последующего развития музыкальной культуры Казахстана, имели и народные ремесла по отношению к зарождению и развитию казахской живописи.

Безвестными народными художниками были созданы замечательные образцы прикладного искусства. Профессиональное и изобразительное искусство Казахстана родилось вместе с Великим Октябрем. На выставке, открытой в дни декады, зрителями хорошо были встречены интересные пейзажи А. Кастеева, картины талантливого художника К. Тельжанова, С. Мамбеева, Г. Исмаиловой и другие.

В дни декады советский читатель мог полнее ознакомиться и с достижениями казахской художественной литературы.

Характерной чертой этой литературы является, прежде всего, интенсивное развитие крупных форм — эпопеи, романа, в которых отражены важнейшие этапы истории Казахстана, то новое, что Великая Октябрьская революция внесла в жизнь нашего народа.

Среди этих книг — двухтомная автобиографическая повесть С. Муканова о тяжелой жизни юноши-батрака, роман Г. Мусрепова “Пробужденный край”, в котором писатель создает колоритный национальный характер

правдоискателя, открывателя карагандинского угля Байжана, книга Т. Ахтанова, посвященная фронтовой дружбе русских и казахов, произведение молодого писателя З. Кабдулова “Искра жизни” — о жизни казахского студенчества и другие.

Большим чувством современности овеяна казахская поэзия, воспевающая величие и творческий размах народных масс.

Интересные стихи и поэмы о тружениках целины, чабанах, шахтерах, о дружбе народов создали Т. Жароков, Х. Ергалиев, Х. Бекхожин, Г. Орманов и другие.

Вышли в свет произведения казахских драматургов, сборники критических статей, крупные монографические исследования, посвященные вопросам истории литературы.

За последние два года одно лишь Казахское издательство художественной литературы выпустило свыше трехсот книг. Из них только на русском языке в Алма-Ате изданы 130 названий.

Литература нашей республики, труд казахских писателей, поэтов, переводчиков — живое дерево того самого народного сада, “бустана”, в котором многосторонне отражен культурный, цветущий и преображенный социалистическим строительством, ведомый партией Ленина к сияющим вершинам будущего Советский Казахстан.

60-ЛЕТИЕ АКАДЕМИКА КАНЫША ИМАНТАЕВИЧА САТПАЕВА

10 апреля 1959 г. исполнилось 60 лет со дня рождения выдающегося советского ученого, президента Академии наук КазССР, заслуженного деятеля науки Казахской ССР, лауреата Ленинской и Сталинской премий, депутата Верховного Совета Союза ССР, члена ЦК КПК и директора Института геологических наук АН КазССР академика Каныша Имантаевича Сатпаева.

Имя Каныша Имантаевича Сатпаева как крупнейшего ученого-геолога и государственного деятеля пользуется глубоким уважением не только в нашей стране, но и известно далеко за ее пределами.

К.И. Сатпаев родился в семье казаха-кочевника Баян-Аульского района Павлодарской области. Окончив 2-классную начальную школу в г. Павлодаре, он поступает в Семипалатинскую учительскую семинарию, по окончании которой становится учителем. Жажда знаний заставляет его продолжать образование, и в 1921 г. он поступает в Томский технологический институт, который успешно оканчивает в 1926 г., получив звание горного инженера.

По окончании высшей школы К. И. Сатпаев возвращается на работу в родной Казахстан, с которым неразрывно связана вся его инженерная, научная и общественная деятельность. В этот период зарождения и становления крупной отечественной промышленности наша страна испытывала острую потребность в квалифицированных инженерных кадрах. Молодой, энергичный геолог избрал основным объектом своей деятельности Дзезказган – один из наиболее пустынных районов Центрального Казахстана, где до Великой Октябрьской социалистической революции хозяйничали привлеченные сюда жаждой наживы иностранные концессионеры.

С приходом советской власти концессионеры вынуждены были покинуть Джекказган, об истинных масштабах которого они не имели ни малейшего представления. Не было также ничего известно относительно возможности нахождения в районе железных и марганцевых руд, вспомогательного металлургического сырья и промышленных углей. За разрешение всех этих вопросов взялся, с присущей ему энергией, молодой советский геолог К.И. Сатпаев. Сумев организовать дружный, хорошо сплоченный коллектив, К.И. Сатпаев в результате упорного, многолетнего труда выявил и сформулировал основные рудоконтролирующие факторы, использование которых позволило ему, а в дальнейшем и его преемникам по разведке, наращивать запасы Джекказганского бассейна.

Наряду с выполнением этой важнейшей народно-хозяйственной задачи, К.И. Сатпаевым был успешно решен ряд сложных теоретических проблем, связанных с вопросами генезиса, стратиграфии, тектоники и металлогении Джекказгана, явившихся крупным вкладом в отечественную геологическую науку.

В итоге всей напряженной и плодотворной работы в пределах Джекказгана выявлены и успешно осваиваются промышленные месторождения угля, марганца, железа, свинца, строительных материалов и других видов ценного минерального сырья.

В этот же период К.И. Сатпаевым выполнена большая работа по созданию и подготовке высококвалифицированных кадров геологов-разведчиков из коренного населения. Партия и правительство высоко оценили заслуги К.И. Сатпаева перед Родиной, наградив его в 1940 г. орденом Ленина, а в 1942 г. за работу "Рудные месторождения Джекказганского района" ему была присуждена Сталинская премия.

В самом начале Великой Отечественной войны К.И. Сатпаев переводится на работу в систему Академии наук СССР в качестве директора Института геологических наук, бессменным руководителем которого он является до настоящего времени. В 1942 г. он назначается Председателем Президиума Казахского филиала Академии наук СССР. В это тяжелое время, когда наша страна вела

смертельную борьбу с гитлеровскими полчищами, вся кипучая деятельность и творческая энергия К.И. Сатпаева были подчинены задачам дальнейшего выявления и использования богатейших природных ресурсов Казахстана в интересах обороны Отечества. Учитывая острую потребность в металле, коллектив, возглавляемый К. И. Сатпаевым, за короткий срок открыл ряд новых месторождений железных, никелевых, ванадиевых, молибденовых, вольфрамовых и свинцовых руд, обеспечивших возможность оперативного создания дополнительной сырьевой базы. Особенно большое оборонное значение имело вступление в число действующих промышленных предприятий Джездинского марганцевого месторождения. Он заменил оказавшийся на оккупированной территории Никопольский бассейн, снабжавший марганцем все металлургические заводы страны.

Являясь всесторонне эрудированным ученым и крупным организатором, К.И. Сатпаев не ограничивал свою деятельность только решением геологических задач. Под его руководством и при его непосредственном участии еще в начале войны был разработан вопрос о строительстве металлургического завода в г. Караганде. Ему принадлежит инициатива выдвижения ряда проблем, связанных с использованием местного сырья в целях получения химических продуктов: серной кислоты, жидкого стекла и жидкого моторного топлива.

За годы войны под руководством Каныша Имантаевича Казахский филиал Академии наук СССР вырос до масштабов крупного научного учреждения, на базе которого в 1946 г. была создана первая в республике Академии наук, являющаяся сейчас подлинным центром научной мысли в Казахстане. Как президент Академии наук Казахской ССР К.И. Сатпаев вложил много сил и энергии в ее дальнейшее развитие. За эти годы коллектив ученых, возглавляемый К.И. Сатпаевым, провел широкие и плодотворные исследования, направленные на удовлетворение наиболее актуальных запросов народного хозяйства и решение важных теоретических проблем большого научного значения. Под руководством К.И. Сатпаева учеными Академии сделан большой вклад в изучение минеральных ресурсов республики, разработку новых

прогрессивных технологических методов в области металлургии и горного дела, в решение такой важнейшей задачи, как освоение целинных и залежных земель, и ряда других. Особенно значительные успехи достигнуты в области металлогенической науки. Сейчас известно в геологии так называемое казахстанское направление, или иначе — казахстанская школа геологов. Эта школа, руководителем и создателем которой является К.И. Сатпаев, в настоящее время получила широкое признание крупнейших научных авторитетов и всех геологов страны. Коллектив казахстанских геологов под руководством и при непосредственном авторском участии К.И. Сатпаева завершил разработку и опубликовал комплексные металлогенические прогнозные карты Центрального Казахстана на важнейшие виды минерального сырья (руды железа, марганца, меди, свинца, молибдена, вольфрама, олова и на строительные материалы).

Методика и практика составления подобных металлогенических и прогнозных карт не имела сколько-нибудь подходящих примеров ни в отечественной, ни в зарубежной практике. Эта работа выполнялась в соответствии с решениями V съезда КПК.

Прогнозные металлогенические карты успешно прошли проверку. Из вновь открытых за последние 4 года месторождений подавляющее большинство было найдено в пределах прогнозных контуров первой и второй очереди. Помимо своего большого практического значения, прогнозные металлогенические карты, построенные на совершенно новой передовой методологической основе, явились крупным теоретическим вкладом в советскую и зарубежную геологическую науку.

Решениями Всесоюзной металлогенической сессии, состоявшейся в 1958 г. в г. Алма-Ате, признано необходимым опыт разработки металлогенических и прогнозных карт Центрального Казахстана коллективом геологов под руководством К.И. Сатпаева взять за образец при составлении подробных карт других рудных районов СССР.

Каныш Имантаевич Сатпаев успешно сочетает большую научную работу с активной государственной и общественной деятельностью. Являясь депутатом послед-

него и предыдущих созывов Верховных Советов Союза ССР, он принимает деятельное участие в работе Комиссии законодательных предложений Верховного Совета СССР. Он является членом комитета по Ленинским премиям в области науки и техники, а также руководителем и участником многих межведомственных научных организаций союзного и республиканского значения.

Много труда и времени К.И. Сатпаев уделяет подготовке высококвалифицированных научных кадров и пропаганде научных знаний. Он активно выступает в печати и перед широкой аудиторией со статьями, лекциями, докладами на научные, народнохозяйственные и общественно-политические темы. Его перу принадлежит свыше 200 работ по разнообразным отраслям научных знаний, среди которых ведущее место занимает геология.

К.И. Сатпаев являлся делегатом XX и XXI съездов КПСС. Советское правительство высоко оценило заслуги выдающегося ученого и верного сына Коммунистической партии, трижды отметив его высокой наградой — орденами Ленина, орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Свое шестидесятилетие Каныш Имантаевич встречает в полном расцвете творческих сил. Коллектив Академии наук Казахской ССР от души желает ему хорошего здоровья, новых сил и дальнейших творческих успехов на благо советской науки и всей нашей социалистической Родины.

БРАТСТВО НАШИХ ЛИТЕРАТУР

Вдохновляющие решения XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза ярким светом озарили все стороны жизни нашего общества. Намеченный съездом невиданный в истории план коммунистического созидания пробуждает в народе творческую энергию, приближает то будущее, о котором веками мечтало человечество.

Эти исторические решения вызывают новый прилив творческих сил у всех деятелей советской многонациональной литературы. Они помогают глубже осмыслить нашу современность, обогащают наше творчество, нашу мысль, вдохновляют на большие художественные свершения, достойные замечательных дел советского народа, вступившего в период развернутого строительства коммунизма.

В эти знаменательные дни, когда наш героический народ с таким подъемом начал осуществление семилетнего плана, еще теснее должна быть связь художественного творчества с народной жизнью, ибо интересы советской многонациональной литературы неотделимы от интересов коммунизма. В служении великому делу коммунизма, делу партии и народа выражается высшее призвание советского литератора. Сейчас, как никогда, мы призваны держать знамя литературы социалистического реализма — боевой, партийной, жизнеутверждающей литературы, активно помогающей народу в осуществлении его исторических дел, в воспитании нового человека.

Семилетка открывает небывало широкое поле деятельности для советского литератора. Каждый день нашей советской жизни — это богатейший источник новых тем, образов, сюжетов, интереснейших замыслов. Они всюду — на новых строительных площадках и в цехах

заводов, на просторах разбуженной целины и у строителей Казахской Магнитки, на колхозных пастбищах и в лаборатории ученого. Думалось ли когда зачинателям нашей казахской литературы, какое обилие волнующего жизненного материала для творчества найдет художник в неузнаваемо преобразенной ныне казахской степи? Новая жизнь, наша социалистическая действительность обогащают литературное творчество замечательнейшим и волнующим жизненным материалом. Это обязывает всех нас в высокохудожественной национальной форме правдиво и ярко выражать глубокое социалистическое содержание.

В острой идейной борьбе с буржуазными идеологами и ревизионистами, подвергающими всяческому наветам принципы социалистического реализма, отстаивают советские писатели идейные основы советской многонациональной литературы. Они отстаивают то ясное, бесспорное положение, что именно социалистическая действительность, социалистическое содержание творчества раскрывают безграничные возможности для обогащения и расцвета всех национальных литератур народов СССР. Новое, социалистическое содержание делает национальные формы этих литератур не застывшими, а живыми и развивающимися, отвечающими устремлениям, художественному опыту народных масс.

Марксистско-ленинская эстетика с каждым годом обогащается опытом движения мировой прогрессивной литературы к социалистическому реализму. Проблемы национального своеобразия той или иной литературы на современном этапе не могут решаться в отрыве от социалистического строительства, от борьбы за коммунизм.

Творчески осмысливая художественный опыт национальных литератур, накопленный нами за годы коммунистического строительства, мы чаще всего обращаемся к литературам Закавказья, Прибалтики или Средней Азии и меньше всего говорим о национальном своеобразии применительно к русской советской литературе.

Между тем мы, писатели братских литератур, должны еще зорче всматриваться в опыт развития национальной

формы именно в русской литературе, ибо она дает здесь нам самые яркие примеры. Разве русский советский роман, драматургия и особенно поэзия со всеми ее жанрами мало обновилась в смысле обогащения национальных форм на почве самой русской литературы?

Дружба народов играет огромную роль в развитии социалистического реализма. У нас роль этой дружбы особая. Исторические обстоятельства у многих народов счастливо сложились именно благодаря дружбе с Россией. Во главе братских народов стал самый культурный русский народ с его культурой мирового значения. Национальное своеобразие его литературы, выраженное прежде всего в языке, является для всех народов жизненно необходимым источником новых накоплений духовных ценностей. Русский язык стал для всех народов нашей страны вторым родным языком, он позволяет наиболее успешно овладевать высокой культурой, приобщаться ко всей мировой культурной сокровищнице и открывает лучшим нашим произведениям доступ к многонациональному читателю великой социалистической Родины. Это не только путь к читателю русскому, но и к читателю разных национальностей одновременно.

Благодаря дружбе народов взаимодействуют и взаимообогащаются национальные литературы. Следовательно, место и значение дружбы народов в современном литературном процессе должны рассматриваться в числе решающих идейных принципов социалистического реализма.

Интересные наблюдения за развитием национальной формы можно сделать, касаясь творчества прогрессивных писателей зарубежных стран. Их национально-демократические традиции, оплодотворенные животворными силами социалистического реализма, рождают новые, обогащенные взаимным общением литератур элементы национальной формы. В национальных литературах происходят глубинные процессы обновления художественных форм, процессы, вызванные активным развитием социалистического реализма.

Поэтому проблемы национальной формы необходимо обсуждать и решать именно в составе неразрывного це-

лого — метода социалистического реализма. Умаяя или обходя стороной эту живую, кровную связь, мы тем самым обходим стороной национальное своеобразие, национальный характер социалистического реализма в каждой из литератур.

Новая национальная форма рождается под влиянием самой жизни. Во-первых, происходит критический отбор и оценка всего, что создано в прошлом. Выявляется все то, что глубоко соответствует народному пониманию, вкусу, психологии. Утверждается передовое, прогрессивное. Ленинское положение о том, что мы из каждой национальной культуры берем ее демократические элементы, определяет могучую, целенаправленную, разумную творческую силу человека в формировании нового искусства, отвечающего запросам нашего времени.

Во-вторых, национальная форма изменяется, создавая новые традиции, новые художественные элементы.

В-третьих, при современном развитии культур национальная форма обогащается новыми чертами, приобретает новые свойства, перенимая совершенные формы литератур других народов нашей родины.

Яркий пример тому хотя бы изустная импровизационная песня, выросшая ныне благодаря усилиям талантливых народных жанров, ашугов, акынов, бахши до песен высокого идейного звучания, выражающих новое содержание, новые чувства людей.

Все эти процессы в каждой из литератур протекают на благодатной почве дружбы народов: основное, определяющее заключается не в навязывании чего-либо, не в поглощении, а в добровольном освоении лучшего, что есть у друзей. Это — чудесный плодотворный результат значительных духовно-творческих устремлений, плоды горячих совместных исканий.

Возможно, у кого-то могли возникнуть вопросы: если мы говорим о сближении литератур, то не нивелирует ли это, в конце концов, каждую из них, не обезличивает ли это литературы бывших отсталых народов, не накопивших еще большого опыта, не исчезнет ли таким образом национальное своеобразие?

Наоборот, опыт плодотворного развития советской многонациональной культуры убеждает в том, что взаимное

общение поднимет все литературы, позволяя им развивать свои лучшие национальные традиции.

Именно благодаря творческому общению во многие литературы Советского Востока вошли такие жанры, как проза, драма, вошли, безусловно, путем освоения традиций русского реализма. Вместе с тем все это новое читатели восприняли как органическое развитие своего, кровного, близкого, лучшего, что выношено в душе народа. Роман узбекский, киргизский, туркменский воспринимается читателями узбеками, киргизами, туркменами как национальный роман, как выражение народного мышления, народного сознания в новых национальных формах, как развитие созидательно-творческих способностей, своих художников слова. Надо сказать, что, например, драматургия казахская, узбекская, таджикская, выражая перенятую новую форму, является одновременно глубоко национальной не только по языку, а и по всем отображаемым ею особенностям жизни — психологии поступков, образно-языкового мышления, людских отношений, характеров в целом.

Принято считать, что главным признаком национальной формы является язык. Иной раз мы упоминаем о нем как о единственном признаке национальной формы, и только. Но если это так, что же происходит с формой, когда произведения с одного языка переводятся на другой, например, на русский? Надо сказать, что применительно к художественной литературе мы не мыслим себе национальную форму в ограниченных рамках только языка. Очень во многом литературную специфику, особенно в поэзии, определяет строгое, устойчивое своеобразие национальной формы. Перевод на русский язык национального произведения не умаляет и не отрицает суть национальной формы. По переводам наших романов, повестей, стихотворений на русский язык мы хорошо знаем, что писатель — казах, узбек, латыш, армянин, грузин — хотя и говорит своим произведением на русском языке, но говорит как представитель своего народа. Изображая национальные характеры в любой исторической, социальной среде, он развивает метод социалистического реализма на почве своей родной литературы.

В интересах обогащения социалистического содержания и развития национальной формы необходимо отказаться от литературных условностей прошлого.

Речь идет о таком наследии, которое носило на себе печать эпохи господства чужеземных нравов. Тогда в литературный обиход вводился своеобразный жаргон, смесь двух-трех языков. Эти факты ранней иноязычной, господствующей стихии в классическом наследии ряда наших народов мы наблюдаем, например, во введении размера аруз в тюркоязычный стих. Отказ от подобных традиций древности, естественно, приводит теперь к большому новаторству в литературах социалистического реализма. Это можно проследить, на наш взгляд, на творчестве таких поэтов, как Самед Вургун, Гафур Гулям, Муса Джалиль и другие.

Традиции творческого преодоления отдельных устоявшихся форм и рождение новых основ национальной формы свойственны были и классикам, передовым деятелям культуры XIX века, которые считали своей исторической миссией сближение творческих поисков с передовыми традициями русской классической, а через нее и мировой литературы. Так поступали Х. Абовян¹, И. Чавчавадзе, Ф. Ахундов², К. Хетагуров, Тукай, Абай. От них мы, советские писатели, переняли глубоко народные традиции художественного обогащения национальных литератур на новом этапе истории. Это — самое сокровенное в их новаторских начинаниях. Они завещали нам не подражательство и эпигонство, а особый уровень учебы и самостоятельного творческого восприятия лучших традиций русской и мировой литературы. Именно с этих позиций старались осмыслить важнейшие творческие проблемы художественного воплощения темы современности, тесной связи творчества с действительностью писатели Казахстана на своем республиканском съезде.

Проблемы национального своеобразия наших братских литератур еще больше должны заинтересовать теоретическую мысль в связи с нашим все возрастающим международным общением. Надо чутко прислушиваться

к тому, как решаются теоретические проблемы социалистического лагеря, знать глубже, что нового вносят они практически в обновление национальной формы.

Опыт показывает, что мы не можем плодотворно обсуждать основные проблемы социалистического реализма изолированно от национального своеобразия литератур.

Только социалистический реализм определил активное, все более яркое национальное своеобразие наших братских литератур, впитавших в себя лучшие традиции прошлого и выразивших революционный порыв народов к культурным высотам настоящего. Без учета этого понятие литературы социалистического реализма как многонациональной не обретает той конкретности, четкости, за которыми угадываются вновь рожденные образы и краски в художественной палитре каждого из писателей братских народов нашей страны.

ӘДЕБИЕТИМІЗДІҢ ТУЫСҚАНДЫҒЫ

Совет Одағы Коммунистік партиясының ХХІ съезінің дем беріп қанаттандырушы қарарлары қоғамымыздың өмірінің алуан қырларын айқын нұрымен жарқыратты. Съезд белгілеген, тарихта бұрын болып көрмеген коммунистік жасампаз еңбектің жоспары халықтың творчестволық ұлы қуатын оятып, адамзаттың ғасырлар бойы абзал арманы болған жарқын болашақты жақындата түсті.

Бұл тарихи қарарлар көп ұлтты совет әдебиетінің барлық қайраткерлерінің бойына жаңа творчестволық күш құяды. Олар қазіргі заманды кең толғанып топшылауға, творчествомызды, ойымызды байытуға көмектесіп, коммунистік құрылыстың кең өріс алған кезеңіне қадам басқан совет халқының ғажайып еңбегіне лайық үлкен көркем туындылар жасауға рухтандырды.

Қаһарман халқымыз қауырт өрлеумен жетіжылдық жоспарды жүзеге асыра бастаған осы бір тамаша күндерде көркем творчество бұрынғыдан да бетер халық өмірімен біте қайнап, тығыз байланысты болуға тиісті. Өйткені көп ұлтты совет әдебиетінің мүддесі коммунизм мүддесінен ешуақытта бөлінген емес. Коммунизмнің ұлы ісіне, партия мен халықтың ісіне қызмет ету — совет әдебиетінің ең биік мұраты, жоғары мақсаты. Қазір біз тарихи істерді жүзеге асыруға, жаңа адамды тәрбиелеуге белсене көмек көрсететін жауынгерлік, партиялық, өміршең әдебиеттің — социалистік реализм әдебиетінің туын бұрын болып көрмеген жоғары сатыға көтеруге міндеттіміз.

Жетіжылдық әрбір совет әдебиетшілерінің жаңа туындылар жасауына кең жол ашты. Біздің советтік өмірдің әрбір күні — жаңа тақырыптардың, образдардың, сюжеттердің, керемет ойлардың сарқылмас көзі, мол байлығы. Олар жаңа құрылыстардың алаңдарында, заводтар цехтарында, оянған тың қырларында, “Қазақ-

стан Магниткасының” құрылысшыларында, колхоз жайылымдарында, лабораторияларында топтасып жатыр. Қазірде адам танымастай болып өзгерген қазақ өлкесінен суреткерге жүрек тебіренерлік өмірдің мол материалдары табылатыны қазақ әдебиетінің бір кездегі бастаушыларының есіне келді ме екен? Жаңа өмір, біздің социалистік шындығымыз әдебиет творчествосын тамаша және ой толқытарлық өмір материалдарымен байытады. Бұл біздің барлығымызды көркемдігі жоғары ұлттық формамен социалистік мазмұнды шын және айқын, терең бейнелеуге міндеттейді.

Совет жазушылары социалистік реализм принциптеріне неше түрлі шамамен шабуыл жасаушы буржуазиялық идеологтарға, ревизионистерге қарсы кескілескен идеялық күресте көп ұлтты совет әдебиеті идеялық негіздерін қорғайды. Олар айқын да талассыз қағиданы, социалистік шындықты, СССР халықтарының барлық ұлт әдебиеттеріне шексіз мүмкіншіліктер ашатын творчествоның социалистік мазмұнын қорғайды. Жаңа социалистік мазмұн бұл әдебиеттердің ұлттық формаларының бір орында қатып-семіп қалмай, қайта өрістеп өмір сүруіне, халық бұқарасының көркем тәжірибелерінің кең қанат қағуына жағдай жасайды.

Маркстік-лениндік эстетика жыл санап социалистік реализмге талпынған дүниежүзінің прогрессивтік әдебиетінің қозғалысының тәжірибелерімен байи түседі. Қандай болмасын әдебиеттің ұлттық ерекшеліктер проблемалары қазіргі кезеңде социалистік құрылыстан, коммунизм жолындағы күрестен тыс шешілуге тиісті емес.

Коммунистік құрылыс жылдарында жинақталған ұлт әдебиеттерінің көркем тәжірибесін творчестволық жолдармен қорыта түскенде, біз көбінесе Кавказ, Балтық жағалауындағы немесе Орта Азия әдебиеттеріне назар аударамыз да, орыс совет әдебиетінің табиғатына байланысты ұлттық ерекшеліктерді аз айтамыз.

Осыған байланысты біз, туысқан әдебиеттер жазушылары, ең алдымен орыс әдебиетінің ұлттық формаларының даму тәжірибесіне мұқият қарауымыз қажет. Өйткені ол әдебиет біздің алдымызға ең жарқын, жақсы мысалдарды жайып салады. Орыс совет романы, драматургиясы, әсіресе

барлық жанрда дамыған оның поэзиясы орыс әдебиеті топырағында ұлттық форманы молайту жөнінде аз өзгеріс жасаған жоқ қой.

Социалистік реализмді дамытуда халықтар достығы үлкен роль атқарады. Бұл рольдің достық сипаты бізде өзгеше. Көп халықтардың тарихи тағдырлары Россиямен достасу нәтижесінде бақытты болып қалыптасты. Әлемге әйгілі мәдениеті бар, мол парасатты орыс халқы туысқан халықтардың әрдайым жетекшісі болып келді. Ең алдымен тіліне байланысты ұлттық ерекшеліктері бар оның әдебиеті барлық халықтардың өмір тіршілігіне керекті жаңа рухани бағалы байлықтардың қайнар көзі болды. Орыс тілі еліміздің барлық халықтары үшін екінші ана тілі болып есептеледі. Ол тіл мен мәдениетті ойдағыдай игеруге, бүкіл дүние-жүзінің мәдени қазынасымен жақындасуға жол ашады. Біздің таңдаулы шығармаларымыздың ұлы социалистік Отанымыздың көп ұлтты оқушыларына жетуіне мол себебін тигізеді. Бұл тек қана орыс оқушысына жетудің жолы емес, сонымен бірге әртүрлі ұлт оқушыларына таныстырудың жолы.

Халықтар достығының арқасында ұлт әдебиеттері бірімен-бірі тығыз байланыса өмір сүріп, бірін-бірі байыта түседі. Сондықтан қазіргі әдебиет процесінде халықтар достығының орны мен мәні социалистік реализмнің идеялық шешуші принциптерінің бірі болып саналады.

Шетелдердің прогрессивтік жазушыларының творчестволарын сөз еткенде, ұлттық форманың дамуларының барысына қызғылықты байқаулар жасауға болар еді. Олардың социалистік реализмнің жасампаз күшінің қуатымен мәуелеген ұлттық демократиялық дәстүрлері әдебиеттің өзара қарым-қатынастары арқылы байытылған ұлттық формалар элементтерін тудырды. Социалистік реализм кең дамып, күшті ықпал етіп, ұлттар әдебиетінде көркемдік формалар жаңғыруының үлкен бетбұрыс, түзілістерін жасады.

Сондықтан да ұлттық форма проблемалары социалистік реализм әдісімен біртұтас байланыста талқылану керек. Бұл жанды, қанды байланысты көзге ілмей аттап өтсек, біз әрбір әдебиеттегі социалистік реализмнің ұлттық ерекшеліктерін, ұлттық сипаттарын ескермеген болар едік.

Жаңа ұлттық форма өмірдің өз әсерінен туады. Біріншіден, өткенде жасалған туындылардың бәріне сын көзқарас, дұрыс баға беріледі. Халықтың ұғымына, талғамына, психологиясына төтеп бере алатын туындылар іріктеледі. Озғын прогрессивтік нәрселер өзінің бұлжымас орнын алады. Әрбір ұлт мәдениетінен оның демократиялық элементтерін екшеп алу жөніндегі лениндік қағида заман талабына жауап беретін жаңа искусствоны қалыптастыруда адамның қуатты, биік мақсатты, ақыл-ойға толы творчестволық күшін шындай түседі.

Екіншіден, жаңа дәстүрлер, жаңа көркемдік элементтер жасап, ұлттық форма өзгеріп отырады.

Үшіншіден, мәдени дамудың қазіргі жағдайында ұлттық форма жаңа сипаттармен байи түседі. Отанымыздың басқа халықтарының әдебиеттерінің қолы жеткен формаларын қабылдай ала отырып, жаңа қасиеттерге ие болады.

Бұған мысалға талантты халық шайырларының, ашуттарының, ақындарының, бахшыларының шығарған суырып-салма өлеңдердің жаңа мазмұнды, адамдардың жаңа сезімін бейнелейтін жоғары идеялы, жаңа реуішті өлең дәрежесіне көтерілгенін алсақ та жеткілікті. Әрбір әдебиетіміздегі бұл процестердің барлығы халықтар достығының құнарлы топырағында өсіп, жетіліп отыр. Мұның ең басты өзекті әрі шешуші шарты біріне-бірі қолдан телінуінде, немесе бірін-бірі ауқымдап алып кетуінде емес, достарда бар таңдаулы нәрселерді еркімен игеруде болып отыр. Бұл — рухани творчестволық өрлеудің аса жемісті нәтижесі, жаңалықты қол ұстаса қызу іздесудің бейнесі.

Біз әдебиеттердің туыстығын сөз қылғанда, оларды бір-бірінен айырықсыз етіп жібереміз бе, байырғы үлкен тәжірибесі жоқ, артта қалған халықтар әдебиетін санаттан шығарып, олардың ұлттық ерекшеліктерін жоғалтып алмаймыз ба дегендей сұраулар тууы да мүмкін ғой.

Жоқ, олай емес. Көп ұлтты совет мәдениетінің өнікті дамуының тәжірибесі өзара ұлттық байланыс дәстүрлерінің ең таңдаулы үлгілерін өрістетуге мүмкіндік бергенін, барлық әдебиетті биікке, белеңге көтеріп отырғанын көреміз.

Творчестволық тиімді қарым-қатынастың арқасында советтік шығыстың көптеген әдебиеттеріне проза, драма

сияқты жаңа жанрлар келіп кірді. Бұлар – орыс реализмінің дәстүрлерін мол меңгерудің жемісі. Бұл жаңалықтарды оқушылар халық ойынан қайнап шыққан, етене боп кіріккен, таңдаулылардан таңдалып алынған өзіндік төл туынды есебінде қабылдайды. Өзбек, қырғыз, түрікмен романдарын өзбек, қырғыз, түрікмен оқушылары ұлттық роман, халық ойының көрінісі, жаңа ұлттық формадағы халық санасының сәулесі, өз сөз суреткерлерінің творчестволық еңбек ерекшеліктері есебінде қабылдайды. Қазақ, өзбек, тәжік драматургиясы жаңа форманы қабылдай отырып, сонымен қатар тек қана тілі жөнінен емес, өмір ерекшеліктерін – әрекеттер қақтығысын, ой өрнегін, адамдар қарым-қатынасын, жалпы характерлер құрылысын қалыптастыруда нағыз ұлттық драматургия болып танылып отыр ғой.

Ұлттық форманың ең басты белгісі әдетте тіл деп есептеліп жүр. Кей уақытта біз оны ұлттық форманың бірден-бір белгісі деп қараймыз. Олай десек, шығарма бір тілден екінші тілге, мәселен, орыс тіліне аударылғанда ұлттық форма қалай болмақ? Көркем әдебиетке келгенде ұлттық форманы тек тіл маңынан іздеуге болмайды. Әдебиеттегі, әсіресе поэзиядағы ұлттық форманың ерекшеліктерін берік қалыптасқан, тұрақты орын тепкен ерекшеліктер деп қарайды. Әрбір туындының орыс тіліне аударылуы ұлттық түрді жоққа шығармайды. Қазақ, өзбек, латыш, армян, грузин жазушыларының орыс тіліне аударылған роман, повесть, өлеңдерінен біз сол халық өкілдерінің өз тілдерінде сөйлеп тұрған жүрек лүпілін сеземіз. Жазушы қандай бір тарихи, әдебиеттік ортада болмасын ұлттық характерлерді бейнелей отырып, ол өз туған әдебиетінің топырағында социалистік реализм әдісін дамыта түседі.

Социалистік мазмұнды байыта түсу, ұлттық форманы дамыту мүддесін ойласақ, әдебиеттің өткендегі көнетоз шарттылығынан аулақ болу керек.

Бұл арада жатжұрттықтардың үстемдік қылған дәуіріндегі әдеттердің таңбасы түскен мұралар жайында сөз қозғап отырмыз. Ол кезде әдебиетке ерекше бір жаргондар, екі немесе үш тілдің араласып кету әдеттері болатын. Ертедегі басқа тілдердің үстемдік құрған өткінші жағдайларындағы бұл

фактілерді кейбір халықтардың классикалық мұраларынан, мәселен, түрік тектес өлеңдерден, “аруз” мөлшерінен байқаймыз.

Бұл секілді көне дәстүрлерден қол үзу социалистік реализм әдебиеттерінде үлкен жаңалықтарға жол ашты. Мұны Самед Вургун, Ғафур Ғұлам, Мұса Жәлел, тағы сол сияқты ақындардың творчестволарынан айқын байқауға болады.

Орын теуіп қатып қалған кейбір нормаларды творчестволық жолмен аттап өтіп, ұлттық форманың жаңа негіздерін тудыру – ХІХ ғасырдағы классиктерге, алдыңғы қатарлы мәдениет қайраткеріне тән дәстүр еді. Олар орыс әдебиетінің озық дәстүрлерімен, сол арқылы дүниежүзі әдебиетінің игі дәстүрлерімен қоян-қолтық творчестволық ізденуді өздерінің тарихи парызы деп ұқты. Х. Абовян, И. Чавчавадзе, М.-Ф. Ахундов, К. Хетагуров, Тоқай, Абайлар осы бағытты ұстанды. Біз, совет жазушылары, олардан тарихтың жаңа кезеңінде ұлт әдебиетін көркемдік байытудың халықтық дәстүрін терең қабылдап алдық. Бұл олардың жаңалық бастамаларының бағалы төлбасы еді. Олар бізге еліктеу құр бас шұлғуды емес, оқып үйренудің жаңа түрін, орыс және дүниежүзі әдебиетінің таңдаулы табыстарын өз бетімен творчестволық түрде қабылдауды өсиет етіп қалдырды. Қазақстан жазушылары өзінің республикалық съезінде қазіргі заманның тақырыбын көркемдеп түйіндеудің, творчестволық шындықпен тығыз байланыста болуының көкейкесті проблемаларын шешуге осы тұрғыдан қарауға тырысты.

Халықаралық қатынасымыздың өсе түсуіне байланысты, туысқан әдебиеттердің ұлттық ерекшеліктер проблемалары теориялық ойларымызды бұрынғыдан гөрі толғанта, ширата түсті. Ұлы Қытай, бүкіл социалистік лагерь суреткерлерінің социалистік реализмнің теориялық проблемаларын қалай шешіп жатқанына, ұлттық форманы жаңғырту жөнінде олардың іс жүзінде қандай жаңалықтар жасап жатқанына сергек көңілмен қарауымыз керек.

Социалистік реализмнің негізгі проблемаларын әдебиеттердің ұлттық ерекшеліктерінен бөліп алып қарауға болмайтынын тәжірибенің өзі айқын көрсетіп отыр.

Өткендегі дәстүріміздің ең таңдаулыларын өз бойына жинап алған, қазіргі күннің мәдениет асқарына құлаш ұрған, халықтардың революциялық шабытын бейнелеген социалистік реализм ғана туысқан әдебиетіміздің ұлттық ерекшеліктерін барған сайын айқындап, жарқын танытып жүр. Көп ұлтты социалистік реализм әдебиетінің осы жағдайларын ескермейінше, еліміздің туысқан халықтарының әрбір жазушыларының көркемдік туындыларындағы жаңа образдарды, бояу-нақыштарды айқын да ашық ұғыну мүмкін емес.

КАК Я РАБОТАЛ НАД РОМАНАМИ “АБАЙ” И “ПУТЬ АБАЯ”

Создание романов “Абай” и “Путь Абая” — любимое дело едва ли не всей моей творческой жизни. В общей сложности тринадцать лет отдано этому труду, рассказу о котором мне и хотелось бы посвятить свои заметки в надежде, что они окажутся небезыntenесными в первую очередь для моих младших товарищей — молодых писателей.

Поскольку речь в романах идет о личности исторической, жившей в определенную эпоху и в определенной социальной среде, их можно отнести к категории романов исторических. Отмечены они и дополнительной особенностью — это произведения о творческой личности. Отразить в образе героя, через его жизнь и борьбу общественно-экономические особенности эпохи — задание, общее для любого исторического романа, остается в силе и здесь. Но так как я пишу о поэте, мой труд отличается от романов такого типа, как, например, “Петр Первый”, “Емельян Пугачев” или “Степан Разин”. Передо мной стояла задача исследовать и показать не только деятельность и переживания героя, связанные непосредственно с жизнью общества, но и психологию его творчества, реально-исторические картины поэтических замыслов, воплощавшихся в его произведениях.

Таким образом, мой исторический роман несет как бы “добавочную нагрузку”. Такова вообще особенность произведений, посвященных творческим личностям — поэтам, писателям, художникам.

Нужно ли говорить, что этот тип романа наиболее сложен. Недаром он возникает лишь в начале XIX века. Опыт создателей его — советских и зарубежных писателей — сослужил мне немалую службу. В одних случаях я просто учился тому, как надо писать, в других — критически

воспринимал чужие произведения, стремился избежать ошибок и просчетов их авторов. Скажем, обращаясь к изображению жизни Байрона у Моруа¹, который описывает взаимоотношения поэта с его сестрой Августой, сделавшиеся в свое время предметом сплетен и причиной травли Байрона аристократией, я раздумывал о том, как нужно относиться к подобного рода биографическим фактам, в какой мере и целесообразно ли вообще отражать их в художественном произведении.

На мой взгляд, наша современность не может примириться с натуралистическим изображением жизни гения прошлого. Ведь нас интересуют в их биографиях не случайные подробности и факты. В памяти народа живут те стороны жизни выдающихся деятелей, которые наиболее существенны, с которыми, собственно, и связана их роль в истории. Думается, именно с этой точки зрения прежде всего и нужно рассматривать биографии замечательных людей.

В моих романах, например, множество добытых мною фактов жизненной биографии Абая остается в стороне. Одни факты я развернул, другие вовсе опустил, потому что они не имеют существенного значения в том историческом здании, которое я стремился возвести в своих книгах.

Поучительной для меня оказалась критика по адресу “Смерти Вазир-Мухтара” Ю. Тынянова²: главная беда этой книги в том, что Грибоедов в ней предстает, по существу, оторванным от народа.

Я решил обратиться к образу Абая для того, чтобы через его жизнь изобразить полвека жизни казахского народа в дореволюционном прошлом. Как известно, Абай был глубоко современным поэтом. Всего две-три его поэмы посвящены прошлому, в основном же его произведения тесно связаны с современностью. Особенно сильны его сатирические стихотворения. Как сатирик Абай напоминает Салтыкова-Щедрина. Им создана обширная галерея отрицательных образов: волостного управителя, степного воротилы и других. Абай поднимается до сатирического осуждения жизни и быта своей среды, осуждения позорных институтов прошлого, угнетенного положения женщины.

Личность Абая со всеми его историческими и творческими особенностями представлялась мне интересной для реализации моего замысла прежде всего потому, что давала возможность, как в фокусе, сосредоточить изображение конфликта передового, исторически-прогрессивного начала, только нарождавшегося, со старым, отживающим, еще очень сильным. Олицетворением сил старого в романе, как известно, выступает отец Абая Кунанбай.

В дальнейшем я имел в виду перейти к серии романов о советской эпохе, которые должны раскрыть путь казахского народа от патриархальщины к коммунизму. Ленин сказал о том, что некоторые народности России, минуя стадию капитализма, придут к социализму. Вот так пришел к социализму, минуя стадию капитализма, и казахский народ.

Несколько слов о подготовительном этапе работы и фактическом материале.

Никаких данных о жизни и деятельности Абая, особенно о его детстве и юности, до нас в письменном виде не дошло. Хотя во время Абая уже были профессионалы-писатели, а письменность стала распространяться задолго до этого, но до тех пор, пока Абай не стал признанным поэтом, а главное, пока он сам не признал себя поэтом, многие его произведения не были зафиксированы в письменном виде и сохранились лишь в памяти Абая и близких ему людей. Никаких мемуаров, дневников, никаких публикаций, посвященных Абаю, не существует.

Сам я уроженец того же района, той же области, откуда происходил мой герой, поэтому мне посчастливилось в отроческие годы встречаться с современниками Абая — стариками и старухами, которые знали поэта (некоторые из них были даже старше его).

Довелось мне беседовать с женами Абая — Дильдой, умершей в 1924 году, с любимой его женой Айгерим, которая умерла шестидесяти лет в 1918 году. Знал я людей и более молодых, слышавших, однако, много рассказов о жизни того времени от самого Абая.

Стихотворения и другие произведения Абая мне были знакомы с пяти—шести лет, мой дед был другом поэта, и нас, внуков, заставляли заучивать стихи Абая и отрывки

из “Евгения Онегина” в его переводе, хотя мы в ту пору, конечно, ничего не знали о том, кто такие Татьяна и Онегин. По-настоящему интересоваться Абаем я начал уже тогда, когда юношей учился в городе и на лето приезжал в аул, хотя, будучи учеником средней школы, а позже студентом Ленинградского университета, я пока еще не рассматривал свое увлечение как нечто серьезное. Вплотную как биограф я занялся собиранием материала о жизни Абая уже после 1930 года. К сожалению, в это время из людей, лично знавших его, в живых осталось только несколько стариков. И все же мои записи рассказов, услышанных непосредственно из уст современников Абая, начиная с 1933 года стали появляться в печати.

В общем эту стадию своей работы над романом я бы, пожалуй, сравнил с трудом запоздалого путника, который приходит к месту стоянки давно ушедшего каравана, находит последний тлеющий уголек угасшего костра и хочет своим дыханием оживить, раздуть этот уголек в яркое пламя. Потускневшая память стариков служила мне путеводителем по юности Абая, по лицу шестидесятилетней Айгерим я старался восстановить красоту ее пленительной юности, некогда обворожившей поэта.

Иной раз подумаешь, что автору, пишущему в наше время книгу о Пушкине, легче, чем мне, хотя дали, лежащие между его и моим героем, несоизмеримы. Ведь жизненный путь Пушкина благодаря множеству дневников, различных документов и материалов может как бы воочию предстать перед читателем. Дальнейшее всецело зависит уже от него самого. Мне же приходилось в немалой мере полагаться на своих рассказчиков, которые одни факты сообщали точно, а другие легендарно приукрашивали.

Своего героя писатель должен знать всесторонне, в многообразии его связей с окружающими людьми. Вот почему за сведениями я обращался не только к друзьям, но и к недругам Абая (а их тоже было немало, если учесть особенности родового уклада жизни казахов). Требовалось сопоставлять порой противоречивые факты и каждый раз исследовать их самому чуть ли не по всем правилам юридических и исторических наук.

Наиболее достоверны данные, относящиеся к последним годам жизни Абая, когда он разрешил своим друзьям собрать в одну книгу его стихотворения. Таким образом, мне на помощь приходит сам Абай со своими произведениями, которые, начиная с 1885 года, уже датированы.

В романе документально историчны имена действующих лиц; также существовали до Октябрьской революции роды, колена, племена. Подлинны названия урочищ. Здесь вымышленного мало, зато отрывочные данные, которые мне удалось собрать о тех или иных событиях в каждом отдельном случае, нужно было дорабатывать, изображая возможные, допустимые для той эпохи и среды ситуации.

Предстояло за конкретными фактами, по-разному истолкованными современниками, увидеть и понять истинную сущность, движущие силы исторического процесса. И здесь социальное обоснование поступков людей, о которых я писал, приобретало особое значение, определяя и их психологический облик.

Возвращаясь мысленно к этапам своей работы над романом, я прежде всего вспоминаю историю сцены казни Кодара, — она, по моему замыслу, должна была явиться своего рода эмоциональным ключом к центральному конфликту книги.

Сначала я полагал воспроизвести эту сцену в соответствии с распространенной (особенно в аулах, родных Кунанбаю) версией, согласно которой Кодар был осужден справедливо. Но, критически углубляясь в изучение исторических материалов, я разобрался в истинном положении дел. Так мне удалось установить, что Кунанбай был просто-напросто заинтересован в захвате земель, принадлежавших Кодару и его роду. Этот факт раскрыл для меня много нового в облике Кунанбая, позволил гораздо глубже, психологически напряженнее и острее представить самую сцену казни.

Абай — тринадцатилетний мальчик — возвращается в аул, где не был три года. Степные ветры, ковыль, запахи трав пьянят, чувство восторженной любви к родине охватывает его. Он не подозревает никакого зла. И вот открывшую душу ребенка опалает страшное зрелище несправедливой

казни, совершенной его отцом. До конца дней не заживет эта душевная рана. Так как позже Абай узнает, что это убийство — подлый ход в хитроумной политике Кунанбая, жаждавшего заполучить землю Кодара, — этот эпизод зазвучал как исходный момент в драме всей жизни поэта. Отец предстает перед сыном в страшном обличье убийцы.

Здесь я нашел пружину для развертывания событий в нескольких последующих главах. Отец и сын, противопоставленные в романе как антиподы, дали мне возможность увидеть тугой пружинящий узел сложных людских отношений. Это противопоставление не могло, конечно, не вызвать в памяти аналогичные коллизии русской и мировой литературы и истории. Я вспомнил о Федоре Карамазове и его детях, о тургеневских отцах и детях, думал о Петре и Алексее, Иване Грозном и Федоре Иоанновиче, приходили на память параллели из немецкой, французской литературы.

Часто обращался я мысленно к столь разным и столь сложным судьбам этих “отцов и детей”, работая над своей книгой и отыскивая такие психологические детали, которые могли бы органично и естественно, как мелодия, рожденная самой степью, ее тихими вечерами, передать каждое движение душ моих героев.

Когда думаешь об исторических произведениях, основанных на жизненных фактах, естественно возникает вопрос о прототипах и типах, как о том, как действительность жизненная переходит в действительность искусства. Нелегко было восстановить подлинный облик Кунанбая — крупного степного феодала, который стремился увековечить свое имя отдельными “благодетями”. Я слышал, например, о Кунанбае как о благочестивом старце, который за десять лет до своей смерти ездил на поклонение праху Магомета и в эти десять лет будто бы ушел от всех сует мира и вел жизнь святого подвижника. В Мекке он построил странноприимный дом. Все это делалось за счет народных средств. Однако в условиях степной темноты, когда общественное мнение во многом зависело от фанатиков ислама, ишанов и мулл, эти “добродетели” заслоняли в представлении невежественных людей зло, творимое Кунанбаем.

А ведь ему принадлежала власть над населением целого уезда, внутри своего приказа он творил бесчинства и

насилия вплоть до того, что отнимал земли у целых родов. В некоторых аулах я находил данные о том, что Кунанбай брал взятки. Это даже было запечатлено в фольклоре, в остроумных стихотворных характеристиках, в народных эпиграммах. Рассказывают, например, в народе такой случай: двое, богатый и бедный, поспорили из-за земельных угодий. Кунанбай отправил своего посланца их рассудить. Посланец решил это дело в пользу бедного.

— Ты, пегий, куда коня направляешь?! — закричал на него рассерженный Кунанбай. А тот отвечает:

— Я правлю не по дороге, протоптанной овцами, а по пути, проложенному богом.

Оказывается, Кунанбай получил от богача взятку овцами, а его посланец делил землю по справедливости.

Немало историй было поведано мне о жестокости Кунанбая. Люди рассказывали, например, что он отдал свою родную малолетнюю дочку в знак замирения главе враждебного рода, и там ее заморили голодом и побоями.

Говорили и о том, что Кунанбай не постыдился устроить набег на траурную кочевку. И постепенно жизненный прототип Кунанбая — лютого правителя-феодала — все отчетливее предстал передо мной.

Одной из самых главных задач моей первой книги было показать, как постепенно и сложно формировалось самосознание Абая, приведшее его к открытой борьбе с отцом. Долгое время его протест остается пассивным, с болью оплакивает он деяния, совершаемые отцом, все более убеждаясь в справедливости жалоб на него. Абай видит, что в широких казахских степях знают истинную цену Кунанбаю. Старый народный певец у меня в романе называет Кунанбая жадным вороном. Я делаю Абая свидетелем разговоров простых людей о том, что даже мечеть воздвигнута Кунанбаем на средства, полученные им в виде взятки. Абай прислушивается к словам матери, к тому, что говорит беднота. Лишь в самом конце первой книги я воспроизвожу решающий разговор его с отцом.

Большое значение для романа имеет образ русского друга Абая — Михайлова, занимающий в книге не так много места, но идейно очень важный, ибо он также про-

тивостоит Кунанбаю. Прототипом Михайлова взята реально существовавшая личность, студент-народник Михаэлис, сосланный после гражданской казни Чернышевского в Семипалатинск. Михаэлис был другом Абая и первый раскрыл перед ним русскую культуру. По переводам Абая произведений Пушкина и Лермонтова мы знаем, как хорошо он знал русский язык и русскую литературу. Абай глубоко усвоил эстетические взгляды Белинского, Чернышевского, Добролюбова,

Все творчество Абая свидетельствует о воспринятом им убеждении, что литература не только отражает действительность, но и выносит свой приговор над ней. По свидетельству самого Абая, он в немалой степени обязан Михаэлису. Правда, этот образ в дальнейшем становится собирательным.

Стоящий в центре третьей книги Абдрахман — тоже реальное историческое лицо. Это сын Абая, умерший в 1895 году. Он учился в Семипалатинске, потом его, по совету Михаэлиса, послали в Тюмень, после этого он отправился в Петербург и там поступил в Михайловское артиллерийское училище. Затем приехал отбывать воинскую службу в городе Верном (ныне Алма-Ата), где и умер от костного туберкулеза. Стихотворения Абая, посвященные Абдрахману, свидетельствуют о том, что в нем поэт видел человека будущего, носителя и поборника всего передового. Эти черты и легли в основу созданного мною в романе характера.

Конечно, в образе Абдрахмана присутствует и домысел. Я упоминаю в романе об осведомленности Абиша относительно Морозовской стачки, крестьянского движения в России, хотя сведений об этом у меня нет. Я считаю, что просвещенный и передовой молодой человек того времени мог иметь определенное отношение к этим событиям, а вернувшись в степь, рассказать об этом отцу.

Существовала в действительности и Тогжан — любимая юного Абая, я видел ее уже старухой. Правда, здесь на помощь мне пришел сам Абай — остались две строки одного из ранних его стихотворений, посвященных Тогжан. И я описываю ее внешний и внутренний облик, исходя из этих строк, творчески развивая их содержание.

А вот потомок Кодара — молодой поэт Дармен — всецело вымышленный образ. Этот сын казахского народа доживает в моих романах до революции. В его судьбе отражены судьбы многих казахских “разночинцев”.

Если первая книга моего романа посвящена формированию характера и взглядов юного Абая, то вторая — становлению Абая-поэта. Во второй книге я значительно чаще, чем в первой, обращаюсь к стихотворениям самого Абая, и это закономерно. В эту пору своей жизни Абай все свои мысли и впечатления фиксировал в своих творениях. Третья и четвертая книги названы “Путь Абая” и составляют второй роман цикла.

Я задался целью на протяжении всего цикла изображать жизнь казахской степи глазами самого Абая, раскрыть ее через его чувствования и переживания. Таким образом, вначале, когда не все исторические явления жизни казахского народа ясны Абаю, я показываю его еще не видящим социальных противоречий своего времени, а лишь чувствующим непосредственное проявление одной злой воли — воли своего отца. Абай еще не в силах обобщить факты действительности в широком плане. Не высказывается здесь и точка зрения самого автора.

В соответствии с этим я и не мог еще показать зачатки классовой борьбы в ауле. В глазах подростка, а затем юноши, она заслоняется борьбой родовой.

В первой книге мой Абай романтичен, все, что связано со степью, окрашено для него романтическим ореолом: кочевой быт с его юртами и полуюртами, вечерний аул — многокрасочный, многоголосый, ночные качели и т.д. Во второй книге, когда жизненный горизонт Абая расширяется, а также в третьей и особенно в четвертой книгах, когда герой становится зрелым человеком, поэтом и борцом, романтика степного быта мною совершенно снимается. Здесь характерны пейзажи снежного ночного бурана и степного миража, как бы аккомпанирующие душевному кризису Абая. Потрясенный суровым зрелищем, он ясно ощущает, что его степь пустынна и безлюдна, что к ней не прикоснулось влияние культуры. Вот это прозрение Абая и является наиболее существенным и, как мне кажется, правдивым.

Каждая книга Абая делится на несколько глав. Согласно моему замыслу, их названия в известной мере обозначают движение образа Абая, которое в каждой книге становится более интенсивным. Во второй книге, например, названия, как и само содержание глав, подчинены показу длительного процесса становления Абая-поэта. “Перед бродом” (раздумье), “Взгорьями” (нравственный подъем, надежды), “На джайляу” (моменты отдыха, спокойствия, ясности), “По рытвинам” (сомнения, жизненные невзгоды).

Жизненные предпосылки развития характера героя, включающие столкновения, драматические ситуации, чувства и мысли Абая, я раскрываю в ряде различных по своему значению эпизодов: личных, интимных, семейных и общественных. Мне казалось необходимым дать эти эпизоды не в разрозненном иллюстративном плане, а в естественном жизненном переплетении, как того требуют законы реализма.

Книга открывается конфликтом между отъезжающим на богомолье в Мекку Кунанбаем и Даркембаем, который от имени внука давно казненного Кодара предьявляет Кунанбаю иск за убийство. В сознании Абая – героя второй книги – это столкновение между Кунанбаем и Даркембаем уже перерастает рамки частного спора. Внутренне осуждая своего отца, грубо оттолкнувшего истцов, Абай, обращаясь к мальчику, заявляет, что берет на себя ответственность за отцовский долг перед ним.

Этой сценой я открывал цепь главных мотивов, которые в идейно-сюжетном отношении как бы знаменуют вершины событий и переходят из книги в книгу. Абай признает себя должником угнетенных Кунанбаем семей и племен. Более того, он посвящает свое поэтическое творчество и общественную деятельность народу, обиженному Кунанбаем, так как чувствует себя в ответе за преступления отцов – за преступления власть имущих, угнетателей народа. Эта идея, переходящая через всю книгу, подсказана многими произведениями самого Абая.

В первой книге прямых столкновений Абая с его отцом Кунанбаем не было. Во второй мы уже видим попытку расправы с Кодаром, внешне Кунанбай выступает

здесь как бы в защиту “добродетели”: Амир нарушает закон шариата, стремясь соединиться с девушкой, просватанной за другого. Но, по существу, Кунанбай попросту стремится оградить претензии феодалов. Абай вырывает юношу из рук отца. Кунанбай проклинает Абая, но Абай принимает это совершенно равнодушно. Обличая отца, он говорит, что время его неограниченной власти прошло, наступает иная эпоха. Именно этот эпизод, по-моему, наиболее выразительно характеризует перерастание семейного конфликта в социальный. Открывается новый период в жизни Абая — период постепенного отхода от своего класса.

Теперь Абай уже более ясно осознает свой путь. Поэтому, когда он видит нищий аул жатаков, он понимает, какая буря пронеслась по степи, какое зло причинили степные властители. Он прямо осуждает баев, идет на открытое столкновение с царскими чиновниками, впервые возглавляя протест жатаков. Мы знаем, что именно в этот период рождаются лучшие произведения Абая.

В стихотворном наследии Абая имеются только две три поэмы, в основном оно состоит из небольших лирических стихотворений. Поэтому мне представилось необходимым раскрыть в романе жизненные истоки его любовной лирики, показать, как были созданы самые известные из этих произведений. Есть, например, у Абая много лирических описаний природы. Одно из его замечательных стихотворений целиком посвящено охоте³. В реалистическом пейзаже сказывается благотворное влияние традиций русской классической литературы, традиций Пушкина.

Рисуя Абая на охоте с беркутом, я стремился воспроизвести возможные обстоятельства рождения этого стихотворения. На охоте, в то время когда спущенный беркут падает на лисицу, перед мысленным взором Абая, внезапно увидевшего пушистый белый снег и на нем красную лисицу, сражающуюся с черным беркутом, возникает образ купающейся девушки, который он потом переносит в стихотворение. Весь этот эпизод — своего рода продленная лирическая пауза, прием психологического замедления перед изображением картины бурана, приведшего Абая

в аул, где живет первая любовь поэта — Тогжан; бурана, явившегося прообразом и предпосылкой душевной бури, пережитой самим поэтом. Мне хотелось как можно более точно нарисовать психологически сложную сцену этой встречи. Буран дан мною в несколько сгущенных красках. Охотники в течение нескольких дней и ночей блуждают по степи, им грозит гибель. Наконец, измученные путники попадают в неизвестный аул, огни которого манили их сквозь бушующую стихию. И вдруг, войдя в зимовку, Абай видит свою давно потерянную возлюбленную Тогжан. Абай внутренне не подготовлен к этой встрече, он изнурен физически, у него начинается горячка.

Ему, мечущемуся в жару, едва отличающему явь от бредового видения, мерещится неизбежная гибель. Спасти его может только Тогжан. Тогжан просит его спеть, он хочет вспомнить песню своей любви и не может. Эта встреча раскрывает Абаю всю силу его чувства к Тогжан, и вновь обретенная любовь становится для него неиссякаемым источником песен, самых интимных, самых волнующих.

Такое же значение имеет встреча Абая с двойником его первой возлюбленной, певицей Айгерим, которая позже становится второй женой поэта, вдохновившей его на замечательные лирические стихотворения.

Любовная лирика Абая тесно связана с его борьбой против угнетения женщины, за ее человеческие права и достоинство.

Согласно устному преданию, Абая избрали третейским судьей в споре между двумя большими родами из-за девушки Салихи. Это весьма характерный для того времени спор. Девушка просватана за молодого джигита, который вскоре умер, и, по степному обычаю, право жениться на ней приобрел родственник умершего. Брат жениха хочет взять ее второй или третьей женой. Она приходит к Абаю, и ее полные трагизма слова побуждают его сложить стихи о девушке, которая, не желая выходить за старика, бросилась с утеса в омут.

В книге этот эпизод, показывающий, как Абай-поэт заимствует свой материал у жизни, построен на приеме контраста. Абай видит уродливые явления действитель-

ности, особенно яркие на фоне прекрасных картин степной природы, и эти его жизненные впечатления воплощаются потом в стихотворениях.

Моей целью в романе была не просто иллюстрация деятельности Абая-поэта, но раскрытие общественно-исторических, философских, жизненных основ его творчества. Особый интерес в этом смысле для меня представляло обращение Абая к наследию Пушкина.

В главе “На вершине” Абай читает “Евгения Онегина” и, созерцая степную природу глазами человека, испытавшего много бед и несчастий, близко столкнувшегося с горькой долей казахской женщины, видит в образе пушкинской героини не только Татьяну Ларину, но и общечеловеческий идеал женщины. Душевная исповедь Татьяны зазвучала для него голосами близких ему людей. Перед его взором возникают образы Тогжан, Айгерим, Салтанат, Салихи. И он не только воспроизводит Пушкина на казахском языке в своем переводе письма Татьяны, но воплощает в нем и свои переживания, переживания своих соотечественников.

На Востоке существовала традиция перепева, творческого обращения к наследию прошлого, но уже с позиций своей эпохи: классические сюжеты Низами, Навои и других великих поэтов перепевались поэтами более позднего времени, наполнявшими эти сюжеты чувствами и мыслями своей среды. Именно так, отталкиваясь от степной действительности, обращается в моем романе Абай к образам и сюжетам Пушкина. Я изображаю, как он стоит на вершине степного кургана, глубоко взволнованный гением Пушкина, и в тот же день создает мелодию, благодаря которой душевные излияния Татьяны становятся народной песней. Эта песня поется на свадебных торжествах в Семипалатинске, а затем широко разносится по всей степи. Так заканчивается книга.

Так как Абай был одним из первых “письменных” казахских поэтов, особое значение имеет вопрос о его отношении к народному творчеству. Непосредственно к фольклору, его мотивам и сюжетам, Абай не обращался. Но он любил народные поговорки, пословицы, широко использовал словарный запас казахского языка, который

он сам, в свою очередь, обогатил неизмеримо больше, чем все его предшественники. Словарь Абая включает многообразные богатства казахского языка, выразительные средства которого он стремился освоить с исчерпывающей полнотой. В его стихотворениях мы часто встречаем народные поговорки и пословицы, еще чаще находим афоризмы, созданные в духе мудрых народных афоризмов, изречений. Произведения Абая принципиально новы по сравнению с создавшимися до него. В казахской степи ни один поэт до Абая не воспевал богатства природы. Такого рода тематика в казахской поэзии появляется вместе с развитием письменной литературы. До Абая никто в нашей степи не создал и стихотворения, посвященного роли поэта, задачам искусства или содержащего протест против угнетения женщины.

В книге “Путь Абая” – третьей книге цикла – освещен дальнейший жизненный путь поэта-просветителя, но задание этой книги и ее значение шире: “Путь Абая” – решительный отход Абая от своего класса и приход его к бедноте, к интересам крестьянства – это с одной стороны. С другой стороны, путь Абая-поэта, ставшего известным передовым деятелем и мыслителем, показан как путь от вековой отсталости феодальной степи через духовное наследие Пушкина к русской литературе – Лермонтову, Крылову, Салтыкову-Щедрину, ко всему тому, что открылось для Абая в общении с русской культурой.

В процессе моей работы над двумя частями романа мне во многом помогли критические замечания в адрес первого издания первой книги. Я стремился показать, как благодаря жатакам и их борьбе Абай начинает видеть мир по-другому, стремится раскрыть социально-историческую сущность общественной борьбы в степи, где в ту пору уже происходило классовое расслоение.

Теперь борьба классов, маскировавшаяся прежде родовыми отношениями, все больше обнажается, постепенно проясняется сознание беднейших слоев народных масс.

Чем дальше продвигается роман через жизнь Абая к нашему времени, тем ближе в моем представлении должна сходиться линия развития казахского общества

с судьбами русского крестьянства, с общероссийской общественной борьбой. Поэтому в третьей книге цикла “Путь Абая”, изображающей конец восьмидесятых и начало девяностых годов, этой борьбе уделено гораздо больше внимания. Здесь Абай узнает о крестьянских волнениях, о Морозовской стачке. Таким образом, родина для Абая — уже не изолированная степь, которая пребывает в условиях азиатского средневековья, в условиях безраздельной власти степных воротил. Он все шире и полнее осмысливает социальное зло своего времени, и это передано через дела и мысли Абая как общественного деятеля и поэта, через его дерзания и поиски, ошибки и успехи.

Естественно задать вопрос: нужно ли было после выхода первых двух книг продолжать роман об Абае? Я считаю, что продолжить описание жизни и борьбы Абая было необходимо в новом романе по двум основным соображениям.

Во-первых, потому, что в романе далеко не полно изображены жизненный путь Абая и программа его общественной деятельности. Был показан Абай-поэт, Абай, формирующий новую среду передового казахского общества, но еще не изображен Абай последних десятилетий его жизни — мыслитель, зрелый и непримиримый обличитель пороков степных феодалов, который одержал ряд побед в открытых общественных схватках, выступал за приобщение казахского народа к передовой русской культуре.

Задачей нового романа было наиболее полно раскрыть вехи этого пути, как воплотившего в себе передовое, исторически прогрессивное начало жизни казахского народа в последней четверти XIX века. Поэтому роман и назван “Путь Абая” — путь Абая как исторического деятеля, передового гражданина своего общества, путь Абая от отсталого степного уклада к народно-демократической, передовой, прогрессивной русской культуре, путь Абая, формировавшего вокруг себя передовые силы казахов своей эпохи. Такое же задание стояло перед автором при написании еще одной — четвертой, последней книги о жизни и деятельности великого поэта — заступника народа.

Естественно, что в новых двух романах на первом плане оказались не факты частной жизни Абая, а изо-

бражение его связей с народом, борьбы за народ, эпизоды столкновений Абая с феодалами. Согласно исторической правде, я изображаю героя и в столкновениях с его кровными родичами, потомками крупных феодалов, ханов, султанов, в том числе с родным братом Такежаном, который хотя и является фигурой куда более мелкой, чем его отец, но, по существу, мало от него отличается. Порывая со своим классом, мой герой ныне вступает в противоречия и со своими бывшими друзьями. В юношеские годы Абай дружил с Жиренше и с другими джигитами из феодальной среды. Я рисую, как эти люди, придя на смену своим отцам, продолжают их дело.

Еще одна линия получает существенное значение в романе — я имею в виду образы людей нового, неизвестного прежней степи склада. К ним относятся лучшие представители молодого поколения, такие, как сын Абая — Абдрахман, выросший и под влиянием своего отца просветителя, и под воздействием русской культуры, и такие, как джигит Базаралы, побывавший в сибирской ссылке и вернувшийся в степь уже политически зрелым человеком. Интересен для меня и Даркембай — старик-крестьянин, перешедший от кочевого образа жизни к оседлому. Новый исторический сдвиг происходит в сознании жатаков.

Во-вторых, для художественного осмысления жизни и борьбы Абая в моем романе большое значение имеет еще одна линия: здесь действуют русские люди типа Павлова, а затем и крестьяне-переселенцы из Пензенской и Орловской губерний. Вытесненные нуждой из Центральной России, они попадают в казахскую степь. В конце восьмидесятых и начале девяностых годов прошлого столетия в Казахстан шел целый поток русских крестьян, которые заселяли плодородные долины. Таким образом, беднейшее русское крестьянство приносит в Казахстан оседлую земледельческую культуру, и казахская беднота получает от него много полезного. Бедняки русской деревни и казахского аула сроднились. Не зная языка друг друга, они быстро приходят к взаимному пониманию как социально близкие группы, у которых общие нужды, общая цель.

Это тоже исторически новое явление, которое не могло не войти в орбиту интересов Абая, а следовательно, не могло не остановить моего внимания.

А такой представитель русской передовой интеллигенции, как Павлов, — образ уже всецело собирательный — входит в роман в несколько ином виде, чем входил в шестидесятых годах Михайлов: Михайлов был народовольцем, непосредственным продолжателем деятельности Чернышевского. Оказавшись в Сибири, в ссылке, он в известной мере оторвался от революционной среды и перешел на легальную деятельность. На смену ему появляется Павлов. Этот представитель революционной русской молодежи того времени мыслится мне как один из участников группы русских марксистов восьмидесятых годов.

Так стремлюсь я изобразить силы нового, группирующиеся вокруг Абая; с одной стороны — народно-революционная Россия проникает в степную глушь, с другой стороны — сама степь выдвигает свои новые силы. В этой среде и действует Абай. Теперь мой герой — борец, мыслитель, активно определяющий дальнейший исторический путь развития своего народа.

Вместе с тем я изображаю в романе постепенную консолидацию сил феодалов. Урядники и приставы смыкаются с реакционными, консервативными силами казахского аула. Лагерь реакции показан в романе в непосредственном столкновении с Абаем.

Чтобы развернуть убедительную картину исторической действительности конца восьмидесятых годов, я должен был, изображая жизнь и деятельность Абая, показать широкий исторический процесс, проходящий в казахской степи того времени. С этим замыслом были связаны различные этапы работы над романом.

Первая глава третьей книги называется “Абай-ага”. Сначала я думал дать это название всему роману (кстати, так озаглавлено издание на казахском языке, выпущенное в 1950 году). “Ага” — значит старший брат, дядя, по-казахски это слово употребляется как почтительное обращение к старшему вообще. По-русски трудно было передать точный смысл этого слова, и потому я изменил название романа, сохранив его лишь для первой главы, потому что здесь

Абай действительно выступает как своего рода учитель в группе молодых поэтов. По летам иные из них были, может быть, и не на много моложе Абая, но по общественному авторитету, по силе мысли он, несомненно, пользовался положением старшего.

В этой книге я стремился глубже раскрыть мировоззрение Абая — показать, как складывалась его критическая позиция во взглядах на догмы ислама и его апологетов. Дошедшие до нас подлинные высказывания Абая говорят о том, насколько он был смел в своих беседах и как остро обличал то, что проповедовали мусульманские книги, муллы, ишаны и хазреты.

Абай — народный поэт, и Базаралы, воплощающий протест народных масс в действии, должны теперь идти рука об руку, заимствовать друг у друга силу, волю к борьбе, координировать свои действия в защиту народа. В дружеском союзе Абая и Базаралы как бы раскрывается подлинный характер пробуждающегося общественного движения угнетенных масс — союз критической мысли и революционного действия.

Вторая книга “Путь Абая”, завершающая весь цикл романов об Абае, имеет своей целью изображение Абая — мыслителя и поэта, выразителя дум и чаяний народа, его идейного вдохновителя.

В четвертой книге основная идея цикла получает наиболее законченное воплощение. Арена борьбы Абая за сближение казахского народа с русской культурой перенесена в город. Столкновения происходят в чиновничьих канцеляриях русской администрации, в мечетях, на базаре, в домах за глухими заборами. Условия города определяют совершенно иной ритм повествования. В этом романе больше драматических столкновений между близко соприкасающимися социальными группами. Здесь вступает в непосредственный конфликт духовенство с прихожанами, городские купцы и степные баи — с городской беднотой; лодочниками, грузчиками Затона, рабочими боен и шерстомоек. Бедняки, недавно пришедшие из степей и превратившиеся в еще неорганизованный, но все же городской пролетариат, представляли особый интерес для меня как писателя. Именно в их среде можно было

наблюдать становление черт нового национального характера. Изображение своеобразного сочетания явлений городской жизни с неизжитыми отношениями феодального быта требовало новых красок и художественных приемов. Отсюда — нагнетающееся от сцены к сцене драматическое напряжение, разрешившееся покушением на жизнь Абая.

В новых сложных общественно-исторических конфликтах характер Абая как философа-мыслителя, заступника и предводителя народа проявляется уже иначе. Теперь недостаточно реагировать на события взволнованными стихами. Требуется и назидание, и активное вторжение в гущу борьбы.

Абай идет на базар, на площадь, в среду ремесленников, грузчиков, перекупщиков. Он вступает в словесные поединки с духовенством, адвокатами, реакционными купцами, феодалами. С трибуны большого съезда он выступает в защиту оседлых беднейших крестьян, не останавливаясь перед всенародным изобличением собственного отца. Именно здесь завершается конфликт Абая с Кунанбаем, хотя Кунанбая уже нет в живых. Если во второй книге эпопеи Абай берет на себя ответственность за грехи отцов, то здесь он отрекается от деяний Кунанбая, объявляя его виновником бедствий народа. Эпизод съезда я рассматриваю как кульминацию всего цикла.

Для изображения Абая — народного трибуна — я использую приемы полемики: от частной беседы с лодочником до публичного диспута с духовенством; от разговора с хозяйкой постоялого двора до состязания с биями в степном красноречии; от своего рода пропагандистской беседы с рабочими Затона до больших общественно-исторических обобщений в разговорах с Павловым. Как видите, мне пришлось обратиться к самым различным художественным приемам. Словесное состязание грузчика Сеита с феодалом Уразбаем, напутственную речь Базаралы к обиженным родам, собирающимся в набег, я передаю средствами устной народной публицистики, которыми очень богат казахский фольклор. Большой монолог Абая на съезде я даю в виде свидетельского показания. В форме большого стихотворения в прозе написан внутренний монолог Абая, предшествующий его известной песне “Если умру”, а также пересказы бесед

Абая с его друзьями и родными (например, притча о могучем дереве, сраженном молнией). Таково же и заключение, перелагающее песню Айгерим о втором рождении умершего Абая. Нередко конкретное явление я изображаю сгущенным до символа, как, к примеру, в картинах джута, эпизоде с гибелью коней, олицетворяющих гибель всего прежнего уклада кочевой степи, целой эпохи, уходящей вместе с Абаем и его близкими. О таком же “сгущенном изображении” можно говорить и в связи с заключительной сценой – как бы второго рождения Абая для бессмертной жизни в народе. В ряде эпизодов дается развернутая аллегория: в притче о дереве, во сне, когда Абай видит себя плывущим по волнам к далекому берегу, где за черной горой брезжит рассвет.

Образ Абая – водителя народа – определяет все компоненты и стиль моего романа. Мне хотелось, чтобы его душевная боль, выливающаяся порой в лирических стихах, иногда в сатирических строках, определяла тональность целых глав, контрастность стиля. Хотелось дать синтез образа Абая.

В то же время я искал сочетания острополюемической интонации с лирической. Так задуман, например, спор Абая с адвокатом о муфтияте, о значении России и русской культуры для исторического развития казахского народа. Оригинальное образное мышление поэта-импровизатора, его философское кредо противостоят заученным фразам, бийской казуистике в состязании Абая с биями. Изогранные канонические формы степного красноречия ныне уже не способны выразить содержание времени – их побеждают жизненно правдивые афоризмы Абая.

Изобличая байство, Абай прибегает в полемике к разящей сатире. В сценах спора с халфе, диспута со степными судьями, биями, спора с адвокатом о муфтияте я стараюсь использовать изобразительные средства, близкие абаевским. Сатирические стихи Абая в устах его последователей, например, грузчика Сеита в его словесной схватке с феодалом Уразбаем, помогают мне показать действенную силу поэзии Абая.

Характер основной идейно-художественной задачи книги диктует и соотношение материала. Вот почему мне казалось правильным, чтобы ведущее место здесь заняли

социально-исторические столкновения, а как фон давались бы бытовые сцены, которые в прежних книгах нередко имели самодовлеющее значение.

При всех образно-стилевых отличиях последней книги романа от первых все они, вместе взятые, представляют собою единство. Их предстояло скрепить не только общностью идейного замысла, но и сквозными темами и приемами. При этом разницу между первой и последней, четвертой, книгой я мыслю, как разницу между юным и зрелым героем, как разницу в виде романтики юности и романтики зрелых лет. Именно романтики этой последней поры, когда Абай, потрясенный, проливает слезы как отец, как печальник народа по случаю народных бедствий. В целом же единству всех частей романа, воспроизводящего сорок семь лет жизни моего героя, его эпохи, способствуют решающие сквозные линии многих жизней, судеб основных образов эпопеи.

Так через все четыре книги проходит идея борьбы между новым, воплощенным в высоком образе Абая — поэта и мыслителя, и старым, олицетворением которого является образ одноглазого, угрюмого Кунанбая, как бы распадающийся затем на множество мелких “кунанбайчиков”, наиболее типичный из которых (не случайно одноглазый) — Уразбай — возглавляет в четвертой книге происки реакции против Абая.

Такой же сквозной темой является борьба Абая за единый с русскими путь исторического развития казахов. Она выражена в произведениях Абая и его полемике, в образах его русских друзей, уступающих в последней книге главенствующее место воспитаннику русского гуманизма — Абдрахману. В четвертой книге тема русской культуры выражается через образ самого Абая и его любимого сына.

Третьей важной сквозной темой является демократическое развитие героя, отходящего от своего класса и соединяющего свои жизненно-творческие интересы с беднотой. Эта тема выражается и через изображение взаимоотношений Абая с жатаками-бунтарями: Даркембаем, Базаралы, Сеитом и другими грузчиками Затона.

Четвертая из сквозных ведущих тем — тема борьбы за женское равноправие, воплощенное в целом комплексе

казахских Ромео и Джульетт. Это прежде всего сам Абай и Тогжан в первой книге, безропотно подчиняющиеся старому, ломающему их жизнь укладу. Это затем Оралбай и Каримбала, протестующие, но сломленные. Это Амир и Уметей, уже более активно выражающие свой протест, становящиеся поводом для разрыва между Абаем и Кунанбаем. Это девушка Салиха во второй книге, освобождающаяся с помощью Абая от подневольного брака со стариком и вдохновляющая поэта на одно из лучших стихотворений — “У хана девушка жила”. И, наконец, это Дармен и Макен в четвертой книге, дерзко нарушающие установления шариата и побеждающие при помощи Абая и русской администрации.

Видоизменения конфликта должны были, по моей мысли, отразить здесь движение времени.

В едином комплексе идет во всех четырех книгах и тема развития Абая-поэта, отражаясь в эпизодах, изображающих первые творческие побуждения, через овладение пушкинским языком, а затем идеями и образами русских революционных демократов, которые претворяются в развитой Абаем традиционной афористичности казахской народно-поэтической речи. Кстати, по моему мнению, эволюцию поэта особенно важно было показать и через развитие его языка.

В соответствии с переживаемой Абаем в романе эволюцией — от тринадцатилетнего подростка — ученика медресе до поэта-мыслителя, выразителя дум народа, — меняется и его языковое мышление. На смену романтичности юношеского восприятия приходит трезвая критичность зрелого деятеля. Мироощущение становится сложнее, осложняется и речь. Я стремился отразить эволюцию языка Абая со всеми присущими ему особенностями. В последней книге, например, он временами мыслит уже книжно, в языке чувствуется влияние синтаксиса русских литературных произведений.

Вся эта линия романа, раскрываемая также через отношение Абая к окружающим его молодым поэтам, получает свое завершение в сцене “второго рождения”, о котором говорилось выше.

И, наконец, центральный поэтический образ всего цикла романов, заключающий первую и четвертую книгу. Это молодой чинар, пробившийся на каменистой почве и жадно тянущийся ввысь (в конце первой книги), и опаленное молнией старое дерево, вопрошающее небо о судьбе своих ростков, смысле всей своей долгой жизни (в конце четвертой книги). В этом поэтическом образе я символизирую историческую сущность жизни и деятельности моего героя.

Во всех книгах я старался сохранить такое построение, при котором расположение и названия глав передают движение образа героя, а через него — развитие истории народа, лучшие передовые черты его.

Итак, первый этап моего труда, связанный непосредственно с жизнью и деятельностью Абая — гуманиста, просветителя и поэта, закончен.

Передо мною манящая дорога вперед. Но я решил теперь отказаться от принципа хроникальной последовательности и начать “с конца” — с романа о сегодняшнем дне духовных потомков Абая.

ҚАЗАҚТЫҢ ХАЛЫҚ ЖҰМБАҚТАРЫ (Кіріспе)

Жұмбақ – халық шығармаларының ішіндегі ең ескі түрінің бірі және барлық жұрттың фольклорына ортақ түр. Әуелгі туысы арғы, ерте заман болғанымен, жұмбақ бергі заманда да, тіпті бүгінгі біздің дәуірімізде де керекті қасиетін жойған жоқ.

Қай кезді алсақ та, жұмбақ өткір, ұшқыр сөз есебінде халық арасында бағалы болған. Жұмбақты халықтың өзге тапқырлық сөздері қатарында саяси құрал есебінде тап жауына қарсы қолданған орындар да аз емес.

Сырт қарағанда, соңғы уақыттарда жазба әдебиет күшеюімен қатар, “Жұмбақ азайған шығар, жаңадан жасалмайтын шығар” деген ойлар болушы еді. Анығында бұл теріс боп шықты. Жұмбақ қазақ халқының арасында да және Союздың барлық басқа халықтарының арасында да әлі күнге тыңнан туып, молайып, дамып келеді.

Олай болса, халықтың жұмбақ деген фольклор қорын жинап басып, тексеріп тану – ғылымдық зор міндет болады.

Бұрынғы халық нені жұмбақ еткен, қазірдегі халықтың көзін тартып, көңілін бөлген заттары не? Осы жайларын салыстырып қарағанда, мән-мазмұнын ғылым жолымен түсініп алуға да үлкен мағына бар.

Жалпы, жұмбақты сөз образының кілті есебінде тануға болады. Жұмбақ ақындықтың ұрығы – дәні тәрізді. Бұл жақтарынан тексеріп тану да ғылымдық міндет.

Қазақ жұмбақтарын ертеде П.М. Мелиоранский, А.В. Васильев, А. Лютшь, А. Алекторов, Ә. Диваев сияқты ғалымдар әр кезде жинап, газет-журналдарда жариялаған. Бұл жұмыстарды 1930 жылдардың орта кезінде біздің белгілі филолог ғалымымыз, қазақ мәдениетінің көрнекті қайраткері Сәрсен Аманжолов¹ (1902–1958) ғылыми түрге келтіріп, 1940 жылы жинақ етіп шығарды.

Бұл шынында қазақ жұмбақтарын жинап, зерттеудегі алғашқы маңызды еңбек.

Одан бері Қазақ ССР Ғылым академиясының Тіл мен әдебиет институтында жұмбақтардың жаңа үлгілері, әсіресе социалистік салт-сана, тұрмысқа, техниканың дамуына байланысты жұмбақтар мол жиналып отыр.

Қазақ жұмбақтарының жинақ болып, толықтырылып, екінші рет баспа жүзіне шығуы – біздің әдебиетіміз бен ғылымымызға қосылатын құнды қазына екендігі даусыз.

Бұл жинақты қазақ тіліндегі жұмбақтардың түрін көрсете алатын кітап етуге тырыстық, сондықтан да барлық жұмбақтарды мазмұндарына қарап тақырыптық жіктерге бөлдік.

Бұл жинақтағы тақырыптар: аспан, жер, хайуан, адам, т. т., барлығы 20 тақырып.

Сондай тақырыптардың ішінде баяғы ескі замандағы шыққан жұмбақтармен қатар бүгінгі колхозшы, жұмысшы, оқушы жұртшылығымыздың жас-кәрісі шығарған жаңа техника, жаңа тіршілік жайындағы жұмбақтар да аралас келеді.

Қазақ жұмбақтарының алғашқы бір тобы осылайша, қолда бары іріктеліп бір жинақ боп шықса, кейінгі келесі топтары аудан-ауданнан жиналған қалпынша басылса дұрыс болады. Ол кезде ғылым жолымен әр саладан салыстыра отырып зерттеуге мүмкіндік көбейеді.

Енді біраз сөзбен бұрынғы ескі жұмбақ деген фольклордың қандай жайды сөз қылатынын айтып өтейік.

Жалпы алғанда, жұмбақ адамның дүние тану жолындағы ойының, қиялының шамасын білдіреді.

Жұмбақтың көлеміне кіретін заттар: табиғат жайы, адамның денесі, хайуанат пен өсімдік, бақташы, егінші елдің еңбек процесі, еңбек құралы, техника жайы сияқтылар болады.

Жұмбақтар еңбекші халықтың өміріне, тұрмысына жанасатын жақтарынан қана алады. Жанды затты алса, өзімен көп кездесетін қасқыр, түлкі, қоян тәрізді алынады. Малдың төрт түлігі бірдей көп айтылады. Ұсақ жәндіктер, паразиттер, шыбын-шіркей сияқтылар және солармен адамның алысуы айтылады.

Жыртқыш аңның кейбірі қой малына қастық ететін қылығымен алынады.

Жұмбақтың кейде бір емес, бірнеше нәрсені санап, кеңірек қамтып келетіні де бар. Бірақ бұл ұдайы кездесетін жай емес. Көбінесе жұмбақ, жалпылап айтқанда, жекелеп, бөлшектеп және дәлдеп тұрып айтуды тәуір көреді.

Шаруашылық түрлері мен заттарды бас-басына анықтап атап айтқанда, соның әрқайсысының ұсақ бөлім-бөлшектеріне де айрықша көңіл бөледі. Мысалға сиырды алсақ: жұмбақ сиырдың өзін сөз қылумен қатар, мүйізін де, сүтін де, емшегін де айрықша жеке-жеке сөз қылады.

Төсек астында төрт бауырсақ.

(Сиырдың емшегі)

Жұмбақ өзге фольклорға қарағанда бітімі бөлек, ерекше затты, деректі сөз. Сол деректілікке сүйенетіндіктен, жұмбақ әр заттың жаңағыдай бөлім-бөлшектеріне көбірек көз салады. Халық өзінің күнделікті жағдайындағы бар заттарды көбірек жұмбақ етеді. Мысалы, ауылдағы шаруаның қолына ұстайтын аспап-құралының ішінде жұмбақ етілмейтіні жоқ. Және неше саққа мінгізіп, неше алуан етіп жұмбақтайды. Сол ретте ер-тұрман, әбзел, қауға, құдық, арба, шана сияқтылар талай-талай жұмбақ етіледі.

Кішкене ғана тостаған,
Лақтырып мені тастаған.

(Үзеңгі)

Ізі бар, қадамы жоқ аяғының,
Тимейді ұшы жерге таяғының.
Қос қолды хайуанға арта салып,
Салады әуезіне баяғының.

(Арба)

Мұның барлығы да өте деректі нәрселер. Осы сияқты адамның өзін жұмбақ еткенде де құр “адам” деп, кесек тұлғасын бір-ақ алып, айтып қоймайды. Оны бар мүшелерін түгел санап, жеке-жеке жұмбақ етеді.

Ал енді, мен берейін жұмбақ сайлап,
Дүлдүлді сахараға қойдым байлап;

Бұлбұл құс отырады үйде сайрап,
Бір гауһар қолымызда тұрған жайнап.
Жел соқса, жанып кетер өрттей қаулап,
Ақылпаз болсаң асқан, терең болжап,
Не нәрсе осы айтқаным, мәнісін тап?

Шешуі:

Болғанда ақыл дарияң, кеудең – дүлдүл,
Күңіреніп сайрап тұрған тілің – бұлбұл.
Қойныңнан шыққан гауһар екі көзің,
Соққан жел – дауылпаздай айтқан сөз дүр.
Дарияның жанып өткен құрақтары –
Адамның қатты шыққан ашуы дүр.

Жұмбақ өзінің сөз қылған затын әр алуан түрде суреттейді. Кейде нәрсені көзге көрінген көрінісіне қарап сипаттаса, кейде сол нәрсенің құлаққа естілетін дыбысына қарай бейнелейді.

Қараша тауым қарлы болды,
Бір жауса кетпейтұғын зәрлі болды.

(Шаштың ағаруы)

Бұл – түске қарап айтқаны. Ал:

Әуеден күбі түсті,
Күбінің түбі түсті –

дегені – күннің күркіреуін дыбыс белгісімен суреттегені.

Жұмбақтың көп кездесетін тағы бір ерекшелігі – заты жақын нәрселерді қосарлап, парлап айту. Қол мен аяқ, қыс пен жаз, күн мен түн, күн мен ай деген сияқты.

Біреудің бір ұлы бар және қызы,
Біледі ол екеуін дүниежүзі.
Ұйықтайды ұлы түнде, қызы – күндіз,
Жүргенде білінбейді басқан ізі.

(Күн мен ай)

Дүние тану жолдарын еңбегіне байланыстырып, осыдан барып қорытынды жасайтын халық, көп жұмбақты нәрселердің неден істеліп, неден пайда болғанын айтуға арнайды.

Барлық халықтардың жұмбақ атаулысында әсіресе айқын көрінетін бір ерекшелік: нәрселерді қызметіне қарай сипаттауы болады.

Әй, керемет бір ит бар,
Үй бағады, үрмейді,
Аяғы жоқ, жүрмейді,
Ұлықсатсыз ол иттен
Адам үйге кірмейді.

(Құлып)

Әсіресе осы ерекшелігі адамның өз мүшелерін жұмбақ етуде көп байқалады.

Бір нәрсенің қайдан пайда болғанын, неден істелгенін айтып және өзінің не міндет атқарып, не жұмысқа арналғанын көрсету арқылы жұмбақ сол нәрселердің барлық жайын баян етеді. Нәрсенің барлық болмысының диалектикасын білдіреді.

Есікте жасауыл бар екі қатар,
Барғанда ұрып-соғып қан қақсатар.
Ол адам жәбірленіп тұрғанында,
Біреу кеп ар жағынан әрі тартар.
Азып-арып онан соң қинар жанын,
Кездіріп талай өзен, сайдың бәрін.
Ләззатын сол сайлары алып қалып,
Шығарып тастайды екен ғазиз тәнін.

(Тамақ, асқазан)

Кейде осы реттен жұмбақ бір нәрсенің тіршілігіндегі барлық ұзын жолын әдемі баян етеді. Мысалы: адамның өмірін:

Таңертең төрт аяқпен,
Түсте екі аяқпен,
Кешке үш аяқпен жүреді, —

(Еңбектеу, жастық, кәрілік)

деп суреттейді.

Осындай жұмбақтың сөз қылған жайларын алсақ, ол, бірден, нәрсені анықтап атап айтады, екінші, қайдан шыққан нәсілін айтады, үшінші, оның атқаратын міндетін

айтады, болмысының диалектикасын баяндайды және жұмбақ нәрселерді қосып, парлап, бір-біріне жасайтын қарым-қатынасы арқылы суреттейді. Осы жайлардың барлығын ақындық сөзбен, теңеу, салыстырумен келтіреді.

Жалпы, жұмбақ деген фольклор түрі қай жұртта болса да оншалық терең зерттеліп, жете танылған түр емес. Сондықтан бұндағы қоғамдық сырды, мазмұнды орнымен толық бағалаған еңбектер жоқтың қасы.

Ал анығында, ескі жұмбақтың өзіне қарасақ та, солардың көпшілігін шығарушы, айтушы еңбек иесі екені ап-айқын түр. Бақташы, егінші, неше алуан кәсіпшілер өздерінің күндегі айналысып жүрген заттарын сөз қылады.

Халықтың жұмбақ ішіндегі сөз қылған заттары әрдайым бірқалыпты, қатып тұрған зат болмайды. Бір нәрсені істеуші, бір міндетті атқарушы, үнемі қозғалыс, қимыл, әрекет үстіндегі заттар болады. Бұнда да көп мағына бар екені даусыз.

Дүниені еңбек арқылы танитын еңбек адамы өзінің бұйым заттарын да, маңайдағы жанды-жансыз дүниені де осындай әрекеті арқылы таниды. Сол арқылы еске алады. Бұл жағынан қарағанда, бірталай жұмбақтар адамның табиғат, тіршілік жөніндегі бұрынғы ескі түсінігі мен кейінгі замандардағы кең ақылға байланысты түсінігінің екі арасындағы айырмыштарды көрсетеді. Көп елдердің ай, жұлдыз, жер мен көк жайындағы ертелі-соңғы жұмбақтарын қарасақ, баяғы заманнан бері қарай адам баласының жалпы тарихы басып өткен әлденеше шаруашылық, қоғамдық сатылардың ізін байқаймыз.

Бір кезде айды айғырға, жұлдызды үйірге теңесе, тағы бір жұмбақта: “Көп бауырсақ ішінде бір қалаш” дейді, немесе: “Жабық астында жарты күлше” дейді, кейде айды “сары поднос” деп те жұмбақтайды. Бұл бір мысалдың өзі де қазақ халқының тіршілігіндегі шаруашылық сатыларын білдіреді.

Кейде осымен қатар табиғат көріністерін адамның өз тіршілігіндегі туысқандық, қандастық жігімен салыстыру да кездеседі. Ондайда әке мен бала, шеше мен қыз, аға мен қарындас, ұл мен қыз деген сияқты егіз екі жайлар қосарланып жүреді. Жоғарыда күн мен айды бір ұл, бір қызбен шендестіру осының мысалы.

Бұрынғы кездегі қоғамдық тіршіліктің сорақы белгілеріне мысқыл, мазақ сөздерді көп айтатын сыншыл, сергек ойлы халық кейде дін иелерін де қатты мазақтайды.

Қу ағаштың басында
Құтырған адам айқайлайды.

Бұл – азан айтқан мәзінді ажуалау. Зат атаулының барлығын еңбек жағдайымен, еңбекке байланысты бітім-тегімен байланыстыра қарайтын халық, жұмбақ атаулының мазмұнын өзі шешіп береді. Жұмбақтың қоғамдық, тарихтық, мәдениеттік негізін сол еңбекке байланысты болған іргесіне, төркініне қарап талқылау керек.

Көп елдің жұмбақтарында ұқсас келетін түрі де бар. Ол бұрынғы өткен шақтағы шаруашылық, қоғамдық құрылыстары ұқсас болғандықтан. Сонымен қатар бүгінгі жаңа жұмбақтардың ішіндегі теңеу, салыстырулардың ұқсас кеп отыратыны тағы бар. Мысалы, жаңа жұмбақтарда трактор мен паровозды өгізге, тұлпарға теңестіру, аэропланды құс деп сыпаттау халықтар тіршілігіндегі шаруашылық іргенің бір негізге құрылғандығынан.

Қай елдің тарихын алсақ та, жұмбақтың бұрынғы кездерде өзінше үлкен орын алғанын байқаймыз.

Кейде бүкіл бір ертеке жұмбақтан туады. Әңгімелі әсем жыр, дастан атаулының талайының жұмбаққа соғып келетіні болады. Ертеде ердің даналығын, жүйріктігін жұмбақпен сынау машық болған. Ескі грек жұртының атақты Эдип жайындағы қайғылы дастаны Сфинкстің жұмбағынан басталады.

Бұрын қазақта күйеу таңдаған дана қыз жұмбағын шешкен кісіге тиім деп серт береді. Бертін келе жұмбақ қазақ ақындарының айтыс өлеңінен көп-көп орын алатын болған. Мәселен, Әсет пен Рысжанның, Нұржан мен Сапар-ғалидың айтыстары жұмбақтасу түрінде жырланған.

Жалпы, жұмбақ деген сөз түрін халықпен бірге, сол халықтан шыққан ақындардың көп пайдаланатынын көреміз.

Жұмбақтың ішіндегі ақындық, көбінесе, едәуір күшті ақындық болады. Соңдықтан ақындар жұмбақ үлгісімен жыр айтуды әдейі таңдамалы есебінде қолданады.

Қазақ ақындарының жұмбақты жақсы бағалауы арқасында біздің көп жұмбақтарымыз өлең боп айтылады. Жұмбағы ғана өлең емес, шешуі де өлеңмен келетін жұмбақтар осы жинақтың ішінде де толып жатыр. Жұмбақ халық сүйетін, көпке жайылғыш сөз болғандықтан, бұл түрді қанау-шы таптың пайдаланғысы келгені де бар. Олар өз мүддесі үшін, халықты алдау үшін дін, құдай, көк өгіз, пайғамбар, патша, сұлтан, төре деген сияқтыларды көп тықпалады.

Біздің уақытымызда жұмбақ өз бағасын жойған жоқ. Жұмбақты мектеп балалары тілге ұста болу мақсатымен оқиды, жаттайды. Жастар ойын-сауық кештерінде әлі де ермек етеді. Ата-ананың жас балаға беретін тәрбиесінде де баланың ойын тапқырлыққа баулу үшін де жұмбақтың көп пайдасы бар. Жалпы Одақ көлемінде шығатын газет пен бірталай журналдарда жұмбақтың көп орын алатыны бар.

Бұның бәрі жұмбақтың халық шығармасы есебінде әлі күнге қадірлі екенін көрсетеді. Оның тағы бір зор белгісі бізде Октябрь революциясынан бері қарай шыққан жұмбақтың санынан әсіресе айқын көрінеді.

Тіпті бүгінгі қала мен колхоз тіршілігінде көпке мәлім, көпке жәрдемші болған өнер туындысының аталмай қалғаны жоқ деуге де болады. Бұл жай жұмбақтың қазір де ерекше қаулап өсіп, молайып келе жатқанын көрсетеді.

Социалистік дәуірдегі советтік халық әдебиетін, фольклор түрлерін бұрынғыдан анағұрлым дамытып, өсіре түсетіндігіне бұл жұмбақтар мысалы өте бір айқын, даусыз айғақ.

Жоғарыда айтылған ғылымдық негізгі ерекшеліктерінен басқа, бізде жұмбақтардың өленді түрі көп. Бұл жай қазақ жұмбақтарының поэзиялық бітімін айрықша зор проблема ретінде зерттеп, талдауды қажет етеді.

Біз бұл жайдағы тексерулер мен қорытынды пікірлерді қазақ тіліндегі жұмбақтар көбірек жиылып, молырақ басылуымен қатар жүргізбекпіз.

Еңбектің осы екінші басылуына лайықты қосылған жаңа жұмбақтарды және айтыс жұмбақтар мен жұмбақтарды институттың ғылыми қызметкері Жанұзақов Телқожа² орындады. Материалды баспаға дайындау ісіне Сәрсеннің ұлы, институттың ғылыми қызметкері Аманжолов Алтай³ көмектесті.

ИСКРЕННЕЕ БОЛЬШОЕ СОРАДОВАНИЕ

Я, так же как и большинство товарищей, попытаюсь в известной мере суммировать свои мысли и чувства, которые навеяны в эти дни прочитанными книгами узбекских писателей, навеяны виденными спектаклями на сценах драматических театров. Повсюду мы наблюдаем, как узбекская литература проходит по этим дням, ступая хорошим широким шагом.

Позади, за плечами узбекской декады – XXI съезд партии, впереди – III съезд писателей Советского Союза, а на знамени этой декады значится: “Узбекская литература в борьбе за коммунизм”. И главное чувство, которое владеет всеми нами, – это искреннее большое сорадование за большую узбекскую литературу!

У истоков славной узбекской прозы стоял Айни, в 20-е годы появляется талантливый прозаик Абдулла Кадыри¹. Начиная с 1928 года я стал читать его произведения на узбекском языке.

Узбекская проза прошла трудный сорокалетний путь, и на этом пути есть отдельные этапы, которые момент за моментом закрепляют восшествие литературы на все более высокие ступени, ведут ее к прекрасным результатам, нацеливают на сегодняшний день. И “Сестры” Мухтарова², книга, получившая всесоюзное признание еще в прошлом году, и замечательная новелла “Птичка-невеличка”, и роман Хамида Гулямова “Светоч”, и роман Рашидова “Сильнее бури”, и многие другие произведения узбекской прозы, и девять романов, которые представили братья-писатели, связавшие свою творческую биографию, свои поиски жизненной задачи с нашей литературой, – все это говорит, что узбекская декада к III съезду писателей принесла очень многое, над чем нужно будет серьезно

подумать – и по поводу отдельных произведений, и в целом подумать. Эта литература представляет много интересного и разного в одной области художественной прозы.

Я прочитал два романа: “Сильнее бури” Рашидова и Кадырова³ “Три корня”. Оба романа, по их стремлению осмыслить в области художественного творчества нашу действительность, лежат в главном русле задач нашей советской литературы и являются лучшими достижениями узбекской литературы. В этом смысле это одновременно достижение и всех среднеазиатских литератур, всех братских литератур, вместе с тем всей нашей советской литературы. Эти два романа написаны на современную тему, и вместе с тем они разные и по-разному интересные.

Прежде всего хочу остановиться на романе Рашидова “Сильнее бури”.

Я думаю, что эта книга будет иметь свое продолжение, потому что героям ее, славным дочерям и сыновьям узбекского народа, задано их исторической судьбой, партией, народом жить долго, трудиться долго и идти к новым вершинам. Эти люди пойдут в семилетку. Они будут идти дальше, и в этом смысле Рашидов стоит на таком пути, что он имеет жизненную тему на большой отрезок своей творческой деятельности.

Это произведение все время будет идти в ногу с нашими днями, и я не сомневаюсь, что на каком-то году семилетки появится третья книга с Алимджаном.

И самое значительное в этом произведении то, что герои его – это люди, у которых большая жизнь и которые несут на себе большое знамение времени. Будут и теневые моменты, будут выдвигаться люди с ярко выраженными личными стремлениями и желаниями, но жизнь их будет нацеливать на все лучшее и светлое, к чему направлена деятельность социалистической узбекской нации.

Поэтому о книге “Сильнее бури” надо говорить, вспоминая “Победителей” и имея в виду еще одну или две книги. Ш. Рашидов – молодой, полный сил писатель, он прекрасно знает жизнь и тонко представляет себе исторические задачи, стоящие перед нашим обществом в различных его слоях.

И замечательно, что к этой декаде мы получили книги представителей различных поколений узбекских писателей, начиная от Айбека и кончая Абдуллою Каххаром. Идут новые писатели, у которых новая манера и новое воплощение жизненных принципов. Ш. Рашидов по своему возрасту относится к третьему, четвертому поколению узбекских писателей-прозаиков, считая от Садрриддина Айни. Впереди у него — бескрайние манящие дали, много достижений, поисков и вершин, на которые он должен подниматься, ставя перед собой все новые задачи.

В его произведениях два положительных персонажа. По своим мыслям, чувствам, психологии они очень интересны, и с первых же страниц книги вы их начинаете любить и понимать все моменты их душевных движений.

Но что еще хотелось бы? Хотелось бы, чтобы через такие образы художником были еще шире, еще больше раскрыты какие-то новые стороны жизни.

Говорят о национальной специфике, о традициях. Я считаю, правильно говорил Якименко, что национальный характер в наших произведениях — это главное, что выражает полнее, всестороннее, убедительнее особенности данного произведения, отражающего жизнь каждой из наших национальностей.

На киргизской декаде я говорил, что надо критикам и исследователям входить в психологию творчества автора, потому что национальный характер, созданный автором, каждый раз изменяется в связи с постоянной эволюцией творческой психологии самого автора. Поэтому для того, чтобы понять национальное в наших произведениях, надо говорить о национальных характерах, образах этих произведений, рожденных данной творческой личностью в данный момент творческого заряда. Творческая личность по-разному проявляется в разных романах. Вникая в особенности творческой психологии автора, мы, критики и исследователи, будем лучше понимать и национальные традиции.

Во имя того, чтобы вы воплотили весь ваш творческий талант, я бы хотел, чтобы в новых редакциях этих книг, когда говорится о главном, центральном персонаже, вы более широко раздвинули рамки выражения духовных качеств не

только героев книг, но и самих себя. Преобладающими красками у вас являются белая и черная — это естественно, но хотелось бы, чтобы были и другие краски при изображении того или другого персонажа.

Кроме прямых ощущений, мыслей, волевых устремлений есть у героев много оттенков душевного состояния, переходные состояния. Они выражаются у каждого человека по-разному; иной раз радостью, другой раз мечтой, третий раз улыбкой, смехом, четвертый раз слезами. Делая общее дело, они должны все же несколько по-разному и погрузить, и помечтать, и полюбоваться ночным пейзажем.

Национальный характер узбекского народа — солнечная жизнерадостность и народный юмор. Нужны улыбка, веселье. Сами эти герои могут иной раз пошутить, посмеяться от души. Могут быть и слезы и огорчения. Вот хотелось бы, чтобы такие краски были добавлены. В этом смысле надо сказать, что отрицательные персонажи обрисованы более ярко и живо, а вот что касается ведущих героев, которым предстоит пойти дальше, пройдя мимо всех Султановых, Кадыровых и т. п., с открытыми глазами встречая препятствия в пути при решении больших хозяйственно-политических задач, то надо дать большой простор для их души.

Они еще молодые и юные. И то, что говорил С. Липкин, я это тоже разделяю: дайте им возможность любить, огорчаться и мечтать! Тогда придут краски из вашей палитры художника, и хочется, чтобы ваша книга выросла до большого эпического полотна наших дней.

Здесь говорится об освоении целинных земель, об освоении пустыни, о всестороннем цветении, а цветам полагается иметь и аромат и свои краски.

Я вижу уже начальные моменты появления таких красок и от неба и от солнечной природы Узбекистана.

Я не знаю, но мне кажется, что Ш. Рашидов нашел большую золотоносную жилу, над которой ему надо работать, а нам, читая его произведения, надо только подбрасывать ему отдельные мысли, которые могут быть автором частично восприняты, частично переработаны. Но мне кажется, что здоровый отрадный голос нашей печати вокруг этой книги является заслуженным откликом уже на этом этапе создания большого полотна.

Другая книга, которую я прочитал, это книга Кадырова “Три корня”. Здесь А.А. Каравалева⁴ высказала некоторые полезные мысли, но мне кажется, что требовать того наполнения, какое она хотела бы получить со страниц этой книги, нельзя. Автор изображает мир студентов, а на заднем плане проходят представители старшего поколения, ученые.

Психология, мысли студентов, которых спаяло общее дело, или поиски молодого поэта — это все интересные моменты романа. Но требовать от автора показа общеполитической обстановки, тех или иных событий нельзя. Людские отношения любой среды развиваются в пределах своей среды. Если здесь будут участвовать представители райкома, райисполкома или научного центра Министерства просвещения, — это уже другая вещь. Ведь действие происходит в общежитии студентов и в аудиториях. Столько груза набросать сюда не так-то легко!

А в пределах того, что сделано автором, здесь много интересного. Я считаю, что роман будет хорошо встречен, особенно в республике. Здесь взято начало пятидесятых годов. Что происходило тогда с учеными: эти дискуссии среди историков об андижанском восстании — это все было в наших восточных республиках!..

Студенты, интеллигенция будут читать эту книгу с большим интересом, потому что здесь очень много взято жизненных линий, показаны разные характеры и, что самое интересное и ценное для меня в этой книге, — здесь люди с интеллектом, люди мыслящие. Герой с интеллектом, со своими мыслями относительно общественных явлений, относительно того, что происходит в эти дни, такой герой, как Акбаров, — это то ценное, что заложено в этой книге. Кроме того, здесь много образных выражений, мыслей. Один из персонажей говорит: “Человеческая душа как многострунный инструмент: какую струну обстоятельства жизни заденут, та струна зазвучит”. Как образно и вместе с тем философски формулируется состояние человека. Много хороших задатков в этом романе. О переводе здесь говорили, и я на этом останавливаться не буду. Эта книга о студентах национального вуза, о формирующейся новой

молодой советской интеллигенции очень ценна. Мне она очень понравилась.

Я в прошлом году Аскаду Мухтарову высказал свои мысли относительно его романа “Сестры”. “Сестры” — это замечательное, выдающееся произведение. Я думаю прочитать его в оригинале, и в предсъездовские дни мы с ним поговорим.

Хочу закончить тем, с чего я начал. Большое чувство сорадования, которое я высказал, — это чувство всех наших братьев-писателей Казахстана, ваших друзей, собратьев по перу.

От имени писателей Казахстана желаю вам продолжить вашу декаду и выслушать здесь очень много добрых, настоящих полезнейших советов, чтобы вы шагали еще дальше, создавая лучшие произведения вашей литературы.

(Речь была произнесена при обсуждении произведений узбекских писателей в дни декады в Москве.)

**Очерктер мен
жолжазбалар**

ОҢТҮСТІК САПАРЫНАН

I. Талап та, тақырып та тек мақта

Бұл сапармен Оңтүстік Қазақстан облысына аса бір қызу және қызулығымен қызықты, қайнар ыстық шақта барған едім. Облыс тіршілігінің әсерлі лебін ең алдымен Шымкенттің өзіндегі ұлы, мол тіршілік демінен-ақ сезерліктей. Облыстық партия комитетіне, облыстық атқару комитетіне, қалалық партия комитеті мен қалалық Совет басшыларының кабинеттеріне кірсең, ең алғаш тіл қатысып, жөн біліскен минуттардан бастап жаңағы айтылған бар облыс тіршілігін бір күйге, бір талапқа төндірген қауырт еңбек майданы атала, санала береді.

Әр кабинеттен нұсқалып жіберіліп жатқан басшылық талап, жігер сол бір жайды танертең де, түсте де, кеште де естірте береді. Облыс бір адамның үнімен бір ғана: “мақта”, “мақта теру”, “мақта жоспарын орындау” деген ұран шақырады.

Обком секретары ертелік сағаттарын дамыл алмай Шаян, Созақ, Түркістан, Түлкібас, Қаратас сияқты аудандармен алма-кезек сөйлесуге арнаған. Қажырлы талап сөздері, жаңа басталғалы отырған еңбек шабуылы екпінді онкүндік жайын баяндайды.

Биылғы жыл облыстың көп аудандарында мақта жетік, бітік шыққан. Алды ашылып та келе жатыр. Жинауына барлық жұртшылық жігері жұмылады. Екпінді онкүндік жарияланып, облыстың шартарабынан ер-азамат, жас жеткіншектерден бастап, ересек аға-апалар, қайраты күшті әке-шешелер болып түстік үш ауданға қарай лек-лек аттану керек.

Соғылған телефондар, ауызша берген нұсқаулар бәр-бәрі де алыс-жақын аудандар, қалалар, өндірістер – бар-

лығынан да топ-топ көмекшілерді арнаулы күнге түгелімен жеткізу қамында.

Қалалық Совет, қалалық партия комитетінің басшылары әр бөлек коллективтен лек-лек адам топтарын жіті, жедел жөнелту соңында.

Шымкентке алғаш келген күннен, күн ғана емес, ең алғашқы сағаттан сана-сезіміңе түгел жетіп, толған халық мүддесі енді қай жерге барсаң да көкейіңнен кетпестей. Өзінің мерзімді, салмақты ырғағымен еңбек күндерін кешіп келе жатқан қорғасын заводына барсаң, оның өзгеше өз дүние, тірлік әрекетінің бәр-бәрімен қатар, мақта бар цехтарда, қайнар қазандар жанында да еске алынып, тілге оралып жүреді. Мақтаға қорғасын заводы кімдерді, қалай жіберіп жатқанын және жіберетінін бас инженер Малкин де, партия ұйымы секретарының орынбасары Сапаев та айта жүреді. Өздерінің айлық, апталық, күнделік қам-қарекетімен қатар, облыс жұртшылығының мына бүгінгі талап-тілегі олардың сана-сезіміне де мықтап сіңгенін көресің.

Облыстың онкүндік серті – мақта теру жұмысын 50 процентке жеткізбек. Бар облыстың шарты, серті бар қорғасыншылардың да арманы болғанын аңдайсың. Дәл осындай күйді ұлы өндіріс ошақтары мол Шымкентте химфарм-заводта да, пресс-автомат заводында да, үлкен коллективі бар тоқыма фабрикасында да, көптеген коллективті, жаңадан құрылған, зор ұлы құрылыс цемент заводында да түгел танысың. Ұғып қана қоймайсың. Жұмылған жұртшылық аттанысының шын саналы екпінін, жігерлі арынын аңғарасың, сүйсіне сезесің.

Облыс орталығындағы екі жоғары дәрежелі оқу орны да барлық оқушы, оқытушы топтарымен түгел оңтүстікке қарай жол тартқан. Барша орта мектептердің ересек кластары және де тегіс жұмыла мақталы елге магниті тартқандай болып тұтас жөнеліскен.

Осылайша облыстың өзге аудандарына шықпай тұрып-ақ, әлі мақталы тақтаны, картаны, атводтарды, мол гектарлар квадраттарын көрмей тұрып-ақ бір Шымкенттің өз ішінде барлық тірлік ырғағы бір қалыпта толқи соға бастағанын сезесің. Мұндай қажырлы тірлік жігері жоғарыда айтылған мыңдаған, көп жүздеген коллективтер толқын

тынысынан бір танылса, партия, совет орындарының ой-жігер қызуынан онан сайын әсерлі сезіледі.

Әрбір жеке үй ішінің де жеке тірлігіне де осы ұлы аттаныстың айқын сезілетін жайлары мәлім. Кейбір үйлерден жұмысшы жастар, тағы бірінен студенттер, енді біреулерінен орта мектеп ересек кластарының ұл, қыздары аттанған. Сол себепті тіпті үйде қалған, пенсияда отырған қарт, кәрі ата-аналар да қайнар қызу күндерін өздері отырған бөлмелерінде, жатыс-жайларында, ас-су айналасында түгел сезінуде, ертеңді-кеш есте тұтуда.

Біздің де ендігі көңіл көзіміз сол екпінді онкүндік сертінің майданы болып жатқан мақталы аудандарда. Бірақ Шымкенттен шығып, облыс аудандарын аралауға беттегенде, біздің сапарымыз өзі де барған сайын қызуы, қызығы үдей, дами түскен кейбір оқиғалы шығарманың бітім-болмысы тәрізденді. Ең әуелі мақтасыз Шымкентте біз мақта ағымына жоғарыда саналғандай қосылдық та, одан әрі басқан сайын мақта жөніндегі қажырлы енбектің үдей берген арнасына түстік.

Тек әуелі біз мақта түгіл, бидайы жоқ, жалғыз жақсы жүгерісі бар, малы мол Шаян ауданына бардық. Одан Қаратау асып, Созақты араладық. Қаратауды қайта асып, Кентауға келдік. Содан Түркістанға жеткенше мақтаның өзін біз әлі көргеміз жоқ. Бұл өлкелерден мақтаны күткеніміз де жоқ. Шаян ауданының басшылары бізбен көрісер сәттен бастап, бізді аудандарынан аттандырғанша қысыла қамшыланып, тек қана мақта қамында болды. Олар обкомға берген уәделі күнге серттегі адам сандарын түгел аттандырып жеткізу үстінде.

Біз қаракөл қойлары жүз мыңдаған, әр совхозы өзіне бөлек-бөлек ен дүниенің еркін қожасы боп жатқан Созақ совхоздарында жүрдік. Қаратаудан құмға қарай асып, мақталы түстіктен шырқау алысқа кетсек те және мақта-мақта ұранынан, талабынан алыстағамыз жоқ.

Облыстық партия комитетінде, қасында отырып, өзіміз естіген жолдас Юсуповтың немесе осы науқан үстінде обкомда әзір көбінше жалғыз отыратын Бегімбетов Сәлім жолдастардың үндерін Қаратаудың терістігінде: Құмкент, Шолаққорған, Қызылкөл, Созақ, Бабата қыстақ, ауыл, совхоз жайларының бәр-бәрінде үздіксіз естіп жүргендей болдық.

Сол жолымызда, он-ақ жыл бойында көңіл мен көзді қызықтыра қуантқандай болып туған тамаша қала Кентау бар. Аз жыл ішінде бар көшесіне асфальт жайып, арық ағызып, жас еменнің тығыз қатарларын өсірген бұл қала қорғасын кенінің мол байлығы тудырған әсем қала! Бар болмысына, жайнаған жарастығына қарағанда, өнерлі, өскелең балғын қауым тірлігі көшесіндегі балғын өскен жас емен бейнесіндей. Өзге көрген аудан жайлардай Кентау жөніне де біз кейін арнай ораламыз. Әзірше жалғыз ғана ойға ала кетеріміз: қақпағы ашық сағаттың механизмі сияқты боп, өзі де сан алуан қайнар ырғағымен жүріп жатқан осы қала тірлігі жайшылықта және де мақтадан жырақ екені даусыз. Бірақ осы Кентаудан қай орынға барсаң да, мақталы оңтүстікке топтарын, лектерін, жас буын жеткіншектерін “жіберіп, жөнелтіп жатырмыз” деген үндер есітесіз. Сандар, ақпарлар аңғарасыз. Бұл қала халқы да жаңағы облыс жұртшылығы бар жігерін бір арнаға салған үлкен ағым ішінде. Сол бір үлкен өмір ырғағына қосыла соққан бір жүректей топ жүрегін, көп жүрегін сезесіз.

Енді бір кезек біздің сапарымыз алыстан атын көп естіген, көкейімізге мейлінше сіңген мақтаның өзіне оралды. Ол – облыс көлемінде маған әсіресе жақынырақ таныс Түркістан ауданы. Түркістан – мақталы аудандардың шеті. Облыс көлемінде сүбелі аудандардың бірі.

Сексен мың халқы бар, колхоздарының көбі ірі, адам басы мол және мақта егуде мол тәжірибе-тәсіл алған өскелең аудан, мұнда колхозшыларға көп көмегін, әр алуан күш-көмегін қосып отыратын қала, өндіріс орындары бар. Сексен мың жанның қырық мыңдайы қалалы, темір жолды, өндірісті орындарда еңбек етеді. Сондықтан өз мақтасы мол болса да, өз мұны, қам-қарекеті өзіне, басына аса жетерлік болса да, Түркістан ауданы өзге бұдан бұрын біз көрген аудандардан бөлекше екіұдай күй кешеді.

Ауданның тәжірибелі, салмақты секретары Қадірқұл Мәуленов пен іскер, жігерлі атқару комитеті председателі Сасбұқаев Әділ екеуі де әрі өз мақтасына күш-жігерді жұмылтып жүр. Әрі оңтүстіктегі мақталы аудандарға тағы да талай топ жандарды бөліп жіктеп, іріктеп жіберу әрекетімен әуреленуде. Ал ауданның өз ішіне, ісіне үңіле

түссен, мақталы далаларында қайнар қызу, қызған қызық еңбек жарысы көз де, көңіл де тартады.

Біз ең әуелі дәл осы күнге аудан бойында озып тұрған “Победа” колхозына келдік. Сонан соң “Коммуна” колхозына ауыстық. Алдыңғы колхоз басшылары “біз алдамыз” десе, “Коммунаның” бастығы Әбдірахманов Әбдіразақ: “дәл бүгін-ертең біз “Победа” колхозына жетеміз, қазір біз үшінші орында тұрғанмен, дәл бір күнде 6,5 процент алғалы отырмыз”, – деп күле отырып барынша сенімді күйде: “Бүгін “Победа” алда болса, екі күннен кейін алға біздің шыққанымызды есітесіз!” – дейді.

“Коммуна” колхозында атақты мақташы қыз Зүлпіш бар (Исминова Зүлпия). Ол жалпы норма сексен килограмм болғанда, кешегі күні 511 килограмм теріп, алты норманы бір өзі бір күнде беріп шықты. Зүлпіштің мақта теруі таңғалдырады. Қолдарының қозғалысы сонша шапшаң. Әрі өсіп тұрған мақтадан, әрі мақта жинайтын қапшығынан қолдары мүлде үзілмейді. Екі ғана қол емес, Зүлпіштің төрт-бес қолы бар тәрізді. Бейне бір индуизм, буддизмнің көп қолды құдайларының бәрі әрекет етіп жүр дерсің. Осындай өнерлі жігер бір Зүлпіште емес, көп жанда, барлығы Түркістанның бар колхозынан байқалса да, Әбдіразақтың сенімі мен арынында анық берік қанат бар. Ол дегеніндей, екі-үш күннен соң колхозының аудан бойынша алға шыққанын облыс жұртшылығына тегіс мәлім етуге жарады.

Осылайша мақталы ауданға кіре бере біз жарысып келе жатқан бәйгелердей қайнар жігер, ыстық қызу арнасына түстік. Аудан мен аудан жарысады, аудан ішінде колхоз бен совхоз үзеңгі қағысып, үздік-создық келе жатады. Колхоздар даласында бригадалар, сан Зүлпіштер бір күн емес, бір апта бойы саңлақтай самғап барады. Енді бір кезек оларды басқа тасқын жігер асқан еңбегімен, күштердің қайнар еңбек қызуы енді оңтүстікке қарай ауғанда одан да үдей түседі. Ыстық азарт лебімен тұла бойынды еліктіре шарпығандай бола береді.

Түркістанда біз ең алғашқы мақталы ауданға аралассақ та, оңтүстіктегі атақты мақталы үш ауданның сапары әлі алыс. Түркістаннан соң біз көрші аудан Шәуілдірге ауыстық. Бұл да өзгеше мол мал шаруасымен, жүгерісімен

нық мақтана алатын келісті аудан. Шәуілдірдің қаракөл қой сов-хозы “Темірде” тек қойдың өзінің саны жүз екі мың. Өзі таза қаракөл қойы. Мұнда әлденеше асыл текті түйенің де екі мыңға тартқан мол басы бар. Сондай өзіндік өзгешелігі бір ауданға мол жетерлік қан қазынасы бола тұра, атақты онкүндікке кірісер күндерде бұл аудан және де “мақта-мақта” деумен таңды атырып, кешті батырады.

“Темір” совхозының жас оқушылар, жұмысшы қызметкерлер қауымының бір араласқан мол бір жиылысында бұл ауданның партия комитетінің бірінші секретары Әшір Момынов жолдас сөз сөйлеп еді. Аудан жұртшылығына беделді, алғыр Әшір бұл жолғы сөзін және де бір ғана мақтаға арнады. Мақсат – тағы да оңтүстік аудандарға әлі кетіп, жетіп болмаған соңғы топтарды тез, тығыз жинау да жөнелту. Обком, облисполком басшылары енді оңтүстіктің өзіне барып тарап, бірі Жетісайдан, бірі Славянкадан, тағы бірі Бағарадан, Ильичевтен асыға, асықтыра күш-көмек шақыртып, құрастырып жатқанын есітеміз, сезінеміз.

Облыс басшылары қазір түгел оңтүстікте. Олар өздерімен қатар әр ауданнан, қалалардан, үлкен өндірістерден кейбір басшы қызметкерлерді қоса шақырып, өз топтарына қолма-қол басшылық етуге нұсқаған.

Осылайша алыс-жақын атыраптардың бәрімен оңтүстік аудандарға ағыла аттанып жатқан көмекші топтарды көре жүре, үлкен ағынды арнаға қоса түскен қалпымызда бір шақта, біз де сол оңтүстік аудандарға жеттік.

Ай бойына аттарын дамылсыз естіп келе жатқан мақталы үш ауданның өзіне келдік. Ильич, Киров, Мақтарал аудандары мәні-жөні бөлек: шөлді – шүлен еткен, жоқты – бар, болымсызды – мол еткен, біріне-бірі сай, бырыс өлкелері.

Алғашқы кеш біз дәл осы күндерде атақ-абыройы ең алдымен шығып тұрған “Үшінші Интернационал” колхозында болдық. Үш ауданның көп колхоз-совхоздарының бәйгесінде, осы бір кезеңінде, мақта жоспарын елден бұрын 100 процент толтырып отырған осы колхоз.

Бар мінезі ұстамды талай да талай ыстық-суық майданды кешіп өткен Алтынбеков Садық біздің құттықтай келген көңілімізге баяу қабақпен үн қатады. Оның мәні бар. Бар ауданның алдынан келген сәтін айтпақ болсақ, ол ең

алғашқы әзіл-әңгіменің өзінде-ақ соншалық қуана алмай, күйбең тартып тұрған дәл бүгінгі соңғы сағаттағы кірбең жайын айтады. Өз күйіне өзі ащы бір мысқылмен күле сөйлейді.

— Алдымен келуін келген едік. Обком секретары қуанып кеп құшақтай алып: “Айналайын, бар жаныммен құттықтаймын” деген-ақ еді. Бірақ сол қызығымыз бір-ақ күнге жетті. Келесі күні мақта теруде, құдай ұрып, жай күндердегі табысымыздың үштен біріне зорға ілініп қаппыз. Соған күйіп, қиналған аудандық партия комитетінің секретары Тасанбаев Егемқұл өзімді оңдырмай ұялтты. Аудан үшін де, біз үшін де күйгені сондай. “Сен партия алдында, бар өзіңе қымбатты барыңмен жауап берерлік халге жеттің. Кеше ғана өз жұртыңның алдында обком секретары соншалық алғысын айтқанда, бүгін өз бастарыңды сонша қор етерсіңдер ме!” дегенде, үн қатар шамам болмады, — дейді.

Осындай шыншыл көңілмен айтылар жайлар көп-ақ. Бір күн от, бір күн судай ыстық-суық жалын арасында жан қуаттарын, ар-жігерін бар шындарымен сарапқа салып жатқан жеке жандар, бригадалар, колхоздар, мол совхоздар көресің.

Біз Мырзашөлдің Оңтүстік Қазақстанға қараған ұзын өлкесін түгел шолдық. Бәрінде өнерлі еңбек тудырған: тоғайлы, сулы, мақталы, қалалы, қыстақты, берекелі, жемісті мәдениет орнатқан өлкелер танысың. Сол көгерген, жетіскен өлкенің бір шеті көне “Князь арығының” тұсындағы “Коммунизм” колхозының аймақтары. Бұл колхозда Мырзашөлдің қажырлы, қайсар колхоз ері, алпысқа жасы ілінсе де тұғырында балғын басып отырған Тәңірберген Жәйлібеков бар. Өнерлі өлкенің екінші шеті, дәл соңғы екі жарым жылдан бері кең, кемел, мол мүлікпен орнап жатқан атақты да безерген шөлдің бермесін алып, ұзақ жылдар қайрат-жігерін, ақыл-білімін үзбей жұмсаудан жазбай келген Арысланов Ахмед. Екеуі де жиырма-отыз жыл өмірлерін шөл шабуылына арнаған асыл жандар.

Осылайша, жеңілген шөлдің екі шетінде екі балғын босағадай боп Мырзашөл алыптары екі шаруа отыр. Сол өлкелер аралығында көп колхоздардың, бірнеше совхоздардың мақталы далалары жатыр. Олардың биік,

зәулім, тығыз өскен ағаш қоршауларының араларындағы квадраттары, атводтары, карталары барлық оңтүстік шартарапынан аттанып келген көмекшілерге және әсіресе осы колхоздардың, совхоздардың өздерінен шыққан мақта терушілер топтарына толы. Мұнда жалғыз облыс қана емес, Алматының да және тағы басқа көрші облыстардың да үлкен коллективтері жіберген көмекшілер лек-лек, тұман-тұман дегендей. Қауырт еңбек шағында Ильич ауданы мен Киров ауданының арасында жоспарды бұрын толтыру жолында күн санаған, сағат сайын алма-кезек тайталасқан, бөсеке жарыс бар. Әр аудан өз ішінде колхоз бен колхоз арасында, совхоз бен совхоз арасында және де ыстық жалын жанталаста.

Ильич аудандық партия комитеті секретары Социалистік Еңбек Ері Тасанбаев Егемқұл, аудандық атқару комитетінің председателі Әлжанов өз аудандарына тиісті “Заря коммунизма” колхозында тынымсыз еңбек күнінің соңында бізбен бір ұшырасты. Ленин атындағы совхозда Ахмед Арыслановпен кездескен сағатымызда, Егемқұл өз бетімен ол совхоз ісін барлай келіп, күндізгі еңбек сағаттарында тағы бір кездесті. Келер күні, атағы көпке мәлім, барлық мақта шаруашылығының ішіндегі ең табысты, ең ескі абыройлы совхоз “Мақтааралда” біз тағы ұшырастық. Бұл совхоздың дәл сол күндердегі ең табысты озғын бөлімі Держинский атындағы алтыншы бөлім болғандықтан, біз сол бөлімнің басшысы Социалистік Еңбек Ері Есентаев Нұрмағамбетпен жолығысқан сағаттарымызда Ильич аудандарының жоғарыда аталған іскер, қажырлы екі басшы азаматы бірге болған еді.

Бұл ауданда біз “Үшінші Интернационал” колхозын, “Путь коммунизма”, “Заря коммунизма”, “Амангелді” сияқты ірі колхоздарын және “Мақтаарал” мен “Ленин” совхозы сияқты бірі көне, бірі жаңа екі балғын-балғын совхоздарын аралап өттік. Мақта тергіш машинаның озғын шебері болып тұрған Морозов Владимирдің “СХС-1-2” машинасымен ең үлкен табыстар беріліп тұрған өнерлі еңбегін көрдік. Осы көргеннің бәрі бойынша көңілімізге сіңген, нық орнаған бір наным бар еді. Ильич ауданы бұл өлкеде биылғы жылы мақта жоспарын ең алдымен бітіреді, бітірмеске шара жоқ дегендей едік.

Кейін Киров ауданына ауысқанда тек қана цифрлар, проценттер, тонналар тілімен дәл деректерін салмақты, байыпты қып баяндаған аудандық партия комитетінің секретары Мұқатай Жармұхамбетов жолдас пен осы ауданға облыстан өкіл боп келген Жарқынбеков Қаржаубек жолдастар өз ауданының мығым күшін асқындай түскен табыстармен танытты.

Біз бұл күндердегі жүрісте ересек кластар балаларының мақта теру нормасын толтыру ғана емес, бірнеше есе арттыра атқарып жатқанын көрдік. Бір жерде Шымкенттегі қалалық атқару комитетінің председателі тынымсыз Айтқожиннің өзі де жүргенін есіттік. Шымкенттік коллективтердің мол-мол табысты еңбектер етіп жатқанын білдік. Сондай ретте қорғасын заводының, пресс-автомат заводының, педагогика институты коллективтерінің төстабандап тырысып, жұмыла қайрат көрсетіп жатқанын да көрдік. “Мақтаарал” совхозының Дзержинский бөлімінде бір тақтада, биік өскен мақталар арасында жондары мен бастары көрінер-көрінбес күйде жабыса тыртысып, табысты еңбек үшін қарысып жатқан Алматының Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің студенттерін де көрдік. Олар өздерінің оқытушылар тобының өкілі болған мені көргенде, төркіні алғаш келген жаңадан ұзатылған қыздардай жамырай жапырласты. Еңбек арасында сәл қабақ ашқан жадырау сәттер, еңбек жайларынан айтқан деректерімен бізді де сүйсіндірді. “Алдымыз 150 килограмға шейін теретін де болдық, төселіп қалдық. Дөңгелек есепке келгенде де көмекке келген ешбір коллективтен олқы емеспіз”, — дескен еді.

Үш ауданның өз колхоздарының, совхоздарының ересек кластар балалары ғана емес, тіпті алтыншы, жетінші класс балалары да сабақтарынан шығып, оқуларын әзірлеп алысымен, ойындарын тастап, омырау қалталарын ала сала, мақта тақталарына қарай жүгіреді. Осылайша көпте де, саны аз топта да, тіпті арнап алған міндеті болмаса да, өз беттерімен, өздігінен домалана жүгірген жас жеткіншек балаларда бір бағытта, қызу қалыпта толқыған баяғы бір еңбек екпін арнасынан сезесің. Бар жүрек пен санада, бар білекте партия мен Отан берген бір ғана бағытқа меңзеп, маңғыстай тартқан күрес бар.

Біз үш ауданды аралағанда қай аудан жеңерін, озырын өз бетімізбен байлап болжай алмай кеткен едік. Бірақ Кировшылардың сенімі басымырақ сезіліп еді.

Жолай біз аса қызық болашағы бар, ерекше аудан Сарыағашқа соқтық. Және басқа аудандардан бөлек, ерек тұрған Келес ауданын да жолшыбай сәл аралай қайттық. Дәл мақта жөнінде ол екі ауданның базары әлі көтеріле қойған жоқ еді. Бұл жарыста әлі бөйгелі шағы ашыла да қоймаған. Оны ашпай тұрған анық айқын себеп бар. Бұл аудандардың және Сайрамның біз жүрген шақта мақтасы ашылған жоқ-ты. Теру жұмысы сондықтан саябыр. Көсектер көп болып, толық болып көрінгенмен, ішіндегі мақтасын сараңыта сақтап, іркіп тұр.

Кейін біздің сапарымыз бар жарыс, бар ақпардың сарқылар сағасы – білгір қала Шымкентке қарай оралды. Мұнда жеткен күні ең әуелі Киров ауданы озып шыққанын естідік. Алғашқы онкүндікті елу ғана емес, елу екі процентке жеткізіп, облыс өзі де атаған жерінен шығыпты. Сонымен қатар Шымкенттен біз аттанар 11 октябрь күні бар облыс бойынша мақта теру жоспары 80,07 процентке жетіпті. Туысқан көршілес мақталы бір республика бұл күнге 66,33 процент, оның ең жақын көрші облысы 65,14 процентте жүр еді.

Шымкенттен жүрер шақта барлық көрген, білген жайлардың бәрін жия келе, облыстың мақтаға арнаған аттанысын аңдай отырып, ең соңғы бір ұшырасу үстінде, ең ал-ғашқы ой қорытқандай болыстық. Тегі, осы сөздің басынан бері қарай көрген-сезгеніміздің барлығын бір теңеумен түюге болғандай екен. Ол 924 мың жаны бар, жалпылай айтқанда, миллионға жуық халқы бар облыс образы – тұтас бір ғана алып бейне боп, бір зор импульс үстінде сезілуі жөнінде. Сол мол денеде ұдайы бір ырғақпен соғып тұрған қан тамырлар танысың. Кезіп, сезіп жүргеніңнің бәрінде, өз ықтиярыңнан тыс-ақ сол тамырларды бірде Шаян, бірде Шолаққорған, бірде Кентау, кейде “Ленин” совхозында көргенсің. Әр сәтте ыстық тірлік қаны сау денеде айнымаған жігерлі ырғақпен соғады. Біртұтас ұлы дене облыс болса, бір жері – қол, бір жері – аяқ, бір жері – бас болғанда, кей тұста күре тамырлар, кей жерде жан тамырлар, кей жерде жіңішке

нәзік жай тамырлар соға-соға береді. Ал сол мол денеге көп тамырлы қандардың бәрін таратып, бәрін жай-жайына өз ырғақтарымен соқтыра дем беріп жатқан бір жүрек бар. Ол жүрек – қайнар күшпен, ашық, айқын дәл ырғақпен соғып тұрған Отан жүрегі – партия жүрегі.

Осындай жайды ұғына келе жазушы есебінде өз басың және бір шындық теңеуді ойға аласың. Облыс еңбекші жұртшылығы көрсеткен еңбек пен жазушы біздің еңбегімізде сан алуан жақындық, тектестік байланыстармен қатар, бір айырмыс бар. Мақташы жұртшылығымыз, диқаншы еліміз мақта егеді де, мақта өсіріп алады; жүгері егіп, жүгері алады да, бидай егіп, бидай алады. Сол асыл жұртымыз өз еңбегімен біздің жанымызға жақсы мақта сортының, жақсы жүгері, бидай сорттарының ұрықтарын көміп, дөңдерін егеді. Үлгісін егеді. Ал жазушылықтың соған орай сәтті, шабытты шағы туа қалса, құба-құп. Бірақ, сонымен қатар, ащы шындықты атасақ, шығарушылық еңбегіміздің кейде ғарыптық, жарымжандық жайы тағы бар. Біздің сана мен сезімімізге халқымыздың өмірі мен еңбегі екен жақсы мақтасынан, жақсы бидайынан кейде мақта да, бидай да шыға алмай, тіпті жаман қапустаның өзі де өне алмай бықсып, бүксіп жататыны болады. Сондай бір шақ шындықты, ауыр шындықты әзілмен еске алыстық.

Содан әрі көңілге оралған ой көргеннен туған асыл армандай! Ол арман үлкені: шын шабыт туса, ол шабыт шығандап, шаққан тартып, ақты-бозды түріле кетер сәтін тапса. Сонда сауран көктің тобындай, шарқ ұра самғай шыққаны жай шабыт емес, жабайы жортақы шабыт та емес, анық бақытты шабыт, шырқау барған ырысты өріс болар еді-ау дегендейсің.

II. Қадімнен мәлім Қаратауда

Жамбыл облысы мен Оңтүстік Қазақстан облысының жапсарынан басталып, шығыстан батысқа қарай сұлай созылған қалың тау – Қаратау. Оңтүстік Қазақстан облысының Шаян, Түркістан аудандары Қаратаудың күңгей бетін – бауыр өлкесін алғанда, теріскей жағы – иен алысқа созылған Созақ ауданы. Қаратаудың түстік бөктерінде,

қойнауларында қалың қазыналы кендер жатыр. Байжансай тобы, Ащысай топтары, Мырғалымсай, Хантағы, Баялдыр бұл шақта Кентау дейтін асыл атқа ие болған.

Сәл бұрынғы шежіресін еске алсақ, бұл Қаратаудың басынан иісі қазақ баласына мәлім сонада кешкен бір “көш келетін”. Содан бері қарай Қаратаудың теріскейі мен түстігі аңыз-әңгімеге, дастан-хикаяға толы дерсіз.

Шаян мен Созақтағы ескі тұрғын әңгімешілер аңызы бойынша, Созақтан қазақтың үш жүзі тараған. Созақ ауданында Көкмұрын, Той деген қос төбеде қазақтың көп руларының тасқа шабылған таңбалары бар. Қаратаудың теріскейіндегі қадым заманда ойран болған көп қаланың бірі – Құмкент. Жаңағы аңыз бойынша, Көрұғлы өзінің асыранды батыр баласы Әуезханды осы Құмкенттен алып қашып алған. Сол Құмкенттің жанында, дәл бұл күнде “Құмкент” совхозының қасында Бабатүкті Шашты Әзіздің моласы тұр.

Аңыз емес, батыр жыры “Қобыланды”,
Мен кетсем сізді тастамас,
Қараспан тауын жайлаған
Қалың қыпшақ қарындас... –

дейтін Қараспан тауы осы – Қаратау.

Өз туған өлкесінің арғы-бергі шежіресін жақсы, бапты баяндайтын сельсовет бастығы Кенжеғұл Берденов тіпті Қарақасқа атты Қамбардың да тұлпарын жосылтып, құма-йын жүгіртіп, қыранын шүйген көлдері қазіргі Созақ ауданындағы Ақжар, Қаракөл, Үсіктас маңы дейді. Құмкент, Шолаққорған, Созақ, Саудакент (бүгінгі Сарысу ауданының орталығы Байқадамның ескі аты), Бабата, тағы сондай сан ата бәрі де, әулие-ишандардың мазарлары орнаса да, арғы көне замандардан, әр дәуірден келе жатқан кәрі кенттер екені даусыз. Сондықтан да қазақтың әлденеше батыр жырларының бірінің туған жері, бірінің соғыс салған, тағы бірінің мерзімді мекен еткен тұрағы осы Қаратаудың арғы-бергі беттері, сілемдері болады. Дәл кешегі күнде де Сұлуша қыз – “Сұрша қыздың” әнінде келетін “бірде қарлы, бірде қарсыз” Қаратау тағы осы. Сөйтіп, арғы аңыз, бергі әнімен қазақ халқы көп атаған Қаратау сол.

Ал бүгінгі Қаратауды біз, әрине, ескі аңызымен емес, бүгінгі бар бағалы маңызымен білеміз. Ол маңызы өзге аудандар мен өндіріс, қала, колхоздардың қатарында сүбелі орындар алатын әр аудан, әр колхоз, совхоз әр өндірісті қала өнері мен өндіретін нәр табысынан танылады. Осы жөнде алдыңғы мысал біздің жолымызда ең алдымен ұшырасқан Шаян ауданының өзі дейік. Шаянда шаруа негізі мал, әсіресе қаракөл қойы. Екінші дінгегі – өнімді мол жүгері.

Шаян – совхоз-колхоздары біркелкі, қатар өніп-өскен аудан. Бес совхоз, төрт колхозы бар. Колхоздарының әрқайсысы өзі бірнеше колхоздан бірігіп ірілеген. Әр колхозы өзі де мол совхозға барабар. Мысалы, ауданның ең ірі емес, орта колхозы “Алғабастың” өзін алсақ та, бұл колхоздың байыпты, мығым өнерлі бастығы Қарабасов Жұманның айтуынша, отыз бір мың қойы бар, мыңнан аса сиыры, жарым мыңдай жылқысы, екі жүзге тарта түйесі, шошқа, тауық, қояны да бар.

Совхоздарының қатарынан “Ленин” совхозы көптеген табысты кірісі бойынша одақтық бәйге алған. Аудан көп жерлерде тас қоралар салып, барлығы бір жылдың өзінде бір миллион сомға құрылыс жасаған. Аудан бойынша бес орта мектеп бар. Көп совхоздары мен колхоздарында жұмысшы шаруаларға үй салу шаралары аудан бастықтарының, совхоз, колхоз бастықтарының барынша зер салып, қатты қадағалап, қайта-қайта айтатын қамдары екенін есітесің. Аудан мәдениеті тірлік жолында күресуде екені күмәнсіз. Орталықта аурухана бар. Ауданның жиын шаруа ортасында дәрігерлік пункттер де жоқ емес. Бұл ауданды орталығымен түгел қинайтын – су, су... Шаянның суын бөгесе де, басқа не түрлі шара істесе де, аудан басшылығының әсіресе зер салатыны судың жайы екені үнемі есітетін әңгімең.

Бұл аудан көркемөнерді де көп қадірлейді. Шаян ауданының көркемөнерпаздар үйірмесі жасаған оркестр облыс бәйгесінде даңқ алып, бәйгеге ие болған. Күндізгі еңбек сағаттарынан кешкі сәл тыным алар сәтке ауысқанда Шаян ауданының екінші секретары Аманқұл, үшінші секретары Шәкірова Мұхлиса екеуі де көп әнді көрікті айта алатын өнерлерін көрсетеді. Сонымен қатар таң атып, еңбек күні бастала бере, әрине, бұлардың көңілі де, көздері де малдары мен егісті далаларында.

Бізді Шаян ауданының Қаратау бөктеріндегі “Алғабас” колхозына қарай шығарып салған Шәкірова Мұхлиса машина ішінде отырып әрдайым жайылған мал тобын көре бере, көзі шалған кемшіліктерін айта жөнеледі. Бір жерде қойды шаңдақ жерге иіріп қойған, тағы бір топ қойды мезгілден бұрын шаңды жолмен жақын пунктке айдап бара жатқан күйді көреді. Біресе қоралы қойды жайылыс өрістен ерте иіріп жатқан отарды байқайды. Сол жолда кездескен өрескелдік күйлер болса, бәрін де алғаш көргеннен-ақ аңдай сала айта бастайды. Мұхлиса өз мамандығы бойынша зоотехник. Сондықтан жұрттан бұрын көргіш, осы жердегі көргенін және елден бұрын айтып қалғыш. Сол мінезін ел де кейде аңдай қалып: “Маған райком секретары болып ойлайтын ойларымнан мамандық ойларым әрқашан бұрынырақ келеді”, – дейді.

Біз көргенде ауданда, бір шолып өткен шақтың өзінде, көзге де, көңілге де күйкі көрінген – мәдениет жайы. Әсіресе мектептер күйі. Шаянның өз орталығындағы қазақ орта мектебінде кітапханадағы бар кітап саны 1300 ғана дана екен. Бұл аудан орталығында өзге үлкен мәдениет орны жоқ. Мардымды кітапхана мектептен тыс жерде тағы да жоқ екені мәлім.

Ойлана қалсаң, орта мектепте оқитын баланың ертең кәметтік аттестат алатын тәрбиеші ортасы осы мектеп болғанда, сол кәметтік білімді бұл мектепті бітірген қазақ баласы қайдан алмақ? Оқушы, оқытушы барлығының білім алар талшығы – қоры 1300 дана ғана кітап болу орта мектеп атына қандайлық кедейлік, жұтаңдық! Сол сияқты бақташылар ауруларын емдейтін дәрігерлік орындар да орташадан әлдеқайда төмен жатыр. Аптека болса, онда, мысалы, антибиотик аталатын дәрілердің ең қажеттісі ұдайы жоқ болады екен.

Қажетті мамандығы бар дәрігерлердің де орнығып, байыздап тұрған жайы жоқ. Көбі екі жылға келіп, стипендия бойынша міндетті екі жылды ада қылып, азын-аулақ тәжірибе алады да, ауданды тастап, жол тарта береді екен. Осындай-осындай көңілсіз күйлер, Шаянда айқын олқылықтар орала берді.

Шаяннан соң Қаратау асып, Созаққа ауыстық, Түнде жүрмек болып ек. Кешке біз Қаратаудың “Алғабастан”

шыққан соңғы ел бөктерін басып, күнгей жағымен бірталай жүрдік. Әншейінде Қаратау тақыр тасты, қойнауы сусыз, сараң тау көрінуші еді. Ал әзірге біздің келе жатқан жолымызда әр белден ассаң, төскейден аққан бұлақ-бастау, сай бойы шалғынды көгал, бел-белестері құйқалы, шымы тұғас, тегіс түкті өлкелер, мал ырысы өңірлер екені айқын танылады.

Жыланды, Кіші Шаян, Үлкен Шаян, Көкбас өлкелері Қаратаудың өзге талай қымбат қасиеттерін білмей тұрып-ақ көз қуантып, көңіл сүйсіндіреді. Сонысына сүйінген елі Ақпамбетпен айтысқандағы Мәделі қожаның мына сөзін бүгін де айтады:

Жаужұмыры құмғандай,
Жесең көңілің тынғандай,
Осындай жерді жамандап,
Неден болдың қу маңдай.
Жуасы бар таяқтай,
Әр бұтаның түбінде
Еті жатыр табақтай... —

деп қоянына шейін бәйгеге қосқан.

Қаратау елі көне тауын көптен сүйеді. Құлмамбетпен айтысқанда Дулат Майкөт ақын да Қаратауға аузы тола сөйлейді.

Көкшеқұм деген жерім бар,
Жуасы бар таяқтай,
Қаратау деген жерім бар,
Алмасы бар аяқтай.
Осындай жерді жамандап,
Атаңа нәлет Құлмамбет,
Ақылын сенің қаяқта-ай, —

деген.

Бірақ сол жақсы Қаратаудың ішіне ымырт жабыла кіре бере, біз жаман адастық. Екі машина толы жеті-сегіз кісі түнде жолдан адасқанда қандай қауқөрік келеді. Анда-санда тоқтасып алып, екі машина бір араға бас қосып, шуласа кеңесеміз. Көбінше дауласамыз. Біреуіміз оң жаққа жүру керек десек, біреуіміз оған қарсы, сол жақты көрсетеміз. Менің көрмеген жерім. Ал менің қасымдағы ұдайы

сапарда айрылыспай тізе қосып жүрген жолдас достарым – “Оңтүстік Қазақстан” газетінің редакторы Әділбай Омаров, оңтүстіктің белгілі ақыны Омарбай Малқаров, әншейінде облыстың жай-жапсарын ақ тас пен көк тастай саралап айырып айтып бере алады. Өз облысын сондай жақсы білетін әзірліктеріне мен әрқашан сүйсіне таңғалатынымын. Бірақ, дегенмен, олар түн жүретін жылқышы, не машина жүргізетін шоферлар емес, қанша айтқанмен қаланың адамдары. Бұл күнге дейінгі ең білгіш достарым енді ең адасқақ достарым болып шықты. Ал адасқан адамға ашық аспанда “мен мұндалап” тұрған Темірқазықтың да түк септігі болмайды екен. Ол түнгі Темірқазық бір тарап емес, төрт тарапта бірдей тұрды. Біресе біздің маңдайымызда тұра тұрып, енді бір шақта он иығымызға шығады. Тағы бірде соған қарсы сол иығымызда отырып алады, тағы бір шақ болады, онда тіпті қыр желкемізге шықты. Бірақ бар адасуда әйтеуір толып жатқан шиыр жолдардың бірі болмаса біріне түсіп қаңғығанымыздан ақыр дегенде жарым түн адаса жүріп, түн ортасында ғана ел таптық. Бұл шақта біз Созақ ауданының шегіне ілінген екенбіз. Сұрастыра жүре кеп, көне Құмкент қаласының жанына, тарихтық ескі атпен орнаған “Құмкент” совхозына келген едік. Осыдан кейінгі бірнеше күнді біз Созақ ауданымен танысуға арнадық.

Жалпы, ауданның жайын аудандық партия комитетінің бірінші секретары Шәріп Құсманбетов, аудандық атқару комитеті председателінің орынбасары Елбергеновтен күндер бойы ұдайы естіп білуден басқа, өзге де әр сала шаруада, мәдениет орындарында еңбек еткен адамдардағы көп жайларды аңғардық.

“Құмкент” совхозының директоры, мамандық нағыз білімі бар Уәйда өз совхозының жайында әлденеше есте қалар жайлар баяндады. Бұл совхоздың өзге де Созақ совхоздарындай жас қана тарихы бар. Осы Құмкентке орнағанына үш-ақ жыл болса да, орталық усадьбада қазір екі жарым мыңдаған жан тұрады. Қой саны 66 мыңға жеткен. Тұқымы іріктеліп, таза қаракөлге айналған шаруа. Орталықта жұмысшы, малшы көпшілігіне арналып өңшең жаңа, жақсы үйлер салынған да, салынып та жатыр.

Ауданның атақ алған тәжірибелі, қымбат бағалы қарт шопандары бар. Бұл қатарда жасы 63-ке келген Сәрсенбай

Ерғазиевті, Тәжібай Күшікбаевты, жастардан Сәрсенбайдың баласы Атан Сәрсенбаев, Бақатаев, 100 сиырдан 100 бұзау алып, Одақтық көрмеге барып қайтқан Ысқақов сияқты мал шаруасына бейіл берген жақсы жастар көп.

Сәрсенбай шопан өзінің Атан дейтін баласына өз таяғын тапсырған. Сол Атан 100 саулықтан 123 қозы алған. “Күмкент” совхозында онжылдық мектеп бар. Кітап саны ойдағыдай болмаса да, Шаяндағыдай емес. Онда 1650 кітап бар. Алдағы уақытта, биылдың өзінде 2 мыңдай кітап аламыз десіп отыр.

Қойларын көбінше жайып бағатын бұл ауданның совхоздары ертеден бергі жер-суды пайдалану тәжірибелерін молынан ескеріп, барлық аудан жерін төрт маусымға бөліп, жайылыс қоныс етеді. Жайлауы – Қаратаудың жоны, Көсегенің көк жоны болғанда, қыс Мойынқұмда, көктемде тау бауырында, суық пен жылының арасында, күзеуі – құмның шеті кемержиек жағада болады. Мұндағы мал өсіруші оқыған мамандар мен өскелең тәжірибелі шопандар жақындағы құмдарының көбіне көп сенім артып, әрдайым жылы сөйлейді. Олардың айтуында құм құйқалы, жақын атырапта Қаракөл дейтін сан бөлек, тіпті жүздеген көл жатыр. Талас, Аса сулары солай құяды. Созақ шаруалары Сарысуды да пайдаланады. Құм ішіндегі шоқат, шабыр тәжірибелі шопандардың, зоотехниктердің бәріне дағдылы қыстауындай мәлім. Сырттан, алыстан қараған көзге тұлдыр көрінетін құмда шопандар санаса толып жатқан мал құты шөптер бар. Оларды шетінен шұбырта санағанда: еркек, жусан, жүзген, қандым, ебелек, көде, түйеқарын, изен, құртқашаш, жаужұмыр деп молайта береді. Арада баялыш, сексеуіл өзі бір алуан.

Тек Созақтың кейбір совхоздары мен Шаянның мал шаруашылығына өсім жағынан қатты батып жүрген бір орасан шығын бар. Ол әзірге емі табылмай жатқан секіртпе ауру – жыбырлақ. Ветеринарияда мұның атын – интротоксомия деп мамандар атын атағанмен, себебін де, емін де әлі күнге таппай жүр. Маман жағы мұны топырақтың ерекшелігінен десе, мал ішіндегі адамдар шөптен дейді. Әр өрісте осы індет жайы жиі-жиі сөз болады. Сонда біреуі қазақша осы “ылаң” емес пе десе, ол емес, ылаңда мал қалмайды деседі. “Топалаңнан көшкен құтылады” дегенмен, кей отарлар жиі-

жиі көшіп те көрген. Бірақ індет арылмай жүр. Бір тәуірі, Созақтың құм ішіне жақын отырған “Жуантөбе”, “Тасты” сияқты совхоздарында бұл індет жоқ.

Ол совхоздардың жайлауы да Арқаға қарай, Қарағанды облысына шейін шырқай барады. Бетпақты басып, Жетіқоңырға барып жайлау етеді. Шаруаның осындай иен өлкені, тау мен дала, қалың құм ішін еркінше пайдаланып жүргенін айта келе, бұл ауданның барлық шаруа мұңын өзгеше біліп, тыңдаушының құлағына есте қалдыра құя отыратын тәжірибелі секретарь, жолдас Құсманбетов Шәріп жалпы бір ой түйеді.

“Соңғы үш жылдың ішінде аудан көлеміндегі қой саны 170 мың болғанда, біз биыл ет тапсыруды ада қылғаннан соң, таза саны 333 мың қой өсіріп отырмыз. Жетіжылдықта қой санын 635 мыңға жеткізу міндетіміз. Осымен қатар ауданның мүмкіндігін алсақ, бірнеше қосымша жағдайларға жәрдем болса, мал басын бір миллионға жеткізер мүмкіндігіміз де бар”, – дейді. Сонда керектің керегі – су да су!.. Созақтың ұзақ жолдарында, суы азғана шөл далаларында Шәріптің қайта-қайта ауызға алатыны артезиан құдықтары. Бұл шаққа шейін аудан жұртшылығы сол үшін қатты зер салып алысуда. Құм ішінде 13 артезиан құдығын, жайша 5 құдық қазған. Дәл жақын шақтың өзінде 18 артезиан құдығы керек. Шу мен Бетпақ, Созақтың мал кіндігі боларлық иен ұзақ өлкелерін өнерлі, берекелі меңгеру үшін тереңнің сараң суын соза тарту шарт. Бұл жөнде аудан шаруашылығы бірнеше жерден плотина салып та жатыр. Құмкент плотинасы бар.

Тастақта құритын Қарабұлақтың суы бар. Шәріптің деректі қиялында: соған плотина жасап, ауданға қарай тартсақ, үш-төрт мың гектар жайылым даласы да болар еді. Ескі Құмкенттен Шолаққорғанға қарай көсіліп жатқан Мырзабай даласында бұрын түгел, мол егіндік болған екен деседі.

Құмкент пен Созақтың даласында, ескі лақап бойынша, бұрын қалың тоғайлы “түлей” болған екен деседі. Жабайы аңнан, орман сулы меңіреу өлкеден неше алуан аң атаулы өріп шығады екен. Жолбарысқа шейін болған дейді. Ауданды көгалдандыру арманы көкейін кескен Шәріп, осы аңыздардың бәрін де ертең Созақ далаларын көгертетін шаралар жасаудың есебіндей санайды.

Созақтың агрономы Балтабай, бас дәрігері Жақай Құсанбаев пен алдағы айлар, жылдарға өз совхозының көп құрылыс мүдделерін атап санайтын Уәйде — бәрі де Созақ жайын айтқанда бір қиындықты баса сөйлейді. Ол — қатынас, қатынас жайы. Мұнда қыста Қаратау асуларын қалың қар алып қалған шақта, бүкіл Созақ ауданы барлық дүниеден қатынасын үзіп, шарасыз болады. Алыстағы облыс орталығы Шымкент қана емес, тіпті Қаратаудың арғы бөктеріндегі Кентау, Ащысайларға да қатынасуы мүшкіл.

Созақ жолдарымен жүргенде жалпы бұл ауданда, керек десе, бір километр бойында мәдениетті жолдың иісін де білмейсің. Біраз жерде жол түземек боп бұрынғы өз жолдарын бұзып, дағдылы жол бойындағы сылбырлыққа салып, бастап тұрып тастап кеткен, жол түзерлік емес, “жол бұзарлық” жайлар көресің. Созақтың су жағынан, жол қатынасы жағынан облыс орталығына жырақтық, шетшалғай жайына қарағанда, облыс басшыларының, тіпті республика орталығының да аса көңіл бөлерлік, қиындығы көп аудан.

Бірақ соған қарамай, аудан орталығы Шолаққорғанда көз сүйсіндіріп, көңіл жұбатарлық әлденеше жақсы күйлер көресің. Мысалы, мұндағы аурухана қай аудан болса да мақтан етерлік. Осы ауданның өзінен шығып, өзіне қайтқан бас дәрігер Жақан Құсанбаев бастаған тоғыз дәрігер бар. Аурулардың жататын орны елу төсек. Аурухананың рентген кабинеті, жақсы емханасы, жұқпалы аурулар корпусы бөлек-бөлек орнаған. Аурухана жайын айта келе аудан азаматтары осы аурухананы Нұртас Ондасынов өзі келіп-кеткеннен кейін, осындай қып салғызуды жәрдем етіп еді деп, оның атын алғыспен еске алады. Өте түсінікті хал. Мысалы, өзге басшы азаматтар да, айталық Оқу, Мәдениет министрлері, әсіресе Денсаулық сақтау министрі, жолдас Шәріпов Әди, Қанапин Әмір, Қарынбаев Сibaғат өздері көздерімен Созақтың, Шаянның, Келестің, Шәуілдірдің мектептерін, мәдениет орындарын, ауруханаларын көріп қайтса, жаңағы Нұртастың келіп-кетісіндей игілікті іс қылса, халықтан қандай алғыс алысар еді.

Созақтың мектебін көргенде де көңіл көншігендей боласың. Мұнда 850 бала оқығанда, биыл 98 қазақ жастары

бітірген. Соның жиырмасы биылдың өзінде жоғары оқу орындарына орналасқан. Шолаққорғанда аудандық кітапхана тіпті жақсы. Оның қоры –11-12 мың кітап болады. Мектептің өзінде де 5 мыңға жуық кітап бар. Аудан орталығы – Шолаққорғанда арнаулы асхана, бапты боп салынған нанхана, жастар үшін арнаулы футбол, би майданшасы және қалалық парк бар.

Ауданның жұмысшы қайраткерлерінің көпшілігі мал басындағы шопандар болғандықтан, облыстық профсовет көмегімен аудандық партия комитеті, атқару комитеті зер салып жүріп, өткен жазда Қаратаудың қалың ортасындағы мол тоғайлы, жемісті “Балықшы әулие” атанған мөлдір бұлақ басына шопандардың демалыс үйін құрған. Ол да әлі көбінше киіз үйлі демалыс жайы болғандықтан, Созақтың жолдарындай, ауыр қатынасындай, артезиан құдықтар қамындай көмек, тілек етеді.

Бірақ кейбір істі қалай аяқтағанынан ғана емес, қалайша бастағанынан да бағалау керек деген Абай айтқан бір нақыл бар еді. Соған бағып біз жағдайы ауыр Созақта қиынды, қиынсызды жеңе бастаған қажырлы, табанды талай жақсы бастамалар көрдік.

Көп жағынан көңілдегідей көгеріп қалған Қаратаудың бұл беттері, көне өңірі жақын шақта мемлекеттік көп көңілді аударатын жарқын шаққа жетеріне күмән жоқ.

III. Қаратау тәжі – Кентау

Біз Кентауға Балықшыдағы шопандар демалыс үйінен шығып, Қаратаудың қалың қатпарын аралай отырып жеткен едік. Қаратаудың біздің бұл жолымыздағы асуы жолшыбай өлденеше бұлақ-бастау, тау өзендерін, көп қоныс қойнау, жеке биік жоталар, қырқаларын басып өтеді.

Қаратаудың іші-тысын, бар жерін жақсы білетін “Созақ” совхозының агрономы Балтабайға осы өңірдегі Қаратаудың Кентауға шейін кездесетін көріністерін айтқызып ек. Ол санаған жер аттары өзі бір шежіредей. Бұл жолда кезігетіндер: Көктөбе, Ақтөбе, Ақназар, Сананың сазы, Қызтөккен (бұл бір қыз, бір жігіттің өлімін баяндайтын аңызбен байланысты жер), содан әрі Балықшы әулие, Бөкенбай әулие, Күлметей әулие (аттарына қарағанда,

бір дәуірде Қаратауды кернеген ишан-пірлердің, қожамолданың қарапайым қазақтан да қас әулиелер жасап жүргендерін танытады), тағы да жолдағы жерлер аттарын атасақ, Бөжінің белі, Жамантас, Мүзбел, Қоғашық өзені, Көксарай (Қойтас) боп саналады да, содан әрі қарай Түркістан ауданына кететін еңіс, бөктер басталады.

Бұл аталған жерлердің көбінде өзен мен бұлақты бойлаған ағаш кездесіп отырады. Ертерек кездерде қалың-қалың тоғайлар болғанын танытатын нелер зәулім биік, кең саялы түп-түп ағаштар кездеседі.

“Қызтөккен” сияқты ерте күндерде ел жастарының бастарынан кешкен қазалы күйлерді аңғартатын өзгеше аттар да ұшырап отырады. Сол жөнде Қаратаудың теріскей жақ бетінде шұбатылған қырқа тас бар. Ол ұзақ салқар түйелі кешті бейнелейтін “Келіншек” аталған тау-тас. Аңыз бойынша, көп түйелі отауын, жасау-жабдығын ұзын керуен етіп, артып-тартып көшін өзі бастап келе жатқан жас келін ата қарғысымен тылсым буып, тас боп қалған деседі. Қаратаудың бұл тұсы “Келіншек” аталатын себебін Созақтың жазылмаған шежіресі солай баяндайды.

Таудан шығып, күнгеі жақ бөктерді әрі жайсыз, қалың шанды, қиын жолмен көп кезе отырып, түс ауған шақта біз Кентауға кеп кіріп едік.

Қаланың біз кірген шетінен бастап-ақ, асфальт көше кездесті де, қалай бұрылсақ та, бар көшесі біркелкі тек асфальт қана жайылған шаң-тозаңсыз боп шықты. Қалың жас ағашты, сылдыраған таза сулы, өңшең тастан салынған екі-үш қабат әсем қатарлы жақсы кварталдар тізіле берді. Барлық үйлердің терезе алды оюлы, жақсы өрнекті бояулы шарбақтар. Қала үлкен. Көшелердің оқтай түзу қатарлары ұзақ-ұзақ.

Біз қалалық партия комитетінің үйін іздеумен көп көшелерді, сан кварталдарды аралап шықтық. Ұзақ жолдан шаң басып келген машинада үстері ұйпаланған, шаңданған жолаушылар әрдайым мәдениетті, жақсы көшелі қалаға кеп кіргенде, өз-өзінен қысылу, қымсыну болады.

Бүгін біз Кентау көшелерінде көп жүрген шақтың өзінде сол адасу үстінде мына қала көрінісіне, көркіне сүйсінгеннен еріксіз мақтай бастадық. Бар тарихы он-ақ жыл болса да, Ащысайды қосқанда 48 мың халқы болып,

ертегідей екпіндеп өскен осы қала екенін еститұғынбыз. Бірақ ең алғашқы жолай көрудің өзінде көріктене оралған қала паркі, ішіндегі фонтаны, бассейні, кинотеатр, лекторий, әдемі мектептер, архитектуралық әп-әсем стильмен салынған үйлері, ұқыпты, тап-таза тұрғын үйлер, жас ағаш саясында жайғасқан жаңа жайлар. Жас қала болса да, балғын, жақсы көрікпен жайғасқан жұрттың қадірлі, мол мекенін айқын танытады.

Өзіміз ыстық күннен шөліркеп, шалдығып, өз-өзімізден, басы-көзімізден тітіркене жүрсек те, мына қалаға қуана қызыққанымыз соншалық, ырзалық әзілмен: “қолың жетсе қорғасын тап”, – десеміз. “Кені байдың – елі бай” Ащысай, Мырғалымсай, тағы талай қазыналы сай мен таулар осындай әсем Кентауды тудырған.

Қаратау дәл Кентаудың тұсында мәңгі-бақи заманнан қойны-бауырына іріккен қан қазынасын қызықтыра ашып жайып, сарапқа салып: “мен мына осындай сыр-сипатта да бола аламын!” деп тұрғандай.

Сонда арғы-бергі замандарда болып өтті деген Саудакент, Құмкент, тағы әлденеше “кенттердің” бәрінің дәуірін өткен-кеткен аңызға айналдырған қиялдың біздің социалистік алтын дәуірімізде ақталған арманы – осы өскелең қаланың өзіндей.

Қаратау мұнда өзінің бар мүмкіндігін, бұрын түсіне кірмеген болашағын бүгін жарқын жарастығымен жасара тапқандай. Қаратаудың қойын-қойнауында, Кентаудың басқа да сай-сала сілемінде Ащысай, Байжансай сияқты шынайы бай кенттер бар. Және де Қаратаудың Жамбыл облысына қараған бір жамбасында, о да өзгеше жайнаған жас қала – Шолақтау бар. Кентау сол аталған мол қазыналы кендер үстіне орнағаннан кейін туса да, кемеліне келген қызықты қала.

Біз бет-басымызды шаң-тозаңнан арылтып ала сала, тыным алмай қаланы аралауға кірістік. Қызықты қала сағат сайын сән-сырымен ыстық тарта берді.

Мезгіл кешкірсе де, біз бар көшесі жарқырап тұрған қаланың көз тартар бірнеше қызықты орындарын аралап кеттік. Ең алдымен Пионерлер үйіне келген едік. Бұл анық, толық “сарай” деп айтуға келетін көркем жай. Өзінің ішінде балаларға музыка үйрететін класс, залы да бар.

Көптен атын естігенмен, анық жақсы жайғасқан калпын көре қоймаған, біздің Отан кейінгі дәуірде зор көңіл бөліп, жыл санап көбейте жасап келе жатқан мектеп-интернат та Кентауда кең жайғасқан екен. Қазақ балаларына арналған интернат алдымен ашылған. Биыл орыс балаларына арналған бөлегі жаңадан ашылып жатыр. Қазақ балаларының интернатына маңайдағы мал өсірген аудандардың колхоз, совхоздарында жырақ тауда, құмда, қырда жүрген шопандардың балалары бәрінен көп алынған.

Біз сол жас балалардың жатар алдында жуынып, үй ішілік жұпыны ғана киімдер киіп жүрген кезінде келіп ек. Олар, тегі, қонақты таңертеңдер, өздерінің формаларын киіп қабылдайды екен. Әр класта екі-екі тәрбиеші-апалар бізді, балалардың қонақ құтпеген жайларын айта отырып қабылдаған еді.

Өңдері күйлі, жүздері көңілді, томпаңдаған кішкене ұл мен қыздар көктемде айқын ажарлары көз тартатын қозы-лақтай ыстық тартады. Интернаттың да жоғары класс ересек балалары мақта теруге кеткен. Бізге кездескен директор Бапиев бастап интернаттың барлық оқытушы-тәрбиешілері сырт-ажар, ішкі білім-нәр, үлгі-өнеге жағынан өз міндеттеріне аса жауапты қарайтын адамдар тәрізденді. Әрине, мектеп-интернат тәрбиешісі деген – аса зор жауапты проффессия. Ол балабақшасының “апайы” да емес, оқытушы да емес, өзіне мүлде бөлек міндет артылатын пансион-ана, пансион-ата болмақ шарт. Жалғыз Кентау емес, әлі бар Қазақстан, тіпті бір Одақ ұлы Отанда да біз сол интернат тәрбиешілерінің жолы, жөні бөлек-ерек мамандығын өсіріп болғамыз жоқ. Бұл жөнінде Кентау интернатын бағушы, баптаушы адамдар, орындар көп-көп зер сала жүру шарт. Мектеп интернат тәрбиешісі, ең алдымен, мейірлі ана да ата, зор үлгілі ұстаз. Сондай ұлы адамгершілік шартқа жауап ұғарлық тәрбиешіні тәрбиелеп өсіруіміз міндет.

Сол күні кешке біз биыл ғана бітіп, енді оқушыларын күтіп тұрған, ең жаңа үлгіде салынған орта мектеп үйін көрдік. Орыс тіліндегі бұл мектеп бар ұлттар балаларын тәрбиелейді. Мектеп қорасының іші, арнаулы газоннан басқа алаңдарында, түгел асфальтталған. Мектеп ауласының айналасы түгел темір бетоннан балғын етіп оюлап салын-

ған, биікше көркем қоршаулар. Ал мектептің өз ішінде жас балалар кластарына аналарының ұқыпты қамқор қолымен әкеліп қойылған үлкен құмыралардағы гүлдер. Реңі жаңаша тап-таза парталардың үстіне сол аналар жұп-жұқа, жеңіл клеенкалар жайған. Әр кластың ішінде аспаптар қоятын жаппалы шкафтар. Класс бас сайын кранды қол жуғыш. Бұл мектептің астыңғы қатарында механикалық мастерской, қол еңбегі кластары жайғасқан. Үсте өзгеше биік, кең, бапты етіп салынған спорт залы. Оқушылар ыстық тамақ ішетін асхана, бөлекше тап-таза буфет жайы да келісті.

Ал оқу кабинеттерінен физика кабинеті, биология, химия кабинеттері, кітапхана жайлары тегіс барынша, керегінше мол жабдықталған, қаланың қандай орта мектеп оқытушысы болса да қуана қиялдайтын, қызғана сүйсінетін анық армансыз жақсы жайғасқан мектеп.

Кентаудың мектеп мәдениет құрылысы партиялық, үлкен қамқорлық ойлардан туған үлкен программаны танытады. Қала аталары интернационалдық тәрбиенің шарттарын айқын әділ негізділікпен ойлап бастаған, бағыттаған. Дәл жаңағы біз суреттеген мектептей ең бірінші жаңа үлгілі мектеп үйі былтырғы жылы салынған екен. Онда Алтынсарин атындағы қазақ орта мектебі ашылған.

Облыс орталығы Шымкент қана емес, Қазақстанның өнерлі үлкен астанасы Алматының өзінде де дәл осындай, Алтынсарин атындағы мектептей қазақ мектебін көрген емеспіз.

Мектептер жөнінде көңіл ойынды тағы бір қатты сүйсіндіретін жай аңдадық. Кентаудағы орысша орта мектептің біреуі Абай атында болғанда, қазақша екі орта мектеп Пушкин мен Горький атында. Алтынсарин атындағы мектептің директоры Бақтияров Аппақша мен аудандық оқу бөлімінің бастығы Райымқұлов Төлеген елдің бар оқытушы – тәрбиеші топтарымен Ташкентте, Алматыда жоғары дәрежелі оқу бітірген, шын мәдениетті тәрбиешілер, бақытты балалар, жеткіншектер атаулының анық міндетіне сай, үлгілі оқытушылар екені байқалады.

Келген күні кеш бойы, ертеңіне күн бойы аралағанда біз Кентаудың әрі балғын, әрі көрікті, үлгілі құрылыс қалпына тоя алмадық. Осының бәрі он-ақ жыл ішінде өнерлі, қажырлы қолдармен жасалғаны әсіресе өзгеше.

Өндірісті Кентауды біз қалалық партия комитетінің бірінші секретары Зенков Александр Ильичтің бастауымен араладық. Жалпы қала қалпын, көшелер аралағанда екінші секретарь Тілеубердиев Ыдырыспен жүрген едік.

Біз Кентаудың өзіндегі үлкен құрылысты байыту фабрикасынан бастап, компрессорлық және экскаватор заво-дын аралап шықтық. Кентаудың мол бөліктері саналатын Байылдыр және әсіресе Хантағы тәрізді қосымша қала дерлік үлкен бөлімдерін көрдік.

Хантағыда су электр станциясы, киім тігу фабрикасы, Мәдениет үйі, Пушкин атындағы қазақ мектебі бар.

Кентаудың жас қала қалпын Зенков: “Бұл бүгінгі көрінісі ғана! Шынымен мол жоспарға қарасақ, қаланың өсуі әлі алда, жақын жылдарда болады”, – деп, бізді қаланың күнбатыс жақ шетіндегі 49-шы, 50-ші кварталдар деп аталатын күрделі үлкен құрылыстарға алып келді. Осы жақтарда жоспарлы ретпен қатар-қатар салынып болған, салынып жатқан жеке үйлер де өте көп. Бұл Кентаудағы жұмысшылардың, қызметкерлердің, мамандардың өз үйлері.

Ол үйлердің барлығы шатырлы, терезе алдарына тегіс шарбақты ағаш өсірген, қораларына үзім тіккен. Шынылы террасаларында қазақтың алаша, кілем, шағын дүние көрпелері жайылып, жаңа үй иелері кімдер екенін аңдатып тұрған көріністер жиі ұшырайды. Әдетте, өздері мен малдарын қоса жайғастыра жүретін қазақ колхозшы, жұмысшыларының үйлерінде бау-бақша аз болатыны белгілі десек те, Кентаудағы қазақ жұмысшыларының үй-жайлары көңіл ашар, қалың көкке бөленген.

Кентаушылар әлі қаланы салып болдық демейді. Қала халқының жақын шақтағы мықты мүддесі Қаратаудың сусыз бөктеріне орнаған көлемді Кентауға енді ойдағыдай үлкен де терең, мөлдір сулы көл салмақшы.

Хантағы сияқты, Кентаудың ертерек орнаған бөлімінің бір мол жағында туысқан көп ұлттар кварталдары аралас тұр. Мұнда қазақ тұрғындары салған көп темір шатырлы үйлер кварталдарымен жалғас шиферлі азербайжан, түріктер, чечендердің де көп үйлерінің топтары бар.

Зенков Кентауда жиырма жеті ұлт бар дейді. Бірақ бар тірлігі айнымас қажырлы еңбек, өнерлі, тауанды еңбек

ырғағына мағыналы күйде бағынған бұл дөңгелек қаланың бар халқының арасында ынтымақты татулық, тәртіпті, ұстамды тәрбиелік бар.

Күндізгі, кешкі шақтардың қайсысында болса да тәртіп бұзып ұрысып, қағысқан, ішкен, ләйліген, шырық бұзар жандар көзге түспейді. Тап-таза қалада сау сергек өмір тынысы танылады. Көшелерде, әрбір үлкен өнерлі қалалардың орталық көшелеріндегідей, жақсы, сыпайы киінген еркек, әйел, жас-кәрі, бала атаулының беті-жүзі байқалады.

Әр үй алдында бойлап орнаған әсем шарбақтар ішінде гүл газондары, арнаулы гүл алаңдары, гүл бағы бар. Бұл қалада “Дружба” атты, еңсесі биік сұлу салтанатпен салынған кинотеатр – қандайлық үлкен қаланың болса да орталық алаңын көркейтуге тұрарлық сән сарайы. Осындайлық шартарабы түгелдей сәтті жайғасқан жас қаланың көшесіндегі, күле қараған гүл бағының көркіндей, қала халқы қауымының да жас нәсіл қауымындай ажары бар.

Осы қаладағы өз жағдайларына мейлінше ырза инженер, партия, совет қызметкерлері, оқытушылар, үлкенді-кішілі оқушылар, үй шаруасының иелері, ата-ана – бәрі тегіс Кентаудағы қазіргі тіршіліктеріне анық қалтқысыз ырзалық айтысады.

Өзі Ташкентте оқу бітірген мұғалім, немесе күйеуі Мырғалымсайда инженерлік ететін, жасынан Ташкентте өскен жас ана, биыл ғана Алматының мемлекеттік университетін бітіріпті, оқу-тәрбие орнының табалдырығынан енді өзі тәрбиеші болатын өмірге қарай аттанған жас оқытушы қыз – бәрі-бәрі де Кентауға сүйсіне сөйледі.

– Мен Алматыда өстім, бірақ Кентауға келгеніме соншалық ырзамын!

– Мен Ташкентте өстім, бірақ Кентау маған Ташкенттен де артық ұнайды! – деседі.

Бұл алуандас жас қайраткерлердің, жар-жолдас жастардың ән-сауығы да сезімді сұлу, сыршыл ырғақты әндерді талғап тыңдайды.

Кентаудың болашағы, Қаратау кенінің көпшілігіндей, алдағы көп көрікті өнерлі күйлерге жете беретініне, ерлей беретініне күмән жоқ. Соншалық сүйсіндірген Кентауды біз бар қазыналы Қаратаудың тағы десек, Созақ, Шаян,

Түркістан орталықтары қызғана қоймас. Ұлы Отанның әкелік өнерлі қамқорлығы шөл белдерге он-ақ жыл ішінде өкеп орнатқан Кентауға ой-қиялың көп-көп оралады.

Сондықтан мен болашақ күндерде Оңтүстік жайынан роман жазар болсам, ең қымбат жас геройларым бірін-бірі ең алғаш сүйгенде осы Кентауда сүйсін дер едім.

IV. Баға жетпес қасиеттер жайында

Басқа көп еңбек майдандарындай, мал айналасындағы еңбектің де анық үлкен геройлықты, қажымас қажыр қайратты, қала берсе, отаншыл зор азаматтық сананы талап ететін талай қысталаң қиын шақтары болады. Осындай ойдың өте айқын бір мысалдарын біз Шәуілдір ауданында еске көбірек алдық. Оның себебі Шәуілдірдегі барлық шаруа тірлігінің ең маңызды салмағы малға арналған. Оның үстіне, Шәуілдір өлкесінде күз бен қыс маусымында, кейде тіпті жазда да мал басындағы адамдарды қатты қиын бейнетке салатын құтырған дауыл, қатты қырсық жел болады.

Мұны Арыстанды Қарабастың желі, біресе Қаратаудың арғы-бергі алыс жон-жоталарын қыдырыстай, үзілмей орай соғатын қара дауыл, қайсар жел дейді.

Шәуілдір үстінде бұл нақты дауыл кей кездерде күндер бойы, тіпті апталар бойы азынай соғатыны болады. Осындай адам мен мал пәлесі жайын, дүлей соққынынан туған талай ерлік, табандылық, қайраттар жайын Шәуілдірде бір кезек арнай әңгіме етіп ек. Сонда атағы баяғының батырындай ауыздан ауызға тараған ер шопандар қимылы біздің бүгінгі күннің анық аңызына айналған. Шәуілдір шопандарының ішінен барлық аудан кәрі-жасы бұл жөнде ең алдымен Социалистік Еңбек Ері Бойтанов Төлегеннің атын ұдайы ауызға алады. Мұның басынан кешкен ауыр бейнет шағы өзі бір дастан дерлік. Үздіксіз қатты суық боран астында Төлеген 100 қоймен ығып кетеді. Сол кеткеннен ел-жұрттан, өз аудан, облысынан үзіліп ұзап кете барады. 100 километр, 175, ақыры 200 километрге дейін үздіксіз қара боран, қара дауыл астында 18 күндей ығады. Артынан түйеге мініп іздеген жұрт талай күн көшпелі құм ішінде арлы-берлі көп шарлағанмен, таппай қояды. Ол дауылды құмда Төлегенді қуып жету үшін жүрісі шапшаң ат мінсе керек еді. Бірақ

Шәуілдірдің құм дауылында көзі-мұрны құмға толып, жылқы баласы жүре алмайды. Сондықтан жоғалған жанды іздегенде тек түйемен іздесе де, жетпей-таппай, арттағы ел Төлегеннен түгел күдер үзеді.

Іздеушілердің барып жеткен жырақ шегі 70 километр шамасы болады да қала береді. Өзі жаяу күйінде 100 қоймен ыққан Төлеген ол қойдың да екі атасы болғаннан айрықша бейнет шегеді. 100 қойдың жарымы қазақ қойы болғанда, екінші жарымы қаракөл қойы екен. Қазақ қойы ықса да боран астында жай қозғалғанда, өзі сергек, өзі жүрдек қаракөл қойы бөліне жырылып, озғындап жоси береді. 100 қойға әрі жаяу, әрі құм кешуде жаңағыдай қиюсыз күйде ие болу тек Төлегеннің ғана қажырлы, қайратты жанының күдіреті деуге болады.

Ол құм шоқат ішіне оқта-текте қойды паналатып, иіріп тұрып, сәл тыным ала жүреді. Ашыққан соң жолшыбай бір қойды сойып, 18 күніне азық-талшық етеді. Сөйтіп, дамылсыз дауыл астында ыға береді.

Сол Төлеген кейін аман-есен 100 қойымен түгел табысып, қайта өз шаруасына, өз жеріне оралады. Осындай жүрек пен жігер, қажыр-қайрат үшін Бойтанов Төлеген Отанынан Социалистік Еңбек Ері деген жоғары атақ алады. Төлегенді ауызға ала отыра, Шәуілдір шаруалары мал баққан Қазақстан, Қырғызстан шопан ерлерінің атақтарын ауызға алып аңыз етіседі.

Оңтүстік Қазақстандай малы көп облыстың бірі – Қазақстанның батыс шетіндегі Гурьев облысы. Сонда, қысқы боранда бір шопан әйел өзі екіқабат күйінде, алты күн, алты түндей қоймен бірге ығып, ақыры күн ашылғанда малын аман айдап қайтқан.

Қырғызда да төрт күн, төрт түн бойында бір қора қойды ыға жүріп аман алып қалған, үш күн бойында нәр татпаған атақты бір қойшыны Шәуілдір аңыз етеді. Ол қойшы да Социалистік Еңбек Ері атағын алған.

“Момын ғана қойдың мимырт қана аяңымен елсіз, ессіз тыныш далаларда, тау мен құмда кешіп жүрген шопандар еңбегінде бейнет көп болса да, ерлік болмас”, – деп ойлайтын салғырт ойлар болуға мүмкін де және ол түсінікті де. Бірақ жаңағыдай қажырлы, қайсар, қамқор еңбек батыр

көңілден шықпай, жай ғана жасық, қорғаншақ, аяқкес жаннан шыға ма?

Шәуілдірдің шопан ері Төлегендер жайы қандай қалың, оқиғалы, қызық тартысты романдар болса да, олардың талай беттерінде оқушыны толқыта толтырар мәні-нәрі бар дерсің! Кейде тіпті Хемингуэйдің бүгінгі бар әлем оқушысы таңырқай даңқтандырып жүрген “Шал мен теңіз” романына барабар тартыс жаңағы аталған адамдар жайынан да танылып тұрған жоқ па!

Бұл жандардың еңбегіндегі, ер қайратындағы тағы өзгеше ерекшелік – олар өздері иеленіп жүрген малдарын сүйеді. Алдындағы малына шопан жұрты әрдайым жаны ашып, қамқорлық, достық бейілмен қарайды.

Кейбір мал тегі мен түрін сөз қылғанда шопандардың өздері ғана емес, совхоздың, ауданның үлкенді-кішілі шаруаларын басқарып жүрген аудандық партия комитетінің Әшір Момынов сияқты секретары, “Темір” қой совхозының 102 мың қаракөл қойын және екі мың түйесін өсіріп, басқарып отырған совхоз директоры Ерманов Шери, сондағы партия ұйымының секретары Амантұр Мұсаев немесе осы аудандағы азамат соғысының ветераны, аудандық партархив бастығы Ерімбетов Дүйсен сияқты азаматтардың әңгімелерінен де мал басы туралы, малда жүрген шопандар туралы нелер терең ойлы қамқор сөздер, әңгімелер есітесіз.

“Темір” совхозында түйенің басы аса мол. Бұрын Шәуілдірде арнаулы түйе совхозы да болған. Соның екі мыңдай түйесі қазір осы совхозда. Біз бір күнгі жолда сол түйелер арасын аралап өттік. Мұнда нар, біртуған, қоспақ, мая, үлек атанатын түйе тегінің өркештері баладай ғана емес, жөпшенді семіз кісідей болған мал көркін көрдік.

Түйе шаруасының бар жайын жақсы білетін директор Ерманов бар түйе тегін үшке бөліп сөйлейді. Бірінші тегі түрікпен тұқымды нар – қылқи. Ол ерен сүтті мал. 10 литрден 25 литрге дейін сүт беретіні болады... Екінші тегі, Астрахань айыры, бұл да қазақтың жай айыр өркешінен ірі келеді. Айыры кең, мұның тегі Моңғолстаннан келген. Үшінші тегін таза моңғол дейді екен. Бұл өте жүндес. Көбі 7-8 килограмм жүн мен шуда бергенде, кейбіреулері 18 килограмға дейін жүн беретіні болады.

Түйе сүті көп елдерге мәлім емес. Ал оның ішіндегі май проценті сегізге дейін жетеді екен. Сиыр сүтінің майы бұның жарымындай-ақ. Сүті майлы буйвол сиыр болса, оның да проценті жетіден артық емес. Осы сипаты себеп шығар, түйенің сүтінен ашытылған қымыз (оңтүстікте – қымыран) бие қымызынан әлдеқайда артық сапалы және асыл ем екенін түйенің қадірін, жөнін білетін жұрттан сұрау керек.

Жері жайлы, шөбі түйе баласы үшін сонша шүйгін “Темір” совхозында көп түйелерге қарап, мұндай да түйелер болады екен-ау деп таңырқайсың. Үлкендігі, бітімі, бар келбеті – бәріне қарай, түйенің “жампозы” дейтін осылар дерсің. Бүгінгі социалистік мал шаруасында қай түлігін алсаң да, баяғы бақташы қазақтың ғасырлар бойы қиял еткен, арманды асыл малдары Қазақстанның социалистік сахарасына келгені анық.

Бұрынғы бақташы қазақ көшпелі тірлігінде арман еткен: түйеде – “жампоз”, жылқыда – “тұлпар”, сиырда – “тынжы”, қойда – “құтпан”, “келепан” десе, итте – “құмай”, адамда – “алып”, ал мал дұшпаны қасқырда – “сырттан” дейтін. Сондай-сондай ерен-ерек жан иелерін атаушы еді.

Қиял-ғажайып ертегілік, батырлық дастан шеңберіне апарып әсірелеп сипаттайтын қиял малдары мен жандары сондай болушы еді.

“Шәуілдір” совхозының кейбір болмыстары осындай ойлар оралтады. Мал адамның бейіліне бағынышты болғанда, адам өзі де малға бейімді, малды күткен шопан атаулысына қамқор жауаптылықпен қарауға қарыздар.

“Шәуілдір” шаруаларының көзге күйкі, өкінішті бір қиын жайы не десек, сол мал баққан шаруалар тұратын үй-жайлар әлі көбінше ескі, жаман жер кепеге жуық, жыртық-тесік қора-жай, жарты лашықтар көп. Бұл ретте “Темір” совхозының орталығында салынып жатқан едәуір мол, жаңа үйлерге сүйсінесің. Көктемде Сырдың суы алып кеткен көп қора-жайларды енді қыратқа шығарып, шопандар мен совхоз жұмысшыларына жүздеген жаңа үйлер салыныпты. Бұл да жақсы бастаманың бірі. Бірақ Шәуілдірдің жалпы ауыр шындығын атасақ, мұнда жаман да жаман – жол, жол жаман! Және әлі қалың көпшілік – еңбек елінің тұрғын жайлары жаман.

Бұл күйлер “Темір” совхозында байқалған жақсы бір белгілерге қарағанда оңай оңалар деген үміт бар. Осы совхоздың партия ұйымының секретары өте іскер, қамқор, ашық саналы Амантүр Мұсаев малдағы шопандарға білім тәрбие ретінде газет, журналдар, топтап кітаптар жөнелтіп, жеткізіп тұрады екен. Оны біз совхоз орталығындағы кітапханаға кіргенде аңдадық. Төменгі еденнен... кітапхана төбесіне дейін бөлек-бөлек, буда-буда болып буылған жаңа кітаптар топтары көп екен. Сол кітаптардың бәрі де совхоздың малда жүрген көп шопандарына аттары жазылып, арналып жіберілгелі тұрған кітап бумалары екен. Бұл алуандас қамқорлық, шопан жайын ойлайтын бір Амантүр емес, өзге азаматтар санының да аз еместігін аңғартты. Сол жұртшылық, шопандардың балаларын оқытуда және өздерінің тұрмысын өнерлендіріп, тазалығын, денсаулығын сақтау салтына баулуда, үй-жайларын түзеуде жақын шақта үлкен шаралар қолдануға жұмылар деген сеніммен жеттік.

Қайта бір оралған сапарда Шаян, Созақ, Шәуілдір, Келес те, өзге өнерлірек аудандардан өздерінің үзіліп қалғандай артта қалған, күйкі күйлерін сейілтер деген үміттеміз.

Жоғарыда біз бүгінгі біздің адам басындағы кей қасиет сипатты айттық. Сол адам өсіріп, өзгеше сапа таптырған мал баласындағы баға жетпес қасиет сипатты да еске алдық.

Осыған жалғас енді бір басқа сапалы және бір қасиеттер енді жерден шығып жатқан қазына дейміз. Оны біз Оңтүстіктің Ташкент жанындағы келісті ауданы Сарыағашқа барғанда көзбе-көз таныдық. Бұл жерде ең алдымен айтарымыз – Сарыағаштың ыстық суы.

Қазақстан жері көп болса да, жетіскен курорты көп республика емес. Табиғаты мен жері беріп отырған әзір байлығын өзінен-өзі аяңғандай боп сараң-сырдаң ұстайтын біздің республика. Кейбір “Аяққалқан”, “Сарыағаш” сияқты шипалық сапасы аса зор байлықтарды еске алып, соны әлі күнге жұрт пайдасына жақсы жарата алмаған. Қазақстанның курорты – денсаулық орындарының мінездерін қандай тоғышарлық деп атасаң да болғандай. Ішінде алтыны бар сандықты жауып алып, ешбір керекке жаратпай, үстінде міз бақпай отырып алған қаперсіздік жайларға көп күйінесің.

Бүгінгі Сарыағаштың радиоактивтік ем суын тек қана сусын су етіп пайдаланса, бар Қазақстанның қай түпкірінде болса да, тамшысы жерге тамбай, қадірлі ішімдік боп халық атаулыны қарық қылар еді. Бұл күнде әлсіз ғана бір артель шығарып отырған, саны азғана бөтелкелердің суына ыстық күндерде ұшырасқан шағында суды сүйсініп, су иесін ұрсып ішесің.

Бүкіл Одақ көлемінде жерден шыққан минералды сулар саны көп болғанымен, боржомға жетер, тайталасар тең су жоқ. Ол Сарыағаштың суы сол боржомнан дәмге де, емге де бар сипатымен артық болмаса, кем емес. Орта Азия көлемінде Сарыағаш суына барабар су ешбір өзге республикада жоқ. Бүгінгі көптеп сатылып жүрген боржом тәрізді сулар сол ауданға, республика шаруасына қаншалық қалың сома қазына қосар еді. Оны аңдаудан оңай нәрсе жоқ. Тек аты завод дерлік бірер өндіріс орнын Сарыағаш ауданына орнату керек те, миллиондаған бөтелкелерді шығара беріп, арзан ақшаны күреп ала беру керек.

Мен бұл тұста Сарыағаш суының әлденеше ауруға іздеп таппас ем екенін айтуды қажет деп білмеймін. Бұл жөнде “Сарыағаш” курорты Одақтық үлкен курорттың бірі болып өсуі шарт та және солай болар да. Биылғы жыл “Сарыағаш” курортының қажымас қамқор иесі – бас дәрігер Қасымбековтің талабымен келесі жылға санаторий құрылысына республика 14 миллион сом қаржы шығарып отыр екен. Жоспар бойынша салынбақ төрт корпусың жаңағы сомаға екеуі салынса, бірнеше жүз адам емделуге мүмкіндік жасалмақшы. Бірақ “Сарыағаштың” курорты тұрған жер кең болғанмен, әлі көгі, көлеңкесі жоқ алаң ашық. Жай суға да тапшы! Сондықтан үлкен санаторийлар салынып, кемеліне келіп болғанша, күз демей, көктем демей бүкіл, курорт өлкесіне бақ атаулыны мол етіп еге, тіге беру керек!

Мен Сарыағаш ауданын айтқанда, әсіресе Сарыағаштың сусын суын өндіріп, бүкіл ауыл шаруасын бүгінгіден он есе оңдырып әкетерлік шаруа есебін айтамын. Бұл ауданның көптен келе жатқан тәжірибелі, сергек ойлы, іскер және шын жауапты адамы – аудандық партия комитетінің бірінші секретары Ұлтубай Бейсенбаев. Ол Сарыағаш суы аудан болашағына не беретінін аса жақсы түсінеді де, көп жайды арман ете сөйлейді. Дәрменсіздік сазы білінеді.

Себебі мұнда завод салу ісі облыстық немесе республикалық орталықтардың байлауы, қатынасымен істеледі.

Сарыағаш ауданының бір шетінде сол Сарыағаштың суы болса, екінші бір бүйірінде тағы да өзгеше қызықты қазынадай бір совхоз бар, ол үзім мен үзім шарабының совхозы – атақты “Қапланбек”. Бұл совхоздың көпжылдық тәжірибесімен жасалып шыққан шараптарының кейбір сорттары бүкіл әлемдік көрмелерде бірнеше рет алтын медальдар мен күміс медаль бөйгелер алды. Тек былтырғы өткен 1958 жылдың бір жылғы таза кірісі 8 миллион сом болған.

Сарыағаштың суы мен “Қапланбектің” үзім бақтары сақтап отырған қасиетті қазыналықтарды еске ала отырып, біз Ұлтубайға: “екі жақ бүйірінде ертегі қиялы тудырған кәдімгі екі бөлек “ат басындай алтының жатыр!” дейміз.

Үлкен мәдениетті Ташкент қаласының іргесіндегі Сарыағаш ауданы Қазақстанның үлгісін көрсететін, “Мынау Қазақстан” дегізерлік, абырой, беделін бағалы сапада танытарлық анық көрікті аудан болу шарт. Бұл аудан басшылары өздерінің қолынан келген, аудан шамасы жеткен істерінің бәрін сол аңғарда, сондай жауапты сапада ұстауға қатты тырысады. Республика намысын да, социалистік мәдениет санасын да анық, жақсы мағынадағы социалистік жарыс, бәсекедей бағалап, сол сананы өз еңбектеріне ту қып ұстағысы келеді.

Мысалы, “Қапланбек” совхозының директоры Тищенко мен шарап сапасының білгір маманы Қатаева жолдастар өз майданындағы істерін Ташкент маңындағы ғана емес, бүкіл Одақ көлеміндегі шарап шығарар заводтардың бірде-бірінен кем соғады демейді. Сол сияқты аудандық партия комитеті мен атқару комитетінің аудан ортасы Сарыағашты көркейту жолындағы істері да анық мәдениетті аудан орталығының сапа, сипатын танытады.

Сарыағаш қыстағының көп көшесіне асфальт жайылған. Мұнда Оңтүстіктің ешбір ауданында біз көрмеген анық жақсы гостиница бар. Қазір аудан орталығында өзгеше үлкен, келісті Мәдениет сарайы салынып жатыр. Аурухана, кітапхана, әсіресе мектептер мұнда көңілдегідей. Орыс, қазақ балалары оқитын бір орталық мектепте кітап саны төрт мың. Сарыағаш ауданында совхоздар директорларының

мектебі бар. Онда бір мың студент оқиды. “Қаптанбекте” жайғасқан мал дәрігерлік оқу комбинаты бар. Бұлар осы ауданда көптен орын тепкен үлгілі оқу орындары деп саналады. Шаруашылығы мақта, мал, бау-бақша, жеміс табыстарына құралған Сарыағаш ауданы облыс көлеміндегі, қатардағы орта кеуде ауданның бірі боп та қала бере алады. Бірақ Сарыағаштың суындай барлық Одаққа, қала берсе, дүниежүзіне де ертең мәлім бола аларлық табиғат байлығы, қасиетті қазынасы тұрған аудан өз мүмкіндігін өрісіне жеткізе өсіру шарт.

Сөйтіп, осы жолғы сөзде Шәуілдірдегі мал соңындағы ардақты адам жанының кей сипаттарын қасиетті қазына деп санағанда, мал сапасын өзгерте өсіргенді социалистік шаруамыздағы және де қасиетті сипат деп атадық.

Сарыағашқа келгенде сол қазыналық қасиеттер жер байлығы ретінде бар сипатымен толық болып тұрса да, соны барарына толық барғыза алмай жатқан шабан-шардақ күйлерді өкінішпен еске аламыз.

Бір жерде, бір салада мүмкіндіктер бар да, сол мүмкіндіктердің тірлікте шаруаға жүзеге асқаны бар. Енді бір жерде мүмкіндік сондай сипатта, қасиетте болса да, тек мүмкіндік қана дәрежесінде іске аса алмай, асырылмай жатқаны бар. Мұндай қасиеттер алдағы аз айлар, жылдар ішінде өмірден өзінің бағалы орнын, өрісін табатын, ақталатын қасиеттер деп еске аламыз.

ШАЯНДАҒЫ ШЕШЕН КЕРЕКЕҢ

...Оған сөз берілді дегенде қалың жиын ду қол соқты. Қол шапалақтау қызу да ұзақ болды. Себебі ол орнынан тұрып, мінбеге жеткенше бірталай уақыт керек еді. Адамлық толы, аса үлкен зал облыстың бар белгілі азамат-активін жиған құрметті жиналыс болатын. Қол соғудың қызуы мол болғаны адамның көптігінен. Шешеннің мінбеге кешігіп шығуы, қатарлардан сытылуы, мінбеге жетуі оңай болмағандығынан. Бұл жайлардың үстіне, оның киген бешпеті ұзындау да қалың болғандықтан жолда ілініп, қысылып-кымтырылып жүруі де еріксіз шұбалаң болған. Ақыры ол мінбеге жетті. Үстінде сарғыш күрең реңді ши барқыт бешпет, басында жаңа сырма қара тақия. Шашын жаңада алғызғандықтан, аққұйқа басына қара тақиясы зал көпшілігіне оқшаулау да болса өзінше жарастық береді.

Шешен өте ақырын дауыспен миңгірлеп сөйлей бастады. Зал жым-жырт отырса да, жөнді сөз естіп жарымады. Естігені сөз мәнісін де ұғынып қана алмады. Шешен өзінің зал жүйкесін оншалық босатып, аузына қаратып, ұйытып бара жатпағанын сезген бе қалай! Қара тақиясын оң қолымен қозғалақтатып, біресе маңдайына түсіріп, біресе желкесіне қарай жылжытып, тағы бір қолымен бешпетінің иығын да сипалақтай берді.

Зал жым-жырт болған қалпында құлаққа жеткені:

— Бірінші мәрте... сексен кило еді, енді ояқ-бұяқ аңлағасын... өкіметіміз, басшылығымыз айтқасын неғып, екінші мәрте... — деп, біраз үнсіз тоқтап қалды. Зал үндемей тынған күйде, көпшілік басын төмен салды. Кейбіреулер жымияды, тағы бір тұстар томсарады. Өзге совхоздан келген сөйлеуік Шақабаев Әзімхан сияқты өзі шешен, өзі озат шопандар шешеннің жүзіне ажырая қарап, ақсия күліп, қадалып отыр.

Залда жым-жырттық біраз созылған соң шешен сөзін ілгері жалғап:

– Екінші мәрте елді неғып... ояқ-бұяқты ойлап кеп, биыл тоқсан килоны атап отырмыз!.. – деп тағы тоқтап, бірталайға шейін үнсіз күйде қара тақияны тақыр басында ілгерілі-кейінді жортақтата түсіп, аяғында келелі сөзін аяқтағаны:

– Анау-мынау әңгімеге қызықпайым! Малды ерінбей бағам. Қой он сегіз сағат жайылат! – деп біраз тұрды да, ши барқыт бешпетінің екі жағын сипалақтай түсіп, ақыры сөзінің аяғын айтпастан мінбеден түсті де, тарта берді.

Зал қысылғаннан болса да қол соққанның мезіретісін жасады. Осы кезде облыстың құрметті үлкен жиналысын басқарып отырған басшы азамат орнынан тұрды да, өзі орыс болса да, жаңағы шешеннің сөзін қазақша түсінбейтін жолдастарға: “мен аударамын” деп алып, орысша шешен тілде айта жөнелді.

– “Мың қойдан биылғы жыл жағалай тоқсан килограмдық салмақ беремін. Қой басы алты-жеті килограмнан жүн беремін. Мал шығыны болмайды. Менің шаруамнан жалқауды таппайсыз! Күн жақсы, көңіл шат, уәдеге берікпін. Алған міндетті артығымен орындап шығамын деп облыстың осы қадірлі жиналысының құрметті мүшелерін барынша сендіремін”, – деді Шаяннан келген “Шалдар” совхозының қадірлі шопаны – біздің құрметті Маманов Керекен!.. – деп анық, айқын қатты дауыспен, суырылған шешендікпен саңқ-саңқ етіп айтып шықты. Жұрт ду қол соға бергенде, айғайлап тұрып: – Побольше бы таких, – деген сөзді ұрандай қызумен тастады мәжіліс бастығы.

Баяу басып келе жатқан Керімқұл алыстағы орнына жетіп барып отырғанша, зал тыным алмай қол соқты.

Әрине, шопанның бәрі Керекендей емес. Біреулері Керекендей болса, біреулері одан сәл шешенірек болса, тағы біреулері Шымқорғанның атақты шопаны Шақабаев Әзімхандай болады. Ол 1959 жылы 100 саулықтан 176 қозы берген. 1960 жылы 183, ал қазіргі алған міндеттемесінде 205 қозыдан беруді өзіне шарт еткен. Ол қойды жиі қоздату шарасын сондай жақсы, жетік біледі. Ұзын бойлы, қызыл сары, ашық жүзді Әзімхан үлкен жиында ақсия күле тұрып, еркін кемел сөйлейді. Ашаңдау ұзын қолдарын кең

жая, сілтей-сермей түсіп, СЖК-лардың жайын айтқанда, барыс жалғау, жатыс жалғауларыңыздың бәрін дөңгелек айналдырады. Бірақ әңгіме әзірше Әзімхан жайында емес, Керекең жайында.

Майдың ортасында самал соққан бұлыңғырлау бір күні біз “Шалдар” совхозындағы атақты Желтиместе жатқан Керімқұл Мамановтың отарына келе жаттық. Шаян ауданының бірінші секретары, ашық жүзді, әңгімеші Мұртаза Ысмайылов Керекеңнің шаруасы жайын өзі де сүйсіне, тыңдаушыны да сүйсіндіре әңгіме етіп келе жатқан еді.

Біз Керімқұлдың мінбеге шыққанын еске алдық. Сонда Нұртаза барынша сақылдап қуана күлгендей жарқырай жадырап алып, былтырғы бір болған жайды айтты.

– 1959 жылдың жазында шопандар тойы болды. Көп үйлер тігіліп, көп жан жиылып, мәз-мереке боп жатыр. Керекеңдер өз үйлерін де әкеп тігіп тастаған. Тағы да отары күйлі, жақсы көрсеткішінің бәрі мығым болғандықтан, қой басы сексен кило салмақ бергендіктен, Керекеңді бас етіп, көп шопанға сый беретін болды. Сол орайда Керекең ертең мына жиын алдында бір-екі ауыз сөз сөйлеңіз деген едім. Ертеңінде жұрт бас қосар алдында Керекең ауырып қалыпты. “Өттегене-ай... апыр-ай, бұл қалай болды екен, неғып, не ауру екен?” деп мен барып, көңілін сұрауға шықтым. Үйіне барып кірсем, естігендей рас, Керекең науқас, төсек салғызып, басын көрпемен қымтап алып, бүктүсіп жатыр. Кейін дәрігер жібермек боп, жайын сұрап, аз сөйлесіп отырып шығып кеттім. Келер күндері Керекең тәуір болды деді. Шопандар тойы өтіп кетті. Ал кейін бір кісі әңгіме айтады. Сол шопандар тойында Керекең науқас емес, сау екен. “Өзіміздің әңгімелесіп, жайрандап, жақсы отырғанда, сіз келе жатыр дегенді біреу тыстан айтып келе қойып еді, төсекке жантая кетіп, арқа-басын қымтап, ауру бола қойды. О кісі мүлдем қызық етпеді ме солай!” – деп маған айтушы. Керекеңнің сондай бір “шешендік пәлесінен” ауру да болған жайын айтқан! – деп, Нұртаза тағы да сақ-сақ күледі.

...Мыңға тартқан саны бар Керекеңнің ісек қойлары Желтиместің алкүрең бір қырқасынан бері қарай асып келеді екен. Қойды көрсең сонда көр! Әрбір қойы көзіңе сонадайдан бадырайып, баданадан басылады. Сәл оқыс

машина жүре қап, жүргінші шыға қап, бөгде адам ұшырай қалса, қойлары сергек-үркек. Шаянның желіндей шалқи береді. Оты, суын жетістірген өңшең аттай кесек ісектер май айының өзінде-ақ сексенді алқындыратындай семіз-күйлі. Бұл Керекеңнің малының жайы.

Үйіне келдік. Керекеңнің кең үйі өте әдемі жасаулы. Жалтыр жұкаяқтарға орнаған үлкен-үлкен сәнді жалтыр сандықтар үстіне үйілген текемет, сырмақ, көрпе-жастық биік үйдің сонау уығының қарына барып тірелген. Үй айнала кілем ұсталған. Отыздың ішіне кірген әйелі Керекеңнің өзге ұсақ балаларына тағы бір жаңа жас нәресте қосқан екен. Ол бөбегін ораған күйде, үйден өзі шықпай, қонақты күту жайын меймандос көңіл-қабақпен басқарып отырды.

Керекең өзі болса, үй тола қонақты үнсіз ғана жылы жүзбен, бір ауыз сөз қатпастан, бар бабын таба қалтқысыз күтеді. Бұл үйде шай да дәмді, бар ас та бапты. Керекең тіпті киіз үйге сырт үйлесімі аз сияқты көрінетін коньяк, шампанский бөтелкелерінің мойындарынан толғай тартып, дастарқанға ұсынған шағында да бір ауыз асыл сөзін шығын еткен жоқ.

Бірақ сөз-сөздің ішіндегі ең шешені, ең бағалысы оның мәні ғой, мазмұны ғой. Керекең сөзі қорғасындай салмақты сөз. Ол оның бүкіл Қазақстан көлеміне үлгі берердей мыңға тарта қой санын жағалай тоқсан килодан тапсырамын деген серті мен ісінде. Жақында Шаян ауданынан алған хабарымыз бойынша, қырку аяқталғанда, Керімқұл отары қой басына 6,5 килодан жүн беріпті. Серт те, сөз де, бар шешендік те осында. Бұл шешендік болғанда, өзінше бір стиль десе болғандай! Сөзіңнің мәні – көптігінде емес, сомдығында. Сөз сұлулығы – көркінде емес, сырында. Шопандар ішіндегі бір алуаны Шаянның Керімқұлы өзге – өзге емес, кейде ойласақ, жазушылық шеберлік стильге де сөз үлгісін берсе не етер! Аз сөзде көп мағына болсашы! Сол ретте, бір есептен, шешендер шешені Шаяндағы Керекең дерсің!..

АМЕРИКА ӘСЕРЛЕРІ

Биылғы жылы февраль ортасынан марттың ортасына дейін мен Америка сапарында болып қайттым. Айға жуық аралаған Америкадай мемлекет жөнінде көрген мен білгенді, аңдаған мен алған әсерді, жалпы басқа келген кейбір ауық-ауық ойларды да өзіміздің оқушыға өзімше айтып беруді міндет санаймын.

Тек осы жайға кірісуден бұрын үш түрлі жайдан өзіміздің ардақты оқушылар алдынан өтініп алу мақұл деп білдім.

Мен өзім жазатын сөздерімде өзіміздің оқушының білгендеріне, сезіп-танып жүргендеріне аз да болса қосымша боларлық жөн-жосықтар баяндай түспекпін. Америкаға барып-көріп білген оқушы сол өз көргеніне менің көрген-сезгендерімді қоса түссін. Америка жайын оқып білген кей достар оқыған мен танығанына менің де тоқып-танығанымды жалғай түссін, Американы ғылымдық жолмен зерттеп біліп жүрген кейбір мемлекеттік, қоғамдық, шаруашылық жайларды, өнер, мәдениет күйлерін ғылым жолымен зерттеп біліп жүрсе, біздің кейбір көзбен көрген, құлақпен естіген күйлерімізді, көріністерімізді өз деректеріне тіркей түссін. Міне, Америка әсерлерін жазудағы ең бірінші еске салар, оқушыдан өтініп өтер жайымның бірі осы.

Екінші жай: менің бұл жазатыным тек көргеннен, көзбен көргеннен алған тікелей әсерлер ғана. Ең әуелі мен саяхатшы емеспін. Жазатыным саяхатнама да емес. Ол аса жауапты талаптар қоятын жайлар болар еді. Себебі саяхатшы (путешественник) деп аталатын қауым бір өлке, не бір мемлекет, не бір халық ішіне ұзақ заманға барып, жан-жақты барлық болмыс жайларды сан саладан көп ғылымдар құралымен, баппен ізерлеп танып шығушылар болар еді. Олар жазатын еңбек те саяхатнама болғанда,

оқушының білімін байытатын көп сала ғылымдардан көп тың жаңа табыстар тауып, жалпы мәдениет тарихын кеңейте, байыта түсетін еңбек болар еді. Саяхат деп сондай жүрісті, саяхатнама деп сондай жүрістен туған еңбекті айтса керек еді. Ал менің жазарым ол емес деп оқушыдан өтінетін үшінші тағы бір себебім бар: ол – Америка Құрама Штаттарының өз ерекшелігінен туатын жай.

Ең әуелі бұл аса зор ұлы мемлекет. Оның мәдениеті кем қойғанда, тек бергі америкалық дәуірін санағанда, екі жүз жылдан астам тарихы бар мәдениет. Ондағы тарихтық, мемлекеттік, қоғамдық аса шебер техникалық өндірісті мәдениет, ғылым, көркемөнер – бәр-бәрінің ұзақ өскелең алуан-алуан ерекшеліктері, қайшылықтары, даму-өрлеу заңдары қым-қуыт қиын дүниелер. Американың қалалары мен көп штат өлкелерінің бүгінгі құрылыс барыс-қалыптарының өзін алғанда да аз аралаған жолаушыға оңай таныла қоймайтын қат-қабаттар, қатпар-қатпар бар.

Сол себепті жиыны бір ай ғана жүріп, біраз ғана көріп өткен күрделі, көбеген дүниені білгір кісі болып сөйлемек те емеспін. Бұл жөнінде қысқа айтатын зерттеуші ғалым боп та, Америка тіршілігінің белгілі саласының маманы боп та жазбаймын. Қолдан келгенше соның бәрінің орнына көзбен көргенді, құлақпен естігенді, тікелей сезіп, төтелей ойлаған ойларды (көргеннен, естігеннен туған, төтелей туған ойларды) жай жанды, жұпыны ғана әңгіме етіп бермекпін.

Бұл әңгімелерден оқушы нақтылы дерекпен мен сезгендей сезім, әсер аларлық дәрежеде жаза алсам, әзірге мақсат та сол дер ем. Енді осымен, құрметті оқушы, қадамымызды Америка жағасына қарай басайық.

Вашингтон

Атлантика мұхитынан ұшып өтіп, Америка жағасына жеткен соң біздің ең алғаш қонған жеріміз Нью-Йорктің халықаралық қатынастар аэропорты Айдл-Уайл болды. Нью-Йорк қаласынан бір сағаттық жолда жырақтау орналасқан аэропорт бар мемлекеттердегі аэропорттардан көп өзгешелігі бар өзінше бөлек, ерек бір көрініс аңғартты.

Америка Құрама Штаттарын еске алып, ондағы Нью-Йорк қаласын атағанда, жырақтан көп жайы оқшау,

өзгеше сезілетін кесек бір келісім осы аэропорттың өзінен аңғарылғандай. Шын-ақ Нью-Йорктің халықаралық қатынастай мекен-жайының өзі дерлік. Мұнда бір емес, жиырмаға жуық аэропорттар бар. Әрқайсысы әрбір үлкен компанияға тиісті. Сол көп компанияның бірі – бізді Америкаға апарған Скандинавия компаниясы – “САС” компаниясы. Сол сияқты Француз компаниясы, Голландия, тағы басқалардың халықаралық қатынастар түзеген әуе жолдарының ірі компаниялары осы Айдл-Уайлда өз аэропорттарын салған. Американың өз ішіндегі әлденеше компанияларының аэропорттары, әрине, және осында. Сөйтіп, әр бөлек қоғамдар салдырған көп аэропорттар кең-байтақ бір өлкеге орналасқанда жалпысына ортақ өзінше архитектуралық бірыңғайлау дерлік ұқсастық бар. Әр аэропортта екі-үш этаждың бәрінің қатарында автомобильдер жүріп жатады. Әрқайсысында шынылы, жарығы мол ұзын-ұзын залдар, холлдар, әр тарапта, көп мүйістерде мол-мол магазиндер, көп кісілік ресторандар және өсем, көркем жиналған кабинеттер көп.

Автомобиль жолдары терезелер алдынан, бірінші этаждағы тәрізді, екінші-үшінші этаждағы залдардың терезелері алдынан да жүйткіп өтіп, жосып жүр. Кейін осы аэропорттан Калифорнияға қарай ұшқанымызда байқаған тағы бір өзгеше жайды атай кетейін.

Бізді шығарып салған жұртпен жақсы сәнді бір кабинетте ұшар мезгілді тосып отырғанымызда, бізге келіп, енді жүруге болады деген хабар айтысты. Біз отырған кабинеттің едені қызғылт түсті кілемдер еді. Сол кілемдерді басқан бойда ауыз бөлмеге шығып, сондай кілемдер үстімен коридормен жүре беріп, енді бір сәтте бізді Калифорнияға алып ұшатын лайнердің ішіне кіріп, соның кілемін басып келе жатқанымызды бір-ақ аңдадық. Оны да алдымызда киімдерімізді алғалы тұрған екі стюардесса қыздың үстіндегі формасына қарап қана таныдық. Байқасақ, кейбір қымбат самолеттерге мінетін пассажирлерді аяғын жерге тигізбей, далаға шығармай, көркем зал, кабинеттерден самолет орнына бір-ақ апарып кіргізетін жағдайлар болады екен. Оны осы Айдл-Уайлдың екінші бір аэропортынан көрген едік.

Біз, тегі, бұл жолы Нью-Йоркке соқпақ емеспіз, тек құр ғана самолет ауыстырып, Вашингтоннан шықпақпыз-ды.

Сондықтан сол аэропорттың өзінде екінші бір компанияның аэропортына бардық та, Вашингтонға баратын самолетке міндік. Осы самолеттің ұшуға әзірленген, ұшып көтерілген шағына шейін Айдл-Уайлдың жалпы кең қондыру, ұшыру майданын көрдік. Байқасақ, сан самолеттер келіп қонып жатып, сол минуттардың, секундтардың ішінде әлденеше самолеттер көтеріліп ұшып жатады екен. Тек бізбен бірге сол біз ғана ұшатын аэропорттың өзінің алаңдарында он шақты самолет іркес-тіркес ұшып жатты.

Самолеттердің бірі үлкен, бірі кіші. Араларында жетпістен аса адам алып ұшатын біздің ТУ, ИЛ-18 тәрізді лайнердің өзі аз емес. Самолеттер ұшатын жолдарымен біреуі баяулап, біреуі ағызып жүріп жатады. Кейбіреулер қалықтап, жаяулап барып-барып біраз шаққа қалтиып, қозғалыссыз тұрып қалады. Содан кейін ағыза-зырлай, оқтай зулай жөнеледі. Бейне бір үлкен теңіз түбіндегі әр алуан, әр атаның ұлы балықтар, жайындар теңіз түбінің өзгеше айуанаттары тәрізді. Біріне-бірі жылжи тақай келіп тұрысып, бір кішілеуі жүйткіп өтіп, кейбір үлкендері қалғығандай мелшиіп, бір сәт тұрып қалып, енді бірде үнсіз ағыза жөнелетін тәрізді, сондайлық теңіз жүзіндей, не теңіз түбіндей ұшып-қонысқан, сүңгіп шүйген мол әлемнің көп өзгеше жәндігі өз қимыл-қозғалысын, барлық болмысын аңдатады.

Осындай ұшу-қонулар жоғары атаған бір Айдл-Уайлдың жиырма шамалы аэропортының бәр-бәрінің тұстарында айқыш-ұйқыш, ерсілі-қарсылы өтіп жатыр.

Айдл-Уайлдың аты да қазақ құлағына өзінше ойда жоқта қызық естіледі. Сөз мәнісі үйлеспесе де, сыртқы дыбыс бойынша естілу қалпында Айдл-Уайл – айдын ауыл тәрізді естіледі. Ал сөздің мәніне қарағанда, бұл бір есіз алаң деген ғана жер аты екен. Ал халықаралық қатынастың үлкен елінің бірі Америка Құрама Штаты болып, оның ең үлкен қаласы, әлем жүзіндегі ең үлкен қала – атырабымен санағанда 14 миллион халқы бар Нью-Йорк болғанда, солардың осы жағаға жаңа келген, өзге материктерден келетін жолаушы атаулыны алғаш қабылдайтын бір майданы – Айдл-Уайл болғанда, “айтарлықтай”, “өзгеше дерліктей” мынау Америка атына лайық қатынас жайы екен демеске болмайды.

XX ғасыр ортасындағы өнерленген адамзаттың машиналы-техникалы цивилизациясы осындайды жасаған десе дерліктей. Айдл-Уайлдан ұшқан соң келесі сағатта біз Вашингтонға жеттік. Вашингтонның алғашқы кештері мен ең алғашқы бірлі-жарым күні ресми ұшырасулармен өтті. Алғашқы кеште біз өзімізден бұрын Американы аралап, енді қайтуға айналған жолдас Полянский бастаған советтік үкімет өкілдерін шақырған қонақта бірге болыстық. Ол (қонақ қабылдаған үй. – *ред.*) Вашингтонның жұртшылығына мәлім ескі едәуір естегілермен байланысты қадірлі үй саналады екен. Оның үстіне, біздің делегацияның бастығы Одақ көлеміндегі атақты ақынымыз Степан Петрович Щипачев – сезімді сыршыл ақын, осы кештен, осы үйден өзіне бөлек қымбат бір жайды әсіресе біліп бағалап шықты.

Америка ақындарының ішінде Щипачевтің ең қадірлеп сүйетіні ұлы ақын Уолт Уитмен болатын. Сол Уитмен жас шағында осы үйде санитар боп қызмет істеген шақтары болған екен. Сөйтіп кеп, қонақтар арасында біз жүрген бөлмелер, залдар, неше алуан кіріс-шығыс жолдар – бәрі де бүгінгі қонақ ақынға бұрын болып өткен ұлы ұстаз ақынның жылы ізін сездіргендей болды.

Келер күні біздің Вашингтондағы елшілік Америка қонақтарын сол елшілік сарайында қабылдап, жолдас Полянский тобы енді Америка қонақтарын өздері қабылдап қарсы алысты. Америка адамдарымен біздің алғашқы ұшырасуымыз осы кештерден басталған-ды. Күндіз біз өз еркімізге тиген бір айды қай қалаларда, қандай кездесу, танысу, арнаулы ұшырасулар түрінде өткізбекпіз, соның дағдылы календары, сапар кезеңі нақтылы анықталып, бекілетін болды. Бізді жазушылар делегациясы етіп шақырған америкалық ағарту советі қоғамы болатын. Ол қоғам өзінің барлық істерін Госдепартамент басшылығымен келісіп, сүйенісіп істейді екен. Төрт жазушы біздің өз аударушымыз болса да, ағарту советі бізге үш адам қосып беретін болды. Бұлардың бәрі де орысша білетін, Совет Одағы жөнінде жалпы мәліметтері мол адамдар еді.

Бір ай бойында біз аралайтын қалалар мен штаттар жөнінде біз едәуір ойланып, ақылдаса отырып талғау-таңдау жасадық. Бізге ұсынған жол жоспарында, Чикаго қаласына бару сияқты, кейбір үлкен өндіріс орындарын аралау межесі

бар екен. Біз ақылдасқанда Чикаго, Детройт сияқты үлкен, атақты зәулім өндірістер орталығын араламасақ та болар дестік. Ондағы бір ой – тілсіз цехтар, станоктар, агрегаттар жанындағы үнсіз жұмыскерлерді құр көзбен қарап, көріп өткен болмаса, олармен сөйлесу, мәмілеге келісу мүмкін болмайды. Одан да әрбір кездесу үстінде әңгімелесуге, ерсілік-қарсылық ой-пікір алмасуға, таныс-біліс аңдасуға боларлық қоғамдар, шаруалар, орталар атаулыны аралай түсейік дедік. Және Құрама Штаттың Нью-Йорк, Вашингтон, Бостон сияқты қалаларын, өлкелерін тану-білуден басқа, жағрафиялық көлемі кең мемлекеттің екінші бір жырақ жағалауы – Тынық мұхит жағасы, Калифорния өлкесі сияқты бір шетін көрсек дестік. Содан кейін бұрын шөлістан болып саналған штаттардың бірі және өзінде Американың баяғы, байырғы тұрғындары – индеецтердің резервация аталатын байлаулы мекен-жайлары болғандықтан, соларды да көрейік дестік. Осымен біздің ай бойында көргендерімізді қала, өлке бойында санасақ, Вашингтон (мұнда екі рет болдык), Нью-Йорк (онда да жиыны тоғыз күндей, екі рет болдык), содан кейін Калифорнияда, Лос-Анджелес және сол штатта Фреско графство, одан әрі кезегімен штат Аризона, оның орталығы Феникс қаласы. Осыдан қайта оралғанда Вашингтонға кеп, содан Бостан шаһарында бірнеше күн болып, аяғы қайтысқа бет алғанда Нью-Йоркке келіп, тағы күн тұрып, жаңағы аталған Айдл-Уайлдың аэропортынан Америка жағасын артта қалдырып, Европа жағасына қарай қайта сапар тарттық.

Әзірше мен қайда болғанды ғана қысқа желі тартып, үстірт атап өттім. Ал енді қайда, не көрдік, неге, кімге кездестік, нелер есіттік, нелер айтыстық және сол көрген, естіген, айтысқан жайлардан не аңғарып, не түйдік, соның жайын баяндауға әуелі Вашингтонда көргеннің, естігеннің, сезгеннің өзінен бастауға ауысайық.

1/VII – 1960 ж.

Вашингтондағы арнаулы ұшырасудың бір түрі дағдылы пресс-конференциядан басталды. Бізбен сөйлескелі Вашингтон газеттерінен он бес шамалы журналист келген еді. Кейін газетте басылған хабар қорытындыларына қарағанда және жалпы сұрақ-жауаптар мән-мазмұндарын еске алғанда, бұл пресс-конференция әдебиеттік күрделі, не кең,

не терең жайларға соққан жоқ. Сонымен қатар сұрақтарда кейбір ерекше, жекеше мәселе болмаса, совет әдебиеті өкілдеріне арналған қырыс-теріс қабақты қас-қияс көңіл де біліне қойған жоқ деуге болады.

Мұндағы совет әдебиеті ретінен Америка жұртшылығы соңғы жылдары ауызға көп алып жүрген бірер адамның ғана жай-жөнін сұрасты.

Біздің делегацияда бас-аяғы төрт жазушы болғанымызда, соның екеуі орыс совет әдебиетінің ірі өкілдері Леонид Леонов және өзі ақын, өзі делегация басшысы Степан Щипачев болатын. Делегацияның ендігі бір мүшесі Украина жазушылар ұйымының бастығы, белгілі роман жазушы Олесь Гончар және мен болатынмын.

Әдебиет жөніндегі нақтылы сұрақ орыс совет әдебиетінің фактілері туралы болғандықтан, жауапты Леонов пен Щипачев берісті. Осы ұшырасуда американ жазушыларының қайсылары Совет Одағында көбірек оқылып, көбірек мәлім екенін сұрасқан еді. Оған біздің тараптан айтар, келтірер дәл деректер мол еді. Бір ғана орыс тілі емес, Одақтағы көп туысқан елдеріміздің көптен көбінің тілдеріне Американың Марк Твендер бастаған классиктерінен бері қарай бүгінгі Хемингуэй, Митчел Уилсон, бүгінгі қарт ақындар Роберт Форст, Карл Сэндберг, негр ақын Ленгстон Хьюз, бүгінгі Америка драматургтері Лилиан Хельман, Артур Миллер сияқты көп адамдарды советтің елдері, оқушылары бір орыс тілі емес, өздерінің ана тілдерінде де оқи білетіндері айтылды.

Бізбен әңгімелескен бүгінгі журналистер аңғартқан бір жай болды. Ол — Америка оқушы көпшілігі совет әдебиеті дейтін көп ұлтты, көп тілді туыстас әдебиеттер қатары мол екенін біле қоймайтын тәрізді. Сонымен қатар және орыс совет әдебиетінің де бірен-саран өкілі болмаса, көпшілік жазушыны, көп ірі шығармаларды білмейтіні байқалды.

Біз оның себебін де кейін көре-жүре, кездесе, кеңесе жүре анықтап білгендей болдық. Кейбір журналистер біздің әдебиеттің тарихындағы ең соңғы жылдарда болған бірлі-жарым жеке жазушы жөніндегі оқшау, оқыс күй болса, сол жөніндегі сұрақты қайталап тықпалай береді. Осы бір жай бүгін кездескен журналистер ғана сұрауы емес, өзге алдағы талай әңгіме, кездесу, ұшырасу, дискуссиялар тұстарында да

қайталай берген еді. Бұл жөнінде жолдас Полянскийдің бір топ американ адамдарына берген бір жауабында әр кезде көңіл ашар, тапқыр жайлар еске түсе жүрді. Оның тобына, өзіне де Америкада жүргенде Венгрия мәселесін, оқиғасын қайта-қайта атап, тың сұрау етіп алдарына көлденең тарта беріпті. Соған бірнеше жауап бере жүріп, ақыры бір кезекте жолдас Полянский:

— Сіздер Венгрия оқиғасы турасындағы сұрақты біздің Отаннан келген адамдарға жылдар бойында қайта-қайта бере бересіздер. Кімдерден неше рет сұрамадыңыздар осыны? Ал енді осы сұрақтың тозатын кезі жетпеді ме? Жоқ әлде бұл сіздердің шайнап жүретін резинка сағыздарыңыз ба? Шайнай-шайнай жүргенде не жұтып та қоймайсыздар, не түкіріп тастауға мұршаларыңыз болмайды. Венгрия мәселесі де сіздер үшін соған айналған деп білемін, — деген екен.

Біздің жоғарыда атаған әдебиеттік бірер фактіміз жөнінде соны айтуға мейлінше боларлық. Бұл конференция соңынан Американың үлкен газеттерінің бірі “Вашингтон пост” ұстамды, қысқалау ғана тұжырымды ақпар берді. Осыдан соң Вашингтонда біз көбінше астана қаланың өзгеше орындарын аралаумен болдық.

Сол қатарда Америка Құрама Штаттарының үкімет үйі Капитолийде болдық. Мұнда Американың конгресі — сенаты мекен етеді. Сенаттың мәжіліс залында болған шағымызда Құрама Штаттардың оңтүстік штаттары атынан бір сенатор сөйлеп тұр екен. Соңғы кезде терістік штаттар мен үкімет басшылығы оңтүстік штаттары негрлердің праволарын кеңейтуді мақұлдайтын жаңа заң жобасын — “Билль” енгізген. Негрлердің теңсіздігі әлі де орасан күйде Құрама Штаттардың оңтүстік штаттарында мол орын алады. Сол заңға сөйлеп тұрған сенатор оңтүстік штаттары атынан қарсы сөйлеп тұр.

Мәселеде, тартыста сырт көзге елеулі, оқшау көрінгенмен, залда отырған сенаторлар қатары өте сирек. Спикер (бастық) болса іші пысып, қажыған адам қалпында зорға төзіп отырғандай. Бірақ тыңдаушы ажарына қарап тұрған сенатор жоқ, ол өзінің қарсы пікір жобасын мол қағазға жазып алған қалпында саспай, баппен баяулап оқып, мәлімдеп тұр.

Сенат залының қонақтар отыратын жоғарғы орындарында әр тұста, әр топ адам байқалады. Ол – жай халық. Бұлардың арасында негрлер, индеецтер бары байқалады. Солармен қатар католик дінінің ресми қара киімдерін, ақ астарлы қара жаулықтарын жамылған екі сопы әйел де отыр. Капитолийдің ішінде конгресс залын да көрдік. Ол алдыңғы сенат залынан сонағұрлым көркем дерлік. Жалпы Капитолий сұлу үйдің бірі деуге болады. Қазір оның төбесіне жаңғырта түзету әрекеті істеліп жатыр екен.

Бір кезек біз Вашингтон қаласын араладық. Вашингтонда толып жатқан министрліктер үйлері бірінен-бірі басымдай түскен әр алуан архитектурамен жасалған. Бір көшелер тегіс, тұтас шетелдер елшіліктерінің ғана көшесі. Америка президенті тұратын “Ақ үй” айналасындағы паркпен оқшауланып тұр. Бұл үй-имараттардың бәрінен биік шаншыла біткен ақ обелиск – президент, ертеде болған, осы астана соның атымен аталған. Американың атақты президенті Вашингтонға арналған ескерткіш. Вашингтонда үйлер көбінше төрт-бес этаждан артық емес. Үйлер арасында дуал, бөлік, жік жоқ. Бір үйге бір үй өзіне бөлек қайталамайтын қызық іздену бойынша қалыптасқан стилі, архитектура өрнегімен қатарласа, жалғаса тұра беріседі.

Вашингтонда ағаш та, көк те мол. Ағашының дені зәулім биік, мол бұтақты, тармақты, алып платан ағаштары тәрізді. Сырт шолып, қаланы аралап танысуда біз Вашингтон Нью-Йорктен мүлде бөлек екенін аңғардық. Бұл және өзінше өте сұлу қаланың бірі. Ал Нью-Йорк екеуін ешбір жағынан салғастырып, қатарластыруға келмейді. Және екеуі де мүлде екі бөлек-бөлек, басқаша мемлекеттердің бірінен-бірі аулақ, алабөтен екі астанасы тәрізді.

Вашингтонда мұсылман елдерінің елшіліктері көп болғандықтан, мұсылман мешіті де бар екен. Жұма намазына 17-18 мемлекет елшілері, елшілік қызметкерлері осы мешітке келеді екен. Вашингтонның өзінде де шамасы 500-дей ұдайы тұрғын мұсылмандар бар десті. Мешіттің имамы Мысырдың арабы екен. Мен мұнаралы мешіт болғандықтан, мұның мәзіні азанды қалай шақырады екен деп сұрағанымда, мешіт адамы күлді де: ол жөнінде қазіргі радиотехниканы пайдаланамыз, – деді. Азанды запасқа

шақыртып, пластинкаға түсіріп алады екен де, бес уақыт намаздың азанын Вашингтон мешітінің мұнарасынан радиорепродуктор арқылы қышқыртып шақыртып алады екен.

Вашингтонды аралау үстінде мұндағы мәдениет ескерткішінің ең зоры дерлік екі жайда болды. Біреуі – Конгресс кітапханасы, екіншісі – Шекспир кітапханасы. Конгресс кітапханасының аты болмаса, іс-заты жағынан Америка конгресіне байланысы жоқ кәдімгі мемлекеттік кітапхана. Бірақ дүниедегі ең бай кітапхананың бірі деседі. Мұнда он бір миллион кітап бар екен. Ішінде 21 оқу залы бар. Жалпы құрылыс жағынан Англиядағы атақты Британский музей үлгісінше қалыптасқан. Сұраған кітапты ең ұзағанда 20 минут ішінде өзiр етеді.

Мұнда славян бөлімі деген бөлім бар. Ол өзіне бөлек мол ымарат. Кітапхананың үлкен үйінен славян бөліміне жер асты көркем туннельмен қатысады. Бұл бөлімдегі орысша кітаптың саны екі жүз мың десті. Осы күндерде жылына сегіз мыңдай кітапты Совет Одағынан алдырып тұрады екен. Сол қатарда Украинадан жылына бес жүздей, Қазақстаннан, қазақ кітабынан жылына елу шамасын алдырып тұрады екен. Кезектескен кітап ауысу әрекетінде Тбилисiмен байланысымыз айрықша мол деседі.

Осы кітапхана ішінде төрт жазушы біздің төртеуімізге де өз кітаптарымыздың Конгресс кітапханасындағы бар тізімнен каталог жинап берісті. Менің кітабым орыс, ағылшын тілінде болумен қатар, сол менің еңбегім туралы жазылған Кедрина, Айқын Нұрқатов еңбектері де бар.

Вашингтондағы екінші бір ерекше мәдениет орны дегеніміз – Шекспир кітапханасы, Шекспир заманы мен еңбектеріне арналған кітапханалар ішіндегі дүниежүзіндегі ең бай кітапхана осы десті. Бұған дүниежүзінің шартарабынан Шекспирді зерттеушілер көп келеді екен. Көбінше сол келгендердің жол қаражаттарын да бұл кітапхана өзі төлейтін дәстүр бар екен. Мұнда жалпы Британия тарихының XVI–XVII ғасырларынан да көп деректер бар. Кітапхананың ішінде тап ортада атақты Шекспир театрының өзін де қаз-қалпында орнатып, музей етіп қойған. Бұл театрда сахна екі этажды. Шымылдығы да екеу. Әрине, мұндағы айырмасы – Шекспирдің өз театрында төбесі ашық, шатыр болмаған болса, мұнда төбесі жабық, шатырлы.

Осы кітапхана мен театр да түгел бір ғана адамның — Фоулджер деген кісінің жеке бас өз қаражатына салынған. Қазіргі салт дәстүрі бойынша Шекспир кітапханасы баяғы Шекспирдің өзі заманынан бастап бүгінге дейін қай жерде Шекспир спектакльдері қойылса, қай тілге аударылып, қай мемлекетте ойналса, соның бәрінен суреттер, документтер, деректер жинап отыруға құмар екен.

Мен “Асауға тұсауды” қазақ сахнасында қою үстінде Шәкен Аймановтай СССР халық артисінің, Хадиша Бөкеевадай Қазақ ССР халық артисткасының үлкен даңққа ие болғанын айтып ем, кітапхана директоры “Асауға тұсау” туралы менің көп мәлімет суреттер жіберуімді талап етіп қалды.

Бұл кітапханада Шекспирдің өз мұраларынан басқа Шекспир заманында белгілі болған атақты жазушы, ғалымдар еңбектері мол. Шекспир оқыған кітаптар тобы бір бөлек болса, оның оқуына мүмкін деген кітаптар да бөлек жиналған. Және Шекспир трагедияларына, комедияларына себеп, сілтеу саналатын тарихтық, архивтік, әдебиеттік көптен-көп деректері мол жиналған.

Сол қатарда Англияның Елизавета королевасының, король Яковтың дәуір документтері, Мария Стюарт уақытының документтері, философ Бэконның еңбектері, Макиавелли аудармасы немесе 1616 жылғы карталар бар.

Тағы бір ерекше жай — Шекспир театрында болған сүфлер пайдаланған пьесалар нұсқалары және де көп жиналған.

Вашингтондағы мақтаулы өнер орны — ұлттық галерея. Біз онда тек жаңа сурет-живопись бөлімін толық қараған едік. Америка мүмкіншілігі бұл галерея қолына ескінің де, жаңаның да көп қызықты, елеулі үлгілерін мол жиған. Сондықтан жаңа сурет өнерінің шеберлері деп саналатын Сезанн, Ренуар, Моне, Яманэ, Поль Гоген бәрі бар. Мұнда өзгеше бір үлгіні танытады деп санашылдық жолдағы Мексиканың күшті шебер суретшісі Сальвадор Дали салған “Тайная вечеря” діншілдік нанымның бір сәтін баяндайды. Мұнда Ғайсаның екінші тірілуінің символы буалдыр-бұлдыр қалыпта бейнеленген, Америка буржуаздық эстетикасы ұнататын суреттің тағы бір алуаны осындай мистикалық ізденгіштік болса керек. Бай галереяда, әрине, Пикассо

да бар. Атақты француз шебері Жан Люрса кездеседі. Сол қатарда Матисс, Марке, Андре Дерен тәрізді көп, бір арадан қатарымен сирек ұшырайтын көп суретшілер еңбектерін көрдік.

Вашингтонда кешкі бір шақта үлкен орталық көшесінің біріндегі киноға барып ек, онда “Джек-Потрошитель” – “Қырғын Жак” суретін көрдік. Қырғын десе дегендей, бұл тек қана қантөгістің сұмдық бір сорақы қылықтары. Бір адам бір әйелден соң бір әйелді пышақтап өлтіреді. Әрқайсысын бейуақ шақтарда қараңғы, қалтарыс, адам жоқ шолақ орамдарда кездестіреді. Әр құрбандығын белгілі бір пышақпен жүрекке сұққан жалғыз жарамен құртып, жойып отырады. Суретте терең, қиын оқиға, өзгеше мән-мағына да жоқ. Бірақ барлық “қызығы” дерлігі қанжар, қан, өлтіру, жою, өлу-өшу жөнінде болуында.

Америка өнері дейтін өнердің қалың ел, мол қауымға, кәрі-жасқа түгел тарайтын бір саласы кино мен телевизор болғанда, олардың ең мол ақша табар тартымды үлгілері осындай қантөгіс сұмдықтарға толы оқиғаларда, суреттерде, кино әңгімелерде болады екен. Соның басын осы суретпен бастап, біз Вашингтонның орталық көшесіндегі жақсы жайғасқан кинотеатрының біреуінен көре бастадық. Мұндай көркемөнер, болмыстар – бүгінгі Американың әрі шындығы, әрі соры. Мол соры, сұмдығы. Бұл жайларды келесі қалаларда және де еске ала отырармыз.

Вашингтонда көрген, естіген, түйген жайларды әзірше осымен аяқтай отырып, енді Нью-Йоркке аттанайық.

Нью-Йорк

Нью-Йоркке біз поездбен келдік. Бұдан соң да бірнеше қалалар арасында Америка Құрама Штаттарының әр жолдағы поездары мен әр алуан вагондарына мініп жүрген кездеріміз болды. Сондықтан жалпы поездбен жүретін жүрістер туралы кейінірек қорыта сөйлерміз. Әзір біз Нью-Йорк қаласында сегізінші авенюдегі үлкен гостиницаның бірі – “Барбизон плаза” отельге кеп түстік.

Нью-Йорк, көпшіліктің естуіндегі, дүниежүзінің бар қаласынан бар үлгісі бөлек қала. Бұл көлемі тарлау тас арал Манхэттенге орналасқан, көп заманнан бері қала өсіп,

халық көбейіп, аралдың жері таршылық ететін себепті, бірінің үстіне бірі салынатын көп қабат тас үйлер мезгілден-мезгіл өткен сайын биіктей берген.

Сонымен, біздің ғасырдың алғашқы он жылдардың шамасында Нью-Йоркте жиырма этажды үй бар деген ертегідей көрінген шақ болып еді. Одан бертінде отыз этажды үй, кейін қырық этажды үй де зәулім ғаламаттар саналды. Одан бері келе елу этажды үй ең биік үй саналды. Тағы бір кезекте жетпіс этажды үй тұрыпты деген аңыздай анықтан туған лақап кетті. Ал міне, біздің ғасырдың қазіргі орта шенінде Нью-Йоркте жүз екі этажды Эмпайер Стэйт Билдинг әлемге әйгілі ең зор небоскребтың өзі боп тұр.

Нью-Йоркте, дәл саны есімде болмаса да, сегіз миллион халық бар дегелі көп болды. Ал мұның айналасына топталған әлденеше қала және бар. Осылардың тобын алғанда 14 миллион халқы бар деп саналады екен. Американың, тегінде, мәдениетті үлкен қаласының көбінің айналасында әлденеше топ-топ кіші қалалар қоршап, тұтасып кетеді екен. Мысалы, кейін біз барған Массачусетс штатының үлкен қаласы Бостонда сегіз жүз мың тұрғын бар. Ал айналасындағы қырық қаланы қосып санағанда, екі жарым миллионнан артық тұрғын жұрты бар боп шығады. Ал әлемдегі ең үлкен қала саналатын Нью-Йорктің көше пландауы өте ұқыпты, бір есеппен тұрғын, келгін адамға оңай ұғылып аңғарылатын қалыпта жасалған. Мысалы, терістіктен оңтүстікке қарай қаланың ұзақ бойында он екі ғана авеню бар да, көлденең шығыстан батысқа қарай жүз елу алты стрит аталатын көшелер бар. Барлығы номермен аталатын болғандықтан, есте қалу да оңай және қаланы білмеген адамның адаспай жүруі де өте оңай. Соған қарап Маяковский Нью-Йорктің планына сүйсіне тамашалағандықтан: “Тулада адасу оңай болса да, Нью-Йорк көшелерінен адасу мүмкін емес”, – деген.

Қаланың ортасында аса үлкен парк бар. Содан басқа, өзге көрікті үлкен қалалардай, Американың өзінің де өзге қалаларындай емес, Нью-Йорктің көшелерінде көк жоқ. Жалпы Нью-Йорк жайлы ойлағанда, озғын адамзат цивилизациясы жиырмасыншы ғасырдың орта кезінде осылайша қалыптап келген анық мәдениеті зор, анық зәулім алып қала осы дейсің.

Мұндағы бір көпір – аспалы Бруклин көпірі жөнінде Маяковский айтқан еді: “Бруклинский мост? Да, это вещь!” – деген. Ол дүниежүзіндегі төменгі тірексіз істелген аспалы көпірлердің ең үлкенінің бірі екен.

Он екі авенюдің біреуі атақты Бродвей, оның қала бойындағы ұзындығы отыз үш-отыз төрт километрдей саналады. Жүз елу алты стриттің біреуі атақты Уоллстрит – Нью-Йорк биржаларының, банктерінің тар ұясы. Жүз екі этажды Эмпайер Стэйт Билдингті алғашқы салдырған иесі бір жылдың ішінде жиырма алты миллион долларға түсірген екен. Қазіргі екінші иесі елу миллион долларға сатып алыпты.

Біз осының басына шыққанда сексен бес этажда бір жарым минутта көтерілдік. Қалған он бес этажына да сондайлық шапшаңдықпен көтереді. Зәулім биік мұнарасынан бар айнала атырапты толық көрсетеді екен. Ең жоғарғы екі этажда Нью-Йорктегі телевизиялық он компания өздерінің теле биіктерін орнатыпты.

Түнгі Нью-Йорк әсіресе толып жатқан мол бояулы өте жарық сансыз көп машиналарға толық қайнаған қызу тіршілік белгісін білдіреді. Жүз бояу десе болғандай, реклама, вывеска, жаңалық хабарлар, кинолар мен театрлардың, ресторандардың үлкен жарықтары, магазиндердің әр бояулы жарықпен бұландап шақырып тұрған витриналары, көп қабатты үйлердің терезелерден төгілген жарықтары, көшелерде жүрген машиналардың фарлары, әртүрлі сигналдар – бәр-бәрі қосылғанда, мың бояудың той-тоғысы дерсің.

Бродвейдің отыз километрден асқан ұзын бойы дәл осындай қайнай жайнаған қан базар, бояулы жарықтар атойларын салады. Осындай Нью-Йоркті бүгінгі бар байлық, барлық ірілік-молдығымен еске алумен бірге, көңілге қатар өзге де заңды ой келеді. Рас, капиталистік мәдениет жиырмасыншы ғасыр ортасында бүгінгі ең бай мемлекет, ұлы мемлекет Америка Құрама Штаттарында өзіне осындай ескерткіш тұрғызған екен. Жә, бұл Американың мұндай мәдениет жасауындағы жағдайы қандай еді десек, ол екі жүз жыл бойында өз жөніндегі соғыс атаулыны көрмеген екен. Баяғы шақта Терістік пен Түстік соғысы, азаттық үшін соғыс дегендердің бәрі шын мәніндегі үлкен соғыс боп

көрген емес. Сөткесіне жүздеп қана саналатын винтовка оғын шығарған соғыс бүгінгі адамға қандайлық баланың аударысындай болымсыз әлек. Және сол екі жүз жылдан бұрынғы Америка мәдениетіне ірге негіз болған мәдениеттерді еске алсақ, ол да бір алуан нық ойландыратын жай.

Ол замандағы мәдениетті Европаның ең алдыңғы қатар өнері бар англо-саксон, роман, герман және басқа да солар шендес елдердің өз заманындағы білімі, техникасы, мәдениеті, қару-құралы – бәр-бәрі де Америкаға әр саладан өз сайының өнер суларын құйған. Америкаға мұхитты басып озып баруға жараған кеме қандай мығым еді. Барған соң кемінде жүз жыл бойы соғыса жүріп, тұқымын құртқан, Америка байырғы жұрттары индеецтерді қырып-жойған отты-оқты соғыс құралдары қандай тигіш, қандай қырғын, өртегіш еді. Жердің тереңін қазса, түбіне дейін бойлай алатын, бетін жыртса, нелер дәмді өсімдіктер шығара алатын, дәрмені мен пәрмені бірдей, ықпалы қатал көбеген мәдениеті өзі барып сол екі жүз жыл бұрын-ақ көптен орнаған өлке кейін осы бүгінгі Нью-Йорктей мәдениет ескерткішін туғызатын тарихтың төркіні зор мәдениет болатын.

Осыны ойлап, Нью-Йоркке барған әрбір біздің Отан адамындай, мен өзім де өзіміздің системаның бүгінгі капиталистік мәдениетпен бүгіннің өзінде-ақ жарысқа салар, жарқырап шығар талай жайларын ойға алдым.

Ең әуелі Ұлы Октябрь туғаннан бері биыл қырық үшінші-ақ жыл. Жалғыз адамның толық өмір жолы да емес болғанда, әуелі біз үш үлкен соғыс бейнетін көріппіз. Үш соғыстың жарасын, жарақатын көтере жүре, сонда біз бүгіннің өзінде-ақ нелер істеп үлгіргеміз деп ойласам, көз алдымнан біздің Ұлы Отан тудырған, жаңа жасаған тың теңіздер шалқиды. Батпақты сор өлкелерді ырысы мол өлке ету, сан шөлстанды нелер мырзастан етуде, сахараларды дәндендіру, үлкен аймақ өлкелерді қайта жарату (өзгерту), жүздеген халықтар тағдыры мен тарихын бақытты етіп жаңғырту – осылардай кереметтерді тудыра білген құдіретті күш тек спутниктер ғана жасап отыр ма, тек баллистикалық ракеталар беріп қана қоймақ па екен, – деп салғастыра ойлай бастасаң, өз ішінде өзгелердің де кейбір жақсылығын, жалпы адамзат қорына олжа боп қосыларлық техникалық

цивилизациялық табыс жаңалықтарын кең көңілмен де әділ сынап алуға, талғап-таңдауға боларлықтай.

Қазіргі әлемде дүниежүзілік екі ұлы мемлекет бетпепет тұрған шақта, сол бәсекедегі мемлекетке барғаныңда іліп алары немене екен? Біздің кезінде керегімізге жаратарлықтай, жалпы адам баласының күнделік тірлігіне жарарлық жаңалықтар бар ма екен, қандай екен деген тұрғыдан қарау біздің де Нью-Йорктегі жүргендегі мақсатымыз болды. Әрине, бұлай толғап қарағанда Нью-Йорктегі бардың бәрі ауыздың суын құртып тамсандыра берген жоқ. Жоғарыда біз атаған бізден бұрынғыны да, біздің замандастарды да сүйсіндіретін кейбір ірі жайлармен қатар, Нью-Йоркте капиталистік системаның нелер өрескел сорақысы, ойсырап жатқан олқылық аз емес.

Американың бізге дос бейілі бар орта адамы көпшілігі десек, сонымен қатар Америкада ірі капиталистер, неше алуан империалист, милитаристер жайлаған дүние мол. Сондықтан өз еңбегімен күн көретін Америка адамын орталық американец, анық халық өкілі дейтін орташа көпшілік солар дедік. Біз осылардың көбімен ұшырасу, кездесу қалпында істес болдық. Бірақ осы топтың өзі де тіпті бізге деген көңіл, бейілдің өзінде де бірқалыпты емес, капиталистерге қызмет етіп жүрген, өз еңбегімен күн көретін орта буын адамдардың ішінде де доспен қатар біздің Отанымызға қастық ойлары жойылмаған жандар да көп. Бізге көп ұшыраған орта буын американец дегендер кім десек, олар – журналистер, жазушылар, оқымыстылар және әр алуан мамандықтағы дәрігер, оқытушы, университет профессорлары және сол университеттердегі қалың қауым, жас қауым – американ студенттері.

Нью-Йорк – бар Америкадан іздейтін адамдардың, әр алуан ерсілі-қарсылы жайлардың, ерекшелік болмыстардың бар қайшылықпен қиын-қияс және оқшау, өзгеше қызық, тамаша жайлардың да тоғысқан ордасы. Сондықтан да біз Нью-Йоркте өзге қалалардың барлығынан көбірек болдық. Америка жаңалығы дейтін жайлардың бірталайымен осында молырақ таныстық деуге болады.

Әуелі Нью-Йоркте көргендерді санап өтсек, ең басы біз жазушы болғандықтан, жазушы, журналистер топтарына, жеке жандарына көп ұшырастық. Бірнеше ірі жазушы,

ірі журналистердің немесе сыншылардың өз тұрғын үйлерінде қонақта да болдық. Сол қатарда былтыр біздің Одаққа келіп қайтқан Альфред Кейзн сыншының үйінде қалада болдық және Америкадағы ең бір мол тарайтын даңқты журнал “Сатердэй-Ивнинг” журналының редакторы, біздің Отанға достық бейілі бар Норман Казинс шақыруы бойынша Нью-Йорктен алпыс миль жердегі тоғайдағы үйіне қонаққа барып, көп басқа шақырылған әдебиет, мәдениет қайраткерлерімен бірге тұтас бір күнді сонда өткіздік.

Бірнеше белгілі романы бар, өзі халықаралық жазушылар ұйымы мен клуб мүшесі миссис Женуэй үйінде қонақта болдық. Мұнда да едәуір мол жазушылар, сыншылар, журналистер болды. Пен-клуб жазушыларының қоғамына да қонаққа бардық. Америка жазушыларының лигасы аталатын жазушылардың авторлық правосын қорғайтын қоғамда болдық.

Сонымен қатар Американың кітап баспасы орындарының иелері — жиырма шамалы капиталист кітап басушылармен ұшырастық. Атақты жиырма бірінші клуб дейтін клубта Нью-Йорктің кейбір жазушылары мен журналистері шақырған арнаулы мәжіліс кеште болдық. Нью-Йорктегі осы сапарда бізге бұрын келіп қайтқан қадірлі қарт ақын Карл Сэндбергпен жеке арнай ұшырасып, аса бір бағалы сәттер өткіздік.

Дәл осы күндердің кештерінде мен Бродвейдегі белгілі екі театрдың биылғы сезонда аса өнімді, даңқты боп тұрған екі спектаклін көрдім. Тобымызбен жүріп, Вашингтонда бастағандай, тек Американың өзінде ғана көруге болатын, өткен жолда біз атаған Американың кейбір сорақы суреттерін де көре жүрдік. Номеріміздегі телевизор арқылы әрбір демалыс сәтінде жұртшылыққа Америка телевизиясы не беріп жататынын көріп, танумен болдық.

Келелі бір әңгімені “Сатердэй-Ивнинг” журналының редакциясында көлемді бір дискуссия ретінде өткізістік. Осы күндерде біз ООН-ның мекен-жайын түгел аралап, бір түскі асты соның ресторанында іштік. Ал Нью-Йорктің өзінің ішінен аралап көрген ірі жайларды атасак, Метрополитен музейі аталатын Құрама Штаттардың ұлы музейінің бірінде болдық. Осындағы аса даңқты университет — Колумбийский университеті аталады. Оның славян филологиясы

бөлімінде украин мәдениетінен басқа біздің Одақтың бірнеше елдерінің де тілдері оқылады екен. Сол қатарда өзбек, азербайжан, армян тілдері оқылатынын білдік. Колумбийский университетте жақын заманда “Қазақтың батыр жырлары және оның өзге эпостармен жалғасы” деген тақырыпта магистрлік диссертация қорғалыпты. Және сол бөлімде өзбек эпосы туралы да арнаулы докторлық диссертация қорғалған екен.

Осы күндерде біз атақты Нью-Йорк биржасында да болдық. Нью-Йорктің кешкі қызық сауық орындарының бірі саналатын Мюзик-холлды да көрдік, онда “таңдамалы шолу” ретінде әр алуан өнер көрсетілді. Жиыны екі жарым сағаттық уақытта мұнда әр елдің билері де, цирк ойындарының үлгілері де, ковбойлар биі де, симфония оркестріне жалғас киносурет те – бәрі де Мюзик-холл атына сый беретін аламыш қоспалар көрінді.

Мен бұл шаққа шейін мол Нью-Йоркте бірнеше күн көргендердің аттарын атап өттім. Енді осы көру, кездесу, кейбір кеңесулердің ішінен ерекше боп ойда қалған біздің оқушыға керек боларлық кейбір жайларға қайта оралайық. Рас, бұл қалада көргеніміз көп болғандықтан, аз да болса рет қатары кезектессін деп бірнеше топ тақырып атайық. Соның бірі – Нью-Йорктегі көркемөнер орындары, екінші – ғылым, тәрбие орындары. Үшіншісі – жазушылар ортасы, төртінші – журналистер топтары болсын.

Көркемөнер, сурет өнерінен зор, мол қазынасы жиылған Американың атақты Метрополитен-музей, Нью-Йорк театрлары, Нью-Йорктегі кино, телевизор өнерлерінің бізге көрінген көріністерін еске алайық.

Ең алдымен көркем сурет, живописьтің мол ортасы – Метрополитен-музейде біз тек қана жаңа суретшілер үлгілерін, туындыларын ғана көруге бекіндік. Ескі классикалық сурет, скульптура қазыналарының нелер сирек, бай үлгілері бұл музейде мол екені күмәнсіз. Себебі ол бұл дүниежүзіндегі ең бай музейдің бірі. Ал жаңа сурет өнері десек, оның да бар дүниедегі нелер ірі суретшілері өздерінің неше алуан жаңа туындыларымен, әрқилы ізденулермен сол музейдің жаңа бөлімінде мол көрсетіледі. Біз мұнда, мысалы, Роденнің көп еңбектерін – эскиздерін көрдік.

XX ғасырдағы Американың реалистік мектебі дейтін топқа қосылатын Реджинальд, Гирш, Марш сияқты суретшілер еңбектерін көрдік. Сол қатарда Ричард Липпольд жасаған “Күн” аталған бір жаңа еңбек көрдік. Ол алтын өрмектен және жалпақ жалтыраған алтын табақшаның өзінен бояусыз жасалған бір өрнек (конструкция). Бұл әдеттегі суреттер сияқты жақшаға бөленген емес, қабырғаға да ілінбеген. Аспаннан төмен қарай асулы түр. Өзінде өрмекші өрмегіндей, әлде жұлдыздай ма, әйтеуір тірі жәндік қозғалыс бар сияқты. Бұл жаңа суретшілік ішінде конструкционизм үлгісінің бір алуаны.

Осы суреттер қатарында Джим Эрнстің “Тыныштық” деген бір суреті бар. Бұл да өзінше бір алуан ізденуді аңғартады. Сенімді батыл бояумен қап-қара көк түн ажары берілген. Соның атын “Тыныштық” қойған. Сол қатарда өздерінің әртүрлі даулы ізденулерімен көңілге қонымсыз, кескін-кейіп тұрпаттарды аламыштай араластыратын жаңа бір суретшілер тобы – сюрреалист аталатын суретшілердің де еңбектері бар.

Осы жаңалықтар арасында Иван Лелорен Олбрайт салған бір алуан жұмбақ сурет бар. Ғаламат жүзді бір қарт отырады. Қолындағы қолғабына қарағанда жүк тиеуші тәрізді. Қарттың жүзі көп ой салатын мағыналы жүз. Осы суреттің аты – “Өткінші заман, мені қартаю үстінде сақтағайсың” делінеді екен. Әрине, бұл бөлімде Пикассоның бірнеше көрнекті туындылары бар.

Ван Гог, Моне, Гоген көп суреттерімен осында тоғысқан екен. Ван Гогтың “Кипарис” және “Күнбағыс” аталатын суреттері анық қызық ескерткіштей.

Жалпы алғанда, Метрополитен-музейіндегі жаңа суреттердің көпшілігін көргенде түсінейін десең – дауласа-сың, сүйсінейін десең – әсірелеген жасандылығын ойлап ызаланасың.

Жоғарыда біз атаған бірнеше көз тоқтатар нәрселер – ол көп ішіндегі төбелдей, көл ішіндегі ұсақ-ұсақ аралдай ғана көз тартып, көңіл тоқтатар сәл-сәл жайлар ғана.

Нью-Йорктің көркемөнер қатарының бірі, тағы бір молы театрлары. Әдетте кино көбейгелі театр азая түсті дейтін жалпы бір сөздер қай жақта болса да естіле жүретіні мәлім.

Ал Америкада осы күнде киноның өзіне де зәулі шыққан, ол – телевизор. Бірақ осыларды айтумен қатар, Нью-Йоркте театрлар аз емес екенін арнай, атай кету керек. Бір күнгі кешкі газеттегі жарнамаларға қарағанда, Нью-Йорктегі жалпы театр саны отыздың ішіне жететінін оқыдым.

Ал Бродвейдің бір өзінің бойында талай белгілі театр бар көрінді. Жазушылар мен сыншыларға сұрақ беріп байқағанда, биылғы жыл репертуарында талантты, көркемдік қасиетімен тартымды жаңа пьесалар жоққа тән дескен еді. Сонда да Бродвейдегі театрлардың ішінде биыл халық әсіресе көп баратын екі спектакльді екі театрдан өзім көрдім. Біреуі былтыр Совет Одағына келіп қайтқан Америка сценарист-драматургі Пади Чаевский жазған “Оныншы адам” атты пьеса. Екінші – “Ғажайып жасаушы” деп аталатын Гипсонның пьесасы.

Осы екі спектакльге де халық аса мол барады екен. Бродвейдегі өзі атақты театрлар болса да, мұнда театр үйлері үлкен емес. Залдары драма театрларының ықшам залдары. Сыртқы киімді көпшілік қолдарына ұстаған бойда орындарына ала отырысады.

Бірінші спектакль күлдіргі болғанмен, жазушылық соншалық терең табыстай боп танылмады. Күлкісі жеңіл, адам басындағы күй жайы, тартысы үстірт, жеңіл. Мұнда бір жас қызға жын қонады. Соның жынын қуып жою үшін еврейдің намаз жайы – синагогасында арнаулы намаз-дұға оқылып аластау керек. Ал синагогада намаз, қауым боп оқилу үшін, ең кемі он кісі сапта тұруды шарт етеді. Мұнда әңгіме сол оныншы кісі тұрасында, өзге тоғызы бар, бірақ оныншы жоқ. Сол оныншы кісіні синагогаға телефонмен алдаумен, айламен, әр алуан күлкі себеппен шақыру болады. Ақыры қыз дін адамдарының намазынан жазылмайды. Дінге нанбайтын көлденең бір жігіттің көлденең әсерімен жынынан жазылып шығады.

Күлкінің көбі ерсі, қайшы жайларды оқыстан тоғыстыру себебінен туады. Мысалы, діндік ескі шарт, қағида қатарына бүгінгі Нью-Йорктің дәл қазіргі болмысы, фактісі оқыс қосылып кетіп отырып, ойда жоқ болымсыздан да күлкі тудырады. Бірақ шынға келіп, ойға салғанда бұл спектакльдің күлкісі де, тартысы, бар болмысы да адамдық көркем

келісті шындықтан туған күлкі емес, көпшілікті зорлап, қытықтап күлдіргендей. Әр алуан ерсілікпен күлдіруге арналған.

Мен көрген екінші спектакль бұдан әлдеқайда мәнді, келісті де. Онда Америкада тірлік еткен Хеллен Келлер дейтін өзгеше бір әйелдің кішкене қыз, балалық шағы суреттеледі. Хеллен Келлер, тегінде, туғанда соқыр, саңырау, мылқау болып туған. Он екі жасына дейін ол сол меңіреу, есалаң қыз бала боп өседі. Мынау пьесада үш акт бойынша сондай жарым ес, мүгедек әйел баланың ең алғаш есін кіргізіп, мылқаулар ымымен сөйлетуге үйрете бастаған мықты тәрбиеші әйелдің тартысы, еңбегі, табысы танытылады. Осы спектакльде он екі жасар Хелленді ойнаған кішкентай қыз артистка және оның тәрбиешісі өзі де, кезінде жас күнінде кем-кетік боп өскен тәрбиеші әйел рольдері аса шебер орындалды. Сол тәрбиеші болған артистка шын ғажайып жасаушы жанның бейнесін ішкі-тысқы құбылыстарымен, мың сан әрекетімен көңілге аса қонымды етіп бейнеледі. Біз Америкада жүргенде осы әйел актрисаның суреті сан газет-журналдарда, киножурналда, телевизор экрандарында аса көп көрсетіліп, алғыспен аталып жүрді. Оның күйініш, үміт, іздену, қиналу, күлу, жылау, оңаша күңірену, қайнай жігерлену, ғаріп жан үшін тұтанып жану сияқты ішкі көңіл күйлері қырлаған алмас құбылыстарындай көңілге оттай басылды.

Мен өз байқауымша, Американың сахнасы мен экрандарында бұл жолы да осы актрисадай үлкен шебер өнері артқан суретші қуатын көрмесем керек.

Нью-Йорктегі көркемөнерден енді бір мол көргеніміз, әрине, кино мен телевизор экрандары. Америка киносында, әрине, “Жағада” атты дүниежүзілік бейбітшілік үшін күресудің жолында туған атакты зор жаңа фильм бар. Осындай бірен-саран өзге де халықтар достығына демократиялық сарындағы өз идеясы әсерлерін қосатын аздаған санаулы суреттер жоқ емес. Сонымен қатар ескі дінге байланысты, әсіресе христиан дінінің аңыздарынан, яһуди дінінің аңыздарынан алып жасалған мол-мол суреттер бар.

Біз көре алғанымыз жоқ, бірақ естуімізше, “Сүлеймен пайғамбар мен патша қыз Савская” жайындағы сурет мол болып жасалған деседі. Ал біз көрген сондай суреттің

бірі – “Бенгур” Римнің Палестинаны өзіне бағындырған отаршылдық, басқыншылдық дәуір тартысын көрсетеді. Бұл суретте Ғайсаның пайғамбарлығы, кейін көрген ғажаптары, жарымжандарды жазған мұғжидалары және өзінің дарға асылуы да баяндалады. Сурет үш жарым сағат жүреді. Мұнда ескі Рим әдеті бойынша қос дөңгелекті Рим күймесіне төрт-төрттен жегілген бөйге аттардың Рим циркінің аренасында көп қатарлармен жұмыла жарысқан өте қызық бөйгесі көрсетіледі. Жиырма минуттай созылатын осы жегулі бөйге аттар жарысының үстінде кейбіреулер күйме астына түсіп, күйрей құлап қан болып жатса, суреттің бас геройлары қатты жаулық бөсекеге түсіп, жарыс үстінде қан төгіседі.

Сөйтіп, діншіл тақырып діндар көңілмен жасалған қалпында, кейбір бүгінгі заманның отаншылдық, отаршылдық сияқты бүгінгі адамға түсінікті әсерлі қалыптарында да уақиға арқауына араласады. Суреттің аса мол шығын шығарылып, қымбатқа түскен сурет екені байқалады. Осындай ескі тақырыпта діншілдік қалыпта жасалған суреттер Американың қай зор қаласының болса да үлкен экрандарын, үлкен залды кинотеатрларын ұзақ мекендейтін көрінеді.

Сонымен қатар енді, әсіресе мол және өте бір залалды ықпалы көп, Америкадағы жас буын атаулыны анық, айқын жаман аздыратын мол бір суреттер тағы бар. Олар бұзықтыққа, қан төгуге, адамды адам иттей талауға арналған және сол жайлар өзінше көрер көзге қызық, қыздырмалы оқиға болып қалыптанатынын көресіз. Бұлар нағыз Американың көп айтылатын “Комиксы” дейтін кино суреттерінің, телефильмдерінің (телевизор) мол-мол тобына жатады.

Ол суреттердің кейбірі Америка емес, европалық басқа елдердің ескі әдебиетінен, көне хроникаларынан, аңыздарынан алынған сұмдық мазмұнды қантөгіс әңгімелері болады. Ал көпшілігі Американың өз болмысынан алынып қойылып жататын сансыз көп бұзықтық жайындағы суреттер. Мысалы, сондай суреттің бірі – біз өз көзімізбен көрген “Бір шелек қан” атаулы сурет. Онда бір жолы болмай жүрген скульптор-мүсінші әуелі аңдаусызда қанжар сілтеп бір мысықты өлтіреді. Кейін сол мысықты қанжармен қоса гипспен сылап, мүсін етіп қалыптайды. Өзінің басбұзарлау, іркіштеу

тобына көрсеткенде, олар бұл мүсінді табыс деп таниды, Содан кейін жаңағы мүсінші өзіне келген бір адамды ұрып өлтіріп, соның өлген қалпында өне бойын, басы-жүзін түгел гипспен сылап-сылап, тағы үлкен мүсін жасайды. Онысы жолдастарына және де ұнайды. Кейін бұған келген бір жас әйелді мойнындағы шарпысымен буындырып өлтіріп, одан тағы да жаңағыдай мүсін жасайды.

Содан кейінгі бір мүсінді өзі алысып өлтірген негрдің басынан жасайды. Негрді өлтіріп, оның басын айналма араның астына төсеп кесіп алып, шелекке салып алады да, үйіне әкеп, жаңағы өлі бастың мүсінін қалыптаяды. Осыдан кейін жолдастары оған жасаған өнерінің көрмесін ұйыстыр дейді. Көрмеге мұны тәуір көретін және бұған тигелі жүрген бір жас қыз да келеді. Ал көркемөнердің сыншылары болса, мына мүсіндерді көріп, жаңа бір шыншыл өнердің жолы басталды десіп зор баға беріседі.

Бірақ көрмеге келген қалыңдық қыз суретші өлтірген әйелдің бір тырнағы гипспен сыланбай қалғанын байқайды. Ол тірі адамның тырнағы екенін түсінеді. Сөйте тұрып жаңағы әйелді де таниды. Шошыған, түршіккен жүрекпен айғайлап, мүсінші суретшіге: “Сіз қанішер, кісі өлтіруші!” – дейді.

Суретші бұған ұмтылады, қыз одан қашады. Жетсе – өлтірмек. Бірнеше қысталаң-қиын сәттер өтеді. Қызды өлтірмек боп қуып жүрген суретшінің соңынан өзге адамдар жүгіреді. Соларды аңдаған суретші өзінің енді әшкереленгенін біліп, өзі үйіне қашып келеді де, дереу асылып өліп қалады. Осы суретті біз жұма күні – мектеп балалары сабақтан ерте шығатын күні көп балалармен бірге көрдік.

Сахнада бір сұмдық болып жатса, залда отырған балалар мінездері мен қылықтары одан да өткен сұмдық тәрізденді. Бұл балалар толған зал әрбір өлім тұсында шулап, мәз бола күлісіп, қол соғып, аяқтарымен тақтай тепкілеп, өлтірушінің ісіне қызығып, кәдімгі қоянға тазы итін қосып айтақтатқан аншылардай болысты.

Барлық өлім оларға киносуреттің тапқызбас қызығындай қызу әсер етті. Ірку, іркілу, қорқу-жирену жоқ, қызығу да қызықтау – жас балаларға бүгінгі Американың көп кино суреттерінің беріп жатқан жан жемі осындай болды да,

оны қабылдау да жаңағыдай. Және балаларға сол кинодағы жаңағы суретке билет арзандаған бағамен сатылады.

Бұл көргеніміз, мұндағы еріксіз сезгеніміз бүгінгі Американың бүгінгі бар мәдениетінің сыртқы көркі, техникасы, барлығы, байлығы қатарында мынадай жас буынды жабайылық, қанқорлық, жыртқыштық бағытта баулығандай сұмдық аңғарылады. Солай болмасқа, ойламасқа шара да жоқ. Өйткені бұл біздің көргеніміз бір суреттің тұсында, бірер кинотеатрда ғана емес, ол Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес, Бостон сияқты үлкенді-кішілі қалалардың бәрінде, барлық кино мен телеэкранның бәр-бәрінде жүріп жатқан күндегі көптен-көп шығармалар. Оларды жасаушылар арасында үлкен конкуренция – бәсеке де бар. Сондай суреттерді туғызумен үлкен капиталдар құрап жатқан компаниялар да бар. Олар Америкада не жазса да болады, не туғызса да болады, қандай кино жасаса да бөгет жоқ, цензура жоқ деген сымақтарды сылтау, арқа тіреу етеді. Сөйтіп, жас буынды жаман, сұмдық, бұзықтық, жыртқыштыққа көзін үйретіп, көңілін көндіріп, әдейілеп бастай баулиды.

Міне, Америка көркемөнері аталатын әлемнің ішінен осындай да өнер болмыстың пішінін көрдік.

Ғылым-тәрбие орындарының Нью-Йорктегі тобынан біздің ерекше көңіл бөлгеніміз, арнай танысқанмыз Колумбийский университет болды. Бұл – Американың ең даңқты үлкен ғылым ордасының бірі. Бұл университет 1754 жылы Екінші король Георг заманында әуелінде колледж болып құрылған. Алғашқы ашылған жылында сегіз студент оқыған екен. Бүгінде отыз жеті мың студент бар деп саналады. Мұның негізгі тұрақты тобы жиырма мың студент көрінеді. Америкада студенттердің бір қаладан бір қалаға ауыса жүріп оқитын дағдысы бар екен. Ол студенттердің өз бетімен жеке тұрар тұрмысқа дағдылануы үшін кірген әдет көрінеді. Жалпы студенттер бұл университетте жылына оқудың өзіне 500 доллар төлейді. Жатақханаға 475 доллар төлейді екен. Бұл үлкен университет, тегінде, мемлекеттік емес, жай адамдар меншігіндегі университет саналады. Студенттердің біраз тобы ерекше жақсы оқыған үздік бағаларына қарай стипендия алатыны да бар. Университеттің кітапханасында үш миллион кітап бар деп саналады. Мұнда әр ғылым саласына арналған

факультет саны мол. Әр факультеттің үй-жайлары бөлек-бөлек болғанда, Колумбийский университет қаланың көп аумағын алады екен.

Мұндағы ғылым дәрежесі – бакалавр, магистр, доктор. Профессорлық өзі үш саты. Толық профессор кітаптар, еңбектер шығарған соң берілетін атақ көрінеді. Тегінде, профессорлық үш саты дәреженің әрбір төрт жылда ауысып отыратын өзгерістері бар.

Филология тарауын алғанда көп тілдер оқылатын көрінеді. Сонда славян бөлімінде орыс, украин тілінен басқа да біздің Одақ елдерінің бір топ тілдері оқылады. Өзбек, азербайжан, армян тілінің курстары оқылады екен. Бұл университетте моңғол тілінің, жалпы түркологияның, арабистиканың, угро-фин тілдерінің белгілі мамандары бар.

Орыс әдебиеті үш сала курстарға бөлінеді. Олар екі семестр бойында XIX ғасыр әдебиеті, содан кейін XX ғасыр әдебиеті және өзіне бөлек совет әдебиеті оқылады екен. Осы бөлімді басқаратын профессор Стильман славян тілдері мен әдебиеттерінің тобын басқарады. Ол бізге осы бөлім студенттері сіздермен ұшырасуға аса құмар, кездестір деп маза бермей жүр десе де, кейін дәл студенттермен кездесетін сағатта сол студенттер жиылмады, біздің байқауымызша, бұл бөлімдер студенттерінің біздермен ұшырасуын факультет басшылығы онша тілемеген сияқты. Ал кездескен аз ғана топ ішіндегі студенттері қияс сұрақ болмаса, совет әдебиетінің бүгінгі шындық табыс, өріс өсуін біле қойғысы келген жастарға ұқсамайды.

Жалпы, университеттен, әсіресе славян факультетінен алған аз әсерлерге қарағанда, Одақтың бүгінгі әдебиет табыстарын, түрлерін арнаулы славян бөлімдерінің өзінде де ойдағыдай деуге болмайды. Оқушылары орыс тілін жақсы білетін тәрізді. Әсіресе өткен дәуірлер әдебиеттерін және тыңғылықты танып білетіндей. Ал совет әдебиетін бірен-сарандаған адамдар жайлы болмаса, көпшілік шындықты біле қоймайды. Бұған екі түрлі себеп бар сияқты: ең әуелі Америка жоғары оқу орындарында славян мәдениетін, соның ішінде бүгінгі Одақ мәдениетін, әдебиетін оқытатындар көбінше ертелі-кеш мезгілдерде Россиядан ауып кеткен ауғын-көшкін адамдар көрінеді.

Олардың көбі ерте кеткені, кейін кеткені бар – бәрі де біздің Отан жаңалықтарына, әсіресе социалистік әдебиет,

мәдениет табыстарына қиғаш қарайтын адамдар. Олардың аузымен айтылған социалистік совет әдебиеттері жөніндегі шындықтар Америка студенттеріне оншалық қызықты, тартымды, қымбат дүние боп аталмайтын болу керек.

Сондықтан бір Колумбийский университет емес, кейін біз ұшырасқан Лос-Анджелес университеті, Бостон университеті (Гарвард университеті), Фреснодағы колледж – бәр-бәрінде де, тіпті славян бөлімінде оқып жүрген американ студенттерінің де көптен-көбі білсе орыстың ескі әдебиетін біледі, ал совет әдебиетінен, совет жазушыларынан білетіндері өте аз аңғарылды. Оларға совет жазушыларының шығармалары ұдайы біріне-бірі ұқсас және тек соғыс пен колхозды ғана айтатын сұрқай, бірыңғай іш пыстырар әдебиет деп танылатын көрінеді. Әрине, бұл жаулық тілмен баяндалатын өте қияс, теріс мінездемелер біздің әдебиет өрнектерін танытуға көмекші емес, кедергі. Кепіл емес, кесір, совет әдебиетінің Америка оқушысына жету жолындағы кедергі, кесірдің бір үлкені.

Сондай негізгі қаскөй көзқарас бір бұл жер емес, идеология жағын билейтін баспа, ғылым, зерттеу орындарының көбіне тараған әдіс-тәсіл болғандықтан, совет жазушыларының шығармалары Америка тіліне аударылып, басылып та шыға бермейді. Бұл – екінші кедергінің бір түрі. Әрі кітаптың өзі жетпейді, әрі оның жөніндегі дұрыс әділ таныту, талдау білімі жетпейді. Сондықтан Американың бүгінгі студент жастары ғана емес, көптен-көп оқушы қауымы да совет әдебиетінің табыстарын, түрлерін, жазушыларын танымайды екен.

Біздің көп атақты жазушыларымыздың аттарын алғаш қана естіген құлақпен одырая, жатырқай қарасады. Ал сонымен қатар бұрынғы әдебиеттерімізді, өткен дәуірлер жазушыларын едәуір жақсы біледі деуге болады. Сондықтан да өзге-өзге емес, сол Колумбийский университеттің өзінде, жоғарыда біз атап өткендей, өзбек әдебиеті мен қазақ әдебиетінің ауызша үлгілері, ескі эпостары туралы екі американ жастары ғылым дәрежесін ала диссертация қорғасыпты. Бұл жай бір ғана осы әдебиеттер емес, туысқан азербайжан, армян, грузин әдебиеттері туралы да болатыны күмәнсіз.

Сөйтіп, халыққа, көпшілікке біздің мәдениеттерімізді білдіру, таныту жолдарын қысаң, тараң ұстаумен қатар,

халықтың сыртында арнаулы арналар мен арнаулы, бізге қастан адамдар арқылы одақтас елдеріміздің бұрынғы мәдениеттерінің жайын сырттай шолып, ақпар жасап біліп отыру, арнаулы керектері үшін біліп отыру олқы емес, бар көрінеді.

Ол жағынан қарағанда, Американың үгіт-насихаты үшін, мемлекеттік департамент керегі үшін немесе Американың барлаушы орындарының барлаушылық деректері, әр алуан керектері үшін әр жайдан хабарланып отыру мол тәрізді.

Студенттерге кездестік те, университеттің бірнеше көрнекті жайларын көп араладық. Сол қатарда оқытушы, профессорлар демалатын клубтары бір алуан көрінді. Сонда ас ішетін залдары, демалыс жайлары көп екен. Профессорлар кей орындарда бильярд, тағы бір жерінде шахмат, енді бір бөлмелерінде карта мен бридж ойнайды екен. Ол ауыр, қиын ойынның бірі саналады. Ермек үшін аз-аздап ақша салысып та ойнайды екен.

Ендігі бір айтатын дәл деректі әңгімелеріміз Америка Құрама Штаттарының бірнеше жоғары оқу орындарында болатын кейбір қолайсыз, ерсі мінездер жайынан білгеніміз жөнінде болсын. “Нью-Йорк таймс” газетінің 26 февральда шыққан санында Солсбери Харисон жазған жоғары оқу орындары жөніндегі бір мол мақала шықты. Мақаланың аты – “Жасырын жазушылар әшкереленуі”. Мұнда Солсбери бір аудандық прокурор Френк Хоган өзі әшкерелеп тапқан бір топ жұмыстар жайын баяндайды, прокурордың анықтауы бойынша, жоғары оқу орындарында студенттер үшін емтихан беріп, жас ғалымдар үшін диссертация жазып қорғайтын бірнеше топтар болады. Олар өзі төрт агентствоға бөлінеді.

Магистрлік диссертация үшін үш мың доллар алып жазатын болады. Студент үшін емтихан тапсырған ақысына елу доллардан бес жүз долларға дейін алатын болады. Кейбір сондай жалдамалар емтиханды студенттер үшін бір емес, бірнеше университеттерде беріп жүреді. Сол қатарда Колумбийский университетте, оқытушылар колледжінде емтихан табыс еткен жалдама адамдар жайы аталады.

Бір газет тілшісі, прокурор Хоганның рұқсаты бойынша, өзі қырық долларға келісіп, студент үшін емтихан өткізіп, кейін сол ақшаны прокурор Хоганның конторына

қайырады. Солсберидің жазуында оқытушылар колледжінің президенті доктор Кэсуэлдің бұл жөнде көп қынжылып сөйлегенін келтіреді.

Сандары көп болмаса да, бұндайлардың оқытушының құлық-тәрбиеге, адамгершілікке жат мінез екенін айта кеп, өз колледжінде мұндай мінездерді жоюға серт бергенін айтады.

Сонымен қатар Чепмэн дейтін Нью-Йорк университетінің профессоры ғылым дәрежесін қорғау тұсында мұндай жалдама адамдардың болуы сенімсіз, өйткені бірнеше рет консультация болады, зерттеу материалдарын қайта жазғызу, талқылау болады, сондықтан біреудің орнына біреу жалданып өту оңай болмас дегенді айтқан еді. Бұған қарсы студенттер газетінің директоры Тони Пинта сондай жалдама жазушылардың проценті өте жоғары екенін айтқан.

Психология жөнінен үш жүз елу долларға Иешив университетінің жас ғалымына диссертация жазып бергенін Бенсон өзі мойындайды.

Түстік батыс университеттерінің біреуінің профессоры докторлық диссертацияны қайта жазып берген адамға қорғаушы бір мың екі жүз доллар төлеп және сол адамға кейін алғыс айтып хат жазғанын да келтіреді.

Колумбийский университетте Елизавета дәуіріндегі драма жайлы диссертация жазып, екі мың долларға жалданып, сол ақшаның жарымын алып, кейін қашып кеткен бір жасырын жазушыны еске алады. Иешив университетінің профессоры доктор Самуэл Белкин сол университетке докторлық диссертацияны жалданып жазып берген адам жайын айтады. Бірақ диссертацияның қорғалған, қорғалмағанын атап айтпайды деп, осындай дәл айқын, анық өрескел фактілер жайын Американың ең мол тарайтын газеті “Нью-Йорк таймстың” бетінде сол газеттің жауапты қызметкері Солсбери жазды. Әрине, бар университет тәрбиесі бұл емес те, барлық ғылым дәрежесін қорғаушылар бұл аталғандар емес, бірақ сонымен қатар Америка жоғары дәрежелі оқу орындары мен ғылым ордаларында кейде осындай да сорақы мінездер сойдия, жарыққа шыға жүретіні бар көрінеді.

Нью-Йорктегі ұшырасулардың бірқатары жазушылармен кездесу түрінде болды. Мол бір кездесу пен-клуб одағының

мол тобы – көп жазушылар жиылған бір жайда болған еді. Онда жеке-жеке әрқайсымызбен топ-топ жазушылар әр жайларды сұрастыра әңгімелесті. Мұндайда біз әрқайсымыз өзді-өз әдебиетіміздің, республикамыздың табыстарын, жазушыларын, шығармаларын айтуға арнаймыз. Пен-клубтың қатарында әр алуан, әр жасты және әр ұлтты жазушылар бар көрінеді. Сол қатарда біздің досымыз негр ақыны Ленгстон Хьюз да болды.

Мұнда үлкен газеттердің сын бөлімдерінен кейбір бастықтары ұшырасты. Сол күні кешке белгілі жазушы әйел, бірнеше романы бар Женуэй дейтін жазушы әйелдің үйінде қонақта болдық. Мұнда күндізгі жазушылардан, журналистерден, сыншылардан көп адам жиналды. Жиыны үш жарым сағаттай отырысқан ұшырасуларда көп әңгімелер сөйленді. Кейбір сұрақтарда сырты аңқаулау көрінгенмен, іштей дау, сын – бізге арналған сын – аңғары да танылмай қалған жоқ. Мысалы, “тақырып бәріңе ортақ болғандықтан, барлық әдебиеттеріңіз біріне-бірі ұқсас емес пе?” – деген тәрізді дау сұрақ болды. Оның ар жағында “барлық советтік туысқан ұлттар әдебиеті бір ғана озғын әдебиетке еліктеуші емес пе?” – деген де дау, күдік сезілуші еді.

“Сіздің әдебиетіңізде психология бола ма, терең бе?” – деген сұрақ та болды. “Журналдарыңыздың бәрі бір-ақ орталықтар тілі емес пе?” – дейтін де сұрақ болған еді.

Осы мәжілісте өзі драматург және драма сыншысы, сонымен қатар пен-клуб одағының Нью-Йорк бөлімінде бастық орынбасары боп істейтін Райс болған еді. Ол 1957 жылы Токиода болған пен-клуб одағының жиналысы жайын баяндады. Сонда жалпы Шығыс елдері жазушыларының Европа, Америка әдебиетшілеріне қойған талаптарын айтты. Токиодағы халықаралық жазушылар жиылысы тек аударма мәселесін сөз етіпті. Сонда Шығыс әдебиет үлгілерінің Европа тілдеріне аз аударылып, Европа жазушыларының, Америка жазушыларының шығармалары Шығыс тілдеріне әлдеқайда көп аударылатыны айтылыпты да, сол жөніндегі теңесу шарттары сөйленіпті. Жалпы, пен-клуб одағына дүниежүзілік елу-алпыс мемлекет жазушыларының әр алуан топтары қатысады екен. Сол жайын баяндаған еді.

Нью-Йорктегі журналистер, жазушылар топтарымен ұшырасудың молырақ бір кездері “Сатердэй-Ивнинг”

журналының басқарушысы – редакторы Норман Казинс ұйыстырған шақтарда болды. Жексенбі күні біз қала сыртында алпыс миль жердегі Норман Казинстің өз үйінде қонақта болдық.

Тоғай ішіндегі үлкен оңаша үйге жиылған қонақ көп екен. Бұлардың арасында журналдың жауапты қызметкерлері және көркемөнер қайраткерлері, әр сала мамандық адамдары, осы үйдің көршілері, достары да жиылған екен. Мұнда күні бойы болған шақта көп жайлардан алма-кезек сұрасу, білісу мол болды. Осы ұшырасуда да біздің әрқайсымыз әр бөлек топ американ адамдарының ортасында болып, өзді-өзі тұсымызда әр алуан әңгімелер жүргізген едік.

Мен өзіміздің республиканың ғылымдағы, мәдениеттегі, әдебиеттегі, жалпы социалистік дәуірдегі табыстары жайын баян еткен едім. Кейін үй иесі мен қонақтардың өтініші бойынша, көпшіліктің бірігіп отырып әңгімелескен кең мәжілісі болды. Онда жалпы совет әдебиетінің кейбір жаңалықтары туралы берілген сұрақтары болды да, соған берген жауаптарымыз қатарында Американың Хемингуэй, Митчел Уилсон сияқты жазушыларының Совет Одағында даңқты болуының себептері сұралған еді.

Бұл жөнінде біраз жауаптарды мен айтқан едім. Кейін “Сатердэй-Ивнингтің” біздің келуімізге арналған жалпы мақаласында сол менің берген жауаптарым жазылған еді. Осы Норман Казинстің шақыруы бойынша келер күндердің бірінде Нью-Йорктің өзінде, сол “Сатердэй-Ивнинг” журналының басқармасында едәуір елеулі екі жақты танысу әңгімелері болды. Бұл жиында Щипачев келелі көп әңгіме сөйледі. Ол совет әдебиетінің барлық үлкен тобы атынан сол әдебиеттің жауапты өкілі ретінде сөйлей білді.

Жалғыз орыс әдебиеті емес, жалпы туысқан одақтас әдебиеттердің бәрінің көрнекті үлкен үлгілерінен мысалдар келтіре, келелі мәжіліс бастаған еді.

Сол қатарда, біз – толған мол әдебиеті бар Отанбыз. Біздің жазушылар, одақтарымыз да көп. Талантты жазушыларымыз да, әлем жұрты білерлік әр алуан зор шығармаларымен атақты болған адамдарымыз да көп. Бірақ аңдауымызша, американ жұртшылығы сондай әдебиеттен хабарсыз. Оның орнына бір ғана оқшау мінез, еңбекпен,

шығармамен өз Отанында сынға ұшыраған мінді еңбек жазған бірлі-жарым жазушы болса, соларды ерекше білмекке тырысу, даңқтандыру Америкадағы бірталай топтардың әрекетіне айналған.

Көп әдебиет туралы бұл әділетсіз мінез. Бар совет әдебиетіне деген баспа әрекеті, қаржы-қаражаты болса, соны бір-ақ адамның еңбегіне арнау тәрізді нәрселер қандай сынаржақ, әділетсіз, теріс мінез болар еді деген сынды да орынды етіп айтты.

Норман Казинс, тегінде, біздің Отанда бұрын болып қайтқан адам. Өзі бірнеше негізгі ойлары, ізденулері, еңбектері жөнінде біздің салт-санамыздан, философиямыздан шет шалғай ойлайтын адам болса да, екі ұлы мемлекет арасындағы қарым-қатынас татулық шеңберінің ішінде қалыптасса екен деп шын тілейтін, едәуір әрекет ететін де адам көрінеді.

Ол өзінің серіктері атынан сөйлеген жауап сөзінде едәуір дұрыс пікірлер таратты. Бүгінгі күн мен болашақ туралы да біздің бәріміздің екі жақты жауаптылығымыз мол екенін, татулық үшін әрекет ету бар әрекеттің зоры екенін кең таратып айтты.

Өзінің үйінде болған мәжілісте Леонов пен менің айтқан кейбір пікірлерімді де еске алды. Жалпы “Саттердэй-Ивнинг” журналының осы екі ұшырасуда болған адамдарының аңғарында біздің екі мемлекеттің арақатынасына татулықты өткел ету мақсатын көбірек ойлайтын адамдар тәрізденді.

Осы күндерде біз және американ жазушыларының лигасы дейтін бір топ жазушылардан құралған жиынның ортасында болдық. Ас үстіндегі әңгімені кешелер Норман Казинстің үйінде бізбен ұшырасқан жазушы Рекс басқарған еді. Ол қазіргі Америкада детектив роман (қызық, шытырман оқиғалы роман) жазушы қалам қайраткерінің бірі екен. Оның түсіндіруі бойынша, бұл лига жазушы атаулының бәрін де өз қатарына талғамай ала береді. Бұлардың тобында республикашыл, демократ жазушылармен қатар анархист, консерватор, саясатсыз коммунист жазушылар да бола алады дейді.

Бір шақта біздің ортамызда фашист жазушы да болды деді. Кімнің нені, қалай жазғанына біз үкімші-сот емеспіз.

Бәрі де өз білгенінше, өз еркінше жазсын дейміз деген еді. Бұл жиында біздің тобымыздан Олесь Гончар жақсы сөйледі. Ол:

– Мен өзім соғыста болдым. Жүзбе-жүз жаумен ұшырастым. Сол жауым фашист еді. Ол майданда, қылыш жүзіндей өткір, ыстық майданда жазушы-фашист ұшырасса да, біз оны жыраққа жіберер едік. Осы жай саясат болса, біз шынымызды жасырмаймыз. Ол – біздің шындығымыз, – деп баяндады.

Нью-Йорктегі күндерде біз әрбір күндізгі сағатты, кешкі шақты не қылса да үлкен Нью-Йорктің мол жаңалықтарының, оқшау өзгешеліктерінің әр бөлегімен танысуға арнаған едік. Сол қатарда Нью-Йорктің атақты Уоллстрит көшесіндегі құмырсқадай қайнап жатқан бәсеке, жанталас, әр алуан тайталас үстіндегі доллар табу қызу базары аталатын “Нью-Йорк” биржасында да болдық.

Енді бір кезде Нью-Йорктің кітап баспасын басқаратын жиырма шақты капиталист байлардың тобында да болдық. Олармен өткізген жеке мәжіліс екі жаққа да ырза қыларлық жаңалық қосқан жоқ.

Совет әдебиетін социалистік мәдениет үгітшісі деп біледі де, олар өздерінің таптық қаскөй салт-санасы бойынша, біздің кітапты американ тіліне аударып, өз пұлдарымен бастырып, халыққа таратуды оғаштық санар еді. Сондықтан жалған, жасанды дәлелді айтқан боп, сылтаулар санайды. Американы оқушысы совет әдебиетінің ірі шығармаларын оқудан қажиды. Себебі ол әдебиетте колхоз өмірі мен соғыс жайы ұдайы бірыңғай ғана жазылады-мыс, – дейді.

Бұл жөнде олар, әрине, жалған айтады. Өз бастары шындықты бұрмалаудың үстіне, Американың көпшілік оқушысы туралы да жалған айтады. Себебі біздің салт-сананы үгіттейтін көркем шығарманың ол оқушыларға жетуіне қазан аузында отырған бұл капиталистердің, әрине, бейілі жоқ.

Ал, дәлін айтқанда, жақында Америкада Шолоховтың екі романы – “Тынық Дон”, “Көтерілген тың” – аударылып басылғалы жатыр. Американың көпшілік оқушысы бұл кітаптарды оқымақ түгіл, ынтық бола, сүйсіне, барынша биік бағалай қарсы қабыл алатынына күмәніміз жоқ.

Өйткені олар американ оқушыларының көпшілігіне біздің дәуір шындығын кең көлемде көркем де, терең де бейнелейтін шығармалар.

Адамзат көркемөнер қазынасына қымбат қасиет қоса алатын шығармаларды Американың орта көпшілігі, халқы сүйсініп оқымасқа шарасы жоқ. Ал Шолоховтың сол аталып отырған екі кітабының біреуі соғыс жайында болғанда, екіншісі колхоз турасында.

Мен 1957 жылы Жапонияда болғанымда, Осако қаласында жапон жұртшылығының бір үлкен тобымен ұшырасып, совет әдебиеті туралы әңгіме жүргізген шағымда бір энергетик-инженер жапон айтып еді: “Мен бұрын роман деген әдебиет түрін ұнатпаушы ем. Өздерін аз оқитынмын. Тек бір шақта қолыма Шолоховтың “Тынық Дон” атты романы түсіп, соны оқып алғаннан кейін романның қадірін ұғындым. Енді романды көп оқимын. Әдебиеттің бұл түрін маған сүйгізген совет жазушысы Шолоховтың романы болды”, – деген еді.

Нью-Йорктегі тағы бір еске алатын ұшырасу “Жиырма бірінші клуб” аталатын Нью-Йорк адамдарына аса мәлім қонақжай бір клубта болған еді. Онда жоғарыда аталған “Сатердэй-Ивнинг” журналының бас қызметкерлері, атақты “Нью-Йорк таймс” газетінің Солсбери сияқты ірі журналистері, әлгіде аталған пен-клуб мүшелері, жазушылардың америкалық лигасының мүшелері тәрізді көп адам жиылған еді. Сонда бір кезек Совет Одағынан келген жазушы қонақтардың сөйлеуін талап етісті. Біздің Америкадан алған әсерімізді сұрасқан еді. Мен өз кезегімде Нью-Йорк қаласы турасындағы ойға келген бір теңеуді таратып айтып шықтым. Мұны түсінікті ету үшін алдын ала бір-екі деректерді айта кетейін.

Ең әуелі Нью-Йорк қаласының Манхэттен дейтін аралда тұрғандығы есте болсын. Екінші – бүгінгі американ поэзиясындағы өлең жолы бір алуан, бір жолы ұзын, бір жолы қысқа келеді. Ол ұйқас қуаламайды, ырғақ бінғайымен жазылады.

Мен Нью-Йорк қаласын Маяковскийдің кейбір бағаларын еске ала отырып, өзімше бір, ақынша, ақын болмасам да, метафора, теңеу айтайын дедім. Сондағы айтқаным: менің көзіме тастан салынған небоскребтардан құралған

қала сипаты бейне бір Манхэттен аралының аспанына таспен жазылған поэма боп көрінеді. Ол поэманың әрбір жолы – әрбір небоскреб (зәулім тас үй). Сонда американ өлеңі бір жолы ұзын, бір жолы қысқа болғанындай, небоскребтардың да біреуі ұзын, біреуі қысқа. Және сол жолдардың ішіндегі ең ұзын, ең мазмұнды жол – жүз екі этажды Эмпайер Стэйт Билдинг. Ол поэманың бұл жолын дүниежүзі халқының бәрі білді, бәрінің де жадында деген едім.

Мәжілістің бастығы доктор Хитсиг маған әзілмен құрмет көрсетіп, алпысыншы жылы жазда болатын осы клубтың юбилейіне екі шақыру билет сыйламақ болды да, әйеліммен екеуміздің келер жолымызды Норман Казинс камтамасыз етсін деп бұйырды.

Кейін өз жолдастарымыздың арасында осы жай сөз болғанда, қадірлі дос Степан Петрович Щипачев маған бір достық серт айтты. Ол “Нью-Йорк” деген өлең жазып, сонысын маған арнамақ болды. Мұндай уәделердің өзінің ыстық шағында дегендей орындалуы қандай қымбат. Сол Нью-Йоркте жүрген күндерде жаңағы тақырыпқа жазған өлеңін, Щипачев біз Америкадан қайтқан соң “Правда” газетінің бетінде маған арнап жазғанын атап, “Нью-Йорк” деген өлеңін жариялады. Оның көп теңеулерінің қатарында Нью-Йорктің небоскребтары тасқа айналған өлеңнің жолдары деп бейнеленген еді.

Бұл жөнде менің көңілімде Маяковскийдің Нью-Йорктегі бір көпір, үлкен аспалы көпір – Бруклин көпірі туралы және Бродвей көшесі туралы өзінше бір алуан ақынша тамашалай айтқан сөздері болған еді. Оның үстіне, қазіргі әлем жүзіндегі екі зор мемлекет – біздің Отан мен Америка Құрама Штаттары болса, екі елдің де қарапайым адамы бейбітшілікті тілеген көңілмен қатар, бір-біріндегі зор мәдениет, ғылым, техника табыстарына сүйсіне де біліседі. Өзінде бар ұлы табыс, ескерткіш, қасиеттерін бағалай отыра, өзгедегі ХХ ғасыр ортасындағы өнерлі адамзат жасаған цивилизацияның жазықсыз көрнекті үлгілеріне әділ бағасын беріседі.

Бұл жөнінде біз революцияның ұлы ақыны Маяковскийше қарау, тану бүгінгі совет халқының қалың көпшілігінің күй-көңіліне лайықты, заңды жай деп білдік. Сонымен, әрине, Американың екі жүз жылдық тыныштықта

өткен мәдениеті бүгінгі шақта Нью-Йорктей үлкен өнерлі зор ескерткіш тудырса, біз өз Отанымыздың азғана жас тарихының ішінде нелер ғажайып ғаламаттар түріндегі ғылымдық, техникалық, шаруашылық, қоғамдық, тарихтық ескерткіштер тудырғанын еске алмай отыра алмаймыз.

Бүгінде әлем таныған неше алуан континентаралық ракеталарымыз, әр алуан Жердің жасанды серігі, Айдың жасанды серігі тәрізді бар өнерлі адамзаттың алдына ұзап озып түскен дәуірлік табыстарымызды атау ғана жетпейді, соларға барабар Ұлы Отанымызда құрғақ дала, шөлстандарға біздің Отан тудырған теңіздер, батпақ-сорды құрғатып, көгерту, ұлан-ұзақ шөлдерді иелену, ұшы-қиыры жоқ дала-сахараларды дәндендіру, ұлы өлкелерді өзгерту, жүздеген халықтар тарихтарын, тағдырларын қайта жаңғыртып, жасарту – осының бәрі сан Нью-Йорктей ұлан-ғайыр, әрқайсысы әрбір заманның ұлы ескерткішіндей ғаламаттар.

Нью-Йорктей қаланы сыпаттағанда, біз өзіміздегі осындай сыпаттарымыздың да баршасын еске ала, бұлар да ХХ ғасыр ортасындағы адамзат цивилизациясының сан алуан сенгірлері деп танимыз.

Нью-Йорктегі ұшырасулардың тағы бір өзгеше есте қалған сәті Американың атақты қарт ақыны Карл Сэндбергке ұшырасу болды. Жасы сексен екіге келген, әлі қапсағай бойы тік, сергек келген қызыл жүз, ақ шаш, ақ мұртты қарт сырт пішіні жағынан өз Отанымызда ұшырасатын кейбір әдебиет, ғылым адамдарына ұқсайды. Бұл кісі өткен жылы біздің Отанымызға келіп қайтқан. Москвада болған, Ауыл шаруашылық көрмесінен қазақ, өзбек павильондарын жақсылап аралағандарын да айтады. Бұған Щипачев орыс тіліне аударылып, басылып шыққан қарт ақынның кітабын бәріміздің атымыздан тарту етті. Аға ақын үлкен ырзалықпен қабыл алған еді. Ол өзіне сүйікті кейбір өлеңдерін орыс тілінде сыртқы дыбыс жағынан қалай шығатынын аңдамақ боп, Щипачевқа әдейілеп оқып беруді тапсырған еді.

Щипачев оқып шыққан соң, ол орыстың тілінің естілуі үнге сұлу тіл боп шығатынын айтты. Дыбыс үйлестері күйлі тілдің бірі, өзім мағынасын білмесем де, орысша сөйлеген сөздерді үйлесімді дыбыстар келісіміндей тыңдаймын дей отырып, Москвадағы бір сәл жайды еске алды. “Мен

“Москва” гостиницасында этаждағы кезекші әйелдің қасына кеп отырғанда, кейбір қызметкер күтуші әйелдер соның қасына кеп сөйлеседі. Сонда бір жиі естілетін “ага-ага-ага” дейтін демеу, леп дыбыстарының өзі де сол әйелдер сөздерін әнге айналдырғандай болады”, – деді...

Өз өмірбаянын айтқанда ауыл шаруасының ортасынан шыққан балалық, жастық, тіпті жігіттік күндерінің көпшілігі жоқшылықта, қиыншылық кезбе жайда өткенін айтады. Темір жолдарда билетсіз жүру, аштық күндерін кешу, еңбек етер, күшін сатар орын таппай, мұқтаждық, күйзеулікте көп айлар кешу – бәрі де өз басынан атқарып өткен ауыр өмір естегілері екен. Соның бәрі қазіргі қарт көңілінде тасқа басқан бедердей көз алдында айқын тұрғанын аңғартты. Барлық әңгіме үстінде бұл дос қарттың пішінінде мен көз алдымда осындай кәрілікке жеткен, жас шағында, осы кісі айтқандай, ауыр өмір, у зәрін ішіп-кешіп өткен Америка жазушысы, біздің халықтарға аса мәлім Джек Лондонды көріп отырғандай болдым.

Ол кісі Джек Лондонды еске ала кеп, оның қырық екі жаста өлгенін, көп жасағысы келмей, ішкілікке жеңгізіп, кейінгі өмірін уланып өткізгенін айтты.

Біздің Отанымыздың американ халқы арасындағы тұрақты, сенімді досы қарт ақын Карл Сэндбергтің қасында болып, дос-жар ұзақ әңгімелерін тындап өту бізге Америкадағы ұшырасулардың ішіндегі ең бір қымбат сағаттардың бірі болды.

Осындай танысу, кездесу, білісу, ұшырасулар үстінде біз Нью-Йоркті бір жұмадай аралаған едік. Ендігі біздің сапарымыз Құрама Штаттың екінші шет жақ шегі – Тынық мұхит жағасына қарай беттейтін болды. Біз қарлы, жауын-шашынды, әлі қысы аяқталмаған Вашингтон, Нью-Йорк тұрған Атлантик теңізі жағасынан бұл мемлекеттің маужыраған жылы жағы – Тынық мұхит жағасындағы Калифорния штатына ұшуға беттедік. Алдымыздағы ендігі біздің көңіл қиялымызды тартқан үлкен қала – Лос-Анджелес.

АМЕРИКА САПАРЫ (Жолжазбалар)

Мұхтар Әуезов. 1960.

Копенгаген, отель “Европа”, 1008-комн.

Вашингтон, отель “Шорм” (16).

Нью-Йорк, отель “Барбизон плаза”, 1803-комн.

16/II–27/II (11 күн).

16/II.

Бүгін таңертең, сағат тоғызда “Москва” гостиницасынан мені жолға шығарып салуға достар келді. Зоя, Абель, Ахмет, Жұмағали және түннен қасымда қонып шыққан Мұратым.

Аэропорт. Жүруші, ұзатып салушылар. 11 сағатта “ТУ”-мен ұштық. Екі сағаттан соң Копенгагенге кеп түстік. Аэропортта сағаттан аса отырып, қалаға келдік. SAS компаниясының қарамағына, күтіміне ауыстық.

Қаланың тап ортасындағы 17-этажда “Европа” гостиницасына жеке-жеке бөлмеге түсірді. Сағат 4-те лянш іштік.

Содан кейін, алдағы ұшу сапары ұзақ болғандықтан, мен нөмерге кеп, төсек түзеп жатып қалдым. Бұнда екі сағат (Москвадан) айырмасы бар. Соны ұмытып ерте тұрыппын. Үй ішінде бір жарым сағат жүрдім. Ойлану, алдағының бәрі бұлдыр, бірақ сапар көңіл тартады.

Лянш үстінде Леонов Хаитов туралы анекдот айтты. Тудерманның Москва жанында көрген бейнеттері әңгіме болды. Неманға шегіну жайындағы өтінішін күлкі қып айтты.

Енді сағат 7-де ужин (дипер) ішіп, 9-да аэропортқа аттанамыз. 12 сағат ұшудан соң Америка жағасына жетсек керек.

Түнге окуға бір қырғыз әңгімесін алдым. Ең алғаш шыққан проза жазушы қырғыз әйелі Айым болғандықтан, соның әңгімесін оқуды мақсұт еттім.

Біз бүгін Москвадан, өз Отанымыздан сырт сапарға аттандық. Әр кездегі сырт сапардың алғашқы сағаттары, сөткелері өз дағдылы мерзімін, өзгешелігін ұсынады. Көңіл, жүрек, ой үйде, артта, ал сапар алға тартады. Сәт босын!!.

17/II. Түн.

Копенгагенде сағатты Америкаша қойдық. Москвадан 7 сағат кейін. Түн бойы ұшып, таңертең сағат 7-де жетпекпіз. Кеште ас берді – ішкілігі бар, дәмі өзгеше. Кейін шамдар сөніп, ұйқыға кірістік. Ұйқы оңай емес. Әйткенмен аяқ астына үзеңгі берді, өте жайлы (шамасынша) жағдай жасады. Мен айналып кезек-кезек аунай түсіп, жиыны 6 сағаттай ұйықтадым. Бұл жол үшін көп ұйқы – мәз ұйқы. Таңертең самолет әуесі (кондицированный) өте жайлы, таза қоңыр салқын. Үсте жұқа көрпе. Самолет астында көбінше су – көк теңіз. Аспан мен төмен екеуі де бірдей. Ояну сағат 4-ке тақау болды. Алғашқы таңғы кофе асын берді. Өзі бір көп дәмді жұқа нандар. Май, сыр, джем бар. Екі рет жуст қосқан. Бар астан бұрын жуст – аспен бірге және де қызметкер – түндегі бір қыз, бір жігіт. Бұлар еңбегі зор. Самолет бұл жолы толы емес, бос орындар көп. Біздің орын I класс, бөлімде 8-ақ орын, артта екі диван, қол, бет жуатын ыстық орамал, қаттаулы, сулы қағаз – бәрі бұл жәйдің бар күтімін “құданың” күтіміндей етеді.

Әлі ұшып келеміз. Сағат 5 1/2-да таң білінбейді. Жол картасын әкеп беріп еді. Көбімізге сол әзіргі ермек. Копенгагеннен екі жол бар – біреуі көбінше құрғақты ала ұшады, 6300-ды асады. Екіншісі 6200-ден аз асады – бұл соңғы су үстін көбірек басып өтеді.

Сағат 7.15. Бір сағаттан бері Америка жағасындамыз. Ай жарық еді. Жер жақсы көрініп отырды. Самолет қанаты астында селдір-селдір, топ-топ оттар – бәрінде аз да болса әр бояулы көрік, рең бар. Дәл қазір бір жағымыз су – асты бұлт, бірақ бұлт астынан ел-ел көрінеді. Таң сызып атып келіп, қазір көк сәуле молайды. Бірақ шығыс ғаламат қызық боп көп уақыт өз реңімен өзгеше боп тұрды. Дәл көкжиек қан-күрең – ұзын тура сызық... Содан үстіңгі қабат қоңыр қошқыл бұлт. Ал одан

жоғары әппақ ақ тандақ – кәдімгі таң... Ал ең асты, көкжиек орны қызыл күрең, қан күрең боп тұрып алды.

18/II.

Вашингтон. Гостиница “Шорм”, жақсы бөлме... 4-этаж (415).

19/II.

Таңертең. Пресс-конференция. 15 журналист, үшеуі әйел, біреуі ғалым. Орта Азия мәдениетін зерттейді. Бізді өз кісісі таныс етті. Ең алдымен Щипачев бізді таныстырды.

1-сұрақ: Саяси жағдай соғыстан кейін жазушы үшін қанша өзгерді? (Леоновқа сұрақ)

Жауап: Өз мысалым – екіге бөлем жазушыны.

2-сұрақ: Ваши книги печатаются государством или Вами?

Жауап: Собанников (Әуелі).

3-сұрақ: Какие американ. совр. больше читаются, ценятся сов. читателями?

Жауап: Басылған тізімдерді басынан оқыдық.

4-сұрақ: Неге? Фактының аты жоқ. Көп оқиды деушем.

5-сұрақ: Пастернакты шығарғанға бастық есепті, Щипачев, сіз қалай қарайсыз?

Жауап: Мен жаңа бастық. Ұнай ма сізге сол кітап? Леонов кітабындай сүйемін. Қате сөйледі, оқымаған. Тілші сұрақ беріпті менің бір досыма (өзі де оқымаған-ды).

Леонов: Недоразумение болды. Аударушы жақсы еді.

Адамзат үлкен экзамен алдында, біз жарылып кете жаздадық қой. Сол болмасын, көмек етіңіздер. Біз жас елміз, страстымыз күшті – сіздер 300-ге келдіңіздер, толығы-рақсыздар... Біз нервныйректіміз. Менімен қатар тұрады... Оның атынан сәлем айтам, алғыс айтам.

Щипачев: Кешегі сұрақтар Пушкин, Маяковский, Есенин туралы сұрақ еді.

Кешегі болған үйдеміз. Уитменнің санитар болған үйі екен. Мен қатты сезініп, толқып қайттым.

6-сұрақ: Пастернак кітабы басылмады ғой?

Леонов: “Золотая карета” 40-жылы жазылып, 54-жылға дейін шықпай қалды. Соны өз Отанымнан шығарып, басқа жаққа жіберуді корректно емес деп ойлады.

Бастық – 6-сұрақ: Ең жақсы жазушы кім?

Леонов: Ең жақсы біз десек, сіздер сенбейсіздер ғой (күлдірді).

– Тарих елемейді, біз өлген соң елейді – көңіліңіз қалады.

– Кітап біраз жерде жата тұру да керек.

Р. Профессор Лоренс Крадер. Американский университет, Вашингтон Д.С.

19/II.

Шекспир кітапханасы – дүниедегі ең үлкен кітапхана осы. Директор таныстырып тұр. Бізде программа бар. Таныстырудың, зерттей келгендердің расходын да біз өзіміз төлейміз. XVI–XII ғасырлар туралы Британия тарихының көп дерегі де бар. Ғалымдарға көмектесеміз. Мына театр – Шекспир заманының театры. Шекспир театры осы (сахна екі этаж, шымылдықтары екеу). Екі этаж сахна-балкондар, үш қатар диван орындар. Театр өзі Шекспир театрының... Бірақ бұнда бұрын шатыр болмаған, орындық болмаған. Люк-блоктар ұзын – артист төменге түсіп айғайлап сөйлеген, шымылдық түспейтін, 1932 ж. мына театр салынған.

Основано одним человеком, который положил все свои средства – Фоулджер, фото Лондона XVI века.

Клуб Шекспира, оригинал осында.

2) Кітаптар, рукопись времен Ш.

3) Ш. оқыған кітаптар.

4) Шекспир оқуға мүмкін кітаптар.

5) Елизаветаға байланысты документтер. 1572 ж. Сыйлардың тізімі. Қызыл барқыт түнгі көйлек сай да бар.

6) Шекспир уақытының кітаптары, Бэкон, история лит-ры – Лорера.

7) Музыка (XVI ғ.) коллекциясы көп (мұнда).

8) Мария Стюарт уақытының документтері.

9) Макет (тамаша). Шекспир заманының театры. Орындық жоқ. Бағаға қарай. Балконда, жерге отырған орындықтар.

10) Барқыт қап Библия Елизаветанікі.

11) Шекспир портреттері XVII ғ. авторлары белгісіз.

12) Читальная қоңыр ағаш. Елизавета залы. Жасалған сол заман үлгісі.

13) Сирек кітаптар (книгохран. мира), ғажап төрт хранилищенің бәрі алфавитпен тұр. Төмен екі этаж бар.

а) Бірінші том Ш. 1623, 1616 өлген. Осында суреті де бар. Бар 36 асқан пьеса.

б) Макиавелли аудармасы.

в) Ранние карты, ғажап сборник карт 1616 г. Бәрі қолдан басылған. Әр қала, графстволар карталары (развалины, руины), доисторич. городище (раскопки). Соғыс суреті...

Стеллаждар өртенбейді, лифтер, рукописстер әр ескі ғасырдан. Большая коллекция суфлерских экземпляров. Кейінгі дәуірлер тарихы да бар.

Аудармалар.

“Мэрует” мотельде тамақ іштік. Бұл (мотель) аса қызық жері “заезжий двор” – бірақ машинелі жолаушылар тоқтайтын жер. Көз алдында машинаң, ортада бассейн (қыста ол каток). Осында бір-екі бөлме алады да, тұра беріседі. Зал-ресторан тамаша. Дастарқандар қызыл, қызметкер тегі негр – қасыңда тамақ қуырып жатады. Ақ қалпақты шеф-поварлар. Асы қызық. Қабырға тақтай, кірпіш. Столда шам, майшам.

Бар қалада бар ең жайлы жағдай.

Сол күні кешке кино көрдік. “Джек Потрошитель” дейтін, 1888 ж. Англияда шыққан роман бойынша бүгінгі сұмдығы “Комиксылерге” қосымша (ескі заман) ерекшесі – сұмдығы көп фильм. Әйелдерді “сіз Мари Клар?” – деп алып өлтіре береді. Үнемі пышақ салып өлтіреді.

Күндіз Капитолийде болдық. Онда сенат, мәжіліс залын көрдік. Залдың өзінде адам аз – іші пысып зорға отырған спикер, сенаторлар. Ал бұнда үлкен мәні бар “биль” қаралып жатыр. Терістік штаттар мен өкімет оңтүстіктегі негрлер праволарын кеңейтуді талап етеді. Соған заң жобасын енгізген. Осы мәселе бойынша (біз барғанда) түстік штат сенаторы сөйлеп тұрды. Ол жаңағы кемшіліктердің көбіне қарсы-қайшы. Өзі орта жаста, қара киімді, қоңыр шашты, ұзын бойлы, келбеті дұрыс адам.

Сөзін сөйлеп тұрған жоқ. Оқып тұр. Алдында үлкен кітап боп басылған баяндамасы.

Жоғарыда әр тұста әр топ адам отыр. Ол жәй халық. Бұлар арасында негрлер, индеецтер бар. Екі сопы әйелдер

де отырды, бастарында қара жабынышы қатты таңылғандай, ішкі жағы ақ, маңдайларында көлденең шаршысы тартылған ақ байлауышы да бар.

Осыдан соң Капитолийдегі конгресс залына бардық. Онда палата представителей істейді. Бұл зал алдыңғыдан кең, көркемірек, дебатқа қатты ыңғайлы. Әзір жиылыс жоқ екен.

Жалпы Капитолий өте сұлу үй. Төбесін түзеп жатыр. Жоғарғы сырты Исакийге ұқсаңқырайды, бірақ қызғылт реңді.

Осыдан соң көп уақыт қаланы араладық. Бұл жолда Конгресс кітапханасы – ең үлкен жиын осында. Ұлт галереясы және толып жатқан министрліктер үйлері бірінен-бірі басым, сұлу, өзге-өзге архитектурамен жасалған. Бір көшелер тек елшіліктер көшесі. Ағылшын елшілігі өз үлгісінде.

Содан парктер аралағандағы жеке меншік үйлердің нелер көркемдерін көріп келдік.

Осы жолда мұсылман мешітін көрдік. Өте көркем стильде салынған, мұнарасы да биік, әдемі.

Кешке өзіміздің елшілік сарайында болдық. Онда кешегі американдар сыйлығын орай етіп Полянскийлер мейман қабылдаған. Қонақтарды елші, Полянский, Димаштар қатқатар тұрып қабылдап тұр. Келген қонақтар ішінде Сайрус Итон әйелімен... Әйелі сарғыш шашты, орта жастан да жасырақ, стулда отыр. Итон өзі ақ шашты, кесек орақ жал тұмсықты қарт, түрегеп тұр. Әйелінің алдында тұр... Әйелдер киімі онша көз тартарлық емес. Тек бір ғана ұзын, жіңішке сұңғақ әйел – мех шарф салған. Сәнді, әсем. Өкшелері біз... қарындаш. Бұнда бар әйел солай киеді.

Елшілік үйі төрт этаж. Залы әсіресе көркем – алтындалған зал. Бұрын үлкен байдікі болған. Қызы осында өлген, соның қапасынан бұл үйді Россия елшілігіне сатқан.

Қонақтар 200 кісі болу керек, тәуір келіп жатты. Бір үлкен денелі даманы күйеуімен сыртта көрдік. Ол шолақтау қызыл күздік жұқалау пальто киген. Бастар көбінше жалаңбас. Ең жетіскені берет сияқтыны киеді. Тек чулоктар сонша қатты тартылған болады – бұл ұқыптылық өзгеше.

Күн бойы ағыл-тегіл жауын болды. Бұның алдында қар жауған, қалың жауған. Қатты әбігер болысқан. Забастовка

болып, көп нәрсе, трамвай, сауда, көлік жайлар тоқтап қалып, зарплатаны ерекше өсіруді талап еткен.

Үш кітап магазинінде біздің кітаптар дейді. “Абай” да витринада тұр деді.

Түнде тек алма мен банан жеп, жуст немесе кока-кола мұзды су ішем. Саулық күйге аса жайлы.

19/II.

1) Библиотека Конгресса – 11 млн книг. Здание – мрамор, построено в стиле итал. Ренессанса в 1897 г., мемор. доска строит., знаки Зодиака (солнце).

2) Гл. чит. зал – всего 21 зал – построен по типу Британ. музея. Купол, зал круглый (20 минут доставка книг), 60 этажей с книгами. Русских книг 200 тысяч, ежегодно 8 тысяч поступает.

3) Каталоги. Каталоги иностр. книг. Казахских книг примерно 25–50 в год получаем. Укр. кн. – 500, активный обмен с тбилисской книгой.

Линкольн туралы кітаптар (сирек), жиып беретін кісінің өзінің жеке стенді (выставкасы), осында декларация (освобождение рабов).

Ленин кітапханасынан Островский библиясы ең ескі – алынған (достық), ескі тағы бір кітап XV ғасыр.

Книгохранилище – история культуры.

Джефферсон кітаптары. Когда прод. в 1815 г. было 7500 книг. Был пожар, часть погибла – это 3000.

Славянск. отделге барамыз. Жер асты қатынас бар. Ол туннель арқылы баратын бөлек үй. Ұзын, жақсы туннель.

а) Комната Джефферсона. Орысша кітаптар, Леонов көп.

б) Горький хаттары бар.

в) Бродская. “Киргизы”, “Каракиргизы”. Барбара Крадер об Ерзаковиче.

II. Нац. галерея, сағат 1⁴⁵.

Сезанн, Ренуар, Моне, Мане, Гоген бәрі бар. Моне – тұманды. Мексика суретшісі Дали.

1) Ең тамаша мексикан. суретші Сальвадор Дали “Тайная вечеря”. Христос ортада, әйел тәрізді жоғарыда және басы жоқ, аяғы жоқ, дене қолын жайып тұр. Символ воскресения – еркек.

2) Пикассо – натюрморт.

- 3) Жан Люрса. Знаменит. француз.
- 4) Жорж Брак.
- 5) Пикассо Пабло. “Семья акробата”.
- 6) Матисс. “Яблоки”, “Одалиска”.
- 7) Марке с поднятыми руками.
- 8) Пикассо. ...Трагедия – шал, бала, әйел.
- 9) Андре Дерен. “Старый мост”.

Сол күні Вашингтонның ішін араладық. Бұл өте жақсы қала. Бір үй бір үйіне ұқсамайды. Машиналары да сондай. Көп бола тура қайталамайтындай.

Біз қазір қаланың ескі шаһар дейтін жағын араладық. “Джорж таун” дейтін бөлімі. Бұнда барлық үй ескі – бірақ сонда да аса стильный, кіші екі этажды келісті үйлер. Осында 1762 ж. салынған үй бар, соны көрсетіседі.

Тамақ ішіп, жол жүрдік. Вокзал біреу, бірақ аса үлкен. Осыдан мініп, Нью-Йоркке жүрдік. Вагондар ұзын, еденде кілем, орындықтар өңшең кресло, айналмалы бір бағанда 30 ғана кресло. Бүкіл поезда сондай. Бұл бірінші класс, III класында кресло, бірақ қатары екіден. Ресторан, кафе-бар. Поезд кешігіп шықты. Себебі жүруші көп, күн жұма. Ертең сенбі. Бұнда сенбі, жексенбі бірдей демалыс күн. Нью-Йоркке барушы көп. 4 сағат жүріп, түнде жеттік. “Барбизон плаза” отельге кеп түстік. Бөлмелер кішкене, жәйлі, 18-этаждамыз (1803).

19/II.

Книжный магазин. Кітап алдық (бөтен адамның қолы). “Подземный город”, ..., ... “Люди умирают”. Жас жазушының романдары. Әйелі орысша аз-аз біледі, өзі жас, 33 жаста. Әйелі орыс, бірақ тәрбиесі американша. Орыс тілін шала біледі.

Подземный город – Underground city, Men die – Люди умирают.

20/II. Қала араладық.

20/II. Метрополитен-музей.

Роден – мыслитель. Райн Томас коллекциясына сыйлаған – ол Роден еңбектері.

Эскиздер: 1) Голая фигура; 2) Вечная весна (сүйіскендер).

3) Адам.

Иран. кілем XVI в. Табриз; 1) Коран, XIV в. Египет, араб.; 3) Шахнаме.

Бурдель – Геракл. Садақ тартады; 4) Бройгль – фламандец. “Жнецы” (год 1528).

5) Рембрандт.

6) Челлини – чашка (XVI в.)

7) Амер. живопись XIX в.

1) Вислер. 2) Мэри Касид. 3) Райдер. “Труженики моря”. 4) Саржент Мадам Х (Икс). Өте көркем әйел (әппак). 5) Морзе (телеграф) художник – “Муза”. 6) Бирштатт – “Скальные горы”. Знаменитая картина XX века – реалист. американск. школа Гирш, Мар-из. Реджинальд – “Слоны”. Современная живопись. Последние 10 лет.

1) “Дракон” Базиоте. 2) Исами Нукучи – мальчик (скульптураның фокусы) (анатомия). 3) Дегули – очень известный художник, “Пасхальный понедельник” ничего не значит. Қықы-жықы, айқыш-үйқыш көп бояу (көбінше ақ, көк, сары). 4) Марша Релли – сондай. 5) Джеймс Брукс. 6) Джексон Полок (“Осенние ритмы”). Бұл действие – живописец разбрасывает краски, не рисует. “Осенние ритмы” кара, күрең, ақ бояулар (шашылған), бұл өзі знаменитый импрессионист. 7) Движение – скульптура “Красные колокола” аспанда – Аэропортта көрдік. Иосиф Альберс қызық. 8) Осынікі жасыл қызғылт квадраттар (бірі-бірінің ішінде). 9) Балкон Грине, “Сидящая женщина” анығырақ. 10) Морис Граовс – Духовная пр... “Япония”. 11) Девушка художник. “Акрополис”, Лорэн Макивер. 12) Конструкция из золотой проволоки – “Солнце”, Ричард Липпольд. Музей купил за 15 тысяч долларов. Объемная. Өте қызық қозғалыс көрінеді – өрмекші өрнегіндей, жұлдыздай разновидность конструкционизма. 13) Стрем – Окада (Японнан шыққан). 14) Джим Эрнст – “Тишина”. Қараңғыда (қызық) конструкция – сенімді. Қара көк түндей тыныштық. (Сюрреалист Макс Эрнстың баласы). 15) Убегающее время, оставляющее стареющим.

Иван Лелорен Олбрайт, 1827, “Старик” – түрі, пішіні, жүзі ғаламат. Перчаткасына қарағанда грузчик суреті. Женат на миллионерше. 16) Зорах скульптор. Мать и дитя. 17) Сальвадор Дали. “Распятие” бұл онша емес. 18) Кандинский. 19) Пикассо – “Женщина в белом”. 20) Әйел суреті – Пикассо ұқсамаймын дегенде, саспаңыз, кейін

ұқсайсыз депті. 21) Ван Гог – екі сурет, екі жол. Моне көп, жақсы. Гоген, Ван Гог әуелде жақын болысқан, кейін араз. Ван Гог – “Кипарис”, “Подсолнухи” қызық.

20/II.

Кешке.

Кейзи Альфред сыншының үйінде қонақта болдық. Жиырмадан аса адам екі бөлмеде. Үлкен бөлмесінде көп жасау жоқ. Дивандар екеу, орташа. Жерде кілем. Екінші бөлме орталау, қоңырқай. Коридор екеу – екеуі де тар. Тәуірі сырттан кірер вестибюль, оның төбесі әшекейлі. Өзі жылы, едені кілем... бұнда, тегі, кілем, алаша төселмеген жай жоқ. Ас – фуршет, жеңіл бутерброд, кішкене дәмді тоқаштар. Асты негр әйел алып жүрді – қызметкері.

Бұнда Чаевский болды. Ол мақтан, менмен, кекесінге толы адам тәрізді. Біз Союзда тек ішкілік іштік. Мен впечатление, очерк жазбайым, ол өз маманының ісі дейді. Кейін де тек мас болумен өткіздік. Түк біле қойғамыз жоқ дейді. Шындарын айтудан қашады. Өздері іштей Советке дос болмай, қырын қарап келген кісілер.

Чаевский, Толстой, Достоевский, Горький – бәрі-бәрі, түгел орыс әдебиеті реализм. Реализм – соцреализм де сол – түк айырмасы жоқ. Мен Чеховша жазам. “Марти” менің сюрреализмше жазғаным – ол маған ұнамайды дейді.

Бұнда биік бойлы Индия жазушы әйелі болды. Ағылшын тілінде Индия туралы жазады. Сыншы әйел Маяковскийді зерттеуші – ұзын бойлы арық – күле сөйлейді.

Бұнда Лилиан Хельман болды. Қошқар тұмсық, жирендеу қартаң әйел. Кеудесі, екі төсі тіпті кең ашылған. Бетінде, әсіресе кеудесінде, білегінде сепкілі көп. Жақында үлкен пьесасы қойылмақ – аса жақсы дейді Чаевский де, Кейзи де. Бұл кеш жалпы қуантқан жоқ. Бәріміз де қоңырсалқын қайттық. Себебі дос жүздерін көргеміз жоқ. Тек жол атқару үшін, көңіл үшін шақырысқандай.

Карл Сэндберг қартқа ұшырасу.

Міне, бұл шын жақсы болды. 82 жастағы ақын шал Советте болып қайтқан. Ұзын бойлы қызымен, күйеуімен бірге келді. Кітабы орысша шыққан. Щипачев соны берді, пластинка сыйлады. Қазақстан, Өзбекстанды Сэндберг көп еске алды. Выставка да есінде қалыпты.

Орыс тіліне қатты тамашалайды, дыбыс үнін, “Ага” деген күтуші әйел сөзін, үнін ұнатқанын айтады. Хрущевті қатты мақтады. Ақыл да мол, күлкі, юмор да күшті. Әзіргі әлемдегі ең ірі адам дейді.

Өзінің өмір естегілерін айтты. Менің жастығым жөніндегі кітабым орысшаға қызық болар еді. Үш жасар бала күні негр әйелді мақтағанын айтады. Шойын жолда вагонның жүк қоятын жерінде тығылып жүргенін, шатырда жүргенін, одан бір көзі соқыр полицаидың шатырға қайта қуып шығарғанын айтты. Қайыршы жігіттің арық жүзді әйелден нанға май жағып беруді сұрағанын айтады. Өзі Джек Лондон сияқты – өмірі соған келеді. Менің көзіме Дж. Лондонның қартайып келген түс-қалпы көрінгендей. Дж. Лондон 42 жаста өлген. Ішкілік жеңді, көп жасағысы келмеді, әдейі уланып өтті дейді. Бұл шын дос. Нью-Йоркті кеште де көп кездік. Енді өзге ақын біреу менен бұрын айтты ма, жоқ па, онысын білмейм. Ал өзім: Бұл қала ХХ ғасырдың Манхэттен аспанына таспен жазған поэмасы дейім. Сол поэманың әрбір жолындай боп небоскребтер созылады. Америка өлеңінің жолындай (ол ұзынды-қысқалы, ұйқассыз, ақ өлеңше көбірек ұшырайды ғой). Ол үйлер бірінен-бірі биік. Әр жол болғанда, Эмпайер Стэйт Билдинг (102 этажды ең зор үй) жаңағы поэманың ең ұзын жолы тәрізденеді.

Бұндай зор әлем – жалпы адамзат тарихының техникалы, ғылымды, өнерлі іздену-жеңістерінің балғын ескерткіші, мәңгіге қалатын тозбас тастан соғылған, аспанға жазылған, іргесі тасқа қазылған жартас поэма дер едім.

Әрине, біреулерге Нью-Йорк қатты ұнаса, көп жандарға тіпті Америка өз халқының талайына қатты ұнамайтын ең даулы қала. Мен өзіме еткен әсерін айттым.

Есіме дүниелік үлкеннен, ұлыдан, адамзат қуанарлық ұлыдан ұлылар түседі. Адамда Ленин, ғылымда ракеталарымыз, сөз өнерінде “Манас”, алып қолөнерінде Нью-Йорк деуге болады.

Ой қуатын айтқанда, Э. Хэмингуэйдің “Старик и моредегі” шалы. Бізде Коненковтың өз портреті – екеуі де шал, кеудедегі жалынды жап-жалпы адамзат жаны, рухы неге құдіреті жетерлік, түп жоқ қажыр-қуат, қанатты, шабытты қуат иесі екенін танытады. Бұндай жайлар: биік

асқарлардың бастарындай — жолдағы қатпар-жоталардан қарлы мұз мәңгілерден көп-көп жолдағы әр саты орта таулар, сеңгірлерден аса-аса бір-біріне атой берісіп тұрған асқарлардай жайлар дер ем.

21/II.

Қонаққа кеттік.

“Thunder out of China” by T.H. White and Annalee Jacoby.

“By love Possessed” Jameo Goned Cozzeno. “Green Willow” Joy Chute.

Қонақтарын таныстырды. 1) Ропер. 2) Автор детектива Рекстау. Сақалды, жерде отырады. 3) М-р Прескоут — көрші. 4) Тағы көрші. 5) Главный лит. критик “Нью-Йорк таймс” Орбел Прескоут — ханым. 6) Көрші. 9) Көрші. 10) “Сатердэй” сотруднигі туралы әзіл. 11) Судьба Клуба книг. 12) Уильям Дебонс “Нью-Йорк таймста” істейді. Әйелімен, өзімен де таныстым. Самое большое лит-ное обозрение в Америке. 13) — 14) М-р Данклней — учитель. 15) Я незаметный муж знаменитой жены. Интеллектуальный ремесленник по дереву. 16) М-с Тринголсен помогает создавать страну. Лишая заботы. Интерес к Объед. нациям вызывает — нас приглас. в Объед. нации. 17) Муз. критик Джем Родрис — бизнесмен. 18) Стюрчейс — многосторон. мужчина для Америки. 19) М-р Чейс — писатель-экономист, культ познания — телефонист. Ведет войну против скуки — блестящий адвокат, которого я знаю. 20) Садовод — Россел Мисс. 21) Пресса ун-та в ... лучший дровосек, какого я знаю (күлкі). 22) М-р Хекк. 23) Отель “Жак Фульдрик”, отдел “Сатердэй”. 24) М-с в красном. — Я пишу о м-д Фуле. 25) Передовая женщина-модельер мен әйел, ана бабушканың. 26) Концерт пианистки м-с Краус... 27) М-с Фермен — о Дальнем Востоке роман — “Гроза из Китая” (Гром из Китая). Таныстым жақсы. 28) Леонов — жауап. Атақты пианист әйел ойнамақшы. Өзі венгр. Бэла Бактидің шәкіртімін. Өз өнері, оқытушысы туралы өте жақсы, сыпайы сөз сөйледі. Қара шаш әйел әдемі сұлу, ойласа өзі де сондай сұлу болар деген еді. Өзі сол еді дейді. Тамаша күй ойнады. Шашын төбесіне біздің әйелдерше түйген, бұйралау, жұқа.

“Моцартты ойнайын. Азия, Европа қосыла алса, тұрып билейік содан”.

Кейін бізге сұрақтар берісті. Көп сұрақ. Әуелі үй иесі Казинс, содан кейін детектив роман жазушысы сақалды карт, тағы басқалар сұрақ берді. Көп сұраққа жауапты мен бердім. Ленин бәйгесі жөнінде. 2) Үш түрлі топ, қайраткер, ғалым, спорт, интеллектуал топтың халыққа ең мәлімі қайсы дейді. Біз соңғысы деп мен дәлелдеп бердім. 3) Екі американин – Хемингуэй, Митчел Уилсон не себепті даңқты Россияда деп сұрады. Мен жауап бердім. 4) Шолохов “Көтерілген тыңда” Давыдовты өлтіреді дейді, рас па деді. Мен жауап бердім.

Жиын өте жақсы, адамдар да ірі. Бұл кездесу аса жақсы өтті. Бес сағаттай қонақта болып, кешке қайттық. Жол бойы ағылған машина. Айнала үнемі оралған қалың, таза, бойшаң тоғай. Орталық Россияны еске түсіреді.

Кешке қалада мюзик-холлға барып, ревью дейтін постановкасын көрдік. Бұнда бір ревью, бір кино, екеуін бірақ көрсетеді. Екеуі бір программа – ревью бір сағат, сурет – 1 1/2, жиыны 2 1/2 сағат отырады. Мюзик-холл залына 6200 кісі сыяды екен. Халық жексенбі күні толы болады. Бір күнде бес рет қойылып шығады (сеанс). Артистер екі жұма істеп, бір жұма демалады. Ал ревьюде әуелі симфония оркестрі жақсы, әсем екі күй тартты. Содан соң оркестр... платформасымен төмен түсіп, сахна ашылды. Индия әні, биі – әдемі киім бояуы, стилизация үлгісі жақсы көрінеді. Әсіресе алтын киім киген баядерка тәрізді әйел ортада ерен бөлек танылады. Биінде басты ырғақ, қолдарын жылан етуі өте шебер. Жалпы бұл біздің декадаларды еске түсіреді. Осыдан кейін әдемі костюмдерімен ковбойлар билері шықты. Және бір кезек әппақ атқа мініп, шапқылап шығып, ат ойынын көрсетті. Сол кісі және екі итпен ойнады. Біреуі төрт көз, сары бауыр қоңыр ит. Екіншісі ақ ит – овчаркалар тәрізді. Олар әртүрлі есті қимылдар жасады. Сурет нашар болды. Аяғына қарамай кетіп қалдық. Онда тек артистканың үні жақсы екен. Ол 32 жаста. Рак қанға болып өлген екен.

22/II.

Сағат онда Колумбийский университетке барамыз. Біз ун-те славян факультеті... проф. Стилман орысша ағызып таза сөйлейді. Я во главе славян. языков и лит-ры. Студенты жить не дают, хотят встретиться.

Козлов – совет студенттеринен. Их 5 человек. Американцев в отделе 45-50, есть сотни студентов, изучающих рус. яз. вообще.

История университета. Журнал “Форум” ун-та основан в 1754 г. при короле Георге II. Был вначале колледж. 8 студентов было в первый год. 37 тысяч сейчас студентов.

Летняя сессия – 6-недельная открытая сессия, все могут слушать это летом. Регулярно 2 семестра зимой, осенью, весной. В Америке и Геттингене были основаны два ун-та одним и тем же королем Георгом. Организация работы своеобразна.

Колледж – 4 года, программы – это общеобразоват. с уклонами – ведет программа к степени бакалавра.

Следующие степени – магист. – 1 1/2 года, на это с дипломной. Дальше – докторская степень – долгая разница во времени. Больше студентов на магистра и доктора, больше, чем в колледже.

В Америке студенты ездят из города в город, чтобы от родит. к самостоятельности, это после колледжа.

Есть факультеты медиц., точных знаний, философии, тут языки, иностран. лит-ра, тут же отдел философии – славянской: русской гл. образом.

Проф. Симонс Эрнест – “Введение в сов. лит-ру и идеологию”: о Федине, Леонове и Шолохове.

Экзамен длится два дня по три часа письменно, затем дипломная работа – это на магистрскую степень, 10 курсов слушают на докторскую. Занятия вечерние в общеобразовательной – тоже в конце получают степень.

1) Монголовед, Алтай Менгес Карл.

2) Халасикун Тибор – нигерец, тюрколог.

3) Джефри – арабист, умер.

4) Лодз – по угро-финскому.

5) По узбекскому фольклору защищал докторскую.

6) По казахскому фольклору. Языки изучаются: турецкий, узбекский, азербайджанский, армянский.

Русск. лит-ра. 1) XIX век, два семестра. 2) XX век.

3) Совет. лит-ра.

William L. Shirer (“Berlin diary”).

Maurice Dolbier (New York Herald-Tribune).

W. G. Rogers. “The Associated Press”.

Юджин О’Нил (О’Нейл). Long Day’s Journey into night.

“Длинное путешествие в ночь”.

Ең жақсы пьеса осы дейді. Көп дауласты. Көп әңгімелері, үшеуімен де мол әңгіме болды. М-р Райс – драматург. Зампредседатель пен-клуба. Нью-Йорк, международная лига пен-клуба өте көп, қызық әңгімелер айтты...

Көп дауласты, көп сұрақ.

Кеше күндіз үш кездесудің есте қалар ерекшеліктері:
1) Колумбия университеті. Бұл частный ун-т саналады. Бар оқушы 37 мың. Тұрақтысы 20 мыңдай. Ол мөлшер есеп. Әр факультет бөлек, мол үй. Кітапханада 3 млн кітап бар. Басқарушы администратор президенттің бірі Эйзенхауэр де бол-ған.

Студент жылына 500 доллар төлейді. Оқытқанына, жатақханаға жылына 475 доллар. Бірақ 20% студент үшін степендия бар.

Дәрежелері – әуелі преподаватель, бакалавр магистрі, доктор, профессор атақтар. Толық профессор... Төрт жыл бір ауысу бар. Үлкен толық профессор 18-20 мың доллар алады жылына. Клубтары жақсы.. онда тамақ, демалыс, бильярд қымбат. Бриджи ойнап отыр, бриджи өте ауыр, сложный ойын дейді. Ақшаны аз қойысады. Студенттермен кездесуді нашар ұйыстырады, әдейі істеді. Әңгімелесуде Леонов өзін ақылсыз, нашар ұстады. Белинскийдің Гогольге жазған хатын жамандады. Щипачев ренжіп, залды тастап кетті. Біз де реніш айттық. Ол айыбын мойынға алып, кейін кешірім сұрады. Өте бестактный мінез, осындай ұшырасу көптің ұшырасуы емес. Өзінің бір кітабы жөнінде бір ғана аумақ сұрақ бергенге елігіп қайда отырғандығын, неге бас қосқандығын ұмытып, эмпирик мылжың сөз, мінездемеге кетті. Мен пропагандист емеспін, қайта мені Одақта еретик деп біледі деп, өзін нашар түрде бар Одақтан бөлшектей сөйледі.

2) Бұл күн бір ерекше оқиғасы пен-клубтағы ұшырасу болды. Мені көп жазушылар қамап алып, көп сұрақтар берді. Көп-көп әңгімелестік. Бір үлкен қартаң жазушы менімен әңгімеден кейін 90% қанағаттандым әңгімеңізге деді. Осында негр жазушысы Ленгстон Хьюз да болды. Ол Союзда болған, жақсы әңгімелестік. Жазушылар көп, ірі сыншылар көп. Үлкен газеттердің сын бөлімдерінің ірі бастықтары болды. Бәріміз де көп, жақсы әңгімелестік.

3) Кешке белгілі жазушы әйел үйінде қонақта болдық. Ол обед еді, өте жақсы күтті. Екі этаж пәтері бар. Қызметкерлері еркек те, әйел де. Бұнда 3 1/2 сағат отырдық. Аса көп әңгімелестік. Пастернак туралы да.

Біздің әдебиетте психология бар ма деген сұрақ жөнінде тақырып біреу болғандықтан, бар әдебиет ұқсас емес пе, барлық журналдың орталығы біреу ғана емес пе? Толстой... сынап жазбап па еді. Жалғыз Пастернак сынына жаза қолдандындар, ол қалай деген тәрізді сұрақтарға көп дауластық. Осында пен-клубтың орынбасары драма сыншысы, өзі драматург м-р Райс болып, сонымен көп әңгімелестім.

Пен-клуб проблемаларды, жалпы әдебиеттің өзін екшеп алып талқылайды. Мысалы, 57 жылы Токиода тек аударма туралы сөз болысты. Шығыс көп аударады, біз Европа, Америка, олардың тілді білмей, аз аударады екеміз. Соны сөйлестік.

50-60 мемлекетте пен-клуб бар. Әр ел өз өзгешелігін түсініп отырады. Былтыр халықаралық жиылысы өтті.

23/II.

Біз “Сатердэй-Ивнинг” редакциясындамыз. Норман Казинс бұнда редактор. Сын, драма бөлімі бастығы, үлкен мақалалар бөлімі бастығы, редактор көмекшісі. Издатель қартаң. Жалпы редактор зав. продукц. из-ва.

Екі жақты таныстырулар. Бұрын қойылған сұрақтарды бермеспіз.

“Сатердэй-Ивнинг” редакциясындағы әңгімеде Щипачев жақсы сөйлеп, бар әдебиеттің иесі боп көріне білді. Әдебиет шаруасынан сөйледі. Коненковты, мені мысал етіп, еркіндікті айтты. Пастернак жөнінде ұялтты. Біз толған әлембіз, әдебиет деген өзі әртүрлі, соның бәрінің орнына тек Пастернак ұят, әділетсіз және бұнда басқа ешкімді білмейді, білгісі келмейді. Ақша шығарып басса, соны көп басып, совет әдебиетіне деген соманы Пастернакқа беріп тауысқан ба дейді (күлкі).

Норман Казинс жақсы, келелі сөйледі. Алдағы алысырақ нысанада қайшылықтарымыз, шалғайлығымыз көп болса да, бүгін біз бәріміз бүгінгі тірлік үшін жауаптымыз деді. Леонов пен менің айтқан (өзінің үйінде айтқан) сөздерімізді коллективіне айтып бермекші болды. Щипачев өлеңдерін жақсы оқыды.

Осы күні “Американская лига авторов” деген тобына барып, сонда лянш болды. Бұнда ас үстінде бесеумізді бес бөліп отырысып әңгімелесті.

Кейін Рекс (кешегі сықылды детектив роман жазушы автор) өздерінің ерекше мән-жөндерін айтты.

Бұл лигада тілеген жазушының бәрі бар. Анархист, коммунист, саясатсыз консерватор, республикашыл демократ – кім де болса бола алады. Бір уақыт бір фашист те болады.

Кімнің нені қалай жазғанына сот емеспіз. Бәрі де өз білгенінше, өз еркінше жазсын дейміз. Сіздердің сұрақтарыңыз бар ма деді. Біз өздеріңіз сұра дедік. Гончар жақсы сөйледі. Соғыста болдым, сонда фашист болса, біз оны, әрине, жыраққа жіберер едік. Біз жасырмаймыз – саясат біздің бір шындығымыз деді.

Мен, Щипачев өз шығармалық жол-жөніміз туралы аз сөйледік.

Сол күні түс ауа атақты Эмпайер Стэйт Билдинг – 101 этажды үйді көрдік. Қасымызға басшы адамы ерді. Хрущевті ертіп шыққан екен.

Әуелі 80-этажға шықтық. Бір минутта шапшаң лифт алып шықты. Осы этажда әдемі екі үлкен әсем кабинет бөлмелерді араладық. Жай кісілерді бұнда (сирек қонақ болмаса) кіргізбейді екен. Осы кабинетте үйдің қазіргі иесі мэр Грациннің портреті тұр. Осыдан кейін 90-шы этажға шығып, бір ауыстық. Ең ақырғы 101-этажға тағы лифтпен көтерілдік. Бұл үйдің ең биік үшкір төбесінен 7-8 телевизор биігі орын алған. 80-этажда айнала қоршаулы, бірақ шыны жоқ. Бар Нью-Йорк табан астында. Бұрын ең биік үй 72 этаж екен, ол баладай. 101 этаждың айналасы шыны-пиала, соған жазған, бриллиантпен жазған жазулар, кісі аттары бар.

Бұл үйдің ішінде өңшең кеңсе, шаруа, сауда орындары, 90 офис шамасы бар (90 ба, 600 бе?). Астында магазиндер, подвалын да көрсетеді екен. Ол 20 метрде тіреуге орнатылған дейді.

Осы үй алғашқы салушыға 26 миллион тұрған. 4 мың кісі бір жылда салған. Кейін осы үйді Граун 50 миллионға сатып алған.

Кешке театр – “Оныншы кісі”, Чаевский пьесасы.

Пьеса нашар – күлкі болғанмен, “Хохма одессита” күлкисымағы. Жалпы, пьеса қытықтай күлдіреді.

Артистер жақсы – режиссер атақты ірі өнерпаз дейді. Театр кішкене. Адам мол. Пальтоны шешпей отырады. Әркім өз алдына қойып шешіп отырады. Халық көп келеді. Арзан күлкіге еврейдің тілі, әзілі, синагога ішіндегі мінездерге арзан, жеңіл күлу, әзілдеріне жұрт көп күлді.

24/II.

Таңертең Нью-Йорк биржасында болдық. Ол қызық дүние, теңіз бетіндей толқып-толқып, шарасынан шыға алмай тұрады. Агенттер, акциялар, компаниялар. Екі қабырғада телефон номерлері – агенттерді шақырған номерлер. Ортада қызыл электр сағат, минуттар. Анда-санда сүйсінген кісі аспанға ұсақ құстай әртүрлі қағаз қиқымын ұшырады. 50 доллардан акция болғанда күніне үш миллиондай акция сатылып алынып, ауысып жатады. Күніне бір жарым миллиард саудасы болады. Осынан үйге хат жаздық.

Түсте капиталист издательдер мен 666-үй, 5-авенюде обед болды. Мен сөйледім. Макрай, Вениамин сияқты сегіз капиталист издатель болды. Киімдері сәл орташа.

Бір капиталист Б. Пастернакты 1 миллион тиражбен шығарыпты. Хемингуэй 500 мың еді дейді. Күлдім. А.Толстой 15 мың шыққан. Енді ғана Петр I 25 мың карманний түрде шығады.

Д-р Хикс, м-р Каминский, Норман Казинс болып, “21-клуб” дейтін ең атақты клуб ресторанда қонақ етті. Мен Нью-Йорк туралы суретті сөз сөйледім. Қатты ырза бо-лысты. Хикс – Ленин приз алатын кісі, жөні бар кісі екенін танытты деді. Маған қалжың приз айтты. Осында “Нью-Йорк таймс” өкілі болды. Ол газета 1 млн 200 мың. “Нью-Йорк Дейли Ньюс” (бульвар газетасы) 2 млн дейді. “Вашингтон пост” 300 мың екен.

Бұл кеште Вера Юльевна Вакая (болса керек) қалжыңдастым. Қызық әйел. Д-р Хикс бізді қонақ етті. Сальбери “Нью-Йорк таймстың” өкілі. Алматыда, Союзда 5 жыл болған.

Глобус – издатель. Әзілі грубый. Гончар ыза болды. Жаулықпен деп ойлап еді. Онысы теріс еді.

25/II.

Кітапхана.

Kodjombardiew Koudaibergen.

189 South 9th St.

Brooklyn 11, New York. Tel. EV. 4-0856.

Үш мың адам істейді. Демалыс бөлмесі, столовойында жақсылап тамақ іштік.

Осы күні ООН-да болдық. Ғаламат қызық үй. 7 елдің архитекторы қосылып істеген. Ортада фр. Карбюзье, орыс Басов бар. Үш бөлім үй. Совет безопасности, самоуправляющихся территорий, экономич. совет, зал заседаний, Объед. нации, соңғыда 2 мың кісілік орын бар. Қызық суреттер. Спутник, парсы кілемі, т.б.

Хэрлем – негр ауданы. Больницамыз, терапевт, хирург, глазник, роддома, все основал...

Бізді Браун ертіп келді. Браун – Лайфтың басқарушысының бірі.

Это медицинский центр. Разницы нет – больной или не больной, взносы есть. В районе 5 центров. 42 дол. 75 центов (за семью) на одного жильца 18 тысяч на один мед. центр. В городе еще 30 поликлиник. Здесь 34 врача.

Кооператив үй жаңа. В 6 домах 999 квартир. 21 этаж каждый дом. Есть 11 врачей, которые в двух домах. Получают квартиры по заявлению. Молодой кооператив отбирал семьи со средним доходом. Применяют так: заработок д.б. в 7 раз больше оплачиваемого – от 6000 до 12 тыс. В районе 9 приходов, рел. институтов. Кооператив создан, чтобы уничтожить труппы – поэтому пр-во помогало. Вносили 20 %, 80 % жильцы получали от гос-ва, 80 % должны уплатить в сорок лет.

Есть еще дома с доходами низкими, их прав-тва город построили с доходами низкими. Системы комнат нет. Каждая квартира – 6-7 комнат. Квартплата – 28 долларов, а обходятся в два раза больше, т.е. 60 % убытки и будут.

Плейхауз. Кешке мен “Плейхауз” атанған театрға бардым (Достижение чудес). “Творитель (сотворение) чудес” атты Вильям Гибсонның пьесасын көрдім. Соқыр, мылқау қыздың адам болғаны жөнінде. Бұнда осындай әйел бол-ған екен. Соның өмірі туралы қызық кітап бар. Пьеса осы жөнде.

Кішкене 12 жасар артистка Патти Дюк Хелен Келлер деген рольді ғажап ойнады. Мылқау қыз баланың образы

жанды кабады. Тәрбиеші өзі бұрын соқыр балалар арасында тәрбиеші болған жас әйел, өзі де кем болған. Сол үш акты бойында “Әке, апа, су” деген үш сөзге үйретеді. Тәрбиеші ролі де аса жақсы екен. Жылап ғажап ойнады. Анни Сулливэн ролін Анне Банкрофт ойнады. Осы тәрбиеші.

Халық аса мол, театр үлкен емес, фойе жоққа тән. Бірақ орын жетпейді. Күнде осындай тығыз. Бұл частный театр. Бір Бродвейде осындай 30-ға жуық театр бар дейді.

Режиссер Артур Ренн.

26/II.

Бүгін таңертең ерте тұрдық. Сағат 9-да Лос-Анджелеске аттанамыз. Нью-Йоркте 8 күн тұрдық.

Жолда газета оқыдым. “Нью-Йорк таймс” 26/II. Салисберн Харнсон жазды “Писатели невидимки под огнем”.

Районный прокурор Фрэнк Хоган расследует 25-го дело о четырех агентствах, поставляющих по плану диссертацию или работы на степень 3000 долларов, на экзамен 50-500. Даже некоторые сдавали экзамены за отд. студентов в отдельных университетах на первом и продолжали дальше.

“Уорлд Телеграм энд Сан” Колумб. ун-т. Учитель колледжа Алекс Бексон сдавал за студента экзамен и так корреспондент выявлял это дело. Газета сообщила, что он действовал с ведома прокурора – мистера Хогана и деньги вернул в его контору.

Лос-Анджелеске 5 сағат 22 минут ұшамыз деп жариялады. Стюардесса қыздар және жалпы бар қызметкер қыздар тазыға ұқсайды, поджарые, чуткие, подвижные – особая порода, племя.

Президент учит. колледжа д-р Кэсуэл выразил тревогу подставными экзаменами. Раньше не были раскрыты, происходит это, где выпускают будущих педагогов. Их немного. На магистерский уровень поощряет такие вещи, терпимо относиться к нему.

Факультет учительского колледжа постарается улучшить.

Проф. Чэпмен Нью-Йоркского университета сомневается, что могло это произойти на уровне степеней. Он честно сознался как студенты обсуждают материалы, переписывают.

– Трудно было бы это провести?

Тони Пинта – редактор студенческой газеты “Скуэф Журнал”, заявил о том, что 35–90% занимается по желанию. Чэпмен это называет фантазиями.

Диссертация написана фальшиво. Бенсон (пр.), что его частный психолог за 350 долл. написать диссертацию для Иешивского университета. Как сообщает один из проф. Юга-Запада, 1250 долларов за проделанную докторскую диссертацию. Далее написана благодарность его.

Кандидат в колледж ун-та 2000 долл. Зарплата за диссерт. по нему ответ дураков. Но цены являются честными. Взять половину гонорара.

Д-р Самуэл Белкин, проф. Иешив. ун-та, сообщил это докторская диссертация готовилась для Иешив. ун-та, но не говорит, что она была рассмотрена.

Аспанға көтерілгеннен кейін бұлттан асып шыққан шағымызда жариялады, Эмпайер Стэйт Билдингтің басы көрініп, бұлттан асып тұрғанын айтты.

Бүгінгі газетте Бразилияда екі самолеттің қақтығып ойран болғаны жазылған. Екеуінде 64 кісі өлген. Рио-де-Жанейро заливында үш кісі тірі қалған. Төрт моторлы военный морской, екі моторлы пассажир самолет. Халықтың көз алдында осы трагедия болды деп жатады.

Үлкен қызық бір әрекет. Англичан юрист Александр Мэкланд Шотландия нац. музейіне үлкен коллекция сурет сыйлаған. Бағасы бір миллион тұратын коллекцияда Сезанн, Пикассо, Гогендер бар. Бұл сыйды жақында қайтыс болған әйелінің әруағына арнап ұсынған. Бұ да бір ғаламат қылық мінез.

Чикагоны басып ұштық, жолда Миссисипиді басып өттік. Бар жерде қар – Россиядай. Айтпақшы, международ. книганың бұндағы өкілі мистер Смиттің толық аты, адресі: м-р Эдвин Смит, американско-русское муз. агентство.

Mr. Edwin Smith.

Am. Rus. Literary and Musical Agency.

24 West 45 St.

New York 36 N.Y. USA

Виски іштім. Қазір қарлы, мол шаруалы аудандарды

басып келеміз. Қар қалың, бірақ әр жерде аз-аз қоңырқай көкшіл ағаштар көрінеді. Онда жеке-жеке усадьба, фермалар. Ал көп алаң үнемі шахмат тақтаға бөлінгені байқалады. Фермалар егіндігі.

Жол аса қызық. Тауларға кірді. Көп-көп таулардан, елсіз таулардан өттік. Қарағайлы, қалың жыныс ағашты таулар көп. Лос-Анджелестен Фресноға тартқан жол толған мұнай. Кешке жақын Фресноға кеп жайғастық.

Мұхтар Әуезов. 1960.

**1) г. Фресно (Калифорния),
мотель (9) аты “Насиенда”.**

2) Лос-Анджелес. “Чайман парк” (532).

**3) Феникс, отель “Весвард Хо”
(на западе) (812).**

26 күні кешке ас ішіп, тынығып, мотельді аз араладық. Су ішінде пиала арқылы би көрініс жасаған сұлу әйел әрекетін көрдік. Қараңғы зал (қоңырқай), музыка, электрон ойнайды. Төрде жасыл әйнек, үлкен сахна сияқты, онда терең су. Сол суға алтындаған трико (купальный костюм) киген ұзын бойлы, сұлу денелі қыз (сары алтын сары шашты) қыз сүңгіп түсті. Содан ары айналып түсіп бұралып, оралып шалқалай айналып, басымен дөңгелене айналып сәнді грациялы пластикалық өзінше өзгеше би қимылдарын жасады. Сырғанақты би өзгеше болып созылып, тамылжып ырғалғандай су ішінде де ғажап сұлу қозғалыстар әсем-сәнмен ырғала тамылжып шығады екен. Бұл “Русалка” аталады.

Біз енді Фреснода үш-төрт күн болмақпыз. Бұл аласа бір этажды қала. Табиғаты көктем – екінші бір дүние.

27/II.

Ертеңгі ас үстінде жалпы әңгіме. Маған көп сұрақ берісті. Оқу, жазушы туралы, содан кейін осы стол басында пресс-конференция басталды. М-р Беккер алдын ала сөйлеп, достық жағдайда өтсе екен деп тілек айтты. 7-8 корреспондент, біреуі әйел. (Бөлменің жарығы төбеде. Әр жерде осындай. Бұл өте ақылды іс). Щипачев сөйледі кіріспе – быт цивилизациясы сіздерде биік, үлгі аларлық.

1) Роберт Резон – редактор газеты: Ағылшын тілінде аударылдыңыздар ма?

2) Боб Маркин – газета “Колледж”: Какую подготовку получают молодые писатели?

3) Джем Уэлсон – из радио и телевид., пресса колледжа.

4) “Фрезио Пи” (“Пчела”): Собираются ли сов. писатели на съезды, конференции? Зарабатывающие писатели, т.е. работающий писатель – кто писатель, кто нет.

Қаланы аралап келеміз. Парк – эвкалипты, инжир, пальмы (финиковые, королевские), очень большой парк. Персики цветут. Здесь графство – самый большой город между Сан-Франциско и Лос-Анджелесом. 125 тыс. км. Центр самой плодотворной долины в Америке. 100 лет назад долина была полупустыней. Қалада землетрясение болады. Бұнда канал, плотина – екі үлкен плотинадан өлке су алады.

Қаланың шеттерінен келеміз. Бұнда машинада отырып тамақ ішетін особый ресторан. Подают в машину со столиками, испан. стиль. Мотельдер көп – бірнеше. Үйлер бір этаж, жеке-жеке отель, төбелері ағаш, черепица. Ғажап көп әсем столдар (машинада отырып жазып келемін, сілкінбейді).

Тұрғын халық шетке көбірек салады. Орталық ескі стильде, көбі бүгінде кеңсе болған. Бұл қаланың үлкен көшесі, 18 этаж үй землетрясение, 8 этаж тас үй – торговый центр.

На запад. стороне города люди с низким заработком – мексиканцы, китайцы и др. приезжие, родившиеся за границей.

Ағаш үй шосседен ... екінші рет өттік. Үстінен қала көрінеді. Красное дереводан ағаш үйлер салынған, бояусыз. Жапырақсыз үлкен ағаштар – платан. Біздің қалада кедей жоқ дейміз. Школа екеуі екі түрлі. 4 орта мектеп (Хайсоул).

Кедейлер далада, мақта, жеміс тереді жалданып, әрқайсысының автомобилі бар. Әр адамның машинасы бар. Өкіметтен жәрдем алушылардың да бәрінің машинасы бар. Ескі автомобиль сатып алады.

Кедейлер тұратын үйлер көбі жалдама. Ол үйлер штаттыкі. Ол үйді алу үшін табысы пәлен сомадан кем болмауы

керек. Пәтер ақы төлей алмаса, штат соц. помощь береді. Үнемі алып тұратындар да болады.

В штате Калифорния все обучение до ун-та бесплатное. Первые 12 классов никакой платы за книги, тетради, бумагу.

Контора Мэри, 4-этажные стоянки для автомашин. Графство – 100 км в длину, 30 в ширину.

Рай городских аллей, особый торговый центр, қазір сұлу үйлер ауданына өтеміз.

Бұл қалада 4 телевизия станциясы. Байлығы неде? Обогатились жильцы, владельцы больших ферм, хлопкочистит. заводы. Индустрия бар, жеңіл машина жасайды, винодельч. заводы, фруктовый консервн. Масло из хлопка (завод), производят – семена цветов, овощей и др. – продаются по всей стране.

Қалада бар индустрия, біразы ауданда.

Крупные фермеры живут в городе. Но все живут там, на ферме. Большая часть с/х механизирована. Рабочих рук мало. Ручной сбор тоже немного есть – стоит машинный и ручной одинаково.

Это унив-т. городок прежний. Здесь двухлетний колледж. Здесь в субботу не учатся в школах и вузах (нет классов субботы).

В Америке в каждом штате своя система обучения. Каждый штат автономен.

Часть города наз. “инжирный сад” – здесь очень красивые дома, больше домов с садами. Один этаж прохладный. Эти дома назыв. типа ранчо и влияние американское.

Фиговые деревья, кактусы.

Города в Калифорнии растут очень быстро. Чем дальше от центра, тем лучше дома. Земля принадлежит частным лицам. М-р Фортнер был владельцем этой земли, и он продал ее магазинам.

Айтпақшы, есте болсын. Нью-Йоркте біз үйінде қонақта болған жазушы әйел аты Женуэй (Дженуэй), 6-7 романы бар.

Магазины без продавцов. Есть тележки-каталки, в них покупатель набирает все нужное и расплачивается у выхода.

Жолда инжир бақшасын көрдік. Жапырағы жоқ, күзелген, көктемді күткен, қырқылған қарағандай боп тырбайып, шашырай үрпиісіп тұрған – алмадан гөрі аласа ағаш. Бұл қалада платан, кипарис те көп.

Күндіз колледжде болдық. 5 мың оқушы бар. Сенбі күн болғандықтан оқу бүгін жоқ. Студенттер жоқ. 600 студентке жатақхана бар. Көп студент машиналы, 16 жасқа келген соң әр жас... болуға тырысады. 700-1500 долларға 5-6 жыл ұстаған, ремонтталған автоны сатып ала береді. Машинасыз адам жоқ, сондықтан көшеде жаяу жоқ. Колледжде 12 мамандық бар. Искусство, телевизор мамандығы үшін үй театр салынып жатыр. Бір қала, бір үйден бір үй сұлу, сәнді, өзгеше стильді алаңдар, көгал, жеміс ағаштары, персик гүлдеп тұр.

Кітапхана стеллаждары қоңыр сарғыш бояулы – темір, о да сәнді, кітаптар жақсы мұқабалы – өзі бір жарастық, 350 мың кітап бар... Әңгімелестік. Леонов бір заумный әңгіме (поэзия туралы бастап), сөз өрбімеді. Леоновтың поэзия математиканың күшейген заманында баяғы арифметика болып қалуы керек емес деген пікірі – сырты сұлу, шешен, тапқыр, алғыр тілмен айтылғанмен, әншейін жаңсақ, тек бір поза, фасон тәрізді... Үйткені адам нелер Эйнштейн жүйелерін тудырып, біліп тұрса да, бала боп туып-өсуден ешқайда кетпейді. Бәрібір ауа, ұйқы, ас ішу қалады. Ол ғана емес, табиғатты сүю, аталық, аналық, достық, махаббат, өлім, қиял, сағыныш болады. Бұның бәрі логарифм тілімен, математика, химия формуласымен математика выкладкасына баяндалмайды. Ән де ән болмай, көмейге орнаған репродуктормен айтылмайды. Ол да бір урбани-стич. культура, телеграф тілі дейтін декаденстің, футуризм-нің әуенінің бірі.

Кешке армян рестораны “Иранда” қонақ болдық (лаваш-шиш кебаб жедік). Одан қызық киноға Леонов екеуміз бардық. Машинамен аулаға кіріп, машина ішінде отырып кино көрдік. Жүздеген үнсіз машина тұр. Әр машина ішіне репродуктор кіргізіп береді. Сондықтан кино қорасы үнсіз, әр машина ішінде ғана дыбыс бар. Көп жерде осындай кино бар дейді. Орын мол керек болғандықтан, қаланың шетірек жеріне салады екен. Көбінше үлкен қалаларға баратын, көп жүргінші жүретін жолдарда болады.

Машиналарға кішкене баласын ұйықтатып қойып келіп қарап тұратындар да болады.

Бұл қалада машина ғажап көп. Орталықты кеңсеге берген де, сауданы, магазиндерді шетке шығарған. Әйтпесе машиналар қала ортасына сыймас еді, тұрар жер болмас еді. Қазір базар тұсындағы машиналарда сан жоқ, сығылысып жапырлай тұр. Көп магазинге келгендер машиналары.

Түнде бір топ қалың, мол машиналардың төбе жағында көп түсті кішкене флажоктар тұрғанын көрдік. Ол осы машиналар (ұсталған машиналар) сатылады деген белгі.

28/II.

Бүгін біз ерте тұрдық. 8-де ас ішіп, тағы да қала сыртындағы алыстағы заповедникке бармақпыз. “Калифорния нац. парк”. Заповедник 62 км. Ал өз ішінде 40-50 километр тағы жүрдік. Жол әуелі Алтай, Алатау бөктерлеріне ұқсады. Екі жақ көгал. Анда-санда жайылған қызыл ала сиыр, көбінше тана, құнажын. Жазда ол мал тауға кетеді. Фресноның көп ауқатты аудандары да таудағы дачаларына кетеді. Жол онда да жақсы дейді.

Паркте қар. Содан ары қалың көк жыныс тоғай. Бұнда ель, қарағай, кедр, әсіресе ең қымбаты секвойя. Бұрып алып атанған (Бұрып гигант), 3600 жыл жасаған қарт ағашқа келдік. Ол көп қолды Будда, мың қолды Будданы еске түсіреді. Бұл мамонттар замандасы, Илиаданың, Кейқауыс, Рүстемнің замандасы десе де болады. Өзі де көрі құдай, бог Саваоф.

Осы ағаш тек осында ғана бар. Басқа дүниеде жоқ. Қымбат заповедник, болған соң тауды көп араладық. Бұғы көп, аю бар. Жолда үлкен құз жартастар, тұтас гранит таутас – полукупол. Екі жақ тік құздау тақыр жартас... Оң жақта “Шлейф невесты” дейтін водопад ағады. Екінші жақта тағы үлкен водопад.

Осы тұста тау басынан от төгетін әдет те бар екен. Костерді ағыза түнде құлату.

Долина Йосемит ғажап, қызық өлке. Осында жазда сан мыңдаған адам болады.

“Ауана” деген атақты ресторан бар. Тастан қаланған, тік тұрғыза орнатқан бөренеден жақтаулар. Бірақ іші аралаған сайын тамаша бола береді. Гостиная, залдар... индеецтер

оюы бойынша істелген, боялған портьерлер. Столовая тіпті тамаша, терезеден бар жартастар, алыс водопад көрініп отырады. Бұл айналаға көп-көп лагерьлер орнау үшін сан алуан жағдайлар жасалған. Әр жерде орындық стол жерге орнатылған. Көшіп жүретін әдемі үйлер бар терезелі – оларды жеңіл машина да сүйретіп әкете алады.

Балалардан лесничий жасайды екен. Бар баланы жиып бір жұма оқытып, өздеріне кіші лесничий деген атақ беріп, өздеріне тоғайды, заповедникті күзеттіріп қойысады. Тамаша ақыл.

Жолда бұғылар көрдік. Бұғы, аю адамның қолынан тамақ жеп жүре береді. Аюды кейде мазақ етем деп ашуландыратындар болады. Бұнда шүйебөрі бар... бір балалар ит екен деп ойлап жүріп, ақыры бөрі тістеп алған. Баланың әкесі бір бөріні жынды емес пе екен деп атып өлтіріп, зерттеу жасатқан.

Түнде қайтып келіп, кешегі машинада қарайтын киноға бардық. Кегельбан ойынын көрдік. Бильярд ойнап жатқан жастар бар. Жаяу бұл қалада жоқ. Тек спортты ғана көресің.

29/II.

Бүгін тағы қала сыртына ауыл шаруашылығын аралауға шығамыз.

Кино въезжающих Жуанви школды көрдік. Синьор Кай (старая средн. школа). Магазин Сирс.

Көшеде миндаль гүлдейді, оливки көгереді. Бұнда апельсин тау бөктерінде өседі, суықтан ықтап өседі.

Школа Синьор Кай бөлімдері: администрация, клас-тар 10-11-12 – 1400 бала оқиды, ұл, қыз – (16-19 жас), класс: биология, химия, физика, лабораториялар – ғажап оборудование мол.

Физич. труд – слесари, столыры, вождение машины (правила вождения) білу шарт – қыздар да үйренеді. Өзге қол өнерін тілегендері бойынша үйренеді. Қыздар бұл кезде үй шаруасынан тігінді, ас пісіруді үйренеді.

Мектептің теннис, футбол, бассейн орындары бар. Завтрак ететін әдемі, таза столовая.

Кітапхана 2600 кітап – бірақ жаңа мектеп, келесі жылы 5 мың болады. Үйткені 50 мың доллар ақша саудамыз бар дейді.

Директор начальной школы – ақ шашты, ұзын бойлы педагог. Қызыл киімді, ұзын бойлы, әдемі учит-ца.

Колледж фермасын аралап келеміз... Хлопок, скот, земледелие, виноград 1100 акров земли, коров 400, 200 на мясо, 300 свиней, 300 баранов – рамбулье, гемпшир.

3 тысячи цыплят, своя бойня, продуктовый амбар, упаковки по всей Америке. Курятники.

1) Миндаль. 2) Персик, бананы. Жұмысты студенттер істейді. 3) Эвкалипты. Персик гүлдеген, ағашы адамның тамырындай, прививки, сливы, апельсины два сорта. Один с ноября до апреля, вылежанный в марте (без серединки). 6) Молодые персики. Грейпфрут. М-р Смит Кэмп, 200 акров, ферма назыв. “Удона”, 175 акров под садами, 25 – для скота, работает 6 человек, а во время сбора 25 человек на помощь. Большое число таких как я, конечно, не все – в этом округе 11 тысяч фермеров. Средняя ферма – от 40-60 акров, по Калифорнии 307 акров средн. Смит говорит о среднем размере...

Скот на мясо – за 600 фунтов откармливает 110 дней и продает, прибавляют по 2 фунта в день – кормят бычков и телят.

Наемные рабочие из Фрезии, разных других местечек (клёнес). Рабочие – 6 человек круглый год (семейные), трое женатых, трое холостых.

Они зарабатывают за часы, плата 350 долларов в месяц, помощник, квартира, питание бесплатно. Это мастера производства – оплата остальных следующая: 1 доллар 25 цент за час (условия неоплачив.). 3400 долл. заработок за год. В воскресенье не работают. Летом в воскресенье работа.

Персики пакуют сами и отправляют. Таблицы сортов (печатные).

Главный рынок – Лос-Анджелес, Техас, Вашингтон. Сбыт через торговые центры. Кітапханасы, үйі тамаша, бай: холодильник, стирка белья, сұмдық (механизация).

Ұлы студент көмектеседі. Өмір бойы фермермін. Виноделье фермасында өскем, әкелерім фермер еді. Упаковка. Әйелі әсем үнді.

Спальня, гостиный екеу, кухня. Машина (автобусы бар) 25 жұмыскерді әкеліп тасып жүреді күніне, 25 алатын

жұмысшы үйі төредей, төрт бөлме. Техас адамы да, ірі япон поделъниктер (25 шілде) осында тұратын бір тобы бар. Өздерінің ортақ столовыйы, кухнясы, жатақ үйлері тар, нашар – өте жаман. Сондықтан шал Иосида тар жатын орындарын көрсеткісі келмеді.

Смит Кэмп – колледж бітірген, ұлы оқып жүр. Жылдық табысы 25-30 мың доллар. Бұл тегі помещик. Осындай фермерлер 11 мың дейді.

Хлопок шаруасына кеттік. Соңғы жылдарда жақсы машина жасадық. Жинауы таза... Рамбулье – ең жақсы қойымыз. Ең сүтті сиыр жылына 350 дойка. 26 тысяч 500 фунтов молока. Около 13 тысяч литров. По 45 ф. в кг.

Машина бір-ақ жүрген, мақта. Нашар жер. Екінші рет жүрмейді – пахта нашар. Калифорния мақтасы волокно ұзын – фабрикалар жақсы көреді.

Тюк пароходом идет на восток. Урожай – 4 бейла – 2000 фунтов с акра (в каждом бейле 500 ф.). Средняя калифорн. 1500 ф. Бізше 15-18 центнер.

Машина для опрыскивания и для полива кормовой травы. Көп дөңгелекке ұзын арқандай кишка тартылған, айнала су шашып тұратын насостары бар. Мақтаға осыны, бақшаға да қолданады.

Ячмень өсіп тұр – для скота, скот основным образом кормят ячменем. В Айове, Огайо кормят кукурузой – 95% кукурузы в ячмене.

2-3-6 жасар сиырлар, қызыл қасқа үлкен. Искусств. осеменение жоқ. Белоголовый Херфорд (Хефордшайр). Рожь арасында жайылып жүр (зеленый корм осы). Қара сиырлар – шотландский скот, мясные, “Опрыскиватель” колмен қозғалады ақырын. Өзі де қозғалады ақырын.

Пенсияға профессор 70 жаста бұл штатта кетеді. Өзгеде 65 жаста.

Если 30 лет работал, получает половину зарплаты (последние 5 лет и одна 60-я за каждый год работы).

Бюджет колледжа: 50% от штата, 50 – от самоокупаемости (ағартушы). Орех гүлдейді, мимоза, олива.

85% бюджета города от с/х. Апельсиновая роща. Февраль, март, апрель айларында апельсин жинайды. Пальма, аллея тамаша. Апельсин ағашы ғажап. И эта была

пустыня, пока не было воды. Хлопок тіпті биік. Метрге жуық, это идеальная высота для сбора машиной.

Сезонные рабочие көбінше мексиканцы, японцы приезжают по договору государства.

Дорога, обсаженная высокими оливами. Грецкие орехи, апельсин ағаштар. Есть фабрики обработки миндаля, орехов, механич. машины по очистке от кожуры, косточек.

Советник по сельскому хозяйству (для фермеров). Ульи под плодовыми деревьями. Студент – оплачиваемый рабочий, 2/3 урожая берет он с 3 1/2 акра, уход, прибыль и убытки его же. В случае убытков несет ответственность денежную – 2/3 тоже.

Индустр. центр Фресно, выставка всех машин. Декан агроном. факультета м-р Даулер – бізге өз машинасымен жүріп бар шаруалық жайды айтты.

Фиговое дерево это инжир. Фига – инжир.

Корм делают для индеек, для разных животных (заготовка кормов). 40% работают на агробизнес.

Кешке м-р Джойл – профессор, колледж директоры қонаққа шақырды. Үйін көрсетті, 8 бөлме. 4 спальня бар. Кабинет, гостиная, кухня жағы тамашасы. Қабырғада шкафтар, өздері бөлмеден тамақ ішетін кішілеу бөлмесі кухняның дәл қасында.

Отопление, еркінше кір жуу, жаю, бәрі өз ішінде. Қорада бақшасы. Онда камелия гүлдейді. Грейпфрут пісіп тұр, үзіп берді. Жерде кілемдей майса, тығыз, табанға кілемдей (түгіндей) табанды соратын аласа көгал. Қазір көп жері бурыл.

Осы бағын суаратын фонтаны ғажап. Айналып тұратын ұсақ фонтан сулары жақында себездеп, шашырап, майда, жәйлі жауады, ешбір гүлді, шөпті майыстырмайды.

Қыз төсегі де екеу. Әр жерде солай. Қыздың спальнясы дейді, онда екі төсек болады.

Қайтыста түнде осы үйдің күйеуі оформить еткен “Отелло” спектаклін көрдік. Студенттер қоюшы (профессор бас-қаруымен), ойнаушы, киім эскизін жасаушы, оны тігуші бәрі студенттер. 3–4-курстар, бұлар мамандық алады. Актер, режиссер осылардан әзірленеді. Колледждің экзамені есепті берілген, қойылған спектакль.

Отелло боп негр ойнады. Студент. Бұл колледжде Япон, Қытай, Ираннан кеп оқып жатқан студенттер аз емес.

1/III.

Бүгін біз сағат 12-де поезбен Лос-Анджелеске жүр-мекпіз. Фреснодан Беккерсфилге дейін біз поезбен жүрдік. Вагон қатар екі орыннан. “Санта Фе” деген шойын жол компаниясы бар, Калифорниядағы шойын жолдың иесі. Вагондарында, станцияда, дизель паровозында тегіс “Санта Фе” жазылған. Біз ресторанға барып лянш ішіп, екі сағаттай отырдық. Жолда тағы бір вагон столдары бар, демалыс вагоны – онда тек сусын береді. Чай, кофе жоқ. Беккерсфилден біз автобуска міндік. Щипачев екеуіміз қатар. Ол өлең жазыпты (осы жолда ыңырсып, ырғақ іздеп, шабыттанып отырып), жаңа редакциясын жасап шықты. Жатқа жазған, жатқа оқып берді. Нью-Йоркте жазған, маған арнайым дейді. 12 жол.

Әуелі поезбен, автобуспен біз ұдайы жазық өлкемен келдік. Графство Фресноның жері тегіс, жазық. Бұрын шөлдеу жер болғаны оқта-текте қатты білініп қалады. Кейде тақыр, кейде шағыл, сор топырақ та байқалады. Ондай жерлерде кәдімгі Арал, Жосалы араларының, далаларының былтырғы қара сортаң қаңбақ тәрізді үрпек бөрікті шөп көп. Егінсіз дала көңілсіз – кәдімгі қара түз, ебелек, қаңбақ қаңғыған құла түз, қу медиен дерсің. Бірақ соның қатарында әдемі көкпеңкөк далалар, тақталанған егін далалары кетеді. Онда мақта, бақша (көбінше үзім), көгал шөптер, неше алуан өсімдіктер. Көп жерде жайылып жүрген мал, отар-отар қойлар – етке арнаған гемпшир қойы... Кейде қызыл шұбар, қарала сиырлар қамалып-қамалып тұрады. Олар поезға тиеліп, Чикагоға жүретін сойыс малы. Өңшен күйлі, семіз мал.

Беккерсфилде машиналы, рекламалы, күндіз де неон оттары, сөнбейтін вывеска, реклама толы қызыл-жасыл жарқыраған аласа қала, бұнда да автомобиль жын атады. Жүргені мен тұрғаны жөнімен де құмырсқа илеуіндей.

Беккерсфилде біз үлкен автобуска міндік. Екі кісі қатар отырады. Орындықтар жұмсақ, биік. Автобус ішінде туалет бар, онда қол жуатын су да бар. Сүртінетін қағаздары, оны тастайтын мусор жәшігі де бар.

Жол көпке дейін даламен келіп, біраздан соң алда үлкен таулар тұман, мұнар ішінен аңғарыла бастады. Бұл Кордильеры. Тау биік, жол кең, төрт қатар машина жүреді. Кей тұста қатар жол ремонтталып, тақталанып, тапталып жатыр, бірақ жүріске бөгет жоқ. Төрт қатар машина ағылып, бөгетсіз жосып, жөңкіп жүр.

Тау ішіне кірдік, бұл бір қара тау... Айналасы өрі, сай-саласы мол аса тік таулар емес. Алтай, Орал тәрізді кең, мол қатар-қатпарлы аса құйқалы таулар. Құйқалы деген сөз дәл қонады. Өйткені өсімдігі – түгі мол. Онысы берекелі ағаш емес, тығыз, жиі ала біткен бұталар-кустарниктер. Жақын, алыс таудың бәрінің етегі, төсі, төбесі түгел осы аласа бұта, кустарниктер басқан түрде. Тасты, жартасты тұстары аса азғана. Жол өрлей келіп, 3000 футқа жетті де, асудан астық десті. Жолда бекет тәрізді аз-аз үйлер кездеседі. Олар жанында да топ-топ машина. Әрбір 40-50 километрде мотельдер. Кішкене болса да мотельдер бар. Мұнда да вывеска көп. Жол бойының екі жағы да үлкен плакаттар, ұдайы жолды. Мотельді, алдағы неше мильде болатын ресторанды мәлімдеп отырады. Асудан асысымен сай бойында “Лос-Анджелес”, “Голливуд” рекламалары кетті. Әлсін-әлсін “һотел” андай, “һотел” мұндай деп ондаған гостиницалар жайларын айтады, шақырады. Лос-Анджелеске кешке жақын келдік. Жолда Щипачевтің чемоданы жоқ боп шықты. Артынан табылды, бірақ жоғалуы тегін бе екен. Қалада онша бай емес гостиницаға кеп түстік. Тек тәуірі табан астындағы қызыл қоңыр оюлы (кесек оюлы) кілемдері. Мен душқа түстім, түн бола бал қосып дипер жедік. Ресторанда адам жоққа тән.

Жолдағы таулар қара тауды да еске түсіреді – болашағы, жақындағы болашағы осылай болса нетер деймін.

2/III. Лос-Анджелес.

Қаланы аралап келеміз. 1) Хрущев түскен гостиница. 2) Протестан шіркеуі (пресвитерианская церковь). 3) Универмаг (биік) жұқа. 4) Алыста тау, онда Голливуд. Планетарий куполы көрінеді. Тауда жазу, тау бетінде “Голливуд” деп жазылған. Тау айнала студии. Голливуд 500000 халқы. Фильмы сейчас не производятся, была заложена основа там. Ұзын жолмен Голливудке келеміз. Тауға қарай кеткен оң жақта Голливуд. Тут живут деловая

часть, центр радио и телевидения. Кинопромышленность вышла оттуда, где почти 35 лет назад была кинопром.

а) Бульвар Голливуда. б) Дом престарелых.

Профессор бізді бастап келеді. Декан төрт жылдай кинода болғам жоқ дейді. 1) Ең ескі кинотеатр. Көшеде адам бар, орташа киінген. 1) Египетский театр. По величине Лос-Анджелеса 4-5-е место. 2) Методистская церковь. Кинозвезды венчаются здесь.

Таудағы оншақты үй әр саты, әр стиль, особняктар. 3) Ақ крест ашық театр. Ғайса өмірі көрсетіледі. Раз в 10 лет показывают “Жизнь Христа”.

Ашық симфония театры. 25 мың кісі сыяды. Біздің билет осында болған. Сахна жанында фонтан бар.

Айнала тау. Кешегі алуандас қалың кустарниктер, бірақ стр-во жоқ.

Кауэнга – перевал (инд. название). На этом перевале амер. в 1848 г. победили мексиканцев и присоединили этот район. Тау төбелерінде үйлер, бақтар сұлу, әсем, әр алуан. Бірнеше этажды үйлер. Қатарда ұсақ түбірлі жалаңаш үйсіз төбе-беткейлер.

Кинокомпания Ришблик. Комич. картины делает, небольшие.

Дом на колесах. 3-4 комнаты. Комната, кухня, семья на отдыхе ночует.

Едем на гору, между Голл. холмами и долиной Сан-Фернандо. Жолда орташа, аласа үйлер. Профессор, лавкашы столяр тұрады. Водопроводчиктер – олар бұнда көп алады.

Ағаштары живой дуб, вымирают, дождей мало, сухо. После 15 лет “Долина Сан-Фернандо” – там проживают миллион людей. Жол 30 жыл бұрын салынған тау жолы.

Өрт болыпты. 8-9 ай жаңбыр болмаған. Тауға шықтық. Долина бірнеше бөлек қала. Бәрі Лос-Анджелеске қосылады. Жолды екі жол санайды, тіпті жақсы. Тау “Холмы Голливудские” деп аталады.

Д-р Хэндли.

Тау арқасында келеміз. Жол коммер. емес, тек көрініс үшін. Живописный үйлер бар. Едем вниз, в город Беверлей Хьюс – это самобыт. город окружает Лос-Анджелес. Он не хочет войти в Лос-Анджелес. У них больше денег на душу

населения. Сами содержат свои б-цы, школы и другие. Халқы 50 мыңдай.

В этом каньоне горцев больше живут звезды кино. Внутри Лос-Анджелес. Қазір қалаға кіреміз. Особняктар, звезды и их спутники. Қала сайда, бұнда парк, бақтар, дворец, особняктар. “Бульвар солнечного заката” идет до самого океана, гостиница Беверлей Хьюс – отель, стиль башни, колонны, купола, острые крыши, ступени. Аллея пальмовая тамаша. Көп үй бір этажды. Ақ түс, қоңыр (ағаш) черепица үйлер көбірек.

Лос-Анджелеске қарай бұрылды. Особняк екен. Менс-фильд. Ғажап розовый особняк.

Въезд в Калифорнийск. университет. 3) Католич. университет. 4) Дом масонской ложи (старцев). Сұлу стильді үй. Школы бір этажды, әсем көп үйлер, жеңіл үйлер. Қыс болмайды. Екі-ақ рет пальто кидік дейді профессор. Газондар ғажап. Уил Роджерс, народный философ. Океан көріне бастады... Залив Санта-Моника. Теңіз жағасында болды. Толқын мол, қол суладық, ақша лақтырдық (қайта келу ырымы), Гонзар екеуміз соны істедік. Пальмалар косматая голова – побуревшая борода (менің теңеуім).

Площадки для игры в гольф, все могут играть городские. Лос-Анджелес ортасында небоскребтер тобы бар, бұнда 2 1/2 миллион халық.

Штат орталығы Сакраменто. Ол үлкен емес. Фреснодан үлкенірек. Қалада бір жаман, тозған үй жоқ. Тегіс бояулы, жаңа тәрізді. Реклама, вывеска бояулары Жапонияны еске түсіреді. Ұдайы біресе выставка павильондар, тамаша сұлу павильондар – вывескалары жоғарыдан төмен салбырай жазылғаны көп. О да сән үшін – бояулары көшеге шыға шеттей төне тұрады жоғары тротуарға. Высотный үйлер тобы өңшен қвартир. 10 мың адам үшін салынған. Әзірше 18 үй 13 этаждан, 10 мың кісі тұру керек.

Фермерлер базарына келдік. Фрукты, печенье жедік отырып, кофе іштік, бар тамақ бар. Фермерлер бұнда зат әкеліп сатады. Кейбірінің лавкасы бар. Жалпы осы рыноктың иесі бір бай. Шыбын жоқ, таза – әр әйел баласын коляскаға салып қыдырып жүр (прислуга бұнда да жоқ. Айтпақшы, есте болсын осы жай).

Қазір телевизия студиясындамыз. Тамаша үй. Бұл үйде спектакль қойылады, бар США-ға беріледі. Бұл главцентр. 7 программ в неделю отсюда – кроме 80 программ из мест. Записаны на теле пленку из разных мест.

“Колумбийская передаточная компания”. Всего три больших компании. Оплата рекламы в зависимости от времени, от широты рекламирования. Лучше – утро 8³⁰ мин., реклама 50 долларов. Вечером до 800-900 долларов за минуту.

Отделы: 1) драпировка, кроме одежды, перевозится на колесах, она висит на этих тележках; 2) декорации, бутафория – ағашы тамаша (эвкалипт); 3) обстановка, вещи, аксессуары на прокат, берут все – вплоть до дерна (шым) – пайдаланып қайтарып жібереді.

Бұл күн кешке біз синерамада болдық. Ұжмақты іздеу сапары. Пакистанда Хунза деген елге барады. Жолда Индия, Кашмир, Непал патшасының коронациясын көрсетеді. Непалдың орталық қаласы да жақсы. Цейлонға ламаларға да герой әскер адамы барады. Хунзалар өмірінен де түк таппайды. Олар тек өздерін Александр Македонский нәсіліміз дейді. Синерама сонда жүреді. Ақыры әскер Америкаға қайтып, истребитель каскасын киіп, реактивный истребительмен ағызып кетеді.

Түнде аударушы жігіттің әңгімесі. Трущобы Гарлемде, ақтар трущобасы Бруклинде мол дейді. Ішіп, жүдеп-жадап тұрысады. Киім, үй нашар – ондай көп.

3/III.

Бүгін таңертең студент, профессорлармен радио үшін кездесу. Одан кейін киностудияға бармақпыз.

Беседа: микрофон алдында Калифорния ун-ті үшін Щипачев, Леонов, Гончаров сөйледі.

Сұрақтар:

1) Жазушыға, міндетіне сіздер қалай қарайсыздар? Америка жазушыларынан айырмыстарыңыз неде?

2) Не туралы жазу қалай жазудан ерекше бағалана ма?

3) Индивидуумның орны сіздің жазушыларыңыз үшін қандайлық? – Щипачев.

4) Гончар жауап берген сұрақ: Индивидуумды ортасынан, тарихтың жағдайынан бөлек-өздік жеке бас адамдық камында аласыздар ма?

5) Леонов жауап берген сұрақ: 35-жылдан бастап сіздің театр тәжірибесі өзгерді. Марков мақаласынан солай ұғындым. Несі өзгерді? Бұрынғының несін қабылдамадыңыздар? Леонов ол пікір дұрыс емес деп, жалпы өзінше дұрыс баға айтты.

Студия “XX век”...

300 акров участок. Постоянное место съемки. Декорациялар, Нью-Йорк, трущобы, Индия, Америка. Деревья, целые улицы (цветочный магазин), декорационные деревья, двери.

“Тас үй” дегені (нефтяная вышка, потайные заборы). Старинный замок (миллион долларов стоил). Но сняли картину в Европе. Снег – хим. вещество, машина режиссеров (идет съемка). Ковбойский фильм, лошади (оседланные), артында бөктеріншек. Ерлері дәл Жетісу ері (кұранды ер тәрізді). Идет съемка западн. фильма “Одной ногой в аду”. Актер Алан Ляд – гл. герой. Режиссер Джеймс Кларк. Тоғай іші, тас, жалған от. Режиссер көрсетеді. Екі-үш рет қайта түсіреді.

Режиссер кара пиджак, сұр шалбар киген, жалаңбас, просто. Ақ шашты, салмақты адам.

Аттар түр. Екі ат ерлері алынған, шалқасынан келтіре қояды екен. Екінші сурет – “Потерянный мир”. Әуелі жай адамдарды қояды екен, дәлдеп алғанша, бір топ жұрт түр.

Жин Сэпт Жон – звезда (әйел).

Динозавры, фантастич. мир, қыз шалбар киген. Трикода тар, розовый. Көлеңке үйден шықты. Режиссер Овен Алэнд.

Декорациялар – замок “Храбрый принц” суреті. Кусок неба тамаша. Здесь буря создана, волны, меняются облака. Наполняют бассейн водой. Волны, впечатление дали волны, посредством машин для ветра... Большое небо – көкпеңбек, судно создают, топят его в бассейне. Сотни пароходов всех времен и государств. Собств. полиция, своя пожарная охрана. Большой театр киноактеров, знаменитостей, зрители тоже актеры.

М-с Хартман – кино адамы көп жайды баян етті.

Кейін сценарий жазушылардың ортасына барып, 10 шақты жазушымен лянш іштік. Көп қызық сұрақтарға мол жауаптар естідім.

Жазушылар (сценарий жазу лигасы). Қазір забастовка жасайды. Келесі жұмада артистер жасамақ. Талап гонорар жөнінде: 1) телевизиядағы кинолардың сценаристері ақы алсын.

2) Жұмалық ақы төрт жүз бірдеме — енді бес жүзден аса болсын.

3) Адвокат Вашингтонда жаңа автор правосына заң қосу жөнінде әрекет етіп жүр. Киносурет жақсы болсын, сапасы артсын, телевизорға ұтылмасын, арзан қол сурет қойылмасын, сондай сапалы суреттің сценарийі үшін кейін суреттен процент берілсін.

Бұнда Калифорния университетінде сабақ оқыла бас-таған, сценарий жайын драматургиямен байланыстыра жүргізеді. Бұнда конкурс бар — жалпы бір медаль жастар арасына беріледі. Калифорния лаврасы. Ол авторға жол ашады. Бүгін мистер Уилкстан хат алдым. “Көксерек” жөнінде басатынын айтқан... 300 долларға чек жіберген.

Түнде Италия ресторанынан ас іштік. Пельмен сияқты тамағын алып ем, нан да, ет те бар, бірақ көбі нан, нарын тәрізді, ет сезілмейді, сондай ұнтақталған. Жемедім.

Осыдан кейін біз Бриджит Бардо ойнайтын “Бог создал женщину” деген сурет және екінші “Любовь моя профессия” деген тағы Бриджит Бардо ойнайтын сурет көрдік.

4/III.

Калифор. ун-т.

Біздің кітапты оқыған бәйбіше менің кітабымды оқыған. “Чудесная книга” — деген әйел.

Студенттер мен оқытушылары Щипачев екеумізді қоршады. Поэзия (орыс) туралы, рев. бұрын және қазіргі калпын алғанда қандай өзгеріс туды деді.

Щипачев әуелі танысу жөнін сөйлеп, тату, жылы шыраймен әңгімелесу жөнін айтып кеп, сұраққа жауап берді.

Орыс жазушысынан ешкімді оқымапты. Жалғыз біреуі Дудинцевті айтты. Бір қытай студентка Чеховты қосты. Совет жазушыларын (орыс бөлімінің студенттері) тура білмейді.

Сонда мені оқыған, Гончарды оқыған үлкен әйел оқушы болғаны тіпті қымбат көрінді. Ол тіпті “Сов. литература” журналынан менің “Абай жолымды” да оқысты

(үзіндісін). Менен көп әңгіме сұрады, Абай жайын – мен Жамбыл жөнін айттым.

Столға тамаққа отырғанда бір топ студент мені жеке ортаға алды. Ортада орыс тілін оқытушы ақ эмигрант. 12 ж. Россиядан әкелері кеткен екен. Студенттер мен бірекі қартаң оқытушы әйелдер жақсы сұрақтар берді – дұрыс әңгімелестік.

Кешке атақты ғажап фильм – “Жизнь Христа” суретті көрдік. Арада үзілісі болып, екі бөлім бір-ақ көрсетілді. Ұзақтығы 3 1/2 сағат жүретін фильм. Режиссері Уильям Уайлер – суреттері ғажап. Әсіресе Жуд Бенһорды ойнаған артист өте кесек. Бұнда таң қалар молдық, кино байлығы, драма, тарих, халық драмасы. Ғайса, проказа “соғыс”. Гамрада ғазап еңбек. Ат шабыс, әсіресе әппақ араб аттарының, 4 аттың өнері естен кетпес. Бұдан жақсы сурет, күшті сурет болмастай. Мың кісі сыятын театр лық толы.

5/III.

Біз жолда 45 минут жүріп, таңертең сағат 11-де Диснейлендке келдік. Үлкен өлке... Жасанды тау көрінді. 65 акров территория. Үйлер XIX ғ., поезд XIX ғ. Бұ да “Санто Фе” аталады. Үйткені бірінші паровоз аты “Санто Фе”.

Алыстағы тауының басында қар (жасанды). Онда үңгірлер. Авто әр белдеуінде жүр. Аспалы фуникулер. Әр вагон аты әр басқа, “Колорадо” гранд каньон сияқты... ашық, жуан сорақылау вагондар қораға кіре бере: аттар (қара), кэй, екі этажды кабриолет. Шойын жолмен бар Диснейлендті аралаймыз.

Бұнда 5 аудан. Үлкен көше, земля фантази, земля приключений, земля завтрашн. дня. Дикий Запад (бесінші көше) был остров Тома Сойера, но он временно закрыт.

Едем мимо глав. улицы. Поезд того времени проведет вокруг Д.Л. Тут земля приключений (аттракционы). Әуелі “Дикий Запад”.

Увидили реки. Пароход им. М. Твена. Река окружает остров Тома Сойера (кішкене өзен, пароход), часть Миссисипи изображается. Жизнь вигвамов – лагерь.

Лесной пожар Дикого Запада. Вождь инд. племени верхом. Бұғылар, инд. деревня, келі түйіп тұр. ...(от шалаша...) 3) Замок 30 лун. 4) Земля фантазий.

Таудан водопад биік ағып жатыр (бұл тұста). 5) Мон-реаль. 6) Земля. Завтра (поезд завтра)... 7) Завтра (станция) аттракцион, аспанда самолет, подводный флот. Кішкене автомобильдер, балалар. Ракеты. 8) Диарама Гранд Кента. Тамаша ауыр жол, ауадан туннель... айуан, құстар, күн күркіреп, жәй жарқылдайды. Тегі Гр. каньон (300 фут ұзындығы). Қазір гл. улица. Қайта оралдық. Көліктер – конка. Омнибус – екі этаж (авто). Бір жыл салынған, 17/VIII 55 ж. открыт Д.Л.

18 миллионнов посетителей. Банк, опера, муниципал-т, пожарная – кішкене қала, ол заманның замогы 1840–1910 (жылдар арасы). 9) Үлкен көше. Тоқсаныншы жылдамыз (конкаға міндік), екі адам (ер, әйелі) сол заман киімімен өтті. Шойын жол қызметкерлері, сол заман киімі міндет (конка рельсімен жүреді) (стрит, қар – трамвай), конканың аты. Үйлер – екі этаж стильді сұлу үйлер (Конура – завтрашний дом, квартиры).

Ортада ось – осыны айналады, бар өлкесі осы арадан бәрі көрінеді. 5 жер түгел көрінеді. Ортада қарсымызда (замок 30 л.). Қызы Жана Джексон (бізбен қоштасты), жаяу аралаймыз. Дикий Запад (джунгли), (өзен пароход), тоғай, гүлдер, жылан, құс, айуан үндері. Все звуки джунглей, пароход “Ирровади”, дыбыстар пластинкада – анық джунгли үндері пах, вой, писк, цветет чай, пальмы – папоротники, в них звук стрельбы (анда-санда). Өсімдік тегіс жабайы (түнде бұл дыбыстар тіпті сұмдық). Түнгі сағат 2-ге дейін біздің пароход Африканыкі, Замбия, жолда крокодил, шимпанзе, аю, арыстан, горилла, африканские зебры, жирафы, африкандықтар билеп жүр. Рок-н-ролл осыдан. Оқ атқалы тұр. Мылтық атады, крокодилді атады – енді ең қатер жерге келеміз. Ол цивилизация жағасы (бар жәндік қозғалады). “Біз ертеңде” – самолеттерде айнала балалар ұшып жүр. По кругу подвесной жолдар, вагондар, қасымызда таудағы белдеу этаж жолдармен машиналар ағызып жүр, водопад, үңгірлерге фуникулер кіріп шығып, кетіп жатыр. Атом сүңгуір қайығы, соған мінеміз. Бұны былтыр ғана кіргізген. Поезд будущего над городом ходит. Қазір Жапонияда бар. Келер жылы Лос-Анджелесте болады.

Үлкен көл, подводн. қайықтар жүр. Шірет қызық, ылғи қоршау ішінде бір-бірден жүріп отырады адам. Әуе

жолында сары, жасыл вагондар көп-ақ. Ерсілі-қарсылы. Дәл сүңгуір өзі. Подводный мир, балықтар, ташеть, пещеры, кораллы, т.б. бар. Скалы, дракон, сиру, под водой город, русалки, фосфорицируют цветы, район вулканов, айсберг всех подводных миров.

Тамақты осыдан іштік. Мен креветка заказ бердім (кішкене балық).

Кешке сағат 7 $\frac{1}{2}$ -де Артур Мюллер дейтін үлкен драматургте болдық. Әйелі атақты кинозвезда Мерилин Монро.

Жазушы Қазақстан, Алматы театры туралы жақсы түсінігі, хабары бар екенін айтты. Сұрақ берді, біздің театр туралы мен жауап бердім. Мен Гипсон пьесасы туралы сұрадым. Чаевскийді ол қатты сынады. Тұрған жайды ол дәл сол күйінде түсіреді – олқылық, шеберлік араласпайды дейді. Л. Хельманның жаңа пьесасы туралы 20 минуттан соң не болады, бәрі білініп қалады дейді. Сіздерде Хемингуэй неге қадірлі деп сұрап еді, Леонов ұзақ индивидуальный, субъективный, формалистический жауап берді. Оның соғысқа қарсылығы, жалпы адам үшін оптимизмі, өзге, біздің халық сүйетін сипаты туралы сұраққа дәл, кең жауап айтпады.

Өзі Лос-Анджелесті сүймейді екен. Бұндағы жайымыз қазақтың палаткасы, киіз үйі – тұрмысымыз Нью-Йоркте, мен сонда туғамын. Мұнда әйелім суретке түсу үшін келді, бірге келдім дейді. Ең жақсы көретін пьесаңыз не дегенге Софоклдың “Эдип” және “Гамлет” деді. Орыстың театрында реализмнен өзге ағым бар ма деді. Леонов Охлопков, Мейерхольд деп айтыңқырады. Реализм екенін мойындайды. Бертольд Брехты сіздер қалай бағалайсыздар деп сұрады.

Қазір кешкі сағат 7-де поезға барамыз, түн бойы поезбен жүріп, таңертең Гранд каньонға бармақпыз.

6/Ш.

Гранд каньон. Хома – 10 тысяч в резервац. Наваго – 70 тысяч, самое большое племя. Пима Поиит...тау. Пима – племя. В парке работает Хавасю пай – остатки этого племени 300 человек работают в этом заповеднике. В резервации Хавасю пай. Живет больше в парке.

Остальные Наваго и Хоппи — на востоке от парка, отдельно. Они занимаются скотоводством — стадн. овцы, земледелием, ирригационными работами. Несовер. механизация. Коров нет. Овцы, козы, лошади. Залежи урана и нефти нашли на территории резервации Наваго (70 т), фонд в 40 млн долларов, доходы от нефти, урана. Совет племени распределяет эти доходы. Сами работают в разработке богатств недр... Земля — общ. собственность племени. Сдают в аренду. (Каньон 20 км — в ширину от берега до берега.) Некотор. племенам разделили земли.

Всего 27 тыс. кв. верст. Глубина — один км 700 м (средн.). 2 миллиарда лет всем зоологич. зонам. Водятся козы, олени, архары, барсы. 2100 м над уровнем.

Внизу река Колорадо, мутная, бурная. Жағалай қарағай, соның дәнін индеецтер жейді екен бұрын... Жан-жақтан кішкене өзендер (тау өзені) ағып қосылып жатыр. Кей жерінде Колорадо тыныш ағады. Көп етек жазықтарда ұсақ түбір-түбір көк өсімдік. Каньонды мен развернутая страница истории земли... Земля разорвала чрево свое, развернула существо свое и мудрость, величие мироздания. Здесь в основном сухой чудесный воздух, все в первозданной нерушимой чистоте, здоровье (для больных). Земной коры все данности раскрыли в каньоне. Пик Пима, где мы стоим, 6750 футов. Пима (назв. племени).

Дом индейского типа Хоган, имитация, бревенчатая хижина. Хоппи Хауз — имитация.

Гостиница тастан, бөренеден салынған. Бірақ еденде тас болумен бірге өте жайлы, тамағы, асы жақсы — бар жерде поезда, самолётта осындай өте аз адамды шетте тамақ, күтім, аса бәрі өте таза, тәртіпті, мәдениетті, аса жайлы.

Индеецтер зергерлері істейтін күміс, ағаш, былғары заттардың магазинінде болдық. Аса жақсы білезіктер бар. 15 долларға бирюза орнатқан әдемі білезік алуға болатын. Мен оның орнына 6 долларға бирюза орнатқан әдемі жүзік алдым. Үйге аман-есен жетіп, Валя көріп күлгенше киемін. Ол мақұлдаса, қолымда жүре берсін, мақұлдасаса, өзі алып қолына салсын дедім жолдастарға.

Гостиницаға келген соң жағадан терең құз шатқа тағы көз салдым. Земля распоролась миллиардами своих лет.

Каньон 1918 ж. ашылған. Жылына 1 млн 200 мың адам келеді (гостиницалары, ресторандары айтқандай).

Бұнда құрғақ, қарағайлы ауа. Саушылыққа тамаша болу керек. Бірақ көп жерінің мол қарағайы сексеуіл тәрізді. Бойлары құп-қу, арса-арса, қабық жоқ, өте жырымданған, лақса болған. Мен оны бүгінгі қарағайлардың арғы атасы – предки сосны современной дейім.

Индейка қыздар ресторанда қызмет етеді. Кейбір жас қыздар тыста отырысты... шаштары қап-қара, бұйра емес...

Далада машиналар тағы да тіпті көп, сыймай тұрысады. Көзге көрінген кісі көп емес, бірақ келуші аз да емес екені байқалады. Ресторан, магазин, жолдарда тегіс жүргінші қыдырушылар бар.

Бізді күндіз демалуға жеке, кішкене үйлерге әкелді. Бұ да тып-тыныш, аса бапты. Ішінде таза туалет, төсек екеу. Біреуі екі кісілік. Екіншісі жалғыз кісілік. Бұл жақта да мүлде шыбын жоқ. Есікте темір тор, ауа кіреді, шіркей болады, кірмейді. Отопление паровое. Төсектер жандарында шам. Қасында өсте қалмайтын Библия.

Америкада ай қызық, төмен төңкеріліп тұр. Кешке бір кез шалқасынан еді, тропикке жақын себебінен.

Бұл жерде тас қора көп, жолдар, тротуарлар тастан төселген, аралары қоспа цемент болу керек. Өте орынды. Елсіз жыраққа мәдениет осылай да келе алады. Айнала бір этажды кішкене үйлер, екі этажды көк төбел үйлер, коттедждер көп. Бәрі мотель тәрізді осы гостиницаның жатын жайлары. Машиналар үйлер жандарында. Жолдар неше саты: алыс төменге кетіп, каньон арасынан да кетіп жатқаны да көп тәрізді. Тағы бір теңеу: Земля распоролась, планета наша распоролась своими миллиардами лет и всеми своими геолог. эрами дейім. Начальная эра Кембриджа 2 миллиарда лет.

Колорадо продолжает врезаться:

- а) самые старые скалы сохраняют свой лик;
- б) резкие разрывы;
- в) красн. известняк морского происхождения;
- г) слои моря;
- д) останки древних животных беспозвоночных;
- е) позвоночные;
- ж) следы ног, лап древн. животн.;

- з) рептилии;
- и) век динозавров;
- к) (мост через реку внизу);
- л) каждая зона имеет свои типичн. растения и животных.

Колорадо впадает в бухту Калифорния.

Индейцевтердің билерін көрдік. Магазин ішінде 5-6 индеец отырған орындар қызық (зрительдер). Бишілер жерде, ескі есіктен шықты. Барабан. 1) Екі еркек, екі әйел. 2) Жалғыз би ең знаменит. биі. Обручтермен биледі. Екі бүркіт биі, бүркіт қанаты. 3) Бастарына бояулы үлкен киімдерін кигендер, аса бояулы кейіппен биледі.

Сорлы елдің құрығаннан, құртылғаннан қалғаны – Хоппи руы... “Хоппи Хаузда” осы би болды. Кез келген жерде отырыстық.

Ақшаны кішкене табақшаға (плетеный) бәріміз еркімізше салдық.

Каньонда көп святыня аттары бар – храм Будды, храм Заратуштры, Шивы и др. Кеш батып, көлеңке көгеріп, қоюланып барады, ғажайып сәт.

Гостиница “Брайт-Анжл”. Біз түскен осы лодж. “Жилище светлого ангела” – “Эльтовар отель”. Екінші гостиница. Кешке Вильямсқа автобуспен келдік. Түн. Қарағай, қар – ай көмескілеу. Жол аса жақсы. 100-ге жуық километрді бір сағат 15 минутта өттік. Автобустар мүдірмей, бұдырсыз жолмен құстай ағады.

Вокзалға келдік. Поезд кешіккен, 1 сағат 40 минуттан кейін деп еді. Ол 11-15, артынан тағы 12 деді. Оған да келмей, 12.15-те келді. Америка поезы кешіге беретін тәрізді. Бұл күндерде әсіресе, үйткені шығыста суық, қар қалың. Вашингтон, Нью-Йорк бәрі суық, қарлы, ауыр жағдайда деп естігеміз.

Чикаго жолы осы жол – бұның бойында қар алған жерлер көп, үлкен қиыншылық деседі. Жол бойы, күн бойы қар болды, бірақ күнде, түнде жылы, +1-2 ден төмен емес тәрізді.

Түнгі сағат бірге таман поезға міндік. Вагон, орын кешегідей төсек, аса жайлы. Жақсы ұйықтадым. Таңертең сағат 9 1/2-де Феникс қаласына келдік.

7/Ш.

Феникс – 29 жылы – 30 мың, қазір 250 мың халқы бар қала. Әсем, мәдениетті, үлкенді-кішілі үйлер, машина көптен-көп.

Бұнда земледелие ең үлкен орын алады... 30% хлопок – кукуруза да бар. Штат – земледелие штаты.

Гостиница аса жақсы – 15 этаж. Біз әр этажға орналас-тық.

Фойе сәнді, отырған адамдар салмақты, шетінен мәде-ниетті, көрнекті ерлер, әйелдер. Келген жандар сып-сыпайы. Көктем шаруасы басталумен терістектен келген қонақ көп дейді гостиницада.

Жол қызық болды. Бұл, әрине, жырым жол дейтін өл-ке. Көп уақыт тасты қоңыр таулар, адырлар көп кездесті. Ол тұста жабайы түбірлер, шөл өсімдігі тырбақай түбірлер. Таулары жеке-жеке тасты биіктер, Доғалаң тәрізділер боп кетеді.

Бір сағат бойында жол жағасында кактус басталды. Веер тәрізді және столбтай – тырбиған қол, саусақ тәрізді түкті бұтақтары бар тік кактустер.

Кейін қалаға тақағанда егін өлкелері, далалары кетті. Әуелі тақталанған, майдаланған атызды плантациялар. Жолдар көп, бір ғажабы, сол жолдарда жаңағы елсізде, шөл медиенде жосып жүрген машиналардың тағы да көбі сұлу лимузин “Шевроле” – “Бьюиктер”. Анда-санда жайшылықтан гөрі көбірек тіркеулі грузовиктер көбірек кездеседі. Жүк тасушы көліктер және көшпелі вагон үйлер көріністі.

Гостиница, қала тіпті әсем. Тағы да машина, көп жағдай тамаша. Гостиница Нью-Йорк Вашингтон гостини-цасынан бір кем емес. Жерде кілем, сондай төсектер (екеу). Телевизор, орындық-креслолар барлықтары тегіс жылтыр, жаңа мінсіз. Әсіресе туалеттер тазалығы еріксіз сүйсіндіреді, алғыс айтқандайсың. Жердегі кілем түп-тұтас бір комната бойындай қоңырқай түсті. Фермерлердің үйі вагон іші, әр бөлме, әр коридор онсыз емес. Бұнда Америкада бар жерде сондай адам жағдайы. Қызметкер, байлар да лыпып тұрады. Бір үлгімен пішкендей біркелкі жанға жайлы өмір. Бұнысына, цивилизациялық, жалпы адамдық жайлы жағдайына еріксіз сүйсінесің. Ол жағынан қарағанда, бұнда, Америкада қала мен деревня айырмасы

жағы былай тұрсын, тіпті столица мен провинция деген, орталық пен аудан деген арасындағы айырмыс мүлде жойылған. Қала аралап келеміз.

Пять плотин на востоке собирают дожд. воду сюда через каналы.

251 тыс. акров земли. Есть еще насосы с колодцами. Город тоже из двух источников. Годовой режим дождя 7 дюймов. Одна треть всех сенаторов США в этом штате. Каждый месяц добавляются 2 1/2 тыс. новых жителей.

Нефть на территории резервации. В 1959 г. одно племя индейцев получило 30 тысяч за использование их зем. богатств. Это племя очень богато. Они живут отдельными домами. Дома примитивны.

Ун-г штата – в 10 км., в самом Фениксе два колледжа. Церковь методистская. Орошение разливами на территорию домов.

Животн. мясное, две породы. Апельсин. рощи, а была пустыня. Головное сооружение воды. Тоғай – тау шоқысы түйедей – оның аты “Түйе арқасы”, ресторан аты да “Түйе арқасы”. Главный канал из гор. Едем в пустыню. Тауда бұғы, теке көп. Бұғысы жерлік өсімдік бар.

Райская долина всей Америки известна – не освоена, тау бөктерінде, тауда үйлер көп, демалады отставкада, денсаулық үшін тұрады. Фениксте қызмет істейді – әртүрлі жандар. Много конезаводов, здесь гольф для живущих вокруг. Үйлер оңаша – бақтары бар.

Екі жұмадан соң пустыня көгереді (ал қазір көк), кактус гүлдейді.

Біз жол жүріп, көп қызық кактус аралап, бір атақты архитектор школына келдік. Бар Америкада атақты архитектор әйелімен осында тұрған. Райт – ең ірі архитектор (Американың). Жапонияда биік үй салған, жер сілкінісінде құламаған.

Идея такая, что все идет из горы, как часть горы и пустыни.

Началось в 1937 г. Камни из пустыни, строили студенты, идея его. 70 студентов и профессоров. 48 собств. студентов приезжают на 1 год. Средняя школа степеней не дает. Студенты приезжали со всего мира. Нет в мире нового стиля, где бы не чувст. его влияние. Умер в 59 г., в прошлом году. Приехал он в 1938 г.

Айнала тау. Дом как палатка, мебель. Түгел студенттер өз чертежі бойынша істеген. Жарық өте мол. Ширма, орындық креслолар, өз чертежімен шыны терезелер. Канада әйелі “Наш дом” деген кітап жазған. Ольга Ивановна Очиванни, аты, шашы қызық. Батумда гимназияда оқыған.

Бөлмелер іші жасыл. Сиреневый көк. Окна наклонные, шалқақ столдар, дивандар.

Театр, тас басқыштар, қызыл тюфяктар. Сахнада кілем, занавес бұрылып қабырға болады. Ақша, шығын өздерінікі. Өкімет тек налог алмайды. Тоқу (кілем), ағаш ісмерлігі, тас өнері — бәрі өздерінде. Архит. проект. Гавайский аралда дворец осында жасалған. Сан-Францискодағы бір жерде өкімет үйінің проекті зор. Оны Райт өзі жасаған. Қазір салынғалы жатыр.

Тамақты студенттер өздері істейді. Райт 10 жылда абстрактный живописі де айналдырған.

“Органич. архитектур” деп атаған. Надпись на стене театра — цитата из Лаотце “Эффективность здания зависит не от стен или потолка, но от пространства, которое внутри, где надо жить”.

Кинотеатр, терезе қызық. Үш бұрыш (үшкілі төмен караған), философская школа архитектуры.

Chavrolette Buchen reporter The Avizone Republic.

Кешке сағат 5 1/2-де пресс-конференция. Жүзден аса кісі бар. Әйелдер ерлермен бірдей столдар айналасында. Әркім әр нәрсе іше отырысады. (Шейфер хозяин.)

1) Пред. Шерлок мұнда: пресса, телевидение и радио.

2) Орысша (болгар) сөйледі. (Журналистер атынан.) Не дискутировать мы собрались. Падев.

3) Беккер.

4) Щипачев — жауап, түсінік. Сұрақтар: а) Неге Дж. Лондон даңқты? — Гончар жауап берді; б) Кісіні өлтіруге қарсы өздерің, интеллигенттер не істейсіздер? — Леонов жауап берді; в) Авторское право. — Щипачев жауап берді; г) Хрушев сөзі туралы; д) Б. Пастернак. — Щипачев; е) Классиктер туралы. — Мен жауап бердім; ж) Музыка... — Неге патриот әрекеттерге ала келді? — Щипачев; з) Музыка халықтан емес пе, әдебиет олай емес болмас па..? и) Үш орыс жазушысын атайсыздар ма? — Гончар жауап. — Упит, Лацис, Айни, Яновский, Ауэзов деді. — Островский, Макаренко, Фадеев. Шустер (издатель) печатал — начал с “Войны и

мира”, Симонов, Нилин и др; к) Журнал “СССР” туралы. – Мен жауап бердім.

Щипачев сұрақ берді, поэт жауап берді. Жалғыз жақсы поэттың атын атай алмады. Председатель Щипачевқа біз жауап бере алмадық деді.

Кешке адвокат Митчелдың шақыруымен қала сыртына қонаққа бардық. Жол бар қаланы аралап, “Түйе арқасы” дейтін тауды айналып, Райская долинаға шықтық. Сонда 7-8 га жері бар адвокат үйі. Үй тас, ағаш аралас салынған. Бөлме кең, аста кілем, дивандар. Бөлме төбесі қызық, ашық тақтай, қоңырға бояған және мәткелер. Қорасы кішкене, кірпіш жабылған, бірақ айнала үй бөлімдері – сол жағалаудың бәрі жеміс, гүл ағаштары. Бұнда үлкен апельсин ағашы пісіп тұр. Қаласын бұл жұрт Американың центрі, ең жақсы қала дейді.

8/III.

Бүгін біз резервацияға жол тартамыз. Бір сағат самолетпен ұшпақпыз.

Были два племени: Мохави, Шемухви (главн). Кроме них из др.: Хоппи, Навахо – всего 1800. “Колорадо Ривер индиан” – резервация (инд. резервация на реке Колорадо). М-р Хеверлен, Джон Диберн – глав. нач. американ. резерв. ...племен, м-р Хомер. Территория 250 тыс. акров (100 тыс. га). Летом на солнце 100%. Освоено – 40-50 тыс. акров. Возможность 150 тыс. акров.

Плотина Паркер. Город Блайд – все резервации, землепользование индивидуальное.

1282 человека в этой резервации и около 700 членов племени живут в других городах, местах. Они имеют право поселиться здесь в любое время.

Члены других племен не могут жить в этой резервации. Может купить или арендовать землю член племени.

Станция Испекуш для въезжающих. Плотина Нубер. Все земледельцы. Нанимаются рабочими электролинии.

Колорадо ағады – жер тастақ, құмайт, ұсақ-түбірлер көп.

Около плотины и город Паркер, там много магазинов для индейцев. Переехали Колорадо и в резервации. Каждое племя имеет своих представителей, а во главе – совет четырех племен. Есть и отд. прищельцы из других племен. Жері шеңгел, көк шеңгел.

Федеральная школа. Немного овцевод-во.

Жер қара шеңгел, сортаң (тек қамыс, жөк), как Қызыл-орда, таулар жазық.

В 1848 г. столкновения против белых. В 1864–1865 гг. пять племен созвал полковник Ник Клерс, сказал о резервации, чтобы не пошли туда переселенцы, но чтобы они не сопротивлялись переселению.

Племена согласились. Постон Чарльс – полковник амер. армии – отсюда резервация.

Но не все пошли в одну резервацию сюда, и они создали другие резервации, как в 5-м каньоне.

Жол – айнадай асфальт, бұдырсыз машинада жазып келемін осы жолдарды. Өрт салған – түтін (смок).

Землей пользуется как любой амер. фермер.

Плотина Хоппи в 1939 г. Жер егіле бастады. Ячмень, дыня.

Много уток, гусей. Хомер-Мохави как член совета, как председатель племен Хомер получает зарплату. Он не решает без совета всех племен. Он же председатель совета племен.

Пустой дом для сезон. рабочих. Совет племен из 9 членов избран. всеми индейцами. Собств. судья – выбран советом. Получает зарплату. Закон, кодекс создан советом, одобрен федер. пр-вом.

Школа. Директор – индеец Унтельбен Лео, 28 лет. Колледж учител., степень бакалавра искусств, ... и магистра.

1-класс Мохави балалары, кішкене стол, орындықтар, бір ғана (смесь), урок чтения “на ферме”. Книжки – пожар (слово) рисуют (6-летние) (исполнительность в этом). 2-класс – индейка (оқытушы көзілдірікті, ұзын бойлы, үлкен мұрын, аузы да үлкен, бірақ Америка әйелі).

Орындары бұнда басқарақ, таза, неон жарығы еркондиши тақталар жасыл, үшеу.

Шкаф. 5–6 класс бірге, орындықтар бір балаға біреу. Мохави бұрыннан осында, баяғыдан, ал 1865 жылдан резервация, әуелде шығуға болмайтын.

М-р Хомер в 1904 г. в 10 лет уехал на лошади, поймали, привели в школу (жил раньше дико).

Город Паркер. 3 $\frac{1}{2}$ тыс. жит. индейцев 5% учащихся.

Много. В Фениксе средняя школа № 90 до 10-го класса, в Калифорнии (дальше), затем в Канзасе.

Инд. колледж.

Играл в Голливуде в 18 карт. индейцев, арабов, индусов. Жил в Лос-Анджелесе, дочь родилась там. Сулу, узин бойлы, секретарь. Эйелі смесь – ирландской, голландской, индийской крови.

6 человек детей, дочь самая старшая, окончила университет. Имя Денис. Два сына, четыре дочери. Старший сын атлет, воин. 3 дочери замужем.

Индеецтер денелі, ірі. Маленькому не давали учиться. Родители говорили, для чего учиться, белые вас не примут в свою среду.

Нач-во занимается образованием, дорогами, ирригацией, отношениями с племенами (көше тағы жақсы, бассейн, кафеде мүз).

Администрации создают делегации, совет племени. Не занимаются ирригацией, земледелием. Сейчас они бедные, станут богаче, тогда государство не будет субсидировать. Всем не нужно будет федеральных начальников.

Жалованье учит. 5 тыс. долл. Открытая сцена. Бейсбол. Почти все индейцы имеют машины (авто). С/х машины – трактор, сеялки – тоже свои. Совет племени имеет от правительства кредитные системы под залог урожая.

Дом м-р Хомера в поле, зел. крыша, своя машина. Бақ жок, үй үлкен, тап-таза.

Фермалар аралаймыз. 1) Ферма орташарақ. Шаршы – акров 72, хлопок – 36 акров, пшеница, ячмень. Членов семьи трое детей. Работает сам. На окучку и сбор хлопка он нанимает...

Машины его: 1) трактор, сеялка; хлопок – сбор руками. Лошадь – имеет стадо 35 голов скота. Основной заработок хлопок. Примерно такие дает доходы – три тысячи в год. На землю налог не платят. Своя машина.

Дом – 2 спальн., гост., ванная, еще спальн., кухня. Это среднее хозяйство. Некоторые зарабат. 10-12 тыс. в год. Есть без участков – раньше владело племя. Есть малоземельные, безземельные. Можно продать землю инд-цу... Заграждение проволочное.

Бақ жок.

Колорадо протекает через 7 штатов, и спор из-за воды решается судом федеральным. Воды этой реки взять нельзя как захочешь. Она на учете.

2) Екінші ферма Билл Алкайда. Телевизор, төрт баласы бар. Әйелі сұлу... Бөлмелері үлкен емес, бірақ жақсы. ...Он член совета племени. Один из руковод. бюро фермеров. Средн. школа. Гостиная, спальная, кухня, мебель, әйелі индианка – сұлу.

Әр үйде кітап. Энциклопедия “Книга знаний” (детская энциклопедия).

Садов, фруктов нет. Много солончаков около дома, фрукты не растут. Бұл өте ірі, қызыл күрең, сұлу еркек.

Телевизорға, фильм (ковбой) көріп күледі, бір атқанда бесеуді құлатады деп, – индеецтер мазақ етісе күледі екен. Телефон үйінде.

3) Шофер жерін арендаға берген, енді жері жоқ. Кедей, 2-3 баласы бар. Жыртық шатыр, далада кеш, жүдеу. Бұл фермаға бізді кіргізбейді. Әкесінің фермасы нашар, о да арендаға береді. Тракторды жалдайтын орын бар.

4) Жақсы ферма. Он жылға кредит, 4% доходпен. М-р Лафун Улен әдемі жасыл бояулы кең үйі... Земли 80 акров и берет еще в аренду – всего 400 акров. 1) хлопок. 2) кукуруза. 3) огород (арбузы).

Еще служит в правит. учреж. істейді. 5 баласы бар, жасы көп, аттары ағылшынша – бұнда өз тілі жоқ.

Екі ұлы келді 8, 11-ші кластарда.

Бөлмелері көп – гостиная, үш спальня, екі ванна, әдемі кухня.

Үйді біз салмаймыз, компания договормен салып береді – содан 10 жылдай төлейді. (Жолда бассейн де көрдік.) Бұл фермада индеецтер бізге әдебиет туралы көп сұрақ берді... Фермер индеецтер де аз сұраған жоқ.

Журнал “Фермер” технич. Фермеры читают газеты, техн. журналы... Издания бюро с/х.

Теперь у нас телевидение, узнаем больше из него, – говорит.

45% кедей. Кәрілерсіз. Бір де депутат жоқ. О’Нил Савилла – жақсы әйел, деятель, бурыл шаш, совет мүшесі.

Кешке ескі кемпір-шалды көрдік. Кемпірдің иегінде татуировка – маңдайында да бар... Бас киімдері қызық.

Бұрынғы аса ұсақ дән, бір ағаш дәні бобовые стручки. Таспен үгеді. Осыдан нан істейді. Ол – тәтті.

Мұхтар Әуезов.

1960, март (9. III).

- 1) Феникс, “Вествард Хо” (на западе) (812).**
- 2) Вашингтон, “Стэтлер” (847).**
- 3) Бостон, “Шератон плаза” (аса жақсы) отель (478).**
- 4) Нью-Йорк парк, “Шератон плаза” отель (767).**

9/III.

Бүгін біз Вашингтонға самолетпен ұшпақпыз. Ұзақ жол аяқтауға жақын. Қайтыс сапардың өзінен басқа ендігі қалған жолда бүгінгі ұшудан ұзақ жол жоқ. Өзге жолдар қысқа-қысқа – аз сағаттық болмақшы.

Түнде біз резервациядан Феникске жақсы самолетпен келдік. Қанаты жоғары, отырар орындар, терезелері қанат астында ыңғайлы. Бұл самолет 40 минут ұшып жетті. Түндегі Феникс шынында ғажап көркем екен. От, әр түс бояулар тайталасы көз тұнжыратады. Өздері сондай әдемі шақпақ, қатар сызықтармен айқындай айшық салған... Қалада ағылған машиналар құмырсқаның сау илеуіндегі тізбек, үздіксіз тізбектей. Кеше бір әйел біздің қаланы түнде көрсе тамаша деп еді. Рас екен. Бұл бір ғажап штат, тегі.

Біз бүгін Вашингтонға екі самолетке ауыса мініп жеттік. Әуелі Далласқа дейін 3 сағат ұштық. Далластан асыға қарбаласып, екінші самолеттің орны сатылып қойса да, бес орын алып зорға міндік. Қасымызға еріп жүрген үш кісі қалып қойды орын жоқтықтан.

Алғашқы Далласқа дейінгі жол бұрын шөл болған жерлер мен таулар еді. Бірақ бар дала сәл мүмкін болған жерде ғажап ұқыпты егілген неше алуан өсімдік. Атыздар тақталары текшедей шаршы, сәнді, көркем қатарлар жасайды. Тауларында адам жайы ең көп жерлер мол-мол елсіз өлкеге айналады. Шынайы құлазыған елсіз көп-көп қоңыр таулар, адырлар. Өсімдік бәрінде де жоққа тән. Тек сирек, ұсақ, селдір түбірлер ғана байқалады. Бірақ осы ессіз қоңыр тауларда да ұзын-ұзын, түп-түзу автотрассалар жосып жатыр. Көп өлкеде бір жол емес, бірнеше трассалар көлденеңдеп қиялап, тау жоталап шұбатыла шырқап кетеді.

Далластан кейін өлкелер көбі анық көктем (ерте көктем – көксіз көктем) ажарын байқатады.

Самолетте Леонов, Гончар үшеуміз артқы орында отырып, көп әңгімелесіп алдық. Жолдың аяқтай бастауына орай әрқайсымыздың ойымызда осы сапар туралы қандай түйіндеріміз бар екенін айтыстық.

Қасымызға бірнеше американдар келіп, темекі тартқан боп сөзге араласты. Ұнаған жоқ. Кейін байқасақ, бәрі де бізді сынап, барлап жүрген кісілер тәрізденді. Әлі біздің жаққа жылынбаған күйлердің лептері тәрізді.

Екі халық арасын жақындату үшін көп жан көп жақсы, дұрыс, өнімді әрекет ету керек. Біріне бірін дұрыс, кең әділ танытуға талаптану керек.

Вашингтонға самолет отырар-отырмасы белгісіз боп келе жатты. Пилот Вашингтонда қар, бұлыңғыр болғандықтан басқа жерге қонуымыз мүмкін деп келді. Онда Филадельфияға қонамыз дегендер болып еді. Артынан стюардесса қыздар әлсін-әлсін Вашингтонға қонуға тырысамыз деп тыныштандырып жүрді. Артынан шынында Вашингтонға кеп қонатын болдық. Бірақ әуелі біраз крутить етіп қонамыз деді пилот микрофонда. Айтқанындай, айнала жүріп, кең, тамаша, жақсы қонды. Есте болсын.

Феникстегі архитектор аты: Франк Ллойд Райт. Жена Ольга Ивановна (Очиванни). (В Батуми гимназию кончила.)

Беседа Леонова в Калифорнийском ун-те. 1) О свободе творчества и др.

Біз “Сатлер” гостиницасына түстік. Жолда самолет ішінде кездескен адамдар болды. Қызметкер әйел мінді – есте боларлық жайлар.

10/III.

Бұл күн біз посольствода болдық. Вольский (советник), Сафинов сияқты үш-төрт кісімен әңгімелестік. Кейін магазиндер араладық. Кешке “Сафайр” деген киносурет көрдік. Ол қара текті, өзі ақ әйелдің өлімі жөнінде. Бұны жақсы көрген Давид деген студент жас жігіт ақ адамдар семьясынан. Оның күйеуге тиген анасы, әке-шешесі бар. Әкесі қаралардан жиренеді. Анасы да сондай. Қалыңдық қызды өлтірген – анасы, өлтірткен әке. Екеуі де Давид үйленіп қояды деп қорыққан. Үйткені қыз екіқабат болып қалған. Соны білісімен Давидке сездірмей, жаңағы туыстар

қыздан құтылу, мазақтан, ұяттан құтылу жолы осы деп өлтіріседі. Бұнда следователь жақсы ойнайды. Аса шебер түрде тергеу, зерттеу жүргізеді.

Он бірі күні таңертең Ақ үйде болдық. Мешітті көрдім. 500 адам бар. 18 посольство. Мәзін орнына микрофон репродуктор имам бар.

11/III.

М-р Уикспен ұшырасу. Телевизорға жазу үшін ол Бостоннан әдейі келді. Біздің топты телевизорға жаздырып түсірмек. Бұл жазылу дискуссия түрінде болмақ десті. Уик сұрақтар береді. Біз сол жерде жауап айтуымыз керек. Телевизияның бұл компаниясы просвещение “Знание” талабын мақсұт етеді. Орыс тілінің сабағын да осы компания жүргізеді. Бұл коммерческая компания да емес. Питтсбург компаниясы. Бұның передачаларын 45 станция қайталайды, көрсетеді. Сан миллион адам көреді, тыңдайды.

Қысқасы, м-р Уикс үлкен журнал редакторы, үлкен сыншы, зор атақты адам, аса үлкен достық көрсеткелі отыр. Біз бәріміз солай бағаладық.

Әуелі аз репитиция болды. Содан съемка басталды. Ең әуелі Уикс бізді приветствовать етті. Біз кезек алып сәлемдесіп, жауап қаттық (алғыспен). Содан кейін Уикс біздің әрқайсысымызды таныстырып өтті. Өз кемшіліктерін айтты. Біздің кітаптарды мұнда аз аудару айыптымыз деді. Содан соң ең алдымен Щипачевті таныстырды, шығармасы жағынан. Бір өлеңін оқуды сұрады, поэзия жөнін білгісі келетінін айтты. Щипачев алғаш сөйлегенде кібіртектеп, өлеңін тәуір оқығанмен, жалпы сөзін бәсең айтты.

Леонов туралы сұрағына қоса оның қай романдары аударылғанын айта түсіп, сұрап, екінші мәселе етіп соғыс жайын, соғыс жайындағы кітаптарды сөйлеп беруді сұрады. Жалпы соғыс сіздің Отанға орасан ауыр тиді. Оны бізде мұнда оншалық жете тани қоймайды. Осы тұста соғыс жарасын айта түссеңіз деп еді. Леонов өз кітаптарының аттарын анықтап айтып берді де, соғыс жайындағы біздің жазушылар жазған еңбектер жөнінде дәл оншалық жазыла кең, терең сөйлемеді. Ешкімді мақтаған, атаған жоқ. Фадеевті атаса болар еді, оны істемеді. Кейін сұрақ маған берілді. Тегі, бәрімізге сегіз минуттан бермек-ті. Менен фольклор жөнінде және “Абай” романы туралы сұрады.

Мен ол кісінің кең түрде интерес жасағанына алғысымды айттым (өз сөзінің соңында). Әуелі фольклор деп қазақ, қырғыз, өзбек, түрікмен, якуттарда екі традиция – үлкен жазба туғанын, Шекспир, Гете, Бальзак, орыс, американ классиктерін, өз тілдерінде оқумен, өз тілдерінде оригинал роман, пьесалар тудырумен қатар үлкен фольклоры барын айттым. Не знаящие традиции существования, буквально океан поэзии “Манас” екенін таныттым. Кейін өз романым “Абай” жайын, 26 тілде шыққанын, Парижде Луи Арагон аударғанын атадым.

Сәл 5 минуттық үзіліс болды. Онда “Манасты”, 25 конгрестің жайын айттым. Қызық әңгіме болды.

Үзілістен соң менен Абайдың өз жайын сұрады. Бұнда мен телевизор алдында 6 минуттай тағы ұзақ сөйледім. Аяғында өзімнің 15 жыл сол Абай туралы 4 том кітапты жазғанымды атадым.

Алғашқы сөзімді Леонов та, Гончар да, басқалары да өте жақсы бағалады. Соңғы сөзден кейін Гончар, бүгін бөрімізден артық сөз сіздікі болды деді. Гончардың өзіне жас жазушылар туралы, соғыс туралы сұрақ беріп еді. Ол жақсы жауап айтты. Бір-ақ рет сөйледі. Оның соғыс болмасын деген сөзіне Уикс біздің бөріміздің ойымыз сол, сіз бөріміз үшін айтып отырсыз деді.

Жалпы екі рет мен сөйледім, азырақ Щипачев сөйледі, тағы да ортаға шықты. Менің екінші сөзім де ұзақ, салмақты шықты десті. Жұрт жақсы бағалады.

Бұл жазу ең үлкен мәнді жазу еді. Тек осы үшін ғана келуге болушы еді. Оның аса жақсы өткеніне қуанамыз. Көлденең қарап тұрған американ кісілері бізге қалжындап, сіздердің әрі жақсы киноартистер екеніңізді жаңа таныдық деп әзілдеді.

Кешке посольство коллективі. Онда мен сөйледім. Щипачев баяндама жасады. Кеше телевизордан соң Уикс гостиницаға бірге келіп, алда Бостонда болатын істер планымен таныстырды. Жақсы ұшырасулар болатынын айтты. Келістік.

12/III.

Бүгін қол бос... Сәл қаланы араламақпыз. Қаланы аралап болып, түс ауа, сағат 4-ке Леонов екеуіміз “Ведро крови” деген комикске құрылған сұмдық фильм көрдік.

Герой – скульптор-битник. Битниктер клубында сақалды шешен проповедь сөйледі. Онда жұрт ішіп, ләйліп, әркім әр алуан түрде оригинальничать етеді. Герой сонда үнемі ішіп, ләйліп шығып жүреді. Бірақ үйде (оның семьясы жоқ), пәтерде скульптура жасайды. Жалғыз-ақ өзі өлтірген адамдарды лепить етеді. Өзі өлтірген бір әйелдің бет жүзін жасап отырып жылап та қояды, мастықтан. Кейін бір еркекті өлтіргенде круговая пиланың астына сап басын кесіп алып, шелекке салып алып, соны лепить етеді. Өзінің выставкасын жасайды. Бар адамы урод, сұмдық пішінді кісілер боп шыққан. Сол выставканы қараушы екі жуан сыншы бұл шындыққа қайту үлгісі деп бағалап жүреді. Бірақ қалыңдық қыз сұмдықты таниды, геройдан безеді. Ол қызды қуады, өлтірмек, жете алмайды. Ақыры өзін жұрт қуғанда пәтеріне қашып кеп, асылып өледі.

Бұндағы ел масқарасы – залдағы балалар. Оларға бүгін сенбі болған соң билет арзан, 50%, кішілері 25% төлейді және күндіз келулеріне болады. Біз дәл дерлік қызық сәтке келіппіз. Осы балалар өлім, қан, қазалар үстінде шаңқылдап, дауыстап күліп, сүйсіне рақаттанып, кейде ысқырып (сүйсініп), сурет аяғында қол соғып қарсы алды. Бұл көрініс – қас масқара. Көп ойға қалдырды.

Кешке сағат 10-да вокзалға кеп, поезға міндік. Нашар поезд, бірақ жатар орны жақсы, жайлы болды. Таңертең диваншаларын жиып қойғанда тіпті тәртіпті есеппен істелген вагон екені байқалды. Поезд тағы да бір сағат қырық минут кешікті.

Бостонда ең жақсы гостиница-отельге кеп түстік. Бұл мистер Уикстің қамқорлығы.

13/III.

Сағат 11-де м-р Уикс уәдесі бойынша қасына Американың ең атақты романисі Джон Маркингті ертіп келді. Лянш еттік. Гостиницаның ең жақсы ресторан залында 3 сағаттай әңгімелесіп, тамақ ішіп отырдық. Маркинг “Вашингтон” деген кітабын 1 миллион 300 мың тиражбен тарады дейді. Өз романымды пьесаға аударуда араластым, болмаса пьеса жазғам жоқ деді. Менің сұрағым – ең жақсы пьеса (соңғы 5 жыл ішіндегі) деп қай пьесаны айтар едіңіз деп едім, Онолдің “Путешествие в ночь” деген пьесасын айтады. Осымен екінші үлкен жазушы бұл пьесаны атады.

Нью-Йоркте пен-клуб орынбасары өзі драматург, өзі сыншы бір жазушы да дәл осы пьесаны атап еді. Бұл отырыста Уикспен жақсы әңгімелестім. Иова-Аит туралы аз сөздер. Уикс кейін жазатын ойларың, сындарың болса айтып кетіндер деп еді. Мен айтатын сөзім бар, кейін де толық айттым. Ең үлкені кеше өзіңіз де Вашингтонда атаған біздің кітап жайы. Біздің кітап жолы сіздерде тар. Әсіресе біздегі көп ұлтты елдер әдебиеті сіздерде жоқ. Ал олардың классикасы... эпосы... жаңа Гайаваталар берер еді. Америка оқушысы сөзсіз сүйіп оқыр еді. Сүйтіп, Азияны Америка жағасынан открывать ету — жаңа Американы американдарға ашу шарт дедім.

Сағат 5 $\frac{1}{2}$ -да Уикстің үйінде қонақта болдық. 20-дай адам. Коктейльге шақырылған. Екі сағат түрегеп жүріп, сәл-сәл отыра түсіп әңгімелестік. Мен Симонс дейтін, орыс әдебиеті туралы жазып жүрген сыншымен көп әңгімелестім. Уикспен де көп әңгіме болды.

Түнде біз синераманың жаңа программасы — “Обозрение южных морей” деген жақсы сурет көрдік. Онда Гвинея, Тасмания, Новая Зеландия, Австралия, Веллингтон, Сидней (2 млн халқы бар) сияқты үлкен қалаларды да көрдік. Ал теңіз, арал, табиғат таңғажайыптар.

14/III.

“Атлантук Монсли” басқармасында ұшырасу... Бұл ер, әйел қызметкерлерін шақырып таныстырды. Қалжың-күлкі көп, әйелдері өте көркем, сыпайы. Бұнда Слонимскийдің ағасы 1894 ж. туған пианист, композитор, зерттеуші болды. 50-дей кітап шығардым, інісімен көрісіп жүрем дейді. 1934 жылы болыпты Одақта.

Журнал сыртын сөз еттік. Совет әдебиетіне арнаған номерді сөз қыламыз. Өзімен 35 жыл бірге істеген издательство бастығын, өзінің көмекшісін таныстырды.

— Біз сіздердің ақ қағаздарыңызға көбіне қызығамыз. — “Новый мирде” де болған алғашқы өз кеңесін әңгіме қылды. Менен қазақ өлеңін оқуды сұрады. “Қараңғы түндегіні” орысша, қазақша оқып бердім. Орыс ақындарын Щипачев айтып еді, мен Тычина, Самед Вургун, Фафур Ғұлям, Зильфия төртеуін қоса атадым. Щипачевтен өлеңін оқуды сұрады.

Иесимити ағаштары туралы философ Эмерсонның жазғанын айтады. Жас жігіт Эмерсонға “сіз өзіңіз де” осы қызыл ағашсыз деген. Осы жас жігіт кейін Теодор Рузвельтті де сол ағаш түбіне қонып шығуға шақырған. Осы және сол ағаштардың қорғаушысы.

Щипачев Леоновтың тоғай туралы еңбегін айтты. Уикс: Ұдайы қайың тұрғанын көресіз Россияда дейді. Бізге терістік адамдарына туысқандай сезілді. Қайың туралы Щипачев орташалау сөйледі. Ең сұлу ағаш дейді.

Гончарға қарап арнайы сөз сөйлеп, соғыс жайынан пікір қозғады. Уикс Гончардың сөйлеуін сұрады. Гончар Хемингуэйдің жайынан бастады (Леоновқа қарсы). Стилист екендігі ғана емес, популярен особенно после войны, п.ч. наш читатель понял антимилитаризм, антивоенный гуманизм. Бізде де антимилитаристік кітаптар шыға бастады. Біздің прозада осы тенденция күшейіп келеді. “Судьба человека”, “Последний залп” Бондарева, Солоухин – “Владимировские участки”, Айтматов – “О любви”. Чингиз его имя. Соғысқа қарсы заңымыз да бар. Жақсы айтты.

Бізге сый есебінде Бостон туралы журналға келгені белгісіне сай шарф сыйлады. Совет-Америка гербтері бар. Қысылсандар, Америка жағын былай тығуға болады дейді. Күлкі.

Осыдан кейін бізді ляншқа бір өте жақсы ресторанға алып барысты. Жолда редактор орынбасары бұл ресторан бүкіл Америкада екінші орындағы жақсы ресторан деді. Бірінші Нью-Йоркте. Мынаның тамақ әзірлеуі өзгеше екен. Вино шери тәрізді, бірақ аса дәмді. Киев котлетін жасады. Әдейі Уикс заказ беріпті. Тәтті порцияларының екеуі де (бірі алдынан, бірі тамақ соңынан) ғажап болды.

Тамақтан кейін Уикс өзі машинасына мінгізіп, бізді теңіз жағасына, Салем қаласына алып барды. Бостон айналасында 44 қала бар. Бостонда 800 мың, ал 14 қала халқын қосқанда 1 млн 500 мыңдай. Сол қаланың бірі – Салем, Кембридж. Кембриджде Гарвард университеті – атақты университет.

Ал Салем тамаша, сұлу қала. Бұл моряк, капитандар қаласы. Теңізде жас шақтарында жүріп-жүріп саудамен байып алып, осында кеп Голландия, ескі Англия үлгісінде ғажап, сәнді, жеңіл екі қабат үйлер салып тұрып қалатын

болған. Бұл жерде бухта, кейін аса ауыр үлкен кемелер тоқтауға таяздау соққаннан кемелер тоқтамайтын боп, бұрын-ғы салмағы азайған. Бірақ халқы үйлерін бұрынғыша үйлердің бояуын өзгертпей, үлгісін бұзбай (міндетті түрде), қалпында (тарихи) сақтайды. Өздері Бостонға барып қызмет істеп қайтады. Әр үйдің крыльцосы, балконы, верандасы, башнясы әсем. Біреуі біреуіне ұқсамайды. Ал жалпы қала өзінің лицосы, өзіндік басқалардан бөлек бітімі бар. Бұл қала Фресно, Феникс емес. Олар ХХ ғасыр ортасының қаласы. Жалғыз этажды ең жайлы, гүлді, бақшалы, модерн стильде күншуақты қала жайлар. Мынау да күншуақты, бірақ екі қабат сәнқой, кербез. Өз заманындағы Голландия, Англия көркем, әсем қалаларымен тайталасқан. Сол жақтар, мемлекеттер қалаларын көріп жүріп, солардан үлгі де ала, тайталаса да салған үйлер. Кейін өздерінің Салемдік үлгі, стилін анықтап алып, 1800–1820 жылдан бері, 150 жыл бойында үй салушылар сол үлгіден аумаған. Ол ғана емес, өзге көрші кішкене қалалар, мысалы, “Голова мрамора” аталатын қала, бухтаға жақын қала осы Салем үлгісінде үйлер сала бастаған.

Теңізді әр тұстан көрдік. Кей жері тыныш, толқын жоқ. Ол бухта қолтығы. Кейін кеңірек көрінетін жерге шыққанда теңіз мол көрінді. Онда рифтер, тас аралсымақтар көп. Теңіз толқыны бастарынан кейде асып жататын жұмыр жота тастар.

Қайтыста бір жарым миль, $2\frac{2}{1}$ километрдей туннельмен жүріп өттік. Ол бухтаның астымен жүретін жол – қала қатынас жолы.

Кешке Шлезингер деген профессордікіне шақырып еді, мен барғам жоқ. Демалдым.

15/III.

Сағат 11-де атақты лабораторияға келдік. Бұл Кембриджде. 1200 сотрудников, 600 профессиялы, инженер, эконом. “Артур де Литл Инкорпорейтед”... Организация индустриальных исследований, лаборатория – одна из частей ин-та. Организована 80-летним Артуром Литлом. Сейчас это кооператив – участники и содержат. Деятельность очень широкая – и кофе, и сталь. Потенциал индустриального развития объекта не изучен. Обращаются страны Южной Америки, скажем, бумажные фабрики. Пакистан, Южная

Америка, Новая Зеландия и др. Сейчас рассматриваются очень слаборазбитые Пакистан, Индия, Бирма, страны Африки с правительствами этих стран. Это маленькая часть работы нашей компании.

Геологическое исследование не делают. Был два года в Бирме, узнавал там русских с их комиссиями. Мы занимаемся по вопросам идеи. Здесь абстрактное представление идеи – изображена в таблице, в графике, в разных красках.

750 профессоров, инженеров, мы на грани науки: биологии (иссл. научн.) пластмассовые фильтры, кожа, бумага. Топливо электроприборов в физике низких температур – жидкость в водороде, азот, все – газы.

У нас настоящая коммуна – работаем друг на друга, после налогов все идет в фонд – пенсия из этого фонда. Это необыкновенно. Мы только идеи разрабатываем.

Мен сұрақ бердім: әр ғылымда фантазия басшы. Сіздердің мына суреттеріңізде воображение араласпай ма? Олай болса, абстрактная живописьтің кейбір сызықтары сіздерде воображение ретінде араласқан жоқ па? Соған жақын воображение біздің бұнымызда бар. Абстрактная живопись суретшілері осы ғылымды білсе, жақсырақ сурет салар еді дейді.

Леонов әр еңбегімнің алдында сурет, сызықпен нобай жасауға тырысам деді.

Менделеев системасында частицалар қозғалысының таблицасын жасауға болды ма деді. Ол жасалған десті. Жауап – жарықтың скорості постоянная дейді.

Біз Канада, Юг бәрінде технология жөнінен кеңес береміз. Безработные некоторых отсталых стран обращаются к нам. О рабсиле, о рац. использовании, строений домов, о вывозе – планировка экономики – не детально; а) как распределить экономику. Поделиться с нами: мен сұрадым о пустыне и полупустыне – Жауап: очищение морской воды от соли, применяя природн. богатство в одной из южно-американских стран, проблема переселения индейцев из скудных в благоприятные страны. Но чтобы переселить, надо найти богатства р-на: минер., нефть, электрич. базы – показываем пути использов. остальных богатств. Иногда эти вопросы надо начать с самых простых, напр., в одной

стране пришлось дороги улучшить – укрепляли глиной и известняком.

Вторая проблема – недорогие, доступные дома для рабочих. Производство кирпича – земля со смолой. Еще дом с передвижной стеной. Экономнику начинать с самых простых вещей. Помогаем найти им рынок в стране.

Сағат 3 1/2-да атакты чех стеклосына музейге бардық. Екі немец, әке, ұл. Другие Уэл и его дочь ақы төлеген. Чехи из Боливии – Блашка Рудольф, отец и сын – до 1935 г. Умер сын.

Полмиллиона посетит. в год. Научное чудо в обл. искусства и худож. чудо в науке. “Тайна умерла, – пишут газеты, – но это правда – техника была известна стеклодувам тех времен”.

Леопольд – отец, Рудольф – сын, ум. в 1939 г. Отец в 1895 г. Здесь 900 моделей стеблей. Велич. цветение трав, ананасов – все для студентов. Цветение кактуса, 75 тычинок цикория. Динозавры – 75%, нашли 25%. От сети повисли, морской змей отобрали в Австралии 55-60 млн лет. В Квисленде в песчанике 42 фута, длину – 16 метров.

Гарвард университетінде кездесу басталды. Адам 40-50, көбі оқытушы болу керек. Ең алдымен Щипачев аз таныстырып, өлең оқыды... Сұраулары солай еді. Бастау үшін осы теріс болған жоқ. Көп өлең оқыды, бірақ үнсіз тындасты – тілді толық көпшілігі ұқпайтын болу керек.

Вопростар:

1) Леоновқа – Келешекте не жазбақ? Жауап – “Ворды” қайта жазғанын айтты.

2) Символикалық ерекшелік, сложная конструкция бар сізде, әлі де сүйтпексіз бе? Жауап – Оқу қиын болар. Мен кітап оқу еңбек деп білемін.

3) Кей адамды суреттеліп жетпегендей етіп қалдыру мүмкін дейсіз бе? Лабораторный вопрос. Брюсов туралы сұрақ. Знакома ли сов. поэзия? Асеев, Маяковский, Есенин – принадлежат ли сов. поэзии? Как оценивается Юрий Алеша? – Дороже ли книги у вас? – М. Горького как читают? – Он потерял прежнюю славу, упал интерес. – Не в моде? – Рассказы, романы не так блестящи. Однообразны. Известны только ранние рассказы и “Мать” (но почему “Мать”?).

Щипачевка вопрос: Кто любимый поэт современности? Одан қай пьеса, роман мен сұрадым. Пьеса Артура Миллера. Сэлэнджер “Ловец во ржи”, но это 10 лет. Генсен Вильямс – прозаик. Робер Фрост – несложный. О простоте в поэзии мен сөйледім.

Hatava Jakobson, Harvard University,
Cambridge, mass.

17/III.

ООН үйінде қонақта. Фрост 86-да. Обед дал Кордые, мистер Эдвард Соболев, Футт... – зам. Хаммерда.

Фрост...

Религии больше, певцов больше и свободы больше, и братство в мире итак больше, чем в организациях разных.

Больше поэзии, чем заключено в стихах.

Қоңыр, салмақты даусы. Не буду не справедлив к себе, если скажу, не принадлежу к этому братству свободы, чем религия и великое слово, которое я вобрал в себя, сказанное Аристотелем, “велико душе” – именно велико душе. С великодушием мы можем даже умереть, схватив друг друга за горло.

Я восторгался революциями, шел следами бунтовщиков Фросто. В моем доме портрет Джона Рида. Хотели, чтобы я убрал этот портрет. Но я был восхищен и сохранил этот портрет.

Не забыть самое главное – путают: музыка в музыке и музыка в поэзии, религия в религии и религия в науке.

Нашей стране, возможно, больше принадлежит религия в религии, в России – религия в науке.

Хаксли мне сказал на днях: “Сможет управлять не бог, а мы наукой будем управлять”.

Я ответил: раз мы успешно можем управлять будущим, хватит ли разума, чтобы остановиться на том месте, где стоим, где лучше живется без России. Что вам в этой жизни нравится?

– Я люблю красивые подъемы, красивые надежды (???)

– В тупик и разрешается.

Например, литература – был Брехт (Шекспир, Данте...).

Шекспир сделал знатных, а Данте в ад – Я люблю жизнь как она есть. Возможно, приезжает кровопролитие чем придет. Чудесно, что есть различия, не надо их стирать.

Сейчас русские гораздо ближе моему мышлению, чем было раньше. Не называйте сосуществованием – различие лиц – не по-дурачки. Великодушие к черту, терпимость, фанатичес. нетерпимость (расовая нетерпимость – обратная сторона ее). Вашингтон сказал: “Хуже всего фанатическая нетерпимость”. Аристотель сказал: “Самое высокое – великодушие”. Трудно отказаться от бога, хотя бы слова “бог” как фигуры речи.

Бір ауыз өлеңім бір жолы афоризм тәрізді. Добро, зло так долго существуют, потому что противоположны. Я больше всех обожаю Эмерсона (поэта) – прости мне, боже, маленькие мои грехи, а я прошу тебе все твои большие грехи передо мной (керек).

Адрес Габриэлла Азраэль:

4 Фрост Стрит.

Кембридж.

Массачусетс.

Gabriella Azrael.

4 Frost Street.

Cambridge.

Massachusetts.

В Н-Йорке в высотных зданиях 90% рабочих индейцы, причем многие получают 4 долл. 70 центов в час работы.

Кофе туралы менюде жазган:

Черный как дьявол,

Горячий как ад,

Чистый как ангел,

Сладкий как любовь.

Зерммеу

“МАНАС” – КИРГИЗСКАЯ НАРОДНАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Введение

Величественный эпос киргизского народа “Манас” ныне принадлежит к той категории замечательных памятников прошлого, которых Великая Октябрьская революция приобщила к золотому фонду общесоюзной, единой культуры братских народов нашей социалистической Родины. Сейчас этот эпос является достоянием не одного киргизского народа. Рожденный его многовековой духовной культурой, являющий собою высокохудожественное воплощение творческого гения талантливой народа – настоящий эпос переводится на русский язык. И так же он изучается не только в Киргизии силами только научных работников Киргизии, а наследует его широкий круг советских ученых разных национальностей в различных научных центрах.

В результате подобного разностороннего внимания и популяризации “Манас” по достоинству становится в ряды тех немногих шедевров мирового эпоса, о которых должно быть ведомо любому культурному читателю.

И теперь этому читателю известно о первых записях, произведенных в прошлом столетии казахским ученым Чоканом Валихановым, академиком Радловым. Известно также о первых полных и ценнейших записях, произведенных после революции из исполнений Сагымбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, и о записях отрывков из исполнений манасчи – Шапака, Жакшылыка, Тоголок Молдо, Молдо Басана и др.

Трилогия “Манас”, “Семетей”, “Сейтек”, образующая генеологическую поэму об отце, сыне и внуке, во всех записанных вариантах, в полных и сокращенных

исполнениях составляет уже подлинный океан поэзии. Общее количество всех записанных песен насчитывает один миллион двести тысяч стихотворных строк.

Причем только первая часть этой трилогии, т.е. один “Манас”, за четырехлетнее исполнение истинного Гомера нашей эпохи — Сагымбая Орозбакова составила 250 тысяч строк. Все записи данного эпоса во всех известных нам исполнениях свидетельствуют об одной устойчивой, давней традиции в отношении словесно-поэтической формы, а именно об исполнении поэмы только в ритмизованном стихотворно-песенном размере. Киргизскому эпосу не свойственно прозаическое повествование даже хотя бы в виде связующих отдельные эпизоды или циклы кратких вставок.

Как нашли в настоящем монументальном творении веков свое отражение исторические судьбы, социально-экономический уклад, правовые, бытовые нормы, идеологические воззрения, психика народа и различных его социальных слоев, много различных эпох, так же широко, изобильно представлена речевая культура — языковое богатство, речетворчество и песнетворчество самого народа. Мы имеем дело с тем незаурядным памятником, работа над которым во всех своих видах и этапах представляет собою огромную, сложную задачу.

Первый из этих этапов научно-исследовательской работы составляла запись всех имеющихся в репертуаре современных эпиков — джомокчи и многих рапсодов — ырчи песен настоящей героической эпопеи. Второй этап — параллельно или вслед за первой работой следующая — собственно исследовательская работа над текстами. Третий вид наших задач представляет изучение вопроса о сказителях — изучение характера и особенностей репертуара отдельного певца и традиций различных поэтических школ.

Запись отдельных эпизодов, сокращенных редакций и полных вариантов ведется, как известно, начиная с 50-х годов прошлого столетия. Эта часть работы сейчас считается в основном завершенной. Лишь в целях сравнений, проверки и сличений текстов разновременных исполнений производится частичная повторная запись у отдельных старейших певцов.

Одной из главных задач Киргизского филиала Академии наук СССР и его Института языка и литературы и истории, руководящих всей научно-исследовательской деятельностью по “Манасу” в Киргизии, является публикация записанных текстов. И эта работа осуществляется в течение ряда лет в разных видах. Во-первых, выпущены на киргизском языке серийные издания больших эпизодов из различных циклов “Манаса”, “Семетей” по вариантам Тыныбека, Сагымбая, Саякбая и др. Во-вторых, готовится силами научных работников Института и членов редколлегии “Манаса” многотомное академическое издание полных вариантов Сагымбая, Саякбая. В-третьих, подготовлено к изданию на киргизском и русском языках (в объеме 20 п.л. каждое) прозаическое изложение содержания всего эпоса по сводным вариантам нескольких крупных эпиков. В-четвертых, обращая серьезное внимание на публикацию “Манаса” на русском языке, для союзного читателя изданы в 1941 г. в переводе Семена Липкина и Марка Тарловского главы из “Великого похода” по варианту Сагымбая. А в 1946 г. издан более полный вариант части “Манаса” — “Великий поход” в переводе С. Липкина, Л. Пеньковского и М. Тарловского по сводному тексту Сагымбая и Саякбая. Каждое из этих изданий на русском языке снабжено соответствующим предисловием, вкратце знакомящим русского читателя с киргизским эпосом в целом.

По типу последнего полного художественного издания “Великого похода” будут и в ближайшие годы издаваться на русском языке отдельные значительные циклы эпоса, как-то “Поминки по Кокетею”, “Рождение и детство Манаса”, “Семетей” и др.

При издании полных вариантов “Манаса” предстоит нелегкая, весьма ответственная задача умелого редакторского обращения с наличными текстами, с противоречивыми в них данными внутри одного варианта и особенно с наслоениями самых поздних времен, чуждыми народному духу всей поэмы, т.е. искусственными напластованиями реакционно-тенденциозного характера, явный след поздних наслоений указанного характера носят на себе отдельные зачины и концовки в варианте Сагымбая. Несомненно, что подобные искусственные новообразования должны быть сокращены в варианте Сагымбая и др. певцов.

Полное издание должно включать в себя обстоятельные сведения о сказителе каждого варианта, о его предшественниках внутри одной школы и об отличных традициях, и об особенностях данной школы, о репертуаре певца в целом, об условиях последнего исполнения и записи.

Здесь же в примечаниях и комментариях должны быть научно объяснены факты эпоса, близко сходящиеся с историческими данными из прошлого киргизского народа, с его этнографией, верованиями, социально-историческим укладом, хозяйственным бытом самого народа.

Помимо перечисленных задач, связанных с работой по записи, редактированию, публикации текстов, особняком стоит вопрос о научно-исследовательской работе по эпосу в целом.

И настоящий сборник посвящен именно этой кардинальной задаче. Здесь впервые предлагается вниманию читателей, исследователей фольклора собранное воедино значительное количество исследовательских статей по “Манасу”.

При этом большинство помещаемых здесь материалов публикуется впервые, несмотря на то, что часть их написана авторами много лет тому назад. Редакция настоящего сборника, помещая труды исследователей различных отраслей знания, а именно историков литературы — фольклористов, историков, этнографов, лингвистов — преследует цели показа в целом поисков и достижений — манасоведения в прошлом и в наше время.

Один из величайших памятников изустного народного наследия “Манас” ждет своего разностороннего, научного изучения со стороны советских ученых. Давно пора от первоначальных общих высказываний или от отдельных разрозненных специальных исследований по поводу частных проблем перейти к серьезным попыткам создать солидные монографии об эпосе. А подобные капитальные труды могут созреть на основе накопленного предварительного научного материала в виде исследовательских статей на различные темы, по различным проблемам изучения, объяснений такого явления, как настоящий эпос.

Помимо тех ценных, новых и важных для манасоведения сведений, положений и мыслей, которые включают в себя

помещаемые в данном сборнике статьи, они же обнаружат перед новыми капитальными исследованиями, кои должны составить следующий этап развития науки в данном направлении, еще пробелы должной научной постановки задач дальнейшего исследования. Сборник, объединяющий исследовательские опыты специалистов различных отраслей науки, основной своей задачей намечает выделение и посильное объяснение ряда существенных проблем научного освоения “Манаса”.

Кроме того, в сборнике исследователи найдут пути развития манасоведения, отраженные в статьях. Надо подчеркнуть при этом о том обстоятельстве, что этот путь свидетельствует о замедленном, затрудненном ввиду неизвестности полного текста многим исследователям, недостаточно широком развитии научной мысли.

Материал сборника свидетельствует о том неизбежном этапе научного освоения незаурядного литературного памятника, когда при наличии многообразной широты и сложности самого литературного явления не сразу охватываются основные, кардинальные темы. Не широкое и глубокое всеобъемлющее русло прокладывает себе наука, а задерживается она на боковых дорожках, на истоках начальных исследовательских мыслей и на поисках ограниченных, частичных, порою даже случайных путей изучения.

Неизвестность полного текста и даже основных сюжетных элементов героической эпопеи определила характер высказываний первого исследователя “Манаса” Чокана Чингисовича Валиханова. Правильно определив своим метким взором по первому впечатлению эпическую широту “Манаса” и наименовав его “степной Илиадой”, а также отметив значение эпоса для киргизов как энциклопедии их жизни в прошлом, Ч.Ч. Валиханов все же не знал, насколько истинно энциклопедически широк, обилен и многогранен в своих героико-бытовых действенных сценах, в словесно-поэтической конкретности, в своем бытовании среди слушателей эпос “Манас”.

Гораздо больше возможностей знакомства с условиями исполнения, с текстом имел акад. В.В. Радлов.

Им-то и высказаны ценнейшие мысли о важности изучения “Манаса” с его живыми эпическими традициями

для научно-теоретических выводов не только по данному памятнику, но вообще по эпосу мировому.

Его личные наблюдения и свидетельства об изменчивости текста в зависимости от условий исполнения у настоящего “манасчи” остаются существенно важным фактом для исследователей. Его роль в ознакомлении исследователей-востоковедов с “Манасом” как важнейшей находкой своего времени огромна, благодарная роль.

Но в определении жанрового деления киргизского фольклора В.В. Радлов не учел весьма характерную особенность в составе эпоса, записанного им же самим. Имея в своем варианте ряд бытовых, лирических песен в виде плача (кошок), прощания (керез), несущих значительную сюжетную функцию в поэме, он делает заключение о том, что лирический жанр якобы слабо представлен в киргизской устной поэзии. Между тем, в пору радловских записей весьма важно было бы произвести специальное наблюдение о взаимодействующих связях эпоса с жизненными, лирико-бытовыми, обрядовыми песнями.

Другим важным упущением В.В. Радлова является его полное умолчание по поводу сказителя. Судя по величине сделанной им записи трилогии (в объеме почти 14 тысяч стихов), он находился в долгом общении со своими джомокчи. Между тем до сих пор для нас остается неизвестным имя этого талантливой и, несомненно, крупнейшего эпика шестидесятых годов. Следуя господствовавшим в ту эпоху воззрениям буржуазных фольклористов о том, что эпос, как и все другие жанры устной поэзии, принадлежит к категории коллективной поэзии, что индивидуальное творчество сказителей не суть важно для исследователя, Радлов оставил анонимным и своего современника-сказителя. Верно охарактеризовав повод привнесения певцом новых мотивов о белом царе, ученый ничего не сообщает нам о его репертуаре, о его учителях-предшественниках, о жизни и индивидуальной поэтической манере исполнения певца.

Но несмотря на эти упущения работа акад. Радлова по записи, переводу на немецкий язык, популяризации эпоса среди русских востоковедов еще в 60-х годах прошлого столетия по справедливости должна быть оценена как самый благодарный почин русского ученого в неначатой

новой области. Общие научные взгляды и соображения, высказанные им в предисловии к его V т. “Образцов”, питали долгое время научную мысль прошлого столетия да и в советский период изучения фольклора, этнографии киргизов, казахов и др. сходных им родственных народностей Сибири и Центральной Азии.

В настоящий сборник включены упомянутые здесь высказывания Ч. Валиханова и предисловие Радлова, как первые труды русских ученых-востоковедов, заложившие основу научного изучения киргизского эпоса.

За появлением этих работ наступает длительный перерыв в изучении “Манаса”. Долгое время тюркологи упоминают о нем в своих общих обзорах, цитируя или перелагая части мыслей Радлова, Валиханова об этом памятнике. Лишь после Великой Октябрьской революции, с усилением широкого и глубокого интереса к наследию всех братских народов Советского Союза, постепенно зарождается и начинает широко и разносторонне развиваться исследовательская работа над имевшимися и записанными вновь вариантами эпоса.

Первым советским ученым, обратившимся к записи Радлова и его исследовательским мыслям, является покойный тюрколог П. Фалев. Исследователь-литературовед, он вносил в тюркологию новые принципы изучения памятников прошлого с позиции историка литературы. Это было новым начинанием в отношении изучения фольклора восточных народностей. Большинство исследований до него рассматривало эпос, фольклор этих народов главным образом как иллюстративный материал к этнографии, истории, лингвистике и т.п. П. Фалев в своей краткой, но ценной по новизне подхода к памятнику статье (журн. “Наука и просвещение” за 1922 г.) “Как строится каракиргизская былина” сосредотачивает свое внимание на вопросах поэтики в киргизском эпосе.

Весьма ценным у П. Фалева нужно считать его указание на необходимость сопоставлений киргизского народного эпоса с орхонскими надписями, в которых он правильно подмечает особенности, сближающие их с народным творчеством.

Его сопоставления зачинов радловского варианта “Манаса” с началом надписи на памятнике Кюльтеги-

ну убедительны не только в отношении разбираемого им варианта, но применимы и ко всем позднее записанным вариантам.

Спорным в данной статье остается односторонний, формальный вывод автора по поводу рифмы и особенно строфики эпической песни. Выделение им двустихий и трехстишных строф и вообще предположения его о наличии строф как устойчивых сочетаний в “Манасе” ошибочны. В данном изустном произведении стих подчинен принципу тирадного объединения изменчивого количества стихотворных строк, где рифма как конечное созвучие чередуется и заменяется часто созвучными звуковыми сочетаниями начала строк. Кроме того, трудно сделать правильные выводы о законах рифмования в данном эпосе, когда наблюдения автора ограничиваются лишь ограниченным количеством стихотворных строк.

Следующей по времени написания является публикация в печати, впервые в данном сборнике, статьи казахского писателя и литературоведа М.О. Ауэзова “Манас” — киргизская народная героическая эпопея”. В первой своей редакции она была написана автором после его ознакомления с записанным новым, полным вариантом “Манаса” в исполнении Сагымбая в 1930 году. Доработанная по части уточнения даты возникновения “Манаса”, эта статья была представлена автором в распоряжение редколлегии “Манаса” в 1937 году. Последняя доработка автора, сделанная им в 1947 году, касается того же раздела о времени возникновения эпоса с новыми обоснованиями исторической точки зрения автора по поводу истоков эпоса, связанных с историей, социально-экономическим бытом и обусловленными ими традициями фольклора киргизского народа. Ценность настоящей статьи заключается в том, что М.О. Ауэзов, следуя примеру русских ученых — акад. Шахматова, Гильфердинга, Ончукова, бр. Соколовых и др., а также исходя из принципов советской фольклористики — впервые изучение киргизского эпоса начал с вопроса о сказителях. Первые сведения о крупных сказителях прошлого — Кельдибеке, Балыке, Тыныбеке и др. записаны М.О. Ауэзовым. Он же дал краткую биографию Сагымбая, дополняя ее сведениями о репертуаре

певца и подробным освещением условий последнего долгого исполнения “Манаса” этим крупнейшим манасчи.

Обращение внимания исследователей на роль сказителей “Манаса” в указанной статье М. Ауэзова способствовало в дальнейшем еще более тщательному и полному изучению жизни, репертуара и особенностей поэтических школ последующими исследователями, как: К. Рахматуллин, Байджиев, Бектенов, Абдрахманов и др.

Другим ценным свойством статьи М. Ауэзова является применение автором к данному эпосу методов историко-литературной науки по линии анализа тем, композиции, идеи и образов, словесно-поэтического стиля и особых приемов индивидуальной творческой манеры сказителя Сагымбая. Не только в отношении киргизского эпоса, но и вообще на почве изучения образцов фольклора среднеазиатских народностей не было, за исключением отдельных частичных наблюдений П. Фалева, исследований памятников с точки зрения историко-литературной науки.

Статья М. Ауэзова представляет собою положительный пример постановкой проблемы необходимого разно-стороннего изучения “Манаса”, являющегося, прежде всего, памятником литературно-творческим, как литературного факта в первую очередь.

Еще одну положительную сторону данной статьи составляет стремление автора изучать эпос не изолированно от истории, особенностей жизни, быта народа, а в возможно тесной взаимодействующей сложной связи эпоса с жизненной исторической средой его формирования и бытования в веках.

Но постановка указанных здесь проблем в пределах данной статьи не получает своего исчерпывающего завершения. Статья, ограниченная рамками лишь одного сагымбаевского варианта, не охватывает в целом проблем стиля киргизского эпоса в широком смысле этого понятия.

Работа М. Ауэзова, написанная без сопоставлений литературно-художественных особенностей, расхождений, индивидуально-стилистических приемов изучаемого им варианта с другими полными и не полными вариантами, — лишена выводов обобщающего значения. Она носит характер весьма

ценных, проблемных, но, неизбежно, только начальных научных наблюдений.

Мысли автора статьи о времени возникновения “Манаса” сходны с мыслями историков-исследователей “Манаса” – А.Н. Бернштама, К. Рахматуллина, У. Джакишева, Валитовой и др. Утверждения этой группы авторов, и в том числе М. Ауэзова, относящих время возникновения “Манаса” к так называемой “эпохе киргизского великодержавия”, хоть и приобретают все большую убедительность с продолжающимися поисками в этом направлении А.Н. Бернштама и М.О. Ауэзова, но оспариваются другими авторами, представленными в данном сборнике своими статьями (Берков, Самарин), и особым исследованием члена-корреспондента Академии наук СССР В.М. Жирмунского – “Введение в изучение “Манаса””.

За последнее десятилетие проделана существенно важная по изучению “Манаса” работа, ныне покойным, молодым ученым Киргизии Камилем Рахматуллиным. Его статья “Творчество манасчи” по-настоящему расширяет наши знания о сказителях эпоса.

Киргизские исследователи “Манаса” К. Рахматуллин, Т. Байджиев, З. Бектенов стали за ряд лет тщательного изучения текстов всех вариантов огромной трилогии авторитетными знатоками текстов ее.

К. Рахматуллин в помещаемой в настоящем сборнике своей статье дает наиболее полные сведения обо всех известных в манасоведении сказителях прошлого и настоящего времени. На основе собранных им лично биографических и справочно-исторических данных о специфических понятиях, особенностях среды сказителей, о фактах общений, заимствований, унаследовании репертуара одних манасчи другими, К. Рахматуллин впервые убедительно устанавливает наличие трех школ эпиков, сосуществовавших по крайней мере за последнее столетие.

Другим важным данным исследования К. Рахматуллина является его сопоставление двух основных вариантов Сагымбая и Саякбая как двух наиболее ярких и талантливых представителей различных школ. Установленные им факты совпадений и сюжетно-композиционной разницы

этих вариантов вполне точные, и дают для исследователей ценный материал в весьма существенных для манасоведения вопросах.

Но, к сожалению, в работе Рахматуллина вслед за установлением наличия школ и разницы двух полных вариантов не поставлена весьма существенная проблема необходимости определения наибольшей древности вариантов той или иной школы и степени соответствующей близости их трактовок отдельных циклов к ранним вариантам. Еще большую неудовлетворенность вызывает отсутствие характеристики идеологической направленности того или иного варианта, характеристики, определившей степень близости их к народному пониманию героики и героических свойств основных образов. При таком анализе было бы существенно указать и на моменты, отдаляющие известный вариант от народных представлений. Было бы благодарной задачей сделать попытку установить исторические эпохи и социально-исторические поводы к привнесению в эпос новых классово обусловленных идеологических наслоений поздних эпох.

В связи с подчеркиванием данного пробела в работе К. Рахматуллина редколлегия “Сборника” считает главной задачей дальнейшего исследования “Манаса” установить эти поздние наслоения в наличных вариантах и объяснить научно-критически обуславливающие их социально-исторические причины. Такое изучение “Манаса” вполне соответствует самой природе данного эпоса, бытовавшего в устах до недавнего времени и в силу чего являвшегося и памятником минувшего и частичным отражением психоидеологии различных социальных слоев слушательской среды и самих манасчи, испытывших на себе ту или иную степень влияния этой среды. Это тот памятник фольклора, органическая, жизненная, реальная история зарождения, развития, изменений, доработок которого в эпохах сопутствовала в основном реальной истории киргизского народа с древнейших времен до наших дней. Тем более это необходимо помнить манасоведам исходя из того факта, что самые полноценные, художественно значительные варианты записаны из уст сказителей наших современников, за которыми мы безусловно признаем

моменты индивидуального, личного сотворчества в их недавних исполнениях.

Нужно при всех изысканиях отчетливо сознавать эту разницу эпоса “Манас” от древних надписей на камнях. Последние – застывшие, зафиксированные только однажды, памятники древности. А “Манас”, отражая и данные этих надписей, жил как любой живой организм, начинающий свое существование с эмбриона и достигающий в отдельных видах размеров исполина. Нельзя поэтому ограничить свой подход к нему пониманием его только как факта прошлой, тем более далекой истории.

В этой особенности данного эпоса заключена вся сложность проблем его изучения. Но в той же сложности, специфической истории и природе его – наибольший интерес для советской науки, вооруженной марксистско-ленинской методологией, – объяснить сложный комплекс превалирующих народных основ в многослойном, противоречивом сочетании и переплетении с чуждыми этой основе напластованиями.

В научной разработке указанных выше социально-исторических проблем эпоса в возможно тесной, преемственной связи с историей киргизского народа должна придти на помощь историческая наука. В области изучения “Манаса” с этих позиций уже много проделал своими широкими продуктивными поисками, эрудированный историк, специалист по истории народов Средней Азии, особенно по истории киргизского народа, А.Н. Бернштам. Помещаемые в нашем “Сборнике” его статьи – “Эпоха возникновения киргизского героического эпоса “Манас” и “О происхождении имени Манас” – представляют собою только часть его разносторонних исследований, высказываний как по истории киргизского народа, так и по вопросу о “Манасе”.

Вооруженный солидными знаниями в области археологии, этнографии, источниковедения, А.Н. Бернштам привлекает в свое исследование “Манаса” данные также китайских летописей, китайской истории.

Отнесение им эпохи возникновения первоосновы былины к IX веку воспринимается как наиболее убедительная точка зрения многими исследователями “Манаса”.

Вслед за этими мыслями, высказанными им и М. Ауэзовым одновременно, А.Н. Бернштам в ряде своих исследований гипотетически допускает возможным назвать и героя — прототипа Манаса в истории киргизского народа. Его версия о Яглакаре как исторической параллели образу Манаса является смелым утверждением историка, хоть и вызывает возражения отдельных крупных востоковедов, как С.Е. Малов, В.М. Жирмунский и др., не лишена научного основания. Если даже согласиться с его оппонентами, признающими слово Яглакар не как собственное имя, а как обозначение или эпитет к неизвестному имени победоносного военачальника, и то остаются убедительными доводы А.Н. Бернштама о деяниях этой не названной в источниках личности, деяниях, давших повод возникновению первых героических легенд, песен о нем.

Безусловный научный интерес представляют его мысли, определяющие основной характер эпоса как народного творения, воспевающего не “династическую историю”, а героику “племен” и их героев в эпоху становления племенных союзов, военной “демократии”.

Не вызывают споров также его деления основных элементов эпоса на мотивы сказочно-лирические, на легенды и предания “центрально-азиатского” масштаба с привнесением в эту группу элементов, мотивов древней версии об “Огуз кагане”. И особенно ценно и убедительно выделение им как наиболее яркого элемента эпоса трех групп исторических событий, отраженных в виде походов Манаса в эпосе. Это походы сибирско-монгольские, среднеазиатские и походы в Восточный Туркестан.

Не в пример другим, отдельным исследователям, объясняющим события в “Манасе” лишь фольклорно сходными мотивами эпоса и сказаний далеких веков, отдаленных от киргизской народности, догадки А.Н. Бернштама связаны с непосредственно близкой к киргизской истории и к сознанию манасчи этнической средой более близкого окружения — ведь с ней действительно могли быть исторически связаны и события эпоса, и мотивы заимствования, взаимовлияния в его составе.

Прав А.Н. Бернштам и в своих выводах, оценивающих “Манас” не только как выдающийся памятник народно-

художественного творчества, но и своеобразную историческую повесть о борьбе за независимость киргизских племен, так же законен и другой его вывод о том, что “в основе эпического “Манаса” стоит конкретно-исторический образ руководителя киргизского народа в 820–847 гг., борьба которого носила освободительный характер”.

Не увлекаясь односторонне историческими положениями, а расценивая эпос прежде всего как факт литературный, А.Н. Бернштам отдает, однако, большую дань якобы доисторическим элементам, сказочно-мифическим мотивам, расценивая их как самые ранние элементы в составе эпоса.

Этой точки зрения придерживаются и другие исследователи эпоса – П.Н. Берков, В.М. Жирмунский, Г.А. Самарин. Наличие мотивов сказочно-фантастических, мифических не отрицается никем из исследователей “Манаса”, но отнесение их к самому древнему слою эпоса весьма спорно ввиду того, что мифы, зародившиеся на киргизской почве и заимствованные в ранней или поздней истории народа, не обязательно должны составлять самый древний слой эпоса. Они могли быть наслоены на любую историческую, реальную основу, темы и сюжеты и в поздние стадии бытования эпоса. Так, известно отдельное от “Манаса” существование сказок об “Ер Тоштюке”, о “Кожа Жаше” с долгими странствованиями первого в подземном царстве и с описаниями приключений легендарного меткого стрелка-охотника во второй сказке. В отдельных вариантах “Манаса” (у Саякбая) Кожа Жаш как меткий стрелок, противник Манаса, включается и в эпос. А Ер Тоштюк как сын Еламана фигурирует во многих вариантах “Манаса” как один из семи ханов-вассалов, подчиненных Манасу, и он же упоминает о своем пребывании в подземном царстве.

Можно ли, исходя из этих данных эпоса, полагать, что эти сказочные, мифические мотивы составляют собою более древний элемент, чем мотивы героики самого Манаса в составе данного эпоса? По-нашему, нет основания полагать так, а научно вернее отнести их присутствие в составе “Манаса” как позднее привнесение ранее известных сюжетных схем в эпос, надо помнить о том, что данный эпос как господствовавший жанр вбирал в себя, в своем

многовековом разрастании буквально все наиболее значительные темы и сюжеты когда-то параллельно существовавших или предшествовавших ему известных произведений.

Не следовало А.Н. Бернштаму, следующему в своих поисках принципу исторического воззрения на эпос, решаться на компромиссное объяснение состава эпоса, начиная с якобы наиболее древнего мифического элемента. Эта точка зрения при последовательном раскрытии ее положений ведет к объяснению многих моментов тематики и сюжета эпоса мифологически. В конечном итоге она ведет к отрыву эпоса от его жизненно-исторической почвы и среды, а также противоречит основным, правильно направленным историческим поискам самого А.Н. Бернштама.

От трудов историков, изучающих “Манас”, естественно было ожидать обоснованного раскрытия, наряду с упоминанием исторических событий отдельных эпох, также и социально-исторической обстановки, а также идеологических воззрений различных социальных слоев, хотя бы поздних эпох, влияния которых могли просочиться в разной степени и оттенках в изучаемые нами варианты.

В статьях А.Н. Бернштама, посвященных специальным, отчасти полемическим темам, мы, к сожалению, не встречаем ответов на упомянутые вопросы.

За последние годы в изучение “Манаса” включился еще один литературовед, видный исследователь русской литературы и литературы братских народностей Союза П.Н. Берков. В “Сборнике” помещаются его статьи: “Идея родины в “Манасе”, “Современное состояние и перспективы изучения эпоса “Манас” и “Материалы библиографического указателя литературы о Манасе”. Последняя статья П.Н. Беркова представляет собою исключительно важный и необходимый для каждого изучающего “Манас” вспомогательный научный материал, объединяющий в настоящем виде все написанное по данному эпосу до сих пор. Она же существенно дополняет содержание “Сборника”, ставящего своей целью впервые на русском языке максимально разносторонне представить наличные данные по изучению “Манаса”.

Большая научно аргументированная, за исключением лишь немногих спорных в методологическом отношении моментов, статья П.Н. Беркова “Современное состояние и перспективы изучения эпоса “Манас” поднимает изучение “Манаса” на значительный научно-теоретический уровень, вооружает исследователей эпоса не только киргизского, но и других народностей, по крайней мере, Средней Азии, необходимыми методическими, специально научными знаниями.

Исходя из опыта изучения мирового и особенно русского фольклора П.Н. Берков оказывает огромную помощь манасоведам правильной и четкой постановкой задач текстологической работы. Он указывает на бесспорно оправданные пути и методы фольклористической текстологии.

Огромную ценность для продуктивного, научно-организованного изучения эпоса представляет в статье выделение категорий, по которым нужно изучать эпос. Таковыми автором указаны филологическое, этнографическое, географическое, историческое и литературоведческо-фольклорное изучения.

Спорным в отношении изучения “Манаса” в данной статье остается положение автора о составе эпоса. П.Н. Берков полагает, что будто в киргизском эпосе последовательно чередуются вначале представления мифологические, затем героизированные былинные и лишь позже будто события прикрепляются к реальным историческим личностям. Исходя из этих своих положений, автор определяет задачу исследования как выделение материала, относящегося к мифическому, затем богатырско-былинному и, наконец, к историческому элементам.

Здесь упускается из виду невозможность установления подобных разграниченных слоев в словесно-поэтическом материале, особенно в “Манасе”, не представленного записанными в древности текстами, а бытовавшего только в изустном виде. В силу этих обстоятельств тут произошло сложное переплетение и смешение древних и поздних элементов.

А предпочтение историческому элементу мифической прасновы не ведет исследование на путь поисков жизненно реальной, подлинно народной почвы. Оно ведет к нивелировке,

к схемному представлению о сходстве всех видов эпоса, у всех народов к немногим, ранее установленным в буржуазной фольклористике мотивам, к ошибочной, буржуазно-идеалистической концепции А.Н. Веселовского.

Другим ошибочным положением у П.Н. Беркова является его определение бытовых песен об умершем, слагаемых дружинниками, лишь как лирической кантилены. Он считает невозможным возникновение героико-эпических с примесью фантастики произведений в среде дружинников об их героях. Между тем как надписи орхоненнисейские о Кюльтегине, Тоньюкуке и также обрядовые песни киргизов об умершем свидетельствуют об обратном. В них неизменно мы встречаем именно героико-эпические элементы.

Как сторонник по преимуществу мифологической точки зрения в отношении наиболее древней основы “Манаса”, П.Н. Берков оспаривает гипотезу А.Н. Бернштама о Яглакаре, не считает возможным конкретизацию исторической точки зрения до названия исторических имен в настоящей стадии изученности “Манаса”.

Редакция “Сборника”, имея в наличии подобные противоречащие друг другу высказывания авторов отдельных статей, тем не менее помещает их в настоящем труде сознательно, потому что считает необходимым представить различные взгляды, полемически освещающие с разных позиций проблемы изучения эпоса. Это тем более допустимо и необходимо в отношении “Манаса” — поиски, гипотезы, частичные выводы, которые помогут манасоведению в начальной стадии развития его установить, в конечном счете, более убедительные научные положения. Пусть не все положения отдельных статей в сборнике бесспорны. Но полемика и отдельные смелые, как у А.Н. Бернштама, высказывания, предположения, послужат толчком для широкого обсуждения вопросов “Манаса”, будут способствовать углубленной разработке общих и частных проблем в изучении этого незаурядного, сложного литературно-исторического явления.

В “Сборник” помещена статья еще одного серьезного литературоведа, исследователя “Манаса” Г.А. Самарина “Проблемы изучения эпоса “Манас” в свете теории акад.

И.Я. Марра”. Достоинством этой статьи является объективно обобщающий характер ее анализа имевшихся до сих пор различных опытов научного освоения “Манаса”. В ней, как в наиболее свежей по времени написания работе, учтены руководящие указания ЦК ВКП(б) в области литературы и литературоведения. Приведены основополагающие мысли из высказываний Ф. Энгельса, А.М. Горького, тов. А. Жданова в отношении оценки литературных фактов.

Особо ценным необходимо признать привлечение автором взглядов акад. И.Я. Марра по поводу состава и методов исследования сложной ткани словесных памятников прошлого.

Г.А. Самарин, критически анализируя труды своих предшественников по “Манасу”, своевременно указывает как на основную задачу исследователей необходимость изучения данного эпоса в его диалектическом развитии, по примеру того, как делал, изучая вопросы диалектического развития языка и мышления, акад. Марр.

Безусловно важно напоминание Г.А. Самарина об эпосе как об отражении конкретной исторической действительности, а для стадии классового общества — как об отражении классовых противоречий и борьбы. Убедительно его объяснение противоречий, обнаруживаемых в эпосе, как свидетельство различных стадий развития киргизского общества. В порядке теоретической и конкретно-исследовательской задачи автор так же правильно ставит вопрос о необходимости палеонтологического анализа текста с предварительной критикой этого текста для рассматривания его как исторического источника.

Но, придерживаясь близких к П.Н. Беркову взглядов относительно состава эпоса, Г.А. Самарин проявляет односторонность, оспаривая исторические взгляды А.Н. Бернштама.

Вместо того чтобы придти как литературоведу в помощь историку с анализом текста древних надписей, весьма близких с отдельными моментами текста “Манаса”, автор спешит опровергнуть гипотезы Бернштама ссылкой на неудачные опыты школы В. Миллера. Подобная позиция автора является результатом еще разобщенных, неспянных в одной целеустремленной задаче изысканий каждого

исследователя “Манаса” порознь. Спорны, как и в статье П.Н. Беркова, положения Г.А. Самарина о мифическом элементе эпоса как наиболее древней основе его.

Еще звучит бездоказательно в применении к “Манасу” предлагаемый автором принцип стадийного изучения данного памятника. Убедительные мысли акад. Марра в применении указанного стадийного принципа изучения к языковым фактам, языковому мышлению, подтвержденные его многочисленными анализами и выводами на фактах самого языка, у Самарина еще не подтверждены подобными наблюдениями и обоснованными выводами по отношению к эпосу.

Выгодным отличием в опытах изучения киргизского эпоса, от примеров изучения эпоса других среднеазиатских народностей, является уже наметившаяся разносторонность подходов к “Манасу”, разрабатываемых представителями различных смежных отраслей знания. Кроме литературоведов-фольклористов, историков и языковедов изучением “Манаса” занимаются и отдельные этнографы. В нашем “Сборнике” этнографическая наука представлена статьей С.М. Абрамзона “Эпос “Манас” как этнографический источник”.

Не углубляясь в детальное изучение материала этнографического, тем не менее в порядке постановки проблем этнографического изучения эпоса С.М. Абрамзон научно-теоретически серьезно и вдумчиво освещает конкретные задачи анализа “Манаса” со свежей позиции этнографо-фольклориста. Он предлагает интересную, примерную схему направления работы по этнографическому исследованию “Манаса” по линиям: этногенеза, материальной культуры, общественных и семейных отношений и духовной культуры.

Ценно в этой статье указание на необходимость проследивания этапов становления общенародного сознания, приходящего на смену племенному сознанию. Наиболее убедительно именно в его постановке изучение проблем стадийного общественного развития в эпосе.

Начертанная автором схема анализа с этнографической точки зрения является весьма содержательной, лаконично-выразительной программой будущего развернутого, оригинального научного осмысления особых признаков эпоса.

В своем дальнейшем завершении анализа эпоса по указанной здесь схеме автор сможет дать весьма ценные выводы, на которые могут опираться и литературоведы и историки в их будущей необходимо связанной и главное взаимопроникающей, взаимопитающей преемственной работе над эпосом. Если фольклор дает много материалов для этнографа, то и этнографическая наука несомненно обобщает фольклористику своими изысканиями и конечными результатами.

Между тем этнографическое изучение эпоса и фольклора до сих пор не развито в тюркологии, особенно в применении к памятникам народов Средней Азии.

Помимо охарактеризованных в настоящем введении основных статей, в наш “Сборник” включен еще ряд исследований, посвященных частным, но актуальным по своему значению темам манасоведения. К ним относятся статьи П.Н. Беркова “Идея родины в “Манасе”, А.Н. Бернштама “О происхождении имени “Манас” и статья А.А. Валитовой “Джангир-ходжа в эпосе и в истории”.

Статья Беркова, посвященная важному по своей актуальности вопросу, дает ценный анализ патриотической тематики “Манаса”. И эта статья должна дать толчок будущим углубленным исследованиям в этой области.

Еще один новый, оригинальный материал привносит в изучение “Манаса” неумоимо ищущий, изобретательный ученый А.Н. Бернштам своей статьей “О происхождении имени “Манас”. К существовавшим ранее гипотетическим высказываниям его самого и М.О. Ауэзова относительно имени героя эпоса как возможного наименования божества, настоящая статья, со свежими и неведомыми прежде манасоведам данными, добавляет факты, представляющие собою значительный научный интерес.

Название горного кряжа “Манаса” и имя героя “Манас”, не имея полного совпадения всех звуков в своем составе, находят, однако, промежуточное звено этого ряда в казахской былине об “Ер Кокче” (параллель Кокчо из “Манаса”), где друг, соратник его носит имя Манаша, а конь-тулпар последнего упоминается как “абдыра басты” Ак-Кула (Ак-Кула с головой как сундук), т.е. в казахском

эпосе наличествует явный намек на Манаса. Таким образом, в изменениях форм “Манаса”, “Манаша” и “Манас”, возможно, наблюдаются виды трансформации собственного наименования.

Статья А.А. Валитовой “Джангир-ходжа в эпосе и в истории” представляет собой пример поисков исторических параллелей отдельным образам, эпизодам эпоса в реальной истории. Конкретно здесь сопоставляются поход эпического героя Кошойа на Кашкар с походом на Кашкар исторической личности Джангира-ходжи. Гипотеза автора в пределах данной статьи не может быть признана доказанной, но она представляет собою интересную попытку обнаружить в эпосе отражение недавних исторических событий. Сомнение вызывает здесь привлечение автором не иного какого-нибудь героя из “Манаса”, а Кошойа, о котором эпос повествует как о герое, вступающем в борьбу с “великанами и пери... доо пери жомогу...”. Едва ли столь недавнее событие похода Джангир-ходжи могло обрасти столь редкими в эпосе сказочно-фантастическими элементами.

Мы дали обзор с частичной характеристикой проделанных до сих пор работ в различных этапах и видах культурно-научного освоения “Манаса”. Наряду с этим Киргизский филиал Академии наук СССР, его Институт языка и литературы и истории, а также выделенная ими редколлегия настоящего “Сборника” отчетливо представляют себе общий уровень скромных достижений в области изучения киргизского эпоса. Исходя из того, что все проделанное до сих пор еще в целом представляет только начальный этап научного изучения “Манаса”, настоящий “Сборник” рассматривается как некоторый итог лишь проделанного, следовательно, уже пройденного пути.

Отсюда следует необходимость указаний на новые задачи в ближайшей перспективе, на научные проблемы еще более значительного порядка, к решению которых приступят те же советские ученые-манасоведы, своими первыми изысканиями внесшие много ценного в манасоведение до сего времени. С опубликованием настоящего “Сборника” и одновременным изданием полных текстов “Манаса” на киргизском языке, с изданием ряда полных циклов из эпоса на русском языке, а также с изданием прозаического сводного варианта

содержания всего “Манаса” расширится круг исследователей его. А дополнительное включение в манасоведение новых, свежих сил киргизских и русских советских ученых в ближайшие годы поднимет изучение эпоса на следующую, более высокую ступень научно-теоретического, углубленного марксистско-ленинского метода освещения и анализа сущности данного памятника. Недалеко то время, когда на основе накопленного исследовательского опыта и материала и на основе тех идейно-политических требований, которые предъявляет принцип большевистской партийности к литературоведению, советской фольклористике, возникнут всесторонне полноценные монографические исследования о киргизском эпосе.

Отсюда следующий этап в манасоведении должен составить, прежде всего, полное и всестороннее обоснование всех основных положений исследования на марксистско-ленинском мировоззрении, дающем самый надежный фундамент для творческого, истинно научного изучения “Манаса”.

Имея образцом критической мысли о народном творчестве труды и высказывания корифеев социалистической науки – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, необходимо в манасоведении, как во всей советской историко-литературной науке, обращаться к плодотворным мыслям великих русских демократов – Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Их оценки значения народного творчества и предсказанные ими научно-теоретические принципы всестороннего анализа произведений народного творчества должны лечь в основу дальнейшего широкого обсуждения проблем изучения “Манаса”.

В непосредственной и тесной связи с этими положениями необходимо подчеркнуть о том, что особо важным предостережением для манасоведов должны служить решения ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства в нашей стране и также установившаяся уже партийно-советская оценка наследия А. Веселовского и существовавшего до последних времен буржуазного либерализма в литературоведении.

Должны быть изжиты через последовательную, обоснованную критику следы влияний взглядов и методов А. Весе-

ловского, могущие проникнуть в изучение “Манаса”, особенно в пору написания ранних исследований, до критики наследия этого буржуазного ученого.

В применении к “Манасу” нужно помнить о вреде, наносимом сравнительно исторической школой буржуазным компаративизмом, зачеркивающим через бесконечные аналогии и объяснения мифа — мифом, литературы — литературой, через поиски мнимых праоснов, уводящих исследование “Манаса” от его живой, народной, исторической почвы. Одно дело объяснение отдельных, действительно имевших место влияний литературных фактов близкой реальности через исторические, экономические связи. А поиски через “Манаса” еще лишних “доказательств” готовых, механически выведенных схем международных стандартов, означает насаждение методов буржуазной науки на почву исследования киргизского эпоса.

Для продуктивного изучения “Манаса” необходимо признать как аксиому тот принцип советской науки, который не игнорирует, а определяет, оценивает идейно-художественное содержание произведения как порождение истории и самого киргизского народа, который не остается равнодушным к конкретным историческим событиям, к идеологии классов и их борьбе, различно отраженных в основе и во всем длительно формировавшемся составе эпоса.

Предисловие к сборнику научно-исследовательских статей об эпосе “Манас”, по моему представлению, должно, во-первых, дать краткий обзор развития манасоведения с критической оценкой существующих работ (в том числе и помещаемых в сборнике) и, во-вторых, что и является, на мой взгляд, самым главным — изложить основные моменты той программной линии, которой должен придерживаться Институт языка, литературы и истории КиргизФАН в дальнейшем направлении изучения эпоса на ближайший период. Вдобавок еще нужно указать, что путь дальнейшего развития манасоведения должен лежать и в преодолении ошибочных тенденций, которые имели место, а именно:

1) в чрезмерном увлечении историзацией, т.е. в попытках во что бы то ни стало без достаточных доказательств

отождествить персонажи и мотивы эпоса с исторической действительностью, свести эпический памятник на роль иллюстрации исторического факта, недооценивая его роль как памятника творческого;

2) в механистическом подходе к объяснению так называемых “напластований” в эпосе, якобы приходящих на смену друг другу. Литературный процесс, совершающийся якобы вне истории народа с ее диалектическим развитием, требует дальнейшего исследования с учетом неизбежности стадийного взаимопроникновения “напластований” в их диалектическом развитии;

3) в приеме накопления бесконечного числа аналогий в мотивах и сюжетах, если эти аналогии идейно, исторически не оправданы и беспочвенны, так как это не может не привести в тупик буржуазных теорий компаративизма или самозарождения сюжетов.

В борьбе с вышеуказанными подходами основная линия дальнейшего изучения эпоса “Манас” должна идти по пути прикрепления эпоса как памятника национальной культуры к реальной исторической базе, на которой проходил процесс развития жизни киргизского народа, и поэтому объяснение генезиса эпоса, причин его трансформаций и изменений должно прежде всего в исследовательском плане протекать в тесной увязке с историческими этапами жизни киргизского народа, его бытовыми особенностями, психологией, обычаями и т.д. Дальнейшая исследовательская работа над эпосом должна быть четко отмежевана от имевшихся фактов чрезмерной идеализации эпоса в целом, его отдельных частей и образов с учетом того, что эпос, создававшийся и бытовавший в условиях классового общества, неизбежно должен был явиться и носителем тех противоречий в идеологии, которые характеризуют всякое классовое общество. Исходя из этого положения и признавая народную демократическую основу эпоса как ведущую, ни в коем случае не следует игнорировать в нем наличия значительного числа идей, получивших выражение в отдельных сюжетах, мотивах, образах, идущих от господствующих феодальных верхов, элементов мусульманской религии, националистической нетерпимости.

В деле выявления и правильного определения демократических элементов в эпосе в дальнейших исследованиях эпоса “Манас” мы должны опираться на весьма ценные для нас высказывания о народном устно-поэтическом творчестве, которые мы имеем в трудах великих русских революционных демократов Белинского и особенно Чернышевского.

Когда они делали свои высказывания о русском фольклоре, русская фольклористическая наука находилась еще на самом начальном этапе своего развития.

Полемизируя с славянофилами, Белинский высказал ряд ценных мыслей, в которых подчеркивалось значение всякого фольклорного памятника как отражающего жизнь и мировоззрения современного ему крестьянства. Белинский смело выступил против тех, кто в былинах только идеализировал старину, идеализировал древний быт, он был первым, кто смело подчеркнул факт наличия в былинах реакционных пережитков суеверий, косности, деспотизма и т.д.

Нечего скрывать, что и при изучении “Манаса” у некоторых из наших исследователей мы видим сугубо академическое, холодное, граничащее с формализмом отношение к эпосу. Поэтому страстные полемические высказывания Чернышевского, Добролюбова против Буслаева и др. мифологов не могут не учитываться нами. Мы не должны забывать замечательные своей простотой слова Добролюбова о том, что многие исследования не дают ответа на те вопросы, которые естественно должны возникать у человека, стремящегося через фольклор понять жизнь, быт, мирозерцание, психологию народных масс. Программой для наших исследователей должны стать такие слова Добролюбова, что этот вывод направлен на уничтожение формалистической замкнутости и обособленности языковых “семей”, против расовой прикреплённости языков.

Продолжая дальнейшую исследовательскую работу над “Манасом” по пути привязывания генетических корней и развития эпоса соответственно традициям национальной культуры киргизского народа, надо в то же время не становиться на позиции национальной ограниченности и узкости.

В этой связи мне представляется принципиально важным, что предисловие к сборнику содержало в себе изложение нашей позиции по весьма актуальному вопросу о понимании взаимовлияний в культурном наследии народов, вопросу, который в настоящее время так остро поднят на страницах печати в связи с дискуссией о теории А. Веселовского.

На этом принципиально важном вопросе я позволю себе остановиться несколько подробнее для того, чтобы этот вопрос всесторонне обсудить и прийти, по возможности, к единому мнению, которое и должно, по-моему, найти свое отражение в предисловии к сборнику.

Вопрос я формулирую так:

В этих видах имеет смысл и имеет научную целесообразность привлечение к киргизскому эпосу сюжетных параллелей и мотивов из эпосов и других жанров соседних народов, исторически связанных взаимовлияниями с киргизским народом. Но наряду с этим нужно предупредить, что если привлечение такого материала делается только ради нагромождения сравнений, то тогда это не имеет никакой целесообразности.

Но я полагаю, что если смотреть на этот вопрос глубже, то именно в нашем Советском Союзе, где народы Запада и Востока живут в братстве, то этот вывод направлен на уничтожение формалистической замкнутости и обособленности языковых “семей”, против расовой прикреплённости языков.

Н.Я. Марр, как мы знаем, призывал рассматривать развитие языковых категорий в связи с развитием мышления вообще и в их обусловленности общим процессом социально-исторического развития человечества.

Для конкретного лингвистического исследования это значит, что наличие аналогичных явлений в разных языках и возможность их сравнения может объясняться и в ряде случаев объясняется не только общностью происхождения или прямым заимствованием, но также сходством, аналогиями языка и мышления на одинаковых стадиях социально-исторического развития.

Эти положения могут и должны бесспорно учитываться и на материале фольклора и эпоса, обычаев, образов.

Напомню в связи с этим, что и Энгельс широко пользовался методом такого исторического сравнения в “Происхождении семьи, частной собственности и государства”, сопоставляя развитие родового строя у греков и римлян с аналогичными явлениями, изученными Морганом в родоплеменных союзах североамериканских индейцев.

Поэтому, на мой взгляд, сравнительный метод возможен и нужен в науке, и он может включать в свою сферу явления фольклора независимо от их географической или хронологической близости, если они равноценны со стадильной точки зрения, ибо эта равноценность не будет говорить о каких-либо заимствованиях или культурных влияниях, а подтверждать и обосновывать закономерность общности процесса литературного развития, а вслед за этим и, следовательно, подкреплять идеи закономерности всего общественно-исторического процесса в целом.

Утверждая и доказывая прежде всего национальное своеобразие эпоса, мы отнюдь не должны бояться сравнительного анализа исторически сходных явлений в эпосе разных народов к проведению стадильно-типологических аналогий, так как они, на мой взгляд, только помогут нам выпуклее выявить национальное своеобразие.

Мы должны в нашей дальнейшей работе над эпосом сказать, что мы, исследуя национальную основу эпоса, отнюдь не стремимся к его изоляции и признаем и будем изучать вопросы литературного взаимодействия там, где они бесспорны. Но покончив со старыми методами сравнения ради сравнения, мы и этот вопрос должны подчинить объяснению того, что основной предпосылкой этих взаимодействий являются неравномерности, противоречия и отставания, характерные для развития всякого классового общества.

В условиях неравномерностей единого социально-исторического процесса, как говорит Маркс, “страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего”. Мы должны только суметь сказать, что всякое исторически значимое “влияние” в фольклоре мы понимаем не как случайный и механический толчок извне, не как эмпирический факт

индивидуальной биографии того или иного сказителя и не как результат увлечения людей.

Объясняя то или иное влияние, мы должны прежде всего основываться на том, что любое фольклорное явление, как и литературное явление вообще, а следовательно, и эпос и его компоненты могут возникнуть не иначе как на основе конкретной, исторически обусловленно социальной практики — в данном нашем конкретном случае как отражение киргизской действительности. Поэтому и сама возможность влияния со стороны может быть объяснена и обусловлена имманентной закономерностью развития данного, т.е. киргизского, общества и данного эпоса как продукта общественной идеологии, порожденной определенной исторической киргизской действительностью.

Мы должны суметь объяснить историческую закономерность и социальную обусловленность всякого влияния в эпосе — тогда это будет обосновано. Мы должны учиться находить способы объяснения и доказать, почему заимствование стало исторически закономерным, почему возникла потребность в подобном идеологическом импорте или аналогичные более или менее оформленные тенденции в идеях, образах, сюжетах уже наличествовали в этой стране раньше и т.д. При таком подходе мы не должны избегать констатации фактов заимствования.

Мне представляется, что эти мысли должны войти и в предисловие. Только при таком сравнительном литературоведческом подходе мы сумеем направить наши исследования и сделать их нашей программой в изучении эпоса, нацелить наши исследования против всевозможных расистских, фашистских теорий, проповедующих национальную рознь и исключительность, против фашистских “теоретиков” о качественной несравнимости и неравноценности принципиально-изолированных и враждебных друг другу национальных культур и литератур. Этого момента нельзя недооценивать.

В заключение необходимо критически указать на отдельные удачные и неудачные случаи обращения к героине “Манаса” в наше время.

В дни Великой Отечественной войны, когда во всем СССР усилился интерес к героическому народному эпосу, в Киргизии также особенно выросло внимание широких

народных масс к эпосу “Манас”, героические образы которого, близкие и понятные для всякого киргиза, вошли как частица в общий идейный патриотический потенциал советских людей, сражавшихся со злым врагом.

К образам Манаса, Семетея, Кульчоро и других легендарных героев эпоса стали обращаться многие киргизские поэты А. Токомбаев, К. Маликов, Т. Уметалиев и народные акыны Алымкул и Калык, о них же упоминалось в народных песнях, сложенных в годы войны.

В эти же годы в Киргизии в печати появилось несколько работ о патриотических идеях киргизского эпоса: брошюра К. Рахматуллина “Великий патриот — легендарный Манас” (1943 г.), его же статья “Идея патриотизма в киргизской литературе” (“Известия” КиргизФАН СССР, вып. I, 1945 г.), статья У. Джакишева об эпосе “Манас” (“Известия” КиргизФАН СССР, вып. I, 1945 г.) и ряд других.

Эти работы сыграли свою положительную роль в деле привлечения к эпосу внимания широких слоев населения. Кроме того, это были вообще почти первые популярные печатные работы о киргизском эпосе на русском языке.

Но при всем этом нельзя не отметить и того, что в интерпретации эпоса у авторов этих работ были тенденции отрывать образы героев от эпохи, которой они присущи, и несколько упрощенно переносить их в современность.

К.И. Рахматуллин и У. Джакишев были склонны представлять героизм эпических героев перед нашими современниками как непревзойденный пример для подражания. Вспоминая только о былых “непревзойденных” традициях героизма Манаса и его соратников и их патриотизме, авторы этих работ представляли его односторонне, как некий идеал, и при этом умалчивали о решающей силе, приведшей наш народ к победе, — силе советского патриотизма. Опыт подобных примеров обращения к эпосу послужит еще одним предостерегающим напоминанием для манасоведов, которые должны при своем дальнейшем изучении великого памятника духовной культуры киргизского народа исходить из указаний тов. Сталина “не ухудшать, и не улучшать историю”.

1948 г.

Сказители. Сюжет. Стиль

Великая Октябрьская социалистическая революция застала период угасания, постепенного отмирания больших эпических традиций в киргизском народном творчестве. Только в эпоху социализма стало возможным вовремя произвести первые записи народного сокровища в полном его объеме. Записи эти были сделаны, как известно, от сказителей “Манаса” Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева.

Не всякий певец, носитель мелких форм устного творчества, как Секетбай, Куйген и т.п., знающий отрывки из “Манаса”, может назваться манасчи.

Настоящие былинные певцы, иначе – джомокчу – не были исполнителями этих мелких песен.

Особый репертуар и даже жанр передачи отличали настоящих исполнителей эпических песен от певцов типа казахских акынов, которые наряду с лирическими и обрядовыми песнями пересказывали и отрывки из былинного эпоса.

Распространенный тип киргизского “ырчи” предреволюционных лет представлял собой дополнителя “кошока” (причета-плача) и разных увеселительных песен, сменяющего иногда, по желанию аудитории, эти песни заученными отрывками или даже целыми эпизодами из “Манаса” или “Семетея”.

Слушатели, в большинстве своем не знакомые с полным текстом “Манаса”, исполнявшимся настоящими джомокчу, не жалели похвал певцу, заучившему лишь незначительные отрывки. А Сагымбай со своим текстом “Манаса”, который он не мог исчерпать даже в течение трехмесячного исполнения, конечно, не был доступен большинству любителей устных сказаний. Поэтому неискушенные слушатели в каждом районе называли ряд имен якобы отличившихся манасчи. На самом деле большинство этих сказителей знали из “Манаса” только два-три эпизода, актуальных по тематике или с этнографическо-бытовой стороны, как “Поминки по Кокетею” (“Кокотаидын ашы”) либо наиболее интригующую героиню прошлого – “Великий поход” (“Чон казат”), либо эмоционально действующую

любовную лирику “Ай-Чурек” из “Семетей”. Вот самые популярные и характерные для репертуара этих певцов “ырчи” песни из “Манаса” и “Семетей”. Исполнение “Манаса” теперь сводится к сказанию популярных эпизодов или сокращенной редакции, составленной из наиболее актуальных отрывков. Изменившиеся со времени Октябрьской революции социально-экономические условия привели к смене вкусов и запросов вновь формирующейся слушательской среды. Генеральная линия в устном творчестве стала определяться количественным и качественным ростом новых жанров фольклора. Однако это не повлекло за собой отмирания “Манаса”, напротив, популярность его непрерывно растет; больше того, произведение киргизского фольклора – “Манас” – становится теперь достоянием всего многонационального советского народа.

Сказители эпоса

Наше ознакомление с киргизской героической эпопеей начнем с вопроса о ее сказителях.

Как ни странно, в народной памяти и в устах джомокчу не сохранилось ни одного имени древнейшего сказителя “Манаса”. Правда, в варианте Сагымбая упоминается поэт-дружинник Джайсан ырчи, который

Жалан уйдун борымын
Жарым кундей ырдаган.

Одно украшение юрты
Воспевал полдня.

Но это упоминание о легендарном поэте, якобы современнике Манаса, не дополняется никакими новыми сведениями или хотя бы косвенными упоминаниями о нем в других случаях. Так что только в виде предположения можно говорить о создании первых песен “Манаса” этим поэтом.

Почему же не сохранилось ни одного имени древнего исполнителя эпоса? По крайней мере певец, унаследовавший традицию предшественников, мог бы сохранить кое-какие из

имен, как это бывает сплошь и рядом в эпосе других народов. Очевидно, в киргизском эпосе традиция была иная. Здесь каждый певец как будто бы сознательно замалчивает вопросы возникновения и передачи исполняемой им песни. Так поступает и Сагымбай (за исключением вышеприведенного случая). Исполнители-предшественники, от которых непосредственно последующий поэт воспринял материал, им не упоминаются.

Эпическая песня, устный сказ всегда ведутся от лица анонимного рассказчика. Поэт — только сказитель, только передатчик того, что по фабуле известно слушателям и что он лишь пересказывает своими словами. Лирическим отступлениям, личному вмешательству сказителя не остается места. Нарушение эпического спокойствия, хотя бы даже кстати введенными лирическими излияниями, равносильно нарушению законов жанра, устойчивой канонической традиции. Если исходить из этой точки зрения, можно сказать, что киргизский эпос сохранил чистоту жанра почти до последнего момента, не включив в свой текст ни одного имени предшественника Сагымбая. Во всяком случае, в раннюю пору возникновения былины эта традиция, по-видимому, держалась прочно, и в ней-то надо искать первопричину, в силу которой преданы забвению имена древних сказителей.

Но наряду с этим положением возникает и другой момент — специфический на киргизской почве и, по-нашему, не менее значительный для объяснения того же самого вопроса. Дело в том, что в среде киргизских джомокчу существовала и в известной мере продолжает существовать вера в наитие (дааруу). Поэтому настоящие певцы “Манаса” выдавали свой вариант за нечто внушенное им свыше, объясняли его вмешательством сверхъестественных сил, якобы призвавших их к этой роли и вселивших в них сразу, как в избранников, знание “Манаса”.

Неимоверный объем эпоса способствовал распространению и укреплению этой веры в среде слушателей. Возможность заучивания всей песни от предшественников исключалась. Исключалась и шепетильность по отношению к поэме, как созданию одного определенного автора. Возможные совпадения не сличались. Никто

не имел намерения разоблачать “избранников муз”. Хотя у Сагымбая, Тыныбека и Акылбека, как передают помнящие их исполнение старики, были общие места, однако каждый из сказителей “Манаса” утверждал, что его вариант самостоятельный, что он ему диктуется свыше. Впоследствии это утверждение стало профессиональным приемом, и ни один джомокчу не избегал его. Не составлял исключения и Сагымбай. Бывали, правда, случаи, когда искусство сказывания “Манаса” переходило от отца к сыну, от одного родственника к другому, но и тогда манасчи твердили о своем наитии. Для нас важен самый факт этой субъективной веры в сверхъестественное. Она-то и исключала возможность упоминания имен предшествующих поэтов. Память о наиболее выдающихся сказителях сохранилась только в поколениях непосредственных слушателей. А каждый новый поэт упоминал только свое имя. По крайней мере, так обстоит дело в отношении сагымбаевского варианта. Здесь имя и фамилия сказителя упоминаются не однажды в каждом цикле. Поступали ли прежние поэты так же, как Сагымбай, прибегавший даже к некоторой саморекламе, сказать трудно.

Возможно, что в лице Сагымбая мы застаем уже первого былинного певца, осознавшего роль индивидуального творчества. А может быть, Сагымбай – первый сказитель былины, до сознания которого дошел вопрос об авторском праве и соблазнил его. Поэтому он спешит сказать, где это кстати, о Сагымбае, “наделенном высшими дарами”.

С этой стороны интересно упоминание в его варианте о Джайсан ырчи. Слово “Джайсан” в киргизском употреблении означает, кроме калмыцкого начальника, еще богатство, обилие. Джайсан и в “Манасе” есть не что иное, как эпитет к имени анонимного певца, подобно “Кемель акыну” в “Козы-Корпеш и Баян-сулу” или “вещему Баяну” в “Слове о полку Игореве”. Насколько можно судить по данным других поэм, действительные имена поэтов в контекст никогда не включались. Впоследствии, когда сказителям “Манаса” приходилось, как передают старые слушатели, выдерживать натиск со стороны фанатических мулл и защищать свою профессию, они вынуждены были ссылаться на “высокое покровительство” их искусству, на

вмешательство “сверхъестественных сил” — духов предков и аруаха самого Манаса.

Прежде чем перейти к роли сказителей в формировании эпической песни, остановимся на сохранившихся немногих именах, дошедших до нас по устным рассказам.

К самому старшему поколению принадлежит Кельдыбек из рода Асык. Родился он, как утверждают, в конце XVIII столетия. В устном предании говорится, что он начал исполнять “Манас” уже будучи в зрелом возрасте. Вообще о Кельдыбеке знают сейчас немногие. Несмотря на сравнительную недавность времени, когда он выступал, народная память о нем уже успела потускнеть. Сохранили его имя только отдельные старики и специально интересующиеся этим вопросом люди. Кто исполнял “Манас” до Кельдыбека, неизвестно.

О Кельдыбеке, по киргизским преданиям, мы знаем очень немного. В рассказах о нем есть примесь фантастического элемента. Говорят, что когда пел Кельдыбек, то дрожала юрта, в которой он сидел, “силой своего пения он потрясал стихии, на аул неожиданно налетал ураган, и среди этой бушующей стихии наезжали неведомые всадники, от топота их коней содрогалась земля”. Упоминание о всадниках не случайно. Эти всадники не кто иные, как Манас и его “кырк-чоро” (сорок соратников): намек на высокое покровительство самого Манаса, который, по верованиям всех джомокчу, лично избирает певцов, являясь к ним во сне и требуя распространения песни о нем среди потомства. Кельдыбек, согласно сегодняшним преданиям, отличался от остальных певцов тем, что обладал настоящей магией слова, чудодейственной силой, которой были подвластны и природа, и духи предков, каждый раз удостоивавшие необыкновенного своего избранника личным присутствием. Такой легендой окружила имя Кельдыбека народная фантазия.

Поэтов-сказителей последующих поколений предание помнит уже без примеси фантастики, в обыкновенном, оочеловеченном виде. Современником Кельдыбека является известный и сейчас в широких кругах Балык.

В середине прошлого столетия он стяжал славу большого джомокчу. Несомненно, что он застал Кельдыбека и, вполне

возможно, многое воспринял от него. Хотя биографических сведений о Балыке не имеется, но, принимая во внимание побочные сведения о привычке начинающих сказителей “Манаса” подолгу пребывать около какого-нибудь известного джомокчу, можно допустить, что Балык был продолжателем Кельдыбека.

Благодаря своему исполнению “Манаса” Балык стал новой знаменитостью и начал затмевать собой славу своего предшественника. При этом, как водится во всех подобных случаях, представители старшего поколения, непосредственные слушатели Кельдыбека, превозносили имя этого последнего, продолжали жить под гипнозом его дарования. А новое поколение противопоставляло ему своего представителя, чтобы передать потомкам его имя как поэта, непревзойденного в прошлом и не могущего быть превзойденным в будущем. А когда почитание Балыка, внушенное старшими, упрочилось среди младшего поколения, ему стали иногда приписывать качества, ранее присваивавшиеся его предшественнику. Так, мне пришлось слышать среди киргизов Пржевальского района похвалы Балыку, выражаемые приблизительно в той же форме, что и Кельдыбеку.

Балык — поэт сравнительно недавнего времени, и воспоминания о нем, слегка приукрашенные фантастикой, могли быть основаны на реальных фактах. Это имя, гораздо меньше покрытое толщей исторической пыли, чем имя Кельдыбека, — Балык — наследовал его сын, не менее популярный поэт Найманбай. Таким образом, начиная с Балыка уже можно проследить традицию в передаче и наследовании “Манаса”. И здесь, вопреки ссылкам самих поэтов на сверхъестественное, обозначаются линии передачи эпоса от одного исполнителя к другому. Так, например, от Балыка сказание перенял Найманбай — переход от отца к сыну, от старшего брата Али Шера перенял Сагымбай — переход тоже по линии родственной. Это напоминает потомственную преемственность поэтов Древней Греции, семей карело-финских певцов рун и русских сказителей из б. Олонецкой губ.

Мы не знаем, какие родственные связи существовали между киргизскими поэтами Акылбеком, Тыныбеком и

другими, жившими после Балыка, но известно, что одни из них являются современниками Найманбая, другие – люди последующего поколения, т.е. почти все жили в одно и то же время. Старший из них раньше приобретал известность, младший часто слушал его исполнение, сталкивался с другими джомокчу и рядовыми ырчи, запоминал и заучивал новые общеизвестные отрывки и таким образом постепенно расширял рамки своих знаний.

Конечно, когда речь идет о настоящих, признанных джомокчу, безусловно нужно говорить и о их собственном творческом участии. Джомокчу – аэд, тогда как ырчи родственны древнегреческим рапсодам. Преуменьшить долю участия аэда в формировании былины, порой, быть может, весьма значительную, мы отнюдь не намерены. Напротив, начиная нашу работу главой о сказителях, мы считаем необходимым раскрыть и оценить их решающую роль. Несомненно, как древнегреческие поэты, так и киргизские, заучивая, воспринимая известный вариант от своего предшественника, многое переделывали, добавляли и сокращали, в соответствии со своим настроением, пониманием и оценкой отдельных эпизодов. Как уже указывалось выше, в исполнении разных поэтов было очень много общих мест. Это – основной сюжетный стержень, борьба, коллизии обстоятельств со всеми перипетийными изменениями в судьбе героев, в общем, все динамические темы, актуальные мотивы, из которых складывалась повествовательная сторона эпической песни. И во всех эпизодах поэмы, как можно судить по рассказам стариков, выступали одни и те же герои в одних и тех же ролях, с приблизительно общей характеристикой их личности и деяний. Поэтому те старики, слушающие различных джомокчу, утверждают, что и ранние и поздние поэты рассказывали почти одно и то же. К этим утверждениям нужно добавить, что у одного сказителя (как у Каралаева) мог преобладать интерес к героическим сценам и боям, у другого – к быту, нравам и иным описательным моментам.

Говоря об общей канве поэмы, следует сказать, что если верить старым слушателям, то и Найманбай, и Акылбек, и Тыныбек начинали свою повесть с рождения Манаса, в

одной и той же последовательности излагали рассказы об Алмамбете, Кошое, Джолое, в таком же порядке описывали “Поминки по Кокетею”, “Великий поход” и ряд других эпизодов. Как у Сагымбая, так и у прежних певцов, встречалось очень много географических наименований, названий неизвестных нам народов, имен их богатырей и ханов. Причем все певцы будто бы называли почти одни и те же имена даже эпизодических фигур, второстепенных персонажей.

Это позволяет говорить о безусловном заимствовании, но заимствовании фабульном, об усвоении приблизительно одной и той же сюжетной канвы. Однако отсюда еще не следует, что один поэт заучивал текст от другого.

Все сказанное здесь, между прочим, надо отнести к исполнению сказителей какой-то определенной школы. А этих школ, видимо, было несколько. Мы застали явно различающиеся две школы – нарынскую и каракольскую (Пржевальскую). Представитель первой – Сагымбай, второй – Каралаев. Сопоставляя исполнение представителей этих школ, уже можно обнаружить заметные расхождения относительно второстепенных сцен, эпизодических персонажей, в мотивировке и обрисовке действий, поступков или даже в целом цикле песен о некоторых крупных событиях. Встречаются также расхождения в порядке отдельных повествований, в чередовании событий. Имеющееся значительное сходство в исполнении представителей одной школы может быть нарушено в другой школе, а отдельные эпизоды могут быть пропущены или исполнены сокращенно, а то и распространено, согласно особенностям варианта другой школы.

А когда мы говорим о поэтично-стилистическом сходстве вариантов представителей одной школы, то не принимаем во внимание застывшие эпитеты, навсегда прикрепленные к отдельным именам, встречающиеся у всех известных нам сказителей “Манаса” и бытующие в устах даже не сказителей. Кроме указанных выше случаев, наблюдаются общие рифмы, иногда – одинаковые тирады. Наконец, встречаются общие места, например, в “Великом походе” (глава о походе на Бейджин) и в других песнях о

битвах. Это — весьма популярные стихи, которые стали достоянием не только всех сказителей, но и широких масс. Такие места, несомненно, заучены и джомокчу, которые в необходимых случаях вставляют их в общий поэтический текст как готовое клише. Безусловно, общим для всех сказителей является единый ритм с 7–8-сложным стихом.

Что касается заучивания, то оно для различных певцов имело различное значение. Сказители, обладающие большим импровизаторским талантом, поэтическим пафосом и способностью вдохновляться в момент исполнения, несколько видоизменяют заученные отрывки, дают им свою мотивировку и необходимое оформление. Другие повторяют, передают только то, что слышали и заучили. Как бы то ни было, у огромного большинства сказителей — аэдов не все стихи “Манаса” являются продуктом их собственного творчества. Напротив, можно с уверенностью сказать, что даже среди джомокчу нет ни одного, который не заучил бы, кроме общей сложной канвы, еще некоторых известных стихов из отдельных, ранее разработанных глав. Это дает повод говорить о наличии приблизительно постоянного, канонического текста в отдельных песнях, хотя сейчас, при первоначальном анализе “Манаса”, установить их точно нам не удастся. Но все же, с нашей точки зрения, существование даже в сегодняшних сагымбаевском и каралаевском вариантах старых, прошедших через уста Кельдыбека, Балыка и многих их предшественников стихотворных текстов, несомненно. Между прочим, это положение подтверждается фактами, сообщенными Ленротом в отношении передачи и наследовании отдельных рун в финской “Калевале”.

Вот что сообщает Ленрот: “Певец запоминает сущность содержания прежде, чем ее дословный текст. Те места, которые не помнит дословно, он споет своими словами. Кроме такого способа передачи и сохранения рун, существует и другой, более обеспечивающий неизменяемость слов в рунах, а именно, когда родители передают руны детям”. Ленрот допускает постоянство текста вплоть до неизменяемости слов в отдельных рунах. Поэтому нам кажется несколько рискованным утверждение академика

Радлова* о якобы бесконечной изменчивости и текучести поэтического текста в устах киргизского былинного сказителя.

Приведенные выше свидетельства о формах исполнения старыми джомокчу принадлежат отдельным слушателям, верившим в таинственный дар певцов-сказителей. Сами певцы не переставали внушать массам веру в сверхъестественную, магическую силу своего песнопения. Менялись лишь с течением времени способы внушения этой веры. Нам не известно, как в свое время Кельдыбек и его предшественники объяснили моменты первоначального посещения их музой и мистического посвящения “к сонму избранных”. Но судя по высказываниям последних джомокчу, Кельдыбек и его предшественники должны были говорить о неожиданном прозрении в каких-нибудь необычайных условиях жизни. Так, например, Тыныбек, один из популярных предшественников Сагымбая, момент посещения его “таинственными силами” мотивирует сновидением.

Непосредственные слушатели Тыныбека встречаются еще и сейчас. Учитель Ыбрай Абдрахманов, записавший вариант Сагымбая, рассказывал мне, что Сагымбай вспоминал, как он в молодости много раз слушал исполнение Тыныбека. Последний исполнял “Манаса” до конца своей жизни и в кратковременном пении по частям и очень часто в многомесячном пении всего текста. Некоторые детали его “знаменательного”, по убеждению слушателей, сна настолько характерны, что мы позволим себе привести здесь этот сон.

Будучи в молодости своей аульным старшиной, Тыныбек поехал однажды в Каракол, а там за несвоевременный взнос покибиточного налога был оштрафован начальством и посажен на неделю под арест. Отбыв наказание, он выпросил у знакомого лошадку (“байтал” — трехлетку), чтобы доехать до своего аула. В дороге он вынужден был остановиться из-за усталости лошадки в безлюдном месте на урочище Тосор и, утомленный ездой, уснул. И вот он видит сон. К нему подъехала большая группа всадников —

* Радлов В.В. Предисловие. Образцы. Т. V.

Манас на своем светло-саврасом коне Ак-Кула и его кырк-чоро. Всадники расположились на привал возле Тыныбека. Манас сел отдельно, а его спутники разделились на четыре группы. Во время еды Манас приказал своим слугам подать пищу и Тыныбеку. Слуги поднесли ему мед (между прочим, Тыныбек никогда раньше не пробовал меду и впоследствии, наяву, когда ему пришлось есть мед на самом деле, он якобы заявил, что именно этим угощали его и слуги Манаса). От слуг Тыныбек узнал, кто такие всадники и их предводитель. Когда он, опомнившись, собрался подойти к ним, они быстро снялись с мест и стали удаляться. Тыныбек долго гнался за ними, но безрезультатно.

Уже во время этой погони во сне он стал петь о Манасе. А проснувшись, неожиданно для себя обнаружил прилив бесконечно длинных, прекрасных песен о деяниях Манаса. Лошадка его, до того времени едва волочившая ноги, понеслась во весь дух. Прозревший Тыныбек пел всю дорогу. По приезде в аил он остановился у молодой жены (у него их было две), но даже на ее ложе не мог оторваться от навеянных видением напевов и пел целую ночь. Так, по свидетельству современников Тыныбека, вселился в него дивный дар песнопения.

По-видимому, не один Тыныбек, но и многие другие сказители “Манаса” рассказывали о себе нечто подобное, непременно виденное во сне. Возможность “вещих снов” допускалась и муллами, которые часто сами распространяли аналогичные рассказы о сновидениях. С другой стороны, со времени принятия киргизами ислама сказители должны были объяснить наитие каким-либо приемлемым, дозволенным с религиозной точки зрения мотивом. Объяснение, противоречащее духу ислама, усилило бы массовое возмущение среди мулл, ишанов, влиявших на родовые манапские верхи гораздо больше, чем кто-либо другой. Фанатические муллы вообще навязывали сказителям “Манаса” много наносного, чуждого трезвой, глубоко народной первоначальной основе поэмы, внесли много от своего ограниченного мировоззрения, своей классовой идеологии. Очевидно, эта идея “избранничества”, осложненная рассказом джомокчу о том, что им во сне является Манас со своими кырк-чоро, была

очень распространенным явлением. После подобного сна начинали петь и доселе не имевшие никакого отношения к поэзии “избранники”.

Не обошлись без сна Сагымбай и даже Каралаев. Общность схемы, приблизительные фабульные совпадения раскрывают традиционность, каноничность даже самих этих снов. Можно предположить, что джомокчу не видал никакого сна, но чтобы внушить к себе уважение, должен был по обычаю предшественников объяснить свой поэтический дар сверхъестественным происхождением.

В интересах джомокчу было сохранить в тайне реальный процесс восприятия текста от своего предшественника, поэтому он тоже ссылался на Манаса. Однообразие сновидений никого не смущало: всех джомокчу избирал, якобы, сам Манас, поэтому он должен был явиться каждому во сне. В итоге отрицания факта заучивания забывались, как было сказано выше, имена многих не только древних, но и недавних даровитых сказителей.

От снов и каких-либо иных мотивировок были свободны только заучивавшие текст поэмы певцы-ырчи. Они и сами не претендуют на большее, чем на роль декламатора. Ырчи обычно исполняют “Манас” в заученной сокращенной редакции, а если и делают вставки, то они не сливаются с общим, ритмически стройным, словесным потоком песни. Искушенный слушатель отличает такого “ырчи” от настоящего “джомокчу” по объему заученных им песен и по оригинальности исполнения.

Время, в течение которого певец может петь, определяет и объем его знаний и степень одаренности. Ырчи, исполняющий всего “Манаса” в течение недели или десяти дней, – не настоящий манасчи.

Размер песни определяет ее стиль. Большая форма жила долго. Нарушение традиции разоблачало непродуктивность, убожество фантазии певца. Поэтому когда в последние десятилетия перед Октябрьской революцией стали распространяться сокращенные варианты, слушатели начали предъявлять настоящим певцам требования исполнить один эпизод, но подробно, не комкая всего “Манаса”, как это сделал исполнитель варианта, записанного в 1860 г.

В.В. Радловым, а так, как в течение ряда лет поет Каралаев, повествуя только о “Великом походе”.

Общая роль заучивавших текст певцов-рапсодов заключается в популяризации отдельных эпизодов среди широких слоев населения. Такие рапсоды встречаются сейчас, были они, конечно, и раньше. Их роль в возникновении и формировании эпической песни незначительна.

Переходя к основным вопросам формирования былины и наслоений позднейшего времени, приходится говорить о решающей роли только джомокчу-аэдов, творческое участие которых определило форму, размер, характер трактовки сюжета, в общем, весь стиль героического эпоса.

Здесь следует сказать об особой обусловленности творчества аэдов, находящихся в непосредственном общении со слушательской аудиторией. Писатель и читатель разобщены печатным текстом, книгой, а певец и слушатель поставлены лицом к лицу. Связь между ними гораздо теснее, взаимные влияния безусловны. Устная поэзия немыслима без слушательской аудитории почти в такой же степени, как немыслима она без поэта-певца, выражающего мысли, чувства и настроения этой среды. Отсюда в устной поэзии наблюдается более действенное влияние окружения на весь облик исполняемого. Слушатель — не пассивный читатель. Он непосредственный свидетель творческого процесса. Он же — ценитель созданной вещи. Во всех компонентах эпической песни находят одинаковое отражение как его одобрение, так и осуждение. Он активно участвует в формировании былины. Сказанное составляет общую особенность устной поэзии. Такова ее судьба.

Поэтому оказываются очень сильными наслоения многих времен, как отпечаток различной социально-классовой среды на первоначальную народную основу эпоса, бытовавшего во все времена только в устном виде. Порой даже в отдельных исполнениях эти наслоения позднейших времен определяют собой сильно измененную классово искаженную идейно-сюжетную направленность того или иного варианта.

Как явствует из преобладающих во всех вариантах основных элементов эпоса, данное произведение первоначально являлось, несомненно, созданием самого народа, хотя бы в лице певцов, выражавших настроения и чаяния родового коллектива. Народ создал героическую повесть и сгущенно-концентрированные образы его собственных представителей – носителей героических черт народа.

Выше мы говорили, касаясь вопроса о сказителях, что творческая роль принадлежала только джомокчу-аэдам. А их квалификацию действительного эпического певца определяла плодотворность их фантазии или длительное исполнение, широкое развертывание сюжетной канвы былины. Понятно, что полный вариант “Манаса” в позднейшем шестимесячном исполнении его бывал доступен не всем. Сама действительность исполнения, постепенное нанизывание одного эпизода за другим, без повторения уже сообщенных ранее, требует постоянного состава аудитории. Если бы певцу приходилось исполнять при меняющемся составе слушателей, он вынужден был бы повторять более популярные эпизоды по своему выбору или по желанию слушателей. Но когда перед ним слушатели, которым исполненные ранее отрывки известны уже до деталей, тогда он должен обновить песню, развернуть перед аудиторией новые эпизоды. В раннюю пору бытования поэмы такую аудиторию составляли люди из народа, выходцами из которого были по преимуществу и певцы – джомокчу. Во всяком случае до сих пор ни предания, ни история не знают ни одного джомокчу из среды манапства. А народ в своих толщах носил традиции прошлого искусства, хранил любовь к героике и поэтическому слову, нашедшим полное и талантливое воплощение в героической поэме. Позднее, когда на почву киргизской истории вступил фанатический ислам, он в лице классово и духовно ограниченных мулл, ишанов и особенно усилившихся феодалов-манапов стал навязывать народу религиозно-фанатические песни, вирши о распространении ислама. Естественно, что народ не принимал этого чужого ему по духу, наносного и бездарного внешнего влияния. Тогда господствующие верхи стали преследовать популярных джомокчу, объявляя исполнение и слушание “Манаса” греховным делом. Дар певца они

окрестили “наваждением сатаны”. Но, несмотря ни на что, народ не расставался со своими певцами и с драгоценным наследием прошлого. Вынужденные приспособляться к этому, манапы и духовенство стали слушать “Манаса”, но теперь уже навязывали джомокчу свои воззрения, свою идеологию.

Слушательская среда такого типа, несомненно, внесла чуждые первоначальной основе элементы, как панисламизм, пантюркизм и др.

Еще позднее отдельные манапы держали в своем тесном кругу некоторых талантливых джомокчу и видоизмененный ими вариант объявляли самым лучшим, популяризируя среди слушателей хотя бы отдельные отрывки из него. Для отдельных джомокчу постоянную аудиторию стали составлять сами манапы.

Нужно сказать, что “Манас” своим размером обязан не какому-нибудь одному творцу. Он увеличивался, развертывался в веках постепенно, при коллективном участии аэдов различных поколений. А созданное одним поэтом тоже не зародилось в какой-то определенный краткий промежуток времени. Каждый поэт, в связи с необходимостью постоянно выступать перед одними и теми же слушателями, должен был по мере сил, в зависимости от степени одаренности изобретать новые ситуации, вообще новые эпизоды. Когда исчерпывались запасы воображения, он прекращал исполнение. А затем, на досуге, может быть, месяцами или годами задумываясь над расширением сюжета былины, создавал новые положения.

При обычном исполнении какого-либо отрывка певцы разделяют весь эпизод на песни приблизительно таких же размеров, как песни “Илиады”, “Одиссеи”, как руны в “Калевале”, составленные для речитации в течение одного вечера и рассчитанные на то, что каждая будет исполняться отдельно. В пределах каждого цикла “Манаса” имеются такие же песни. Весьма возможно, что первоначально вся героическая былина состояла только из одного цикла с небольшим числом песен. А затем слушательская среда, как из народа, так и из манапства, в лице постоянной аудитории, увеличивая свои запросы, побуждала аэдов расширять, разнообразить основную, всем известную фа-

буду, придумывать второстепенные сцены, основанные уже на данных ситуациях, и соединять их со сценами первоначальными. Итак, только постоянная аудитория требует обновления, расширения сюжета. Характерной аналогией к этому служит исполнение Демодока в VIII песне “Одиссеи” (тоже разнообразящего свое выступление перед постоянными слушателями в пиршественном зале дворца Алкиноя).

Это объяснение, по-нашему, вполне разрешает проблему, поставленную Радловым в вопросе о формировании былины и наслоениях вообще.

Разнообразная слушательская среда из различных социально-классовых слоев, несомненно, оказывала влияние на эпос даже при одном его исполнителе. Естественно также и то, что в одном варианте может быть заметнее влияние манапской верхушки, а в другом, в более последовательном виде, может преобладать трезвая народная окраска.

Из имеющихся двух основных вариантов большему влиянию манапства подвергся, к сожалению, тот, который полнее, т.е. вариант Сагымбая. У него религиозность и иные подобные наслоения пронизывают значительную часть эпоса. Каралаевский вариант, тоже несвободный от элементов религиозной идеологии, все же гораздо яснее и глубже раскрывает свою связь с первоначальной чисто народной основой. В этом отношении у Каралаева характерно, например, воспоминание Манаса об избрании им в молодости ходжей и ишанов или об употреблении им бузы, несмотря на запрет муллы. Избивает ишанов и молодой герой Койон-Алы. Столь же объективно описано у Каралаева деспотическое, тягостное для масс управление Манаса и его ставленников в покоренном им Чет-Бейджине.

Конечно, разница в вариантах не говорит только о разнице исполнений. Вполне допустимо, что в этом явлении есть признаки существовавших различных школ. Отсюда могли быть и различные обрисовки центральных образов и различное к ним отношение. Весьма характерно также возникновение незадолго до революции в племени Ботугур пародии на вторую часть эпоса “Семетей” под названием “Кол Семетей Ботугура” (“Доморощенный Семетей”).

Все эти факты свидетельствуют о том, что эпос претерпевал значительные влияния и изменения. Каждая социальная среда старалась преобразить и представить себе Манаса соответственно своим чаяниям. Это касалось не только общеидеологических моментов; отдельные манапы использовали “Манас” для популяризации своего собственного имени. Исполнение всего “Манаса” в течение нескольких месяцев, в долгие зимние вечера, в аиле какого-нибудь манапа доставляло ему большую известность. Популярное имя джомокчу привлекало в аил многих любителей эпической песни. Но манап выбирал из их среды только своих приятелей и влиятельных родственников, заранее оповещая, когда должно начаться исполнение. Аил соответственным образом готовился к приему певца и постоянных слушателей. Прослушать всего “Манаса” стоило значительных средств, и такую затрату могли позволить себе только манапы, безраздельно господствовавшие над родом, часто имевшие право даже облагать его налогами для своих личных потребностей и развлечений.

Манап – родовой авторитет в патриархальном прошлом киргизского аила. Экономическое и правовое господство манапства как родовой аристократии сохранилось до самой Октябрьской революции. Правда, социально-экономическая сущность манапства с каждой новой эпохой менялась. Имевший в эпоху натурального хозяйства неограниченную власть над своими подчиненными манап-феодал впоследствии, в начальную эпоху принятия русского подданства, в эпоху возникновения товарно-денежного хозяйства сменился манапом чиновным. Вторжение торгового капитала сильно поколебало устои родового общества. Разложение рода влекло за собой гибель родового авторитета. Манапство разлагалось и становилось все более тягостным для народа балластом. Находились, правда, отдельные жизнеспособные элементы, которые сумели приноровиться к новым условиям и войти в ряды торгового сословия. Но как социальная прослойка, порожденная патриархально-родовым строем, манапство через века протаскивало свою старую идеологию господствующей группы и этим тормозило развитие народа.

Отдельные джомокчу из числа известных исполнителей “Манаса”, будучи сами не манапского происхождения,

все же обслуживали аристократию, имея нередко главными потребителями своей продукции власть имущих манапов. Таким образом, первоначально возникшая в народных массах эпическая песня в своем дальнейшем расширении, сюжетно-идеологическом осложнении и разрастании в каких-то вариантах, отдельных исполнениях невольно становилась достоянием и верхней прослойки. Заново отделанный, перерожденный “Манас”, не ограничиваясь только средой феодально-родовой верхушки, распространялся, хотя бы в отрывках, среди слушателей, используя верха как классово-идеологическое орудие для внедрения идеологии господствующего класса в народные массы.

С течением времени изменения и наслоения в одном варианте влияли на другие, более народные варианты. Навязанные манапством и духовенством новые тенденции становились постепенно обязательными для всех крупных джомокчу. Последние вынуждены были приспособиться к требованиям верхов, иначе им угрожал бойкот, преследование и даже запрещение выступать. Поэтому-то во всех дошедших до нас вариантах мы наблюдаем заметный, а порой даже очень сильный налет религиозности. Касаясь наслоений, возникших в результате непосредственного влияния манапской слушательской среды, надо подчеркнуть, что они составляют наиболее слабые сюжетно, не реальные и художественно малоценные части поэмы. В этих почти искусственно навязанных элементах и красках выражены мечты и чаяния манапства, их идеал беспредельного господства над родами. Всякие громкие названия, как “казат-газават”, “страдания за веру”, являются внешним, совершенно неубедительным налетом на всей мощно сложенной и в таком виде сохранившейся народной основе каждого варианта. Гораздо большей правдивостью, чем эти посторонние элементы, отличаются мастерские описания боев и быта, многосторонне и художественно очерченных правдоподобных взаимоотношений героев-персонажей.

Слушая видоизмененные варианты и описания мусульманского облика Манаса, народ чтит не Манаса — всевластного хана, тирана или поборника ислама. В массе своей киргизский народ не был ни фанатичным, ни даже

религиозным. В старинной поэме, изображающей в главных и неизменных основных сюжетных положениях легендарно-героические деяния богатырей полуфантастического далекого прошлого, народ чтит героику своей истории и поэтическое мастерство талантливых джомокчу-певцов, вышедших из среды народной, излагающих свои мысли и чувства языком самого народа. И Манас, взятый как собирательный, сгущенный образ богатыря, воспринимался только как богатырь – носитель героических черт в характере народа. Поэтому во всех вариантах эпоса воспринимается, главным образом, только такой образ Манаса. Такого батыра и делают единственным героем поэмы. Такой Манас и был популярен в киргизском народе.

Дальнейший анализ содержания и формы эпоса должен полнее раскрыть особенность показа и обрисовки главного героя и его окружения. Эти общие замечания о сказителях “Манаса” и слушательской среде необходимо дополнить некоторыми фактами, касающимися биографии Сагымбая Орозбакова и условий исполнения им поэмы, исследуемой нами в его варианте, как первой записи. Небезынтересны и обстоятельства, сопутствовавшие исполнению и записи версии Орозбакова. Из них складываются те личные и общественные мотивы, те бытовые детали, которыми было окружено и обусловлено последнее, необычное для сказителя четырехлетнее исполнение поэмы. Иногда сложнее, а иногда и непосредственно эти обстоятельства влияли на весь ход творческого процесса – исполнения.

Трудно вообще предположить, чтобы столь длительный творчески-исполнительский акт протекал при одном настроении поэта. А приводимые ниже факты из истории записи свидетельствуют о многих скрещивающихся, сложных воздействиях на судьбу и характер текста. Сюда входят различные факты личной, семейной жизни поэта и условия, в которые были поставлены сам поэт и записывавший учитель во время их совместной работы.

Особенно важно упомянуть здесь о заказе Орозбакова со стороны засоренных националистами киргизских научных учреждений и специально уполномоченных ими лиц. Они неоднократно беседовали с Сагымбаем о совершенно новых, доселе неведомых джомокчу задачах предстоящего

исполнения, попутно снабжая его в своей интерпретации многими разнохарактерными сведениями из прошлого и настоящего. Как видно из дальнейшего, эти встречи и беседы с разными лицами – заказчиками – не оставались без последствий почти для всех частей поэмы. Но вначале вкратце остановимся на биографических данных Сагымбая и на сведениях, сообщаемых Ыбраем Абдрахмановым, который вел всю запись текста.

Сагымбай – киргиз Нарынского района из рода Саяк, колена Мойнок. В 1922 г. ему было 55 лет. Отец его, Орозбак – очевидец и участник многих важных исторических событий, предшествовавших и сопутствовавших периоду присоединения края. Орозбак состоял трубачом у известного манапа из рода Сарыбагыш – Ормона. Рассказывают, что он был очень талантливым кернейчи (музыкантом), исполнителем киргизских старинных кюев (сложных инструментальных мелодий).

Сын его, будущий джомокчу Сагымбай, родился на берегу Иссык-Куля. Сагымбай рано начал увлекаться ролью исполнителя джомоков. Наделенный от природы недюжинной памятью, молодой человек вначале собирал и заучивал различные обрядовые, лирические, свадебные песни, запоминал интересовавшие его отрывки из эпоса, выступал как ырчи на многих семейных вечерах, тоях (пирах) и увеселительных многолюдных торжествах. Посвящению его в джомокчу способствовал, как объяснял он сам, тоже “знаменательный сон”. До этого момента репертуар Сагымбая состоял, по-видимому, из самых разнообразных песен преимущественно мелких форм. Постоянный участник вечеринок, юноша был неутомимым, неисчерпаемым импровизатором всяких лирических, любовных, игровых песен, которыми обычно сопровождаются многие развлечения киргизской молодежи. Многие из этих песен, такие как “Секетбай”, “Кыз обыш” и подобные им, сохранились в его памяти до старости.

По воспоминаниям современников, начальный и последующий периоды выступления Сагымбая как джомокчу замечательны появлением целой плеяды талантливейших исполнителей “Манаса”. К числу их относятся Балык, Найманбай, Тыныбек, Акылбек, Дикамбай и другие.

В личных воспоминаниях Сагымбая первым видным исполнителем “Манаса”, из уст которого он впервые прослушал всю поэму, был Тыныбек. Но Тыныбек, Найманбай, Акылбек – почти все сверстники, современники Сагымбая. Из поэтов старшего поколения он застал только Балыка, которого тоже слушал в молодые годы. Родной брат Сагымбая Али Шер также был исполнителем “Манаса”, хотя и не очень популярным, но с именем джомокчу, а не ырчи. Из указанной группы поэтов только один Балык был малодоступен Сагымбаю вследствие разницы в годах, остальные же составляли поэтическую среду будущего манасчи. Являясь многообразным источником для фантазии пытливого юноши, эта группа поэтов в своих исполнениях представляла, вероятно, различные школы аэдов предшествовавших эпох. Вопрос о школах, объеме и порядке изложения сюжета поэмы в исполнении Сагымбая возникает даже при самом беглом знакомстве с сегодняшним текстом в связи с вопросом о наслоениях.

Когда Сагымбай становится признанным джомокчу, он приобретает облик профессионального певца, и его дальнейшая деятельность протекает уже не только в родном аиле, среди сородичей, но и в кругу слушателей из масс. Как многие популярные певцы, он попадает в среду слушателей из манапов и влиятельных, родовых богачей. Например, он исполнял свой вариант у таких известных в свое время манапов, как Мамбет-Али, Дюр, Тезекбай, Чолпонкул.

В исполнении поэмы перед разнообразными аудиториями протекали десятки лет его жизни.

Таким застало его в начале 20-х годов поручение Туркестанской научной комиссии, а впоследствии Кирнаркомпроса продиктовать всю поэму специально приехавшему к нему учителю (мугаллиму Абдрахманову). При организации этой записи вначале захватил инициативу в свои руки известный киргизский националист-пантюркист Ешеналы Арабаев. Он решил поселить Сагымбая и Абдрахманова на все время работы в семье манапа Нарынского района Абдылды, который согласился на это, очевидно, не без расчета. Свидетельством тому являются неоднократные упоминания об этом манапе мугаллима (учителя) и самого

Сагымбая в последующие периоды их работы, когда им приходилось письменно обращаться в Наркомпрос. Имя Абдылды попадает также два-три раза у Сагымбая и в текст самой поэмы, и в запев, и в заключительную часть двух-трех циклов песен (т. VI) с лестными отзывами о нем.

По свидетельству Абдрахманова, Сагымбай приступил к исполнению с большим воодушевлением, продиктовав за первые летние месяцы весь первый “цикл” — один из наиболее талантливо исполненных разделов поэмы. Этим же летом он продиктовал и второй “цикл”, всего приблизительно около 1000 страниц, доведя исполнение до “второго казата” — третьего “цикла”. Сагымбай и Абдрахманов выполнили эту работу на джайлоо, перекочевывая вместе с аилом Абдылды. Данные два тома и последующий третий исполнены с творческим энтузиазмом, при одинаковом приблизительно настроении сказителя, одинаковом отношении его к своей задаче.

Но, начав дело, Туркестанская научная комиссия и уполномоченные ею лица вскоре забывают и об эпосе, и о занятых записью его людях, предоставив их самим себе. Неоднократные письменные обращения Абдрахманова в центр остаются без ответа. Вынужденный заботиться о семье, Сагымбай начинает беспокоиться за ее судьбу. Обстоятельства вынуждают его часто уезжать домой, изыскивать средства на пропитание семьи. Нарушаются первоначальные темпы работы. Напряженность творческой фантазии ослабевает, снижается продуктивность. Теперь Сагымбай диктует гораздо медленнее, со многими перерывами. Невнимание со стороны инициаторов записи нервирует и разочаровывает поэта. Дальнейшее пребывание в аиле Абдылды становится Сагымбаю и Абдрахманову в тягость. Они разъезжаются по домам, прервав работу на неопределенный срок, но вскоре начинают работать снова, проживая уже то в одном, то в другом месте. Часто учителю приходилось жить и в семье Сагымбая, расходуя иногда его личные средства.

Все это не остается без последствий. С конца третьего цикла, в начале и в конце почти каждой из последующих книг Сагымбай диктует своему писцу пространные послания в стихах первоначальным организаторам записи.

Общий тон этих посланий свидетельствует, прежде всего, о самом искреннем, добросовестном отношении поэта к порученной ему миссии.

Но он же говорит и о недопустимых условиях, в которые был поставлен исполнитель. В одном из таких посланий Сагымбай вынужден был даже сообщить о количестве баранов, чая и муки, израсходованных из его личных запасов. Правда, он поет об этом в шутовском тоне. Как бы то ни было, нарушение нормальной деловой работы затянуло запись “Манаса” почти на четыре года. Причем, по сообщению Абдрахманова, из этих четырех лет фактически он проработал над всем “Манасом” только года два. Остальное время ушло на частые перерывы по указанным выше обстоятельствам и один раз по болезни Сагымбая. Кроме того, начиная с записи седьмого тома, у Сагымбая появляются признаки психического расстройства, повлекшие за собой забывчивость. Это объясняется, очевидно, переутомлением от необычайного для него напряжения и непривычной работы – скучной диктовки в течение ряда лет одному писцу.

Все прежние исполнения Сагымбая протекали при многолюдной аудитории энтузиастов-слушателей, при напевном, отчасти игровом (жестикуляции, мимика) исполнении. Там он сливался в одно целое с поклонниками, одобрявшими его возгласами и восхвалениями, как бы созерцая героические сцены им же самим раскинутого полотна. Он ощущал как материал, так и его оформление во всей полноте и эмоциональной действенности для слушателей и для себя, пел обычно до тех пор, пока не истощались силы. В таких условиях почти каждое исполнение являлось вдохновенным пением. Эти условия были привычными, законными для полета творческой фантазии.

Последнее исполнение в необычайной обстановке повлекло за собой крайне нервное переутомление. К тому же националисты, часто встречавшиеся тогда с певцом, как рассказывают свидетели, спаивали его, якобы с целью держать сказителя постоянно в экстазе. Этот факт, главным образом, и содействовал психическому расстройству певца.

Однако все приведенные здесь обстоятельства относятся к моментам чисто внешним, обуславливавшим то или иное настроение, степень продуктивности, эмоционального волнения, энтузиазм поэта. Безусловно, их влияние и на судьбу текста, в конечном счете, должно было быть не малым, порой даже весьма значительным. Но помимо них были и другие обстоятельства, которые отразились уже на внутреннем содержании поэмы, на идеологической окраске отдельных моментов сюжетной канвы эпоса. К таким обстоятельствам относятся встречи с рядом работников — киргизов, длительные беседы с ними.

При знакомстве со всем записанным вариантом особенно ярко выделяется один слой, в виде непосредственного отражения заразивших поэта идей пантюркизма со ссылками на отдаленное и недавнее историческое прошлое многих тюркских племен. Упоминаются почти с полнейшей точностью многие географические названия, приводятся факты из истории соседних нетюркских народностей.

Для Сагымбая в последней интерпретации его отделочных мотивов “Манас” — не продукт фантазии, а как бы реальный образ “тюркского национального героя”, каким должен быть объединитель родов. Это — идеал “народного вождя”, основателя новой государственности, восстановителя прежнего могущества тюрков. Причем по новой тенденции джомокчи историческая миссия собирания, образования мощного ядра и безусловное господство внутри этого объединения падает на долю киргизского народа. Здесь налицо несомненное влияние контрреволюционной программы Алаш-Орды и пантюркистов.

Тут не примитивная обработка случайно попавших в круг ведения певца отрывочных исторических сведений и легендарных данных, а несомненно определенное мировоззрение, если угодно, политическая программа пантюркизма, джадидской, националистически настроенной группы интеллигенции. Исторически опровергнутая, опрокинутая всем ходом революционного развития национальных окраин среднеазиатской части Советского Союза, эта политическая “теория” продолжала жить в сознании отдельных представителей местной интеллигенции — националистов. Через частые встречи, беседы, настойчивые напоминания

сказителю заказы их передавались поэту и дали свои плоды в отдельных моментах записанного варианта поэмы. Эти встречи добавили к прежнему запасу имен, которыми вообще изобилует поэма, массу новых, исторически зафиксированных имен, географических названий, кратких, отрывочных сообщений из истории культуры, экономики, географии и фольклора отдельных народностей, причем в классово узкой, односторонней и реакционной по сути трактовке.

Конечно, эти наслоения, легшие на “Манас”, получили в него доступ только через организаторов записи. Частью они могли прийти до джомокчу еще несколько раньше, в годы, предшествовавшие Октябрьской революции, когда в числе слушателей “Манаса” появились отдельные лица, читающие татарские и казахские газеты и журналы. Черпая из них некоторую сумму знаний, они почти всегда делились впечатлениями с людьми своего круга, а иногда и с талантливыми джомокчу. Ведь известно же, хотя бы по радловскому варианту, как сравнительно давно проникся “Манас” религиозными тенденциями в духе панисламизма. Конечно, это результат влияния ишанов и мулл на манапскую среду, которое сказалось и на “Манасе”. Между прочим, усилению религиозного момента способствовала также набожность некоторых джомокчу. “У набожного сказителя и герои набожны”. Набожностью отличался и Сагымбай.

Услышанное Сагымбаем от отдельных лиц из числа заказчиков, естественно, показалось ему неопровержимо верным, ценным и малоизвестным прежнему кругу его слушателей. И он начал вводить во вступления к отдельным песням — эпизодам, к концовкам их разнообразные сведения, какими пичкали его собеседники, преследуя при этом конкретную политическую цель.

Взамен прежней аудитории он находит иную и местами ориентируется на ее вкусы. Ее требования он понимает как требования новых слушателей-читателей. Среди обстоятельств, повлиявших на текст поэмы, эти факты занимают совершенно особое место. Но из всего сказанного здесь нельзя, конечно, заключить, что встречи и беседы Сагымбая с указанными лицами совершенно перевернули

все представления поэта или все сюжетно-образные основы поэмы. Наоборот, и к счастью, они выглядят только явно заметными, внешними и искусственными наслоениями, от которых нетрудно очистить вариант Сагымбая. Не изменили эти встречи и прежних верований акына относительно своего дара.

Так, Сагымбай вынужден верить в наитие всех, с кем ему приходилось сталкиваться.

Но помимо объяснений своей творческой “тайны” джомокчу иногда делился с Абдрахмановым и замечаниями по поводу исполненного. В этом отношении характерны несколько справок, данных им относительно первых и некоторых других циклов. Считая весь рассказанный им вариант внушенным ему во время болезни в молодые годы, он говорит, что услышанное во сне он несколько дополнил и переработал, прослушав Тыныбека, Акылбека, а также прибавил от себя большую вступительную главу о рождении и детстве Манаса. Этим была закончена его обработка поэмы, и в дальнейшем он, якобы, ни разу не изменял и не обновлял ее.

Но, очевидно, кроме полного “Манаса” у него был ряд сокращенных вариантов и популярных отрывков, которые он обычно исполнял на случайных, непродолжительных выступлениях. К такому заключению нас приводит, помимо всего прочего, одно его замечание, когда он предупредил Абдрахманова, что первые части будет диктовать подробно, для того чтобы сказывание было основательным, а не случайным исполнением. Поэтому начало поэмы, обычно краткое у других исполнителей, развернулось у Сагымбая почти в две книги до 1000 страниц. По сообщению Абдрахманова, эти первые тома были продиктованы без затруднений и задержек. Так же шла запись “Поминок по Кокетею” (7-й) и “Великого похода” (9-й цикл), несмотря на то, что во время записи этих частей Сагымбай уже был нездоров.

По яркости и талантливости исполнения они выделяются как самые занимательные и художественно цельные циклы. Легко исполнялись они, несмотря на болезненное состояние поэта, очевидно, потому, что Сагымбай и все другие джомокчу выступали с ними гораздо чаще, вызывая всегда огромный интерес у слушателей.

Зато самым трудным, даже тягостным было для поэта исполнение последнего, десятого цикла. Абдрахманов рассказывает:

“Над ним работали, живя у самого Сагымбая, и часто бывало так, что, едва продиктовав 5-6 страниц, он просил перерыва и тут же засыпал. В этот период жизни Сагымбай стал почти невменяем: забывал то, что говорил совсем недавно, постоянно менял свои решения, совершенно не помня, что не дальше как вчера или сегодня утром высказывал обратное, часто просил перечитывать только что записанное. Вообще было видно, что дальнейшее исполнение становится уже в тягость для него”.

Справедливость сказанного подтверждается и текстом десятой книги, из которого видно, до каких крайних пределов дошло напряжение поэта. Заметно, как иссыкает воображение, исчерпывает все свои источники песня, слабеет стихотворное речетворчество. Резко бросается в глаза множество повторений не только типических, вообще характерных для эпоса мест, но и целых положений, сцен, ситуаций. Многое просто механически втискивается как готовое, что раньше было использовано в убедительном, художественно-правдивом и действенном окружении сопутствующих картин.

Сам Сагымбай во время работы над этой частью признался Абдрахманову, что вследствие забывчивости у него пострадали бы и “Великий поход”, и “Поминки по Коке-тею”, провалилось бы все исполнение, но положение спасло только прежнее многократное сказывание их. И, конечно, как он пояснил, в не меньшей степени помог “дух Семетая”, не покинувший своего поклонника и почитателя до самых последних его усилий. Сагымбай говорил, что сказание о Семетее он исполняет с большой любовью и волнением.

В отношении фабульного материала, повествовательных элементов, их развития и мотивировки отдельных положений в эпосе, по признанию самого поэта, его расхождения с другими джомокчу относятся к началу поэмы и к финальной части. По Сагымбаю, последний “кичи казат” (малый поход) был результатом выступления китайцев против Манаса, во время которого гибнут все богатыри,

и сам Манас возвращается домой смертельно раненным. А у прежних певцов этот “кичи казат” был совершен, так же, как первый, самим Манасом на китайцев, и герой возвращается из него раненым и умирает.

По каралаевскому варианту, как и по ряду других повествований, все события “малого похода”, т.е. десятого цикла, являются результатом “Чон казата” (Великого похода). Потеряв в этом самом большом походе всех своих богатырей-соратников, Манас и сам возвращается раненым и умирает от раны. А по Сагымбаю, Манас перед концом своей жизни совершает паломничество в Мекку с ближайшими сподвижниками. Сам Сагымбай указывает только на эти расхождения, уверяя, что остальное содержание поэмы у всех одинаково. Но только ли это прибавил Сагымбай? Нет ли еще других наслоений, новых элементов, какие не приходили и не могли придти в голову его предшественников? Эти вопросы могут быть разрешены лишь при сопоставлении ряда полных вариантов.

Краткий анализ содержания и формы поэмы

Начнем наш обзор с тематики и сюжетного построения поэмы. Нужно заранее оговориться, что исследование наше отнюдь не претендует на исчерпывающий разбор столь обильного количественно и своеобразного качественно сложного материала. Сложен он потому, что поэма в своем формировании имеет длинную историю и наслоения многих эпох, запечатлев в себе творческое участие различных певцов. Сюжетно и конструктивно она чрезвычайно пестра и состоит из многих, порой даже противоречивых элементов.

Оставляя углубленное изучение этих особенностей поэмы в целом как задачу будущего специально научного изучения ее, мы займемся пока изложением только наших далеко не полных наблюдений, вынесенных при первом знакомстве с теперешними текстами — одним полным (сагымбаевским), а другим еще незаконченным (каралаевским).

Тематически поэма разбита переписчиками по договоренности с Сагымбаем на 10 циклов-песен (томов).

Принцип такого деления, как объясняет писец, довольно прост и чрезвычайно условен. Причем, если его признать тоже условно верным в отношении первого цикла, где изложено появление на свет Манаса и детские годы его, т.е. последовательно развернута одна линия повествования, то оно не выдерживает этой последовательности при объединении в одну книгу других, тематически совершенно различных эпизодов, в других циклах. Такое деление, понятно, не позволяет говорить о целом объединении песен. Касаясь вопроса тематики вообще, мы вынуждены выйти из рамок этих механических делений и наметить группу больших тем, выделяющихся из всей массы мелких эпизодов по своему фабульному материалу, по однотипному повествовательному стержню.

При таком свободном подборе можно указать на следующие главные большие темы: 1) рождение и детство Манаса, 2) походы – “казаты”, 3) прибытие Алмамбета – первого соратника и названного брата героя, 4) сватовство и женитьба на Каныкей, 5) поминки по Кокетею, 6) эпизод с кезкаманами (родственниками Манаса). Кроме того, есть еще небольшие, но фабульно несходные с “казатами” темы: 7) о заговоре ханов против Манаса. Этот перечень основных тем дает приблизительный объем сагымбаевского варианта. Тема о Джолое, составляющая отдельный эпизод в радловском варианте, здесь не выделяется особо, потому что Джолой, как и Конурбай и Эсен-хан, фигурируют во многих главнейших частях поэмы в качестве постоянных противников Манаса. Тема о них вписалась в канву поэмы, составив органическое сюжетное целое, как тема об Афрасиабе в “Шахнаме”. На их взаимной вражде и противоположных, постоянно сталкивающихся стремлениях основана вся сложная борьба и перемены в положении действующих лиц. Они же двигают все актуально-динамические темы как отдельных песен, так и всей почти поэмы.

Из перечисленных главных тем самое большое место у Сагымбая занимают, конечно, “казаты”, тогда как темы поминок, женитьбы и эпизод с родственниками входят в качестве бытового материала, сюжетно подчиненного основной героической теме, но изображающего главных

действующих лиц в сравнительно мирной семейной обстановке и в общении с родственниками. Однако эпизоды, описанные в них, развертывают перед слушателями не только картины мирной обстановки. Благодаря введению во все части иногда подробно описанных батальных картин, эти этнографические бытовые темы в конечном счете тоже приобретают тон и характер героической эпопеи. Герой, который, по основному замыслу певцов, должен быть показан в бытовом окружении, в буднях своей частной, личной жизни, и в этих темах занимает центральное место как богатырь, благодаря тому же героизму, но проявленному уже в иной обстановке. Конструктивно и отчасти тематически эти части строго подчинены основному стилю эпоса.

Таким образом, единственной организующей всю поэму стержневой темой является тема о главном герое и его многочисленных похождениях и различных приключениях. Нет почти ни одного эпизода, где так или иначе не участвовал бы Манас. Исключение составляет лишь небольшой отрывок “Доо пери жомогу” (песня о циклопе), где действуют богатыри Манаса, а не он сам. Таким образом, не случайно поэма названа именем только одного героя – центрального образа всего повествования.

Способ трактовки Сагымбаем тематического материала и конструктивного оформления всей поэмы в конечном результате приводит к определенной спаянности частей, создает впечатление последовательно развернутого, цельного, всесторонне исчерпанного былинно-героического сюжета. Правда, среди множества эпизодов есть отдельные отрывки, имеющие тенденцию выделиться в особую поэму. Таковы песня о Кошое до его встречи с Манасом и песня о циклопе.

Что касается других тем, то, говоря о единстве признаков, объединяющих их в большой былинный сюжет, нужно, однако, сделать существенную оговорку, что это единство тоже условно. Объединяющая тема только одна – тема о Манасе, поскольку она пронизывает каждый эпизод и всю поэму в целом. Признавая этот момент как признак, способствующий номенклатурному обозначению большой темы, одновременно отметим, что в пределах ее имеется масса самостоятельных малых тем. В сущности

говоря, каждая песня, хотя бы даже в цикле о походах, есть законченный эпизод, в котором даже малая тема сюжетно исчерпана. Это – цельные эпизоды, правда, раздробляющие большую тему одного казата на мелкие темы (особые приключения, добавленные к биографиям героев, и многое другое), с самостоятельным началом и завершенной концовкой. В этом отношении каждую песню следует признать самостоятельной частью, возникшей, может быть, в процессе одного творческого акта, независимо от того, ранний или поздний певец сочинил ее. Исходя из этого, деятельность Сагымбая можно уподобить работе редактора древних эпических сводов, который объединяет все дошедшие до него сценки, отрывки, эпизоды. Причем каждый эпизод сам по себе закончен, целен и не излишен, хотя бы даже как биографическая подробность о герое. Это последнее обстоятельство сыграло особую роль в необычайном сюжетном разрастании поэмы. Если принять во внимание указанное, то переход в нашем исследовании от суммарно намеченных больших тем к малым эпизодическим темам должен был бы выразиться в перечислении фабульного материала всех песен, что малопродуктивно и не покажет всей архитектоники поэмы. Поэтому считаем необходимым дальнейшие вопросы тематики рассматривать в связи с анализом сюжетного построения произведения.

Как же расположены большие темы, как сюжетно разработан, оформлен и в какой последовательности конструктивно объединен весь этот обильный тематический материал? Для ответа на эти вопросы нужно обратиться к отдельным значительным частям поэмы, а так как большая часть повествовательного материала сгруппирована вокруг казатов (походов), мы начнем исследование с этой темы.

Тема “казатов” (походов)

Занимая в поэме самое большое место и разбиваясь на множество отдельных походов, эта тема по общей схеме построения у Сагымбая однотипна. Различия в деталях настолько малочисленны и незначительны, что одна фабульная схема может охватить сюжеты всех походов, причем

с исчерпывающей полнотой она представлена в “Великом походе”, цикле песен о походе на Бейджин. Если из этого цикла изъять как самостоятельный эпизод о заговоре семи ханов, то сюжет остальной части описательно можно представить в следующем виде*.

Как обычно в песнях иных, и эта песня начинается с описания богатой, счастливой, мирной жизни в стране киргизов, где прославленный, могущественный герой Манас окружен уважением своих друзей-богатырей (кырк-чоро), жен, слуг и всей рати. И в обстановке такой, обычно непродолжительной, мирной жизни всей манасовской рати возникают поводы к новым походам. В версии Сагымбая таким поводом, очевидно более позднего происхождения, нередко является мотив священной войны с “неверными”. В “Великом походе” у этого сказителя поводом для похода на Бейджин служит тот же мотив, к которому присоединяется еще вечная вражда Манаса к его главному сопернику батыру Конурбау, могучему витязю.

Страна Конурбая не признает ханства Манаса и считает его своим подчиненным, пытается обложить данью, наказать набегами киргизов. Имея, таким образом, якобы полное основание для “священной войны” против самого надменного врага, Манас объявляет день отправления в поход.

Дальше идут, по характерной сюжетной схеме всех походов, сборы в путь. Обычно в этих частях, собственно, во вступлениях, преобладают статические мотивы в виде длительных подробных описаний от лица самого певца либо в виде монологов-наставлений, ободряющих речей. К концу сборов в стан Манаса начинают прибывать со своими полчищами подчиненные ему ханы остальных тюркских родов. Очень характерен показ картины стекающихся со всех концов войск богатырей-ханов. Певец как бы устраивает парад прибывающих одна за другой разноплеменных частей во главе со своими вождями родов — богатырями, которые являются друзьями и постоянными

* Здесь мы имеем в виду сагымбаевский вариант. Об особенностях, дополняющих или расходящихся с данным вариантом у Каралаева, будет сказано ниже.

соратниками Манаса. Во всех без исключения походах этот парад в качестве традиционного начала включается в повествование обязательно в виде готового клише, в одних и тех же выражениях, с сохранением неизменной очередности прибывающих.

Затем следует прощание с родными, женами, впрочем, не всегда обязательное при других походах, но пространенно изложенное в “Чон казате”. После этого войска отправляются в поход.

Дальше, по установленной схеме, возникают обычные в фольклоре трудности пути. Утомительная, изнуряющая участников похода долгая езда под предводительством Алмамбета в “Чон казате” растягивается на 90 дней, в продолжении которых не сделано ни единого привала. Описываются затрудняющие путь безводные пустыни, непроходимые горы, бурные потоки (обычные для европейского эпоса дремучие леса здесь, в соответствии с географической обстановкой, встречаются очень редко). Путь следования войска дает возможность певцу продемонстрировать его географические познания. Он с особенной любовью и эпическим спокойствием нанизывает в повествование массу топонимических и этнонимических материалов. Каждое обстоятельное описание новых мест включает в себя рельеф местности, климат, флору и фауну определенной географической среды. Правда, все эти элементы, в соответствии с преувеличенным во всех деталях былинно-героическим окружением и сюжетным заданием, осложнены, сказочно преувеличены, метафорически насыщены фантастикой. Например, животные несут обязанности вестников врага. Они мешают продвижению войск, некоторые из них после длительной борьбы вырываются на волю, спасаются от погони, прибегают к своим хозяевам и предупреждают их о надвигающейся опасности. Почти во всех походах фигурируют фантастические вестники врагов, являясь то в виде животных, то в виде людей-чародеев (аяров) либо доо — циклопов. Например, в “Чон казате” Макел-доо наводит ужас на людей Манаса своей силой, колдованиями, наваждениями и другими кознями. Соратники Манаса, в противоположность своим врагам, пользуются только

своей огромной физической силой и мужеством, побеждая в открытой, честной борьбе. Они не владеют тайнами злых духов, от которых могут черпать силу только враги. Этот момент интересен для характеристики стиля поэмы, сближающей ее со всеми омусульманенными героями других восточных поэм, как “Шахнаме”, “Газават Сейт-Баттал” и др.

Но не всегда удается устранить злые силы одной лишь физической мощью. Тогда выступает Алмамбет, который знает все тайны темных сил и вступает в борьбу с ними, внося в повествование сказочные элементы превращений, он побеждает противника своими чарами и убивает его. Так устраняется с пути первое большое сопротивление врагов. Затем Алмамбет борется со стихией: по его желанию холод сменяется теплом, нестерпимая жара – прохладным дождем, заклинанием он осушает бурный поток (реку Орхон в “Чон казате”). Обученный еще в детстве у себя в Китае тайным знаниям, он имеет могущественную власть над природой. Это – аналог Вьянемейнену из “Калевалы”. Так, побеждая стихию и темные силы, Алмамбет прокладывает путь в заколдованные вражеские владения. Но Алмамбет не только владеет тайными знаниями, он в то же время смелый, предприимчивый глава войска, храбрый богатырь. Манас поручает ему предводительство над войсками во время похода в Бейджин, и он прекрасно справляется с этой задачей, проявляя исключительную неутомимость и изобретательность ума.

Постоянное участие Алмамбета повторяется как необходимый момент в сюжетной схеме всех походов. Его борьба с темными силами – одно из обязательных звеньев в общей фабульной цепи событий. Но в “Чон казате” первое большое испытание с ним разделяют вначале Манас, убивший циклопа Макел-доо, а затем первые друзья – Чубак и Сыргак. Во всех же остальных случаях начальную борьбу ведет один Алмамбет. Эта борьба является одной из важнейших динамических тем,двигающих события и тем самым осложняющих сюжетную схему похода.

После всех этих приключений войска Манаса встречаются на территории врага лицом к лицу с ожидающими их несметными полчищами противника во главе с

богатырями и ханами. Массовые бои разворачиваются не сразу, им обязательно предшествуют поединки. С обеих сторон выступают сначала второстепенные богатыри. Для усиления впечатления вводится интригующий элемент. Поединки обычно заканчиваются переменным успехом или даже победой противника. Этим оборотом достигается необходимое осложнение событий, насыщенные динамикой эпизоды с частичными поражениями войск Манаса усиливают сюжетное нагнетение, сгущают действие. После многих поединков, постепенно повышающих интерес слушателя в ожидании неизвестного для него исхода, наступает кульминационный пункт борьбы, когда стороны обращаются к своим самым сильным богатырям – славе своей рати. При этом киргизы прибегают к Манасу, а враги к какому-либо достойному его противнику из ханов. После того, как вступает в поединок эта пара, бой обычно кончается победой Манаса, и дальнейшая борьба вырастает в массовое сражение, причем центральными фигурами остаются все время Манас, Алмамбет и кырк-чоро.

Участия масс певец почти не замечает, ему они нужны лишь в качестве статистов, сначала для указаний численности войск, затем – в конце боя, когда от рук героев гибнут в несметном количестве враги, а оставшиеся в живых обращаются в бегство или сдаются в плен. По окончании битвы певец подробно описывает поле боя с перечислением потерь, дает картину поисков оставшимися в живых отсутствующих родных и друзей. Это почти единственный случай, когда внимание певца останавливается на массе, прием, необходимый для демонстрации ужасов, как заключительный аккорд, как способ усилить впечатление.

Дальнейшие бои происходят уже в крепости или у городских стен бежавшего с поля брани противника. При этом снова могут повторяться поединки, иногда же событие заканчивается массовыми батальными сценами.

Наконец, следует обязательный финал: побежденные объявляют покорность, подносят победителям дары, начиная обычно с дочери хана и ее огромной женской свиты, кончая всякими драгоценными дарами золота, серебра, драгоценных камней. Происходит дележ трофеев. Финальная часть заканчивается либо принятием ислама

“неверными” и перемирием, либо сватовством и женитьбой самого Манаса или кого-либо из его близких на дочери бывшего главного врага. Из четырех своих жен – трех Манас приобретает именно таким путем. Исключение составляет только Канькей, тема о которой развита, как было указано выше, в совершенно особом, самостоятельном плане.

Этими событиями обычно исчерпывается сюжет похода. Иногда в виде отступления от общей схемы включается описание благополучного возвращения войск в свои земли. Такая концовка бывает очень редко, потому что герой чаще всего, победив одного врага, идет дальше, вступает в борьбу с другими противниками и продолжает свои завоевания, причем изложенная выше схема сражений приблизительно повторяется лишь с некоторой перестановкой событий и в новых словесно-поэтических описаниях.

В качестве небольших отступлений можно отметить еще редкие случаи конфликтов между самими героями. Так, например, однажды конфликт возникает между Манасом и Алмамбетом из-за пленницы Алтынай, увлекшей своей красотой обоих героев. Причиной других конфликтов между второстепенными героями часто бывает зависть. Один серьезный случай произошел на этой почве в “Чон казате” между Чубаком и Алмамбетом. Но обычно такие столкновения, возникающие во время походов, не заходят далеко, заканчиваются признанием вины одной из сторон и изъявлением покорности перед общим осуждающим мнением товарищей.

Подобными ситуациями, с частичными отступлениями, исчерпывается схема всех больших и малых походов, составляющих главную тему эпоса.

У Сагымбая “Чон казат” определяет собой схему остальных многочисленных, малых и больших, самостоятельных походов, у Каралаева “Чон казат” вообще исчерпывает всю тему походов. Последний, вместо многих походов, рисует только один, но зато дает очень длинное, подробное и героически приподнятое описание его. “Чон казат” в каралаевском варианте – это сгущенный, собирательный показ героических деяний богатырей во главе с Манасом. В боях и поединках проходят месяцы. С

непродолжительными перерывами вновь и вновь возобновляются яростные схватки манасовской рати с врагами. Подробно описаны героические действия не только Манаса, Алмамбета и их главных врагов, а и многих других второстепенных богатырей из двух станов.

Кроме того, у Каралаева в тему героических подвигов включен ряд других самостоятельных тем. Например, у Сагымбая приход Алмамбета составляет совершенно самостоятельный цикл. У Каралаева этот эпизод дается в виде воспоминания Алмамбета во время “Чон казата”. У Сагымбая гибель всех богатырей, соратников Манаса, составляет тоже самостоятельный, десятый цикл песен. У Каралаева эта тема дается как результат “Чон казат”. Даже смерть Манаса и последующую судьбу его семьи Каралаев не выключает из “Чон казата”. А Сагымбай эти темы переносит в десятый цикл, к самому концу поэмы, чтобы оттуда сделать переход к ее второй части, посвященной сыну Манаса, Семетею. Вариант Каралаева, сохраняя все повествовательные элементы и динамические мотивы сагымбаевского “Чон казата”, еще больше расширяет рамки входящих в этот цикл событий. У него меньше число циклов, так как большинство самостоятельных значительных тем исчерпывается в качестве подчиненных в “Чон казате” и в песне о Семетее. Что касается сагымбаевского варианта, то он, не давая исчерпывающего показа боев в одном “Чон казате”, отличается многосторонностью показа людей и их отношений. Психология, юмор, быт и развлечения одинаково занимают внимание эпически спокойного певца Сагымбая. Может быть, именно поэтому он не собрал все действия эпопеи в одном цикле и не исчерпал всех картин боев в одном походе, но зато дал много походов в различное время в различных странах, описывая их как события самостоятельные, законченно-цельные. Опираясь при нашем анализе на сагымбаевский вариант, вспомним, что героический тон основной темы (казата) тематически и структурно влияет на характер и облик других повествований, воспроизводящих не боевую, а сравнительно мирную обстановку в жизни героев. Так дело обстоит, например, с оформлением второй большой темы эпоса — “аш” (Поминки по Кокетею).

Тема “аш” (поминки)

Кокетей, один из старших соратников Манаса, перед смертью завещает своему сыну Бок-Муруну устроить по нем поминки. Для передачи этого завещания певцом использована форма бытовавшей почти до последнего времени лирико-обрядовой песни “корсез” (завет). Здесь выступает характерный прием мотивации новой большой темы – общий для всех без исключения частей поэмы, когда повествованию о каком-нибудь большом событии обязательно предшествуют пространно изложенные мотивы, поводы, вызвавшие его. Таковы, например, вступления ко всем походам.

Исполняя завет отца, Бок-Мурун поступает, как советует Манас: на быстроногом коне Мааникере гонец объезжает все известные певцу царства, созывая гостей на “аш” и угрожая за неявку разгромом. Ввод этого мотива задает необычайный для “аша” воинственный тон, в который окрашиваются все приготовления и сборы для устройства поминок.

Еще необычайнее для бытовой темы – наезды приглашенных с разных концов света гостей – ханов, царей с их полчищами во всеоружии и с соблюдением всех порядков военного похода. Съезжаются не только друзья, но и противники Манаса – Джолой от калмыков, Конурбай из Бейджина.

Самым последним на “аш” прибывает Манас во всем блеске своей славы и могущества, заставив прождать собравшихся много дней и вынудив своим опозданием отложить начало поминок.

Прибытие Манаса и небывало торжественная встреча его заслоняет на время основную тему. Солидарность друзей, воздающих почести Манасу и даже его коню Ак-Куле, демонстрирует перед лицом врагов спаянность киргизов и преклонение их перед ханом-героем. Превознося Манаса, певец в то же время шаржирует образ его врага Джолоя. Непомерная жадность к пище иронически подчеркивает ничтожность врага в сопоставлении с подлинным героем Манасом. Приблизительно так же, как Джолой, охарактеризован и Конурбай – алчный, завистливый, придири-

чивый, самый опасный враг Манаса. Накануне торжества происходит стычка между Джолоем и Конурбаем, когда последний намеревается отобрать у Бок-Муруна лучшего коня Мааникера с целью устроить киргизов и тем самым заставить их считаться с ним, Конурбаем. Это должно было бы послужить предупреждением и для зазнавшегося Манаса. Но Манас сразу разгадывает замысел врага. Оскорбленный попыткой Конурбая уронить его престиж, он негодует на Кошю и Бок-Муруна, по наивности уже склонившихся к мысли подарить Конурбаю облюбованного им коня. Для Манаса здесь ставится на карту вопрос престижа. Эта тонкая психологическая борьба остро сталкивает противников, и они выступают с открытым забралом уже воюющих сторон. Разгневанный Манас бросает вызов конурбаевской рати и начинает избивать людей его. Испугавшись гнева Манаса, Конурбай не выступает против него и отделяется приношением даров и извинений.

Таким образом, включив в сюжетное задание эпизода об “аше” воинственный элемент, сказитель то и дело выставляет эту динамическую тему, как подводное течение спокойно развертывающейся в дальнейшем картины поминок. Слушатель подготовлен к неожиданному вводу боевых тем, временно заслоняемых последовательным изложением занимательных игр и состязаний.

В дальнейшем с подлинно эпическими подробностями в художественно-полноценных, красочных картинах описывается торжество. Долго длятся игры, состязания, начиная со стрельбы из лука в слиток золота (джамбы), подвешенный на высоком столбе. Победителем из состязания выходит Манас. Дальше идут борьба, турнир (саиш), скачки и другие игры. Каждое из состязаний составляет сюжет целой песни. Описанные с самыми мелкими бытовыми подробностями, в реалистических тонах, они являются едва ли не самыми художественными и эмоционально заражающими сценами всей поэмы в сагымбаевском варианте. Во всех случаях победителями оказываются Манас, Кошой и другие его “чоро”, а в скачках первыми приходят их кони. Правда, победы эти достаются с большим трудом. Все виды борьбы певец

рисует интригуяще занимательно, талантливо и правдиво. Они реалистически действенны и несомненно должны захватывать слушателя, склоняя его к вере в подлинность побед.

Особенно напряженно протекает “куреш” (борьба на поясах) между Кошоем и Джолоем. Вначале против Джолоя никто не осмеливается выступить. Наконец, выходит старик Кошой. Далее следуют приготовления, расцветшие элементами комизма и психологизма, потом — долго длящаяся борьба, которая сулит в течение всей схватки победу противнику и вдруг завершается неожиданной победой Кошой. И, наконец, кульминационный пункт напряжения завершается и безмерным ликованием в стане киргизов.

Но такие напряженные моменты не всегда уместны: чувство меры подсказывает певцу необходимость ввода иных, менее острых, но столь же занимательных сцен. Таковыми являются картины, сопровождающие комически непристойную игру “развязывание верблюда” и др. Участвовать в этом состязании соглашаются только враги, среди киргизов не оказалось желающих. Удачно применяемый прием отстранения усиливает комизм выступления подлинно гротескных фигур из “неверных” — Мардикелена и Оронго. Таким же грубоватым комизмом начинается сцена “бодание паршеголовых”, “таз сузушу”, подражающая бою баранов.

К концу “аша” все эти развлечения и состязания сменяются чуть ли не самой сложной борьбой во время скачек. Для этой части певец бережет уже намеченные раньше мотивы серьезных столкновений между Манасом и его противниками.

Как и в действительности, борьба и скачки являются одними из самых интересных, острых, захватывающих моментов подобных состязаний. Чей конь прибежит первым и сорвет “туу” (знамя) Кокетея? Это не просто состязание коней, но вопрос чести и славы рода, выставившего определенного коня. Для достижения победы допускаются все способы воздействия на животных. Часто в пути устраиваются засады для опасных соперников, коней

противников сражают на скаку, увечат и тем самым дают возможность взять приз своим коням. Во время описываемого “аша” к таким мерам первыми пытаются прибегнуть люди Конурбая, но их попытки не увенчиваются успехом. Когда же по этому примеру действует Алмамбет, он сражает коня Конурбая. Происходит драка. Манас наказывает Джолоя и задерживает коней. В это время Конурбай расправляется с устроителями “аша” (поминок), насильно отбирает приз, а пытающихся оказать сопротивление, со своей стороны жестоко наказывает. Теперь прерванная боевая тема уже во всем своем объеме становится центральной темой дальнейшей драматической борьбы, и песня об “аше” переключается со всеми песнями о походах. Манас спешно собирает силы и устремляется в погоню за врагом-насильником.

Эпизод “аша” доведен до конца. В него включаются картины обычных боев. Герои в наказание избивают Джолоя в тот момент, когда тот, прибыв домой, хвастает перед женою своими доблестями и насилиями над киргизами. Наказание, понесенное им от Манаса, контрастирующее с предшествующим хвастовством, завершает трагикомически одно из многих столкновений Джолоя с киргизским героем.

Дальше Манас преследует Конурбая, истребляет его людей. Сам виновник позорного грабежа спасается бегством, оставив тем самым неразрешенный драматический узел — повод к новым боям, мотив для ввода новых динамических тем.

Тема женитьбы героя

Весь стиль героической песни влияет на сюжет следующей большой темы — о женитьбе Манаса на Каныкей. Ее необходимо показать как женитьбу не простого смертного, а героя-богатыря. В связи с этим становится не обязательным подчинять Манаса всем обычаям и условностям традиционного сватовства и женитьбы. Резко очерченная индивидуальность Манаса с необыкновенно бурно проявляющимися в этом эпизоде гневом, нетерпеливостью, страстью и отчасти притворством, многосторонне допол-

няет образ героя и одновременно разрушает привычную обстановку бытового эпизода. Благодаря вводу этих мотивов и данная тема в отдельных своих положениях включается в общий поток героических тем.

Эпизод начинается с обыкновенной реалистической сцены сватовства. Манас и его друзья, наслышавшись о высоких достоинствах Каныкей, дочери хана Темира, посылают отца Манаса, Джакыпа, просватать ее за героя. По традиции отец выбирает невесту для сына. После долгих поисков он, наконец, находит город невесты, видит ее и решает тут же приступить к сватовству. Идут сговоры, стороны ставят взаимные условия со всеми реалистическими бытовыми подробностями. Перечисляется несметный калым как обязательный элемент сватовства.

Между прочим, тема о женитьбе вводится тоже с необходимой мотивировкой вначале. Имея уже двух жен, доставшихся в результате побед над врагами, Манас, по настоянию Алмамбета, решает жениться еще раз. Став названным братом Манаса, Алмамбет испытывает его жен и находит, что Манас еще не имеет достойной себя подруги. Кроме того, эти жены достались ему как трофеи побед, а по родовому обычаю надо иметь еще и более “законную” жену, взятую по всем правилам, которая была бы самой любимой женой, выбранной родителями с оплатой калыма и с исполнением всех обычаев сватовства и свадьбы (мотив для ввода в поэму ритуально-бытовых моментов).

Таким образом, выбор отцом невесты для сына понимается как законный этап дальнейшего повествования. После возвращения Джакыпа Манас отправляется в сопровождении всей свиты с богатейшими дарами в страну невесты. В городе Темира им устраивают торжественную встречу.

Затем действие переносится во дворец Каныкей, окруженный многочисленной женской свитой и слугами. Но вопреки обычаю невеста вовсе не томится в ожидании прославленного жениха. Все дальнейшие сцены построены по принципу контраста, вводящего сложную драматическую борьбу между женихом и невестой. Эта борьба становится особенно напряженной благодаря притворству героев. Вначале к такому притворству прибегает невеста, а в конце ей тем же мстит жених.

Борьба, основанная на контрастах, вообще излюбленный прием всех эпических произведений, в данной теме показана гораздо полнее, занимательнее, чем во всех других частях поэмы. Столкновения происходят не только между героем и невестой: этот же прием переносится и на подобные, параллельные линии, оформляя, таким образом, конструктивный параллелизм других, второстепенных сцен.

Динамическому движению линии способствуют частые срывы, торможения и неожиданные концовки. Обычная реалистическая тема свадебных торжеств часто переносится в плоскость драматических событий, осложняющихся и динамически нарастающими боевыми темами. Перерастание мирных сцен в острое столкновение происходит в эпизоде первой встречи Манаса с невестой. Охваченный страстью, Манас насильно врывается во дворец Каныкей, избивает задерживающих его слуг, оскорбляет свиту невесты. Последняя, возмущенная этой дикой выходкой, наказывает жениха притворной холодностью, невниманием, а затем, вынужденная к тому грубостью Манаса, выхватывает кинжал и ранит его. Разъяренный дерзостью невесты, жених избивает ее. Улаживает конфликт оповещенная вовремя мать Каныкей, стараясь, чтобы происшедшее не получило огласки, но примирить молодых людей ей не удается.

Дальше в том же тоне идет изложение остальных сцен, вплоть до самой женитьбы. Например, Каныкей продолжает упорствовать и после свадьбы, заставив жениха в первую брачную ночь просидеть напрасно до самого утра в ожидании ее прихода. Она мстит Манасу и одновременно притворяется с целью испытать его. Это окончательно выводит из терпения Манаса. Он приказывает своим богатырям сесть на коней, собираясь истребить город вместе с ханом Темиром и всеми его родными, включая и надменную дочь.

Гнев Манаса был настолько страшен, что богатыри беспрекословно начинают снаряжаться к бою. Выход из положения находит разумный, уважаемый всеми старец Бакай, который советует богатырям делать вид, что они воюют, но не убивать людей. Богатыри так и поступают, но сам Манас яростно разрушает город, беспощадно истребляет людей, наводя на всех ужас. Тогда только перед

героем выступает беззащитная и уже покорная невеста. Она в тонких выражениях, слегка укоряя Манаса за неуместную ярость, просит прощения за свои поступки и искренне предлагает ему мир.

После этого бытовая тема снова занимает свое законное место, перенося повествование к торжествам и играм. В развлечениях жениха и его “кырк-чоро” активно участвует мудрая Каныкей, по распоряжению которой для нее и ее сорока подруг выставляются роскошно обставленные белые юрты. Чтобы искупить свою вину, она решает по-особому торжественно встретить Манаса и его друзей. Но здесь первоначально узаконенный конструктивный принцип контрастирования динамических тем вступает в новую полосу. Певец перетасовывает сюжетные положения, заставив Каныкей примириться со своей участью. Теперь герои меняются ролями. Вводится ряд сцен, описывающих уже мнимую драматическую борьбу, возникающую благодаря ответному притворству Манаса.

После скачек и игр, обычных для всех “тоев”, Манас с друзьями должен вернуться в приготовленные юрты, где их ожидают невесты. Герой предлагает товарищам устроить скачки в сторону юрт с условием взять каждому в качестве приза ту девушку, у чьей юрты остановится его конь.

Начинаются скачки. Манас прибывает последним. Все юрты уже заняты, за исключением одной, у которой герой и останавливается. Она оказывается юртой Каныкей. Последняя приветливо встречает Манаса, подшучивая над доблестями его коня и говорит, что примирилась со своей судьбой, хотя та и привела к ней нареченного самым последним. Но испытание Каныкей Манасом не ограничивается этим. Он собирает товарищей с их невестами и предлагает устроить новую игру. Всем невестам завязывают глаза, а мужчины становятся в ряд напротив. Девушки идут к ним и берут себе в женихи того, кто попадает. В результате соединяются те же пары, и Каныкей находит Манаса. Подчеркнутое дважды притворное безразличие или даже игнорирование Манасом невесты не оскорбляет Каныкей. Не в пример жениху, она терпелива, представляя по своему характеру антитезу

героя (прием контрастного оформления характеров близко сходящихся людей).

Манас не смог истощить терпения Каныкей, и теперь она сама, продолжая мнимую борьбу, заставляет завязать глаза женихам, чтобы они нашли своих невест. Прежние пары остаются неразлучными, но во всех случаях оказываются обиженными Алмамбет и его невеста.

Лучшая подруга Каныкей, чуть ли не первая красавица Аруке была недовольна, когда у ее юрты остановился Алмамбет. Она пренебрегает им, называя его “калмыком”, “чужестранцем” и хочет выйти замуж только за настоящего киргиза, имеющего в противоположность Алмамбету и родных, и свой народ. Она владеет тайной принимать по своему желанию любой облик и, завидев Алмамбета, превращается в страшную черную рабыню. Ужаснувшись ее вида, Алмамбет не знает, как избавиться от нее. В течение игр эта рабыня неизменно достается ему. Но после того, как Каныкей разъясняет ему тайну Аруке, страх Алмамбета сменяется стремлением жениться на этой дочери пери. Однако Аруке продолжает упорствовать. Эта новая борьба, осложненная маскировкой героини, составляет один из занимательных моментов в финальной части эпизода и способствует включению новой героической темы. После долгих уговоров Аруке, не приведших к желательным результатам, Манас, принимая близкое участие в судьбе Алмамбета, считает лично себя оскорбленным упорством девушки. А за всякое оскорбление он обыкновенно мстит безжалостным наказанием не одного только обидчика, но и всех его родственников. Жертвывая уже наладившимися мирными отношениями со своей невестой и ее родными, Манас снова объявляет войну, принимается избивать неповинных людей, наводит ужас на город. Всеми этими действиями он доказывает Аруке, насколько дорог ему Алмамбет. Дается знать, что последний — не безродный пришелец, а самый почетный, уважаемый “чоро” и брат героя, в судьбе которого все они кровно заинтересованы и ради него пожертвуют чем угодно. Лишь после этого Аруке соглашается стать невестой Алмамбета.

Через такие столкновения и срывы весь эпизод подходит к концу, завершается мирным всеобщим торжеством.

Эпизод включает в себе подробное описание брачной ночи во всех юртах, начиная с главных пар (Манас – Каныкей, Алмамбет – Аруке) и кончая прочими. В финальной сцене певец делает резкое отступление от серьезного тона повествования и, ориентируясь, очевидно, на молодежь из числа слушателей, рисует картины брачной ночи в стиле натуралистическом.

Кстати, среди необычайного изобилия больших и малых тем – эпизодов – эротический момент занимает в поэме незначительное место. В качестве подчеркнутого гротескного положения, сильно окрашенного эротизмом, приводится упоминаемая выше сцена развязывания верблюда, но там это объясняется намеренным шаржированием образа врагов – неверных, согласившихся на подобные непристойности. Второй случай ввода такого элемента мы встречаем в описании брачной ночи.

Другие самостоятельные темы

Еще менее самостоятельны и специфичны в отношении сюжетного построения такие темы, как “Прибытие Алмамбета”, “Эпизод с кезкаманами”, “Сказка о циклопе” и “Паломничество в Мекку”. Из этой группы сравнительно большим разнообразием выделяются темы “Рождение героя” и “Заговор семи ханов против Манаса”. Остановимся вкратце на них.

Собственно, с темы рождения и детства героя мы и должны были бы начать разбор сюжетного построения поэмы в порядке хронологической последовательности, но сознательно обошли ее, считая тему о походах основной в сюжетном и конструктивном отношении, подчиняющей себе все остальные эпизоды.

Фабула песни о рождении и детстве Манаса мало-оригинальна и фольклорно традиционна. Зато по своему словарному материалу, поэтической технике, уверенно введенному бытовому реализму, убедительно мотивированному психологизму отдельных положений, а также по внешнему оформлению этот эпизод – один из ценнейших в поэме.

В сюжетном отношении здесь трактуется самая распространенная в восточном эпосе тема — мольбы и ожидания бездетными престарелыми родителями ребенка. Наконец, в необычных условиях рождается долгожданный сын. В появлении его на свет были заинтересованы духи предков и сам пророк Мухаммед, оставивший ожидать его рождения своего современника, Айходжо, и “кырк чильтен” (сорок святых), которые должны охранять ребенка.

Религиозно-фантастический элемент в поэме оказывается не случайным. Он присутствует сравнительно давно и в остальных частях ее. По известным побудительным мотивам с ним крепко связаны темы походов, не напрасно, как уже указывалось выше, названных “казат”. Таким образом, сюжет первой книги в значительной своей части является общей мотивировкой ступенчато развертывающихся в дальнейшем больших и малых тем. Это — экспозиция всей поэмы, где в намеке заложены завязки, дающие осмысление всем последующим событиям.

Тематически и конструктивно малооригинальная, эта часть по идейному замыслу весьма значительна, так как определяет собой соответствующее оформление образов борющихся сторон, их стремления и основные моменты столкновений.

Дальше в первой книге излагается необыкновенное детство будущего героя. Еще будучи ребенком, он становится богатырем: набирает себе будущих чоро, жестоко мстит врагам за несправедливость к своим близким, выступает в защиту сородичей, охраняет территорию и имущество близких родов от набегов калмыков и китайцев. Уже в этот ранний период юный Манас намечает программу будущих своих действий, программу собирателя разрозненных племен и восстановителя их прежней мощи. Из этого узла расходятся во все стороны сюжетные нити последующих эпизодов и больших тем.

Более обособленным является эпизод “О заговоре семи ханов”*. Занимая небольшое место в поэме в качестве

* Этот эпизод в заголовках песни, а иногда и в самом тексте именуется “Заговором шести ханов”. Числа шесть и семь чередуются, но в речи Манаса указывается число семь.

вступления к “Великому походу”, он посвящен теме зависти и возникающему отсюда временному расколу в среде подчиненных Манаса.

К моменту отправления в “Чон казат” Манас в последнем сагымбаевском варианте уже достиг зенита своей славы, став всесильным ханом. Певец рисует его в пышной золотой орде (дворце) любимой жены Каныкей, восседающим на золотом троне:

Капкасы алтын коргондо,
Каныкейдин ордодо,
Он жагында олтурган
Отуз эки каны бар,
Сол жагында олтурган
Кырк батырдын саны бар.

В крепости с золотыми воротами,
В орде Каныкей,
С правой стороны его восседают
Тридцать два хана,
С левой стороны его восседают
Сорок богатырей.

Богатыри — “чоро” — это высшая знать, ближайšie соратники и самые верные друзья. А ханы — подчиненные князья, главари различных родов, племен, по значению и удельному весу не равноценные чоро, которым в значительной степени Манас обязан своим величием и могуществом. Так что правовые положения и взаимоотношения лиц этого высшего слоя представляют собой структуру двора (орды) и некоей государственной власти с всевластным ханом-героем во главе. Отношения Манаса к своим чоро, за редким исключением, теплые, братские, как равного к равным, тогда как с ханами он может быть очень жестоким, доходя до собственноручной расправы с ними, именуя их “кулами” — рабами (наказание Урбу на поминках Кокетея).

Временно выдвинутый в “Заговоре ханов” социальный мотив соперничества из-за власти в дальнейшем не развертывается. Певец, включая этот мотив в текст, объясняет его чисто индивидуальной темой личной зависти к славе героя, жадной новых событий и желанием

совершить поход в Большой Бейджин. Мотивировка этого эпизода, не в пример другим, многопланова. Тут и бытовая, личная тема, и социальный мотив, и борьба приниженной Манасом правящей группы за свои права, и, наконец, желание прославиться в бою. Последнее связывает эпизод с сюжетом “Чон казата”.

Завидуя славе Манаса, ханы устраивают против него заговор с целью вынудить к новому походу или совместно разгромить его. Но встретившись с героем и с его сорока чоро, они пугаются одного лишь его яростного взгляда, падают перед ним ниц, вымаливая прощения за грешные мысли, и когда он предлагает идти с ним в поход на Бейджин, дают свое согласие.

Что касается остальных четырех эпизодов (“Прибытие Алмамбета”, “Сказка о доо пери”, “Кезкаманы” и “Паломничество в Мекку”), то они по структуре и сюжетному построению не выходят за пределы биографических и боевых тем, характеризующих собой основной фабульный материал поэмы. Поэтому мы не будем останавливаться на разборе каждого из них. Отметим лишь, что “Сказка о доо” (циклопе) в целом представляет собой несколько видоизмененную версию странствующих мотивов о циклопах, весьма сходных с подобным эпизодом из “Одиссеи”.

Эпизод прибытия Алмамбета в своей биографической части сходен с аналогичными темами биографии Манаса и отличается от них лишь в деталях. Кроме того, в сагымбаевском варианте поэмы он излагается дважды: первый раз устами певца со всеми эпическими подробностями как самостоятельный цикл песен, второй раз — в “Чон казате” устами самого Алмамбета, но в ином конструктивном плане — как воспоминание, в виде длинного монолога.

Паломничество в Мекку, составляющее основную тему десятой книги, и по содержанию своему, и по оформлению почти целиком повторяет в отрывках, отдельных картинах и кусках многие из разработанных раньше тем больших и малых походов. Это паломничество не похоже на обычное: большие события, происходящие в каждой из встреченных на пути новых стран (бои, покорения, обращения в ислам), делают его похожим на один из многих казатов.

Наконец, эпизод “Кезкаманы” снова разрабатывает тему зависти и рождающейся отсюда вражды между героем и его близкими родственниками. Тема очень быстро перерастает в бытовые рамки, становится боевым эпизодом, где родственники Манаса истребляют друг друга, понеся таким образом, по мнению певца, самую ужасную, но заслуженную кару.

Закончив на этом анализ сюжетного построения поэмы и не касаясь подробного содержания ее частей, мы уже по одному внешнему оформлению, по конструктивным особенностям можем сделать определенные выводы.

Сюжетная динамика поэмы осуществляется развертыванием одной господствующей темы, занимающей командное положение и в тематическом плане, и в конструктивном. Все побочные линии, отходящие от нее вначале как самостоятельные эпизоды, в конце концов, включаются в нее и подчиняются ей, служа как бы толчком к дальнейшему движению прерванной на время центральной темы. Перерывы лишь усиливают впечатление от последующих событий, вносят новые осложняющие мотивы для нанизывания дальнейших эпизодов на один и тот же основной стержень. Такой способ повествования имеет в виду одну цель, одно фабульное задание: рассказать обо всем, что, так или иначе, касается героя.

О времени возникновения “Манаса”

Здесь же уместно будет суммировать все сказанное выше об отражении исторических моментов в “Манасе” и попытаться в связи с этим определить время его возникновения.

Поэма, запечатлевшая в себе множество различных исторических эпох, в своей центральной части отразила определенный момент в жизни создавшего ее народа. Сопоставляя факты древней истории киргизов с данными эпоса “Манас”, можно установить целый ряд параллелей, прямо или косвенно указывающих на время возникновения первоначальной песенно-героической основы поэмы. В ней отразились события той отдаленной

эпохи, когда киргизы были могущественным народом, чьи многократные походы (пять крупных “казатов”) и длительные войны составили целую полосу в его истории. Это был, согласно выражению акад. В.В. Бартольда, период “киргизского великодержавия” IX и X вв. В одних исторических источниках указывается, что киргизы в ту эпоху имели до 400 тысяч войска, в других – до 80 тысяч. Если взять даже последнюю цифру, и то для своего времени это было огромное полчище. Достаточно вспомнить, что численность войск всемирного завоевателя Чингиза определялась в 125 тысяч человек.

Центральное событие эпоса “Манас”, составившее по всей вероятности первоначальное ядро былины, – “Чон казат”. Киргизы под предводительством Манаса совершают поход против сильного восточного государства (монголо-китайского или монголо-тюркского), в пределах которого находился большой укрепленный город Бейджин, стоявший от центра Киргизского государства на протяжении сорокадневного (по одному варианту) или девяностодневного (по другому) пути. Между тем исторически точно известно, что киргизы покорили огромное уйгурское царство и в 840 г. взяли его центральный город Бей-Тин (в киргизской версии Беджин или Бейджин).

Толкование былинного названия города “Бейджин” как современной китайской столицы неверно по одному тому, что город этот был покорен среднеазиатскими кочевниками впервые лишь при Чингизе в 1215 г., т.е. в ту эпоху, когда киргизский народ, уже сам покоренный войсками Чингиза, составлял только часть улуса Джучи. С другой стороны, это событие не могло произойти и после X в., когда киргизы были вытеснены из Монголии вновь возникшим сильным государством Кара-китаев.

Во всех предварительных исследованиях эпоса серьезное затруднение представляло до сих пор имя героя – Манас. Такого имени не сохранилось в истории киргизского народа. Но надо иметь в виду, что все отрывочные данные о киргизах, если не считать орхоно-енисейских надписей, вообще не донесли до нашего времени ни одного собственного имени героев, полководцев, хаканов или ажо (так назывались в древности киргизские ханы) из эпохи “киргизского великодержавия”. О завоевателе уйгурского

царства известно только, что он умер в 847 г. Весьма возможно, что имя Манаса, действительно существовавшего в ту эпоху, было утеряно письменной историей, изучением которой занимались не сами киргизы, а их отдаленные соседи.

Сам же киргизский народ мог сохранить это имя в своем сокровенном изустном творении, каковым является бессмертный эпос. Поэтому отсутствие имени Манаса в скудных исторических сведениях не должно нас смущать. Как мы полагаем, Манас-то и был главным полководцем или ажо, завоевавшим Бей-Тин (умерший в 847 г.). Лингвистически имя “Манас” должно означать либо наименование божества из пантеона шаманства, либо, что вернее, оно идет из манихеизма, широко распространенного в ту пору в Средней Азии. Может быть, настоящее имя прославленного героя тех времен было иное, а позже он, благодаря своим доблестям, был прозван, подобно Чингизу, именем божества “Манасом”.

Еще более сложным и при том центральным вопросом в уточнении даты эпоса является вопрос о времени сложения первоначальной песни, т.е. о “Великом походе” и самом Манасе, предполагаемом полководце киргизского народа. Даже при всей бесспорности событий и личностей естественно предположить, что героическая песня могла возникнуть после этих событий и даже в среде гораздо более поздних, последующих поколений. Но такое предположение опровергается самим текстом эпоса во всех дошедших до нас вариантах, ибо великий, подлинно исторический поход воспели ратники, участники похода, главным среди которых был аналогичный поэту-дружиннику из “Слова о полку Игореве” соратник Манаса Ырамандын ырчы уул... В эпосе он упоминается иногда только в форме эпитета, как Джайсан ырчи, т.е. князь-поэт.

Ырамандын ырчы уул не просто участник похода, свидетель событий, но и боец-богатырь. Говоря об этой, не однажды упоминаемой в эпосе личности, следует обратить внимание на так называемые вещие сновидения последующих сказителей. По издавна установившейся традиции, каждый воспевающий Манаса и его деяния должен быть хотя бы символически его соратником, одним

из манасовских чоро. Не случайно поэтому в каждом “вещем” сне обязательно появляется Манас со всеми своими чоро и приглашает будущего сказителя участвовать в их трапезе или в предстоящем походе. Все это говорит о том, что первоначально песня была сложена очевидцем, участником знаменитого похода, а последующие сказители по традиции должны были представлять себя хотя бы воображаемыми участниками описываемого ими события. Итак, первая песня эпоса “Манас”, на наш взгляд, должна быть создана или в годы “Великого похода” или за годы, непосредственно следующие за ним.

Какие у нас основания полагать так? Для подобных предположений мы имеем тройкие основания. Первое из них вытекает из данных эпиграфических памятников древности, из сути и особенностей орхоно-енисейских надписей, и вдобавок из косвенных данных — мы имеем в виду исторические и литературные источники тех же древних эпох.

Второе основание дает состав самого эпоса, представленный во всех дошедших до нас вариантах отдельными, на наш взгляд, неизменными элементами — как первоосновой данной эпической поэмы.

Третье основание составляют данные быта и вытекающие из него ранние и поздние образцы киргизского фольклора в постоянном взаимодействии в веках, сосуществующие с эпосом.

В связи с постановкой вопроса о генезисе “Манаса” необходимо помнить о фольклорных, эпических традициях, сохранявших на киргизской почве свою многовековую устойчивость, как у народа безписьменного, с устойчивым социально-экономическим уклоном, с изолированной отсталостью кочевого древнего быта. И эти традиции, совпадающие с особенностями данной этнической социально-исторической среды, вытекающие из ее жизненных факторов, сохраняли свою давность как сам жанр эпоса. Они были устойчивы, как порождение многовекового скотоводческого кочевого быта — киргизская юрта. Так же, как прошла юрта сквозь века, через судьбы и эпохи племенных союзов, патриархально-родовой старины, через феодальный быт, прошла через шаманизм,

влияния буддизма, манихейства, ислама в верованиях, так же сохранялись известные формы творческого мышления в рамках установившихся и освященных обычаями, образом, общественным укладом традиций.

Был глубоко прав Фалев, когда говорил, что “сопоставление произведенного народного (киргизского — М.А.) эпоса с орхонскими надписями вполне уместно”*. Надписи орхонские и енисейские родственны по сути. Это памятники одной исторической эпохи, отражающие, по-своему, социально-историческую действительность родоплеменных союзов, стоявших на одинаковых ступенях экономического развития, связанных между собою в значительной степени общностью языка, быта, социально-правовых норм. Тем более это были роды и племена, находившиеся, благодаря близости районов расселения, в постоянном взаимодействии. То они сталкивались во взаимной вражде, набегах с переменным господством одних племен над другими. То они выступали совместно против общих врагов, порой вражда чередовалась вольным или невольным, относительно мирным сожительством в составе нового политического союза.

Такую общую, сходную судьбу в ряде веков испытывали роды и племена в составе Тюркского каганата и вне его, все упоминаемые в орхоно-енисейских надписях огузы или тогуз огузы, тюргеши, уйгуры, киргизы, азы, тангуты и проч. роды.

И вот эти племена оставили древние надгробные надписи, посвященные богатырям, военачальникам, погибшим героям, и воздвигали “балбалы” — памятники — в годы смерти этих героев. Содержание и характер всех малых и больших надписей Орхона и Енисея говорят о том, что эти памятники не представляли собой лирическую кантилену, характерную для многих других надгробных эпитафий. Их особенность составляли повествовательно-эпическая суть и соответствующая ей своеобразная художественная форма сказа. Сколько событий, деяний лиц, прославляемых памятником, в надписях Кюльтегина, Тоньюкука и хотя в меньшей степени в надписи из Суджи? В них летопись

* Фалев П. Как строится кара-киргизская былина.

походов, подвигов героев, картин боев, смертельных схваток родов и племен. Даже в повествовании одних этих надписей Кюльтегин вырастает в непобедимого богатыря, равноценного героям древних былин. В данных надписях есть и хронологическая последовательность. Рассказывается о важнейших подвигах Кюльтегина, начиная с его 16-летнего возраста и до 47 лет его жизни, т.е. до его смерти. Здесь явствует параллель сюжетному построению героических поэм, где так же неизменно воспеваются деяния героя, начиная с юных лет до конца его жизни.

А Тоньюкук в надписи о нем выступает не только героем сражений, но одновременно явствует его участие в дипломатии, в разработке тактики боев, здесь же наличествуют завещания в назидательном тоне.

Касательно древнего периода истории киргизского народа эти же надписи орхоно-енисейские говорят красноречиво, и не в порядке общего упоминания как одного из племен, а весьма конкретно, о нападениях на киргизов, об убийствах их ханов, о беспощадном истреблении народа, застигнутого “во сне” врасплох или повествуют о временном союзе с ними путем выдачи киргизскому барсбегу сестры кагана — принцессы. И каждая значительная надпись упоминает о киргизах именно в конкретно-реальной обстановке борьбы, набегов в рамках точных исторических дат. В этой основной и существенной для нас части своей все эти памятники не являются легендой или плодом вольной фантазии. Здесь конкретно-исторические события изложены в условной, своеобразной, но правдивой литературной форме. Они равноценны любой реалистической, исторической хронике. Их свидетельства подобны свидетельству летописи, в которой то же изложение исторических конкретных событий ведется в своеобразной литературной форме.

Читая указанные памятники, каждый внимательный исследователь не может не вспомнить и обстоятельства, предшествующие походам, и эпизоды боев, поединков, правда, былинно распространенные в изустном исполнении, подвиги Манаса, Алмамбета, Чубака, Сыргака, Кошоя и т.д. из киргизского эпоса. Не говоря об элементах мифа, фантастики, которые несомненно присутствуют в составе

героического эпоса, о которых речь будет особо, ниже, данный эпос нам представляется в известных, связанных с жизнью народа, с конкретной эпохой исторических предпосылках своих, достаточно прозрачных до своего основания. Вот в этом моменте, по-нашему, заключаются истинно важные, глубоко интересные для исследователей “Манаса” – историков и историков литературы – проблемы раскрытия и установления реально ощутимых связей эпоса и исторических памятников древности.

Дальнейшее конкретное, углубленное исследование имеющихся вариантов “Манаса” требует разносторонних сопоставлений отдельных эпизодов боев, являющихся, безусловно, наиболее древним элементом в составе эпоса, с событиями, изложенными в орхоно-енисейских надписях, и отчасти даже с другими отрывками эпоса, зафиксированными в письменном виде впервые после орхоно-енисейских надписей у Махмуда Кашгарского.

Законно вслед за этими соображениями поставить вопрос о составе данного эпоса. Есть у отдельных исследователей “Манаса” высказывания, исходящие из общих, обычных представлений об эпосе, о том, что и в “Манасе” самым древним элементом является мифический слой. Конечно, ввиду наличия в любом эпосе элементов мифа, обнаружить эти мотивы не представляет больших затруднений, хотя нужно подчеркнуть, что мифический слой как таковая конкретная, неопровержимо древняя основа “Манаса” никем до сих пор не указан, да едва ли кто-либо решится его назвать. Здесь каждый исследователь, выходя за рамки общих рассуждений и догадок, перейдя к поискам конкретного, встретится с такими сложными переплетениями на почве эпоса, только изустно бытовавшего много веков, что различить, разъединить мир воображаемый от мира реального в песнетворчестве джомокчи многих поколений и веков станет неразрешимой и ответственной задачей. Но только упомянув об этом мифическом слое “Манаса”, якобы древнем, эти же последователи не ищут его в целом, а останавливают свое внимание на отдельных мотивах мифа и соскальзывают на боковые пути схемных, уже шаблонных и ныне справедливо осужденных марксистско-ленинским литературоведением

рассуждений, пути поисков параллелей в мифах других народов, идут еще дальше по линии сопоставлений этих мифов и доходят до того, когда миф объясняется мифом, литература – литературой. В результате следует неизбежный отрыв эпического произведения от жизни, истории народа, которому этот памятник в известные века заменял неписанную книгу жизни, морали, воспитания. Этот отрыв от реальной почвы не продуктивен, и в своих сложных выводах он ограничивается всеобщей нивелировкой многообразных памятников многих веков и множества народов с различными историческими путями и судьбами.

При этом методе исследования мы косвенно отрицаем наличие и важность того нового, что вносят народы в историю культуры своими новыми живыми фактами, традициями.

Начиная с академика Радлова, исследователи эпоса тюркоязычных народностей справедливо говорили о том, что, изучая эпос ранее неизвестных науке народов с их живыми еще эпическими традициями, мы уясним себе многое об эпосе народов прошлого или народов с уже утраченными эпическими традициями, не объясненными, не исследованными в свое время. Так почему же новые факты опять измеряем общими, схемными, не так уже обогатившими исследовательскую мысль, мерками? Но, допустим, мы нашли мотивы мифа в “Манасе”, нашли им параллели, дошли до ранних, объясненных ранее, наиболее древних мифов, более древнего народа и... успокоились. На чем же? На количественном распространении того же ряда мифического, на повторном применении того же механического метода изучения. Да, еще одна народность приобщилась к привнесению повторяющихся заштампованных в науке схемных сюжетных построений.

Никто не предлагает отказываться от определения мифических элементов, коль они присутствуют в составе “Манаса”. Но не нужно преувеличивать их долю в эпосе, потому что нет за ними примата в качестве древнейшего, т.е. основного слоя на данной почве, они должны быть установлены, изучены наравне с элементами историческими, историко-литературными, этнографическими, лингвистическими и т.д. Надо еще помнить

при объяснении мифов о том, что их наличие в эпосе вовсе не говорит об их вхождении в состав “Манаса” даже в древних его вариантах. Мифические мотивы, как готовые сюжетные схемы, могут обволакивать и самые свежие исторические факты.

Поинтересуемся другим, а именно исследовательским вопросом о том, что нового, свежего для науки на данной почве, что конкретно реального, прочно связанного с историей данного народа, с его живой цепью жизненных предпосылок, по-своему отлившихся в традиции эпического творчества этого народа, отражает эпос “Манас”. Говорит ли подобная постановка вопроса об изоляции проблем изучения “Манаса” от общелитературных процессов? Нет. Наоборот, эпос киргизского народа, изученный со всеми своими особенностями, своеобразиями, соответствующими особенностям исторического прошлого, духовного развития народа, установит ту новую форму национальной, эпической культуры этого народа, ту национальную форму, о которой говорит И.В. Сталин. Установить, найти это своеобразие и объяснить его марксистски, задача единственно важная, гораздо более благодарная, чем его приобщить, лишив этих естественных признаков, порожденных экономическим, социальным укладом, народной психикой к выхолощенной фактографии.

Обратимся с этими предварительными мыслями к составу настоящего эпоса. При этом мы заметим во всех имеющихся в нашем распоряжении ранних и поздних вариантах “Манаса” неперемнное присутствие бытовых песен керез (песня-завещание) и кошок (плач об умершем). Мы знаем, что керез Кокетя составляет содержание записи Чокана Валиханова, также известно, что значительное место отведено кошоку Канькей по “Манасу” в варианте Радлова. И керез, и кошок попеременно и многократно включаются в исполнения Сагымбая, Саякбая, Шапака, Чойке, Жакшылыка, Тоголок Молдо, Алмабека, Актана, Молдобасана и др. Керез Манаса, высказанный перед последним своим походом новорожденному сыну Семетею, приводится и в отрывке венгерского ученого Олмаши.

Сопоставления по линиям содержания, формы и жизненных мотивов возникновения этих бытовых песен,

неизменных составных частей эпоса, с упомянутыми выше надписями обнаруживают огромную близость, явную родственность между ними. Надписи ведут речь в стиле керез или от лица умирающего, или же от лица ближайшего родственника – отца, брата, матери, оплакивающих данную смерть, – в виде кошока.

Не случайно, что ни один джомокчи не пропускал возможности включать эти бытовые песни в свое исполнение, они не изменяли древней и бытующей при их жизни традиции, ритуалу. Что эти песни в своих истоках восходят к самым древним обычаям, свидетельствуют не только надписи, но и давние исторические свидетельства. Об исполнении певцами похоронной песни при смерти Аттилы говорит и Приск* – свидетель похорон гуннского царя.

Небезынтересно добавить к сказанному о керезах и кошоках еще и о том, что они необычайно богато представлены и в позднем быту киргизов в виде тех же обрядовых, бытовых песен кошок, неизменно исполняющихся по случаю смерти близких, дорогих людей, начиная с момента похорон, или же керез – завещание, сказанное перед смертью каждым значительным в народе лицом. Помимо датированных началом и серединой прошлого века и более поздних образцов подобного фольклора, мы имеем кошоки и ранних времен, уходящие в ранние века.

В одном из подобных кошоков, посвященных ель батыры (народному батыру) Жанеку, на протяжении 150 строк, т.е. в виде малой поэмы, повторяются удивительно сходные с содержанием орхоно-енисейских надписей мотивы.

Баадышам тентушка соога ыргыткан,
Беежинге барса жол салган,
Баадышам беш жуз киши косшу алган.

.....
Байбише калды сарайда,
Балдарын өсөр далайда.

.....

* *Жирмунский В.М. и Зарифов Х.Т.* Узбекский народный героический эпос.

Жоолугун толгон дилде бар,
Жоомокто Манас болбосо,
Жорткону сиздей кимде бар?
Саанатта Манас болбосо,
Сайганы сиздей кимде бар?

Повелитель мой близким добычу дарил,
В Беджин путь проложил,
Повелитель мой пятьсот человек свиту имел.

.....
Жена осталась вдовой в тереме,
Дети твои вырастут с трудом,
Казна твоя полна золота.
Кто, кроме Манаса, в былине
Еще как вы отвагу явил?
Кто, кроме легендарного Манаса,
Так пикой разил врага?

Сопоставим этот кошок с надписью киргизского памятника из Ачура “имя сына сильный (куч), мальчик... ваше имя Урыбег.... ради своего государства приобретая (блага), вы (разлучились) со своим женским теремом (т.е. вы умерли) (левая сторона надписи) в семнадцать лет его доблесть умерла. Находящийся на земле, отмеченный клеймом (тамгой) скот был без числа... было без числа, как черные волосы... количество войска, выступившего против врага, было семь тысяч молодых людей. Ваше геройское имя Уры...”.

Огромное сходство содержания и основного замысла героизированного сказа об умершем в виде древних надписей, в виде составных частей эпоса “Манас” и в подобной же героизированной форме бытовых керезов, кошочков обнаружим и при дальнейшем сопоставлении их между собою.

Памятник Тоньюкуку, восхваляя деяния Эльтериш кагана, повествует “...Эльтериш каган ради своего сообщества со знанием и геройством на китайцев ходил сражаться семнадцать раз, против киданей сражался он семь раз, против огузов сражался пять раз”.

Не говоря об упоминающихся многих народах, против которых предпринимаются многочисленные походы, являющиеся основным содержанием эпоса “Манас”, мы

находим перечисления дальних и близких соседей, во вражде или дружбе сталкивавшихся с героем кошкоков и керезов даже недавних времен.

В кошке, сложенном в 1854 году в честь Ормана, повествуется:

...Караблаб Кашгар камалган,
Кан атакем арбагы
Калмак джурту тан калган.
Кызматын кыбчак ошоткон,
Кан атам олду дегенде,
Кылычын казак бошоткон.

Кашгария в смятии осведомлялась (о нем).
Славе, доблести хана, отца моего —
Дивился калмыцкий народ.
Службу ему нес кипчаков род.
Услышав о смерти хана — отца моего —
Мечи в ножны опустили казахи...

В кошке о Джантае повествуется о том, что он и на Коканд власть свою распространил, к русским и калмыкам послов направлял.

Так же в кошке о Шабдане ведется рассказ:

Кытай менен кыргыздан —
Кырымга асты сиздин дан.
.....
Рустан отуп, ар жагы
Кабарын уккан Хиндистан.
Алматыда жандарал,
Ташкентте бар генерал,
Шениниздын улкону
Ошолорго барабар.
.....
Комуз билген адамдар
Салыб алсин комузга.
Унун кошсо джарасар
Жана салыб добушка...

Обойдя китайцев и киргизов,
...До Крыма дошла ваша слава.
Обойдя Русь, распространяясь дальше,

Вести о нем дошли до Индостана.
В Алма-Ате губернатор,
В Ташкенте генерал.
По важности чина
Равноправны вы им...
...Все, кто играют на комузе,
Пусть исполняют эту песню на нем.
Пусть поют складно
Слова этой песни...

Сохранивший давнюю традицию последний кошок, как малый эпос размером в 740 строк, передает еще завет воспевать деяния умершего в народе.

Значительный интерес представляет и керез Балбая. Один вариант его был записан мною лично в 1928 году у сапожника из рода Бугу в районе Пржевальска, и он составлял законченный керез в объеме только 50 строк. В дальнейшем новую запись у неизвестного мне ырчи того же района произвел Х. Карасаев. По этой последней записи керез Балбая превратился уже в героическую поэму – керез объемом в 435 строк. В данном случае мы наблюдаем процесс созидания эпоса, процесс перерастания бытовой песни в героический сказ, былину, что опять свидетельствует о двояко значительном факте. С одной стороны, мы видим предпосылки и условия рождения эпоса, с другой стороны, устанавливаем наличие живой, непрерывной традиции, идущей из глубины веков до недавних дней, где жизненный случай, обычай и песнетворчество в истории киргизского народа составляли сложный комплекс взаимосвязанных и взаимовлияющих факторов.

И в керезе Балбая мы встречаем, как главную суть данной песни, борьбу батыра с его врагами. Здесь также в духе особенностей и традиций подобных песен перечисляются враждовавшие с ним роды Айт, Бозум, Кызыл Борук, киргизский хан Ормон, упоминается о боевых суровых путях героя на Алтай, на перевалы Когарта. Сообщается о том, как он ограбил туркестанский торговый караван в 300 верблюдов. В конце кереза герой данной песни высказывает свою волю родным и друзьям, чтобы они похоронили его на урочище Сарыбулак на развилке дорог и чтобы соорудили

ему надгробие из жженого калмыками кирпича, лежащего на дне озера Иссык-Куль вблизи Кой-Сары.

Здесь мы привели немногие факты только для постановки задачи дальнейшего, необходимого и весьма существенного для понимания “Манаса”, последования. И в результате высказанных выше наблюдений мы делаем первый вывод – это о необходимости и важности изучения текстов “Манаса” в сопоставлении с древними надписями и бытовавшими до недавнего времени бытовыми песнями киргизов.

Правда, нам могут резонно заметить, что поздние керезы и кошоки сами испытали на себе огромное влияние стиля и манер героической песни. Да, это верно, потому и мы встречаем в отдельных кошоках и керезах имена Манаса, Семетея или некоторых чоро, с отвагой и доблестями которых сравнивает мать или жена умершего его достоинства. Значит, это влияние было, но так же верно и то, что бытуя из глубин веков не как мифы, не как продукт вольной фантазии, а как конкретные реальные следы исторически реальных фактов, т.е. смерти отдельных личностей, эти песни во всех веках несомненно влияли и на сам эпос “Манас”. Этим своим влиянием данные песни-то и обеспечивали преобладающую реалистичность стиля героической эпопеи. Они не позволяли певцам уходить в сказочную фантастику в основных, связанных с жизнью, наиболее характерных и важных элементах эпического повествования. И это влияние связывало эпос, как в истоках его, так и в дальнейшие века с реальными историческими событиями всех последующих эпох.

Исходя из всех приведенных соображений и обстоятельств, мы считаем вполне законным высказать мысль о том, что первые песни поэмы о Манасе сложены в годы тех великих, для истории киргизского народа, событий, которые связаны с деяниями отдельного выдающегося исторического героя (независимо от того, был ли он ажо, шад, апа, тархан или просто батыр), героя, обеспечившего победу и торжество киргизского народа над его поработителями, сильными врагами. А деятельность этой личности должна протекать в эпоху “киргизского великодержавия” и, м.б., в

ту пору, о которой свидетельствует надпись на памятнике из Суджи. И эти песни — пусть они краткие вначале — сложены именно в год смерти названной личности. Этого требовал обычай оплакивания смерти, древний быт, обряд, как они требовали возведения балбалов в год смерти героя.

И тексты надписей безусловно сложены неизвестными нам сочинителями тех времен. Если так, то наряду с этими надписями, высеченными на камне в скупом, лаконичном стиле, должны возникнуть и бытовать в народе песни более распространенные, более поэтизированные, на темы того же текста на камне. Подобная песня в творчестве акынов своей поры должна быть сложена о первом мстителе за киргизский народ, с успехом, героически выступившем против тех же ханов Тюркского каганата, уйгуров и т.д., которые и истребляли не однажды, и угнетали подолгу ранее маломощный киргизский народ.

А сложенные плачи — кошоки, керезы — тогда же переходили в репертуар певцов, закреплялись в песне и росли в дальнейшем своем бытовании в разнообразной слушательской среде, в поколениях.

Наряду с высказыванием этих мыслей о первооснове киргизского эпоса отчетливо сознаем участие мифических представлений народа и особенно значительное участие в составе эпоса исторических событий более поздних эпох. Безусловно, и калмыцкие войны XV—XVII веков создали немаловажный исторический фон и даже непосредственные предпосылки для новых сюжетных наслоений в составе “Манаса”.

Мы еще недостаточно изучили историю киргизского народа. Целые века, как, например, XI, XII, XIII, XIV, нам почти неизвестны из судьбы данного народа. Ономастика, дающая нам некоторые параллели имен исторических и из эпоса для уподобления их друг другу, представляет пока что элемент столь же сомнительный, сколь и соблазнительный. Нельзя не помнить о том, что имена героев тоже менялись в веках через исполнения различных джомокчи. Они приближали эти имена своим временем, по-своему осмысляя древние имена, ставшие непонятными их слушателям. Собственные имена когда-

то действовавших исторических лиц могли быть заменены более понятным эпитетом, приданным к этому имени, могли приобрести обожествленные значения или могли быть заменены именами более поздних исторических личностей. Отсюда уместно допустить, что некоторые начальные имена из первых песен “Манаса” дошли до нас или искаженно, или выпали в поздних вариантах изустного эпоса, будучи подмененными новыми именами. Так что и сами имена необходимо воспринимать критически, с необходимым толкованием и раскрытием их смысла, и исторически объясняемого происхождения.

Исключительный интерес в разрешении занимающего нас вопроса об эпохе возникновения “Манаса” представляет также ряд древних названий и наименований, сохранившихся в тексте “Манаса”, иногда в первоначальном, а иногда в измененном виде.

Так, один из видов песен сагымбаевского варианта посвящен эпизодам с “кезкаманами”. “Кезкаманы” — племя, родственное Манасу. Фактически каманами (куманами) в древности назывались половцы. На юго-восток Европы они перекочевали в XI в. Упоминание в поэме о совместной жизни их с племенем Манаса говорит о том, что эпос застал еще тот период, когда половцы — каманы жили в центре Азии, по соседству с киргизами. Так же характерно для древнего текста “Манаса” упоминание о нем народов естек, катаган и др. Являются ли эти естеки башкирами или северным народом Азии — остяками, точно не известно, но замечательно уже то, что в эпос вошли народы, которые за много веков до того перестали быть соседями киргизов. То же самое можно сказать о катаганах, уже давно живущих на севере Афганистана.

В поэме есть и другие названия и обозначения, потерявшие в устах позднейших сказителей свой первоначальный, древний смысл. При этом интересно, что некоторые из них относятся непосредственно к собственной истории киргизского народа. Например, в сагымбаевском варианте упоминается народ кенжут (“Кенжуттинын элинден”). Сказитель не называет этот народ родственным Манасу. Однако из истории известно, что Кенжут был городом киргизского хакана в IX—X вв.

Сохранившееся в тексте эпоса древнее название видоизменилось в устах поздних сказителей, для которых город Кенжут утратил свою историческую реальность. Неосведомленным сказителем его название ошибочно перенесено на народ, на легендарное государство.

Подобному же видоизменению подверглось и обозначение “ажо”. На древнекиргизском языке так назывался либо хакан, либо военачальник в эпоху орхоно-енисейских надписей и “великодержавия”. В дальнейшем это понятие, трансформировавшись в устах сказителей, стало обозначать уже собственное имя Аджи, причем к нему добавился новый признак — бай. И в дошедших до нас вариантах эпоса мы встречаемся уже с индивидуальным персонажем Аджи-баем, одним из близких друзей, чоро Манаса. Для современных слушателей это имя, очевидно, ассоциируется со словом “хаджи” или “ажы” по-киргизски. Это лишний пример того, как разительно меняют осмысление первоначальные слова.

При внимательном и углубленно-научном анализе подобных исторических фактов и их литературно-текстовых (из эпоса) параллелей найдется множество еще более убедительных данных, говорящих о древнем происхождении “Манаса”. Все же упомянутые выше сопоставления, даже при первом беглом обзоре их, сводят истоки возникновения “Манаса”, как мы уже говорили, к одной эпохе, а именно к эпохе “киргизского великодержавия”. При этом центральным источником и сюжетным ядром песни является поход киргизов против уйгуров и покорение киргизами города Бей-Тин. Исходя из всего этого, мы полагаем, что “Манас” создан не ранее 840 г., и отсюда считаем допустимым определить давность эпоса — около 1100 лет. Но эти цифры — лишь приблизительная дата возникновения эпоса. Говорить же более или менее утвердительно можно только о том, что сложившаяся в то время основа поэмы отражает период “киргизского великодержавия”. Здесь героем является весь коллектив, весь народ, концентрированная мощь, гиперболизированные черты воинственности и силы которого воплощены в “Манасе”. Тема о герое явилась единственной эффективной вершиной повествования.

В дальнейшем возникает вторая ступень сюжетного изменения поэмы, обнаруживается приспособление старых мотивов к новому замыслу: мотивы сохраняются как материал, но с измененной сюжетной функцией. Из героя домусульманской истории киргизов в эпоху их великодержавия Манас превращается в трактовке отдельных певцов, выражающих идеологию феодально-манапской среды, в ревнителя ислама.

И, наконец, в последней стадии, когда в отдельных районах Киргизии начали развиваться капиталистические отношения, образ Манаса отразил в себе, может быть, и тенденции абсолютизма – в авторской проекции, конечно. Все эти наслоения оставили свой отпечаток на древнем пласте “Манаса”.

Основу поэмы составлял мотив, который был определен социальным заданием родового коллектива, где образу героя – сперва родового, затем народного – строго подчинены все прочие элементы. Конструктивные и сюжетные моменты, безусловно, подчинялись этой же теме, причем подобная особенность сохранялась во всех последующих изменениях поэмы. Старый мотив оставался в качестве неизменного материала, используемого в меняющихся сюжетных функциях.

Характеры в поэме

Сделанное нами заключение по поводу сюжетного построения, подчиненного вершинному принципу, станет еще более ясным при рассмотрении выведенных в поэме образов. Так как вопрос о них тесно связан с вопросами сюжетного построения, мы остановимся вкратце и на отдельных характерах, и на группах образов, которые определяют стиль всей поэмы.

Центральной в поэме является личность самого Манаса. Способы обрисовки его различны. Прежде всего он показан в непосредственных физических действиях, в борьбе, поединках и прочих столкновениях с людьми; во-вторых, в речах и монологах, частодвигающих действия; в-третьих, он выведен в авторской портретной характеристике, в описании его внешности в различных положениях.

Как в отношении всех прочих героев, так и здесь певец дает суммарную характеристику. У автора имеются готовые, как бы снятые маски с лица, выражающего то гнев, то ярость, то радость, и они в качестве неизменных, постоянных портретов используются во всех необходимых случаях. Эта портретно-окаменелая маска создает впечатление статичности внешнего образа. Схвачена классическая, по мнению певца, поразившая его воображение мимика. И то, и другое автор сознательно повторяет при всех сходных положениях, чтобы подчеркнуть момент устойчивости, постоянства. В этих стилистических свойствах выражения — идеал застывшего величия, чуждого динамики, утвержденного многократным повторением, механическими вставками в одних и тех же выражениях. Чаще всего это — маска гневного выражения лица. Реже, но тоже в постоянно неизменных чертах, показана внешность героя в моменты радости, удовлетворенности чем-нибудь. Более разнообразны описания героя в моменты поединков, боев, однако, если проследить на протяжении нескольких походов, то и здесь окажется наличие сходных картин, например, у Сагымбая неизменно в одних и тех же выражениях описывается падение врага с коня после сокрушительного удара Манаса.

Центральный монолитный образ героя значительно дополняется многоликим, пестрым окружением. Соблюдена устойчивая симметрия размещения вокруг Манаса его личного персонала: жен, друзей, советников, слуг и ханов отдельных родов. Идеал семейного счастья героя воплощен в четырех женах — количественный предел, допускаемый шариатом. Они обладают всеми высокими качествами: красотой, царским происхождением, разумом, прекрасным нравом и храбростью. Даже имена аллитерируют: Кара-Борук, Каныкей, Акылай, Алтынай.

Только в некоторых случаях центральное место разделяет с Манасом Алмамбет, после исполнения обычая братания и после проявления исключительной, искренней привязанности, ставший как бы кровным братом героя. В его лице часто дублируется центральная фигура эпоса. Так осуществлен идеал родственных и дружеских отношений. Не случайно поэтому Алмамбет женат на самой близкой подруге Каныкей — Аруке. Все важнейшие события даже

в личной жизни он переживает одновременно со своим братом. Одновременно с ним увлекается пленницей, дав повод к единственному между ним и Манасом конфликту, одновременно с ним женится и почти одновременно с ним погибает. Везде подчеркивается идеальная неразлучность, спаянность, неделимость жизни героев.

Очень большое место занимает в “Манасе” конь героя Ак-Кула, такой же легендарно-сказочный, как его хозяин. Конь Манаса — как богатыря пастушеского племени, естественно, должен занимать в эпосе видное место в качестве необходимого дополнения к личности героя. Вообще, роль коней в жизни всех значительных персонажей поэмы показана очень полно и убедительно. Известны имена всех их: Сарала — конь Алмамбета, Агбудан — Джолоя, Алгара — Конурбая и другие. Состязания между ними столь же сложны, эффектны и интересны, как состязания между самими героями, и они также долговечны, как люди-герои.

Из друзей Манаса в качестве старших соратников, советников выделяются старшие — богатыри Бакай и Кошой. Они, как и многие другие из близких герою лиц, отечески заботятся о его благополучии, славе, о том, чтобы не вызвать его гнева, возвеличивая этим Манаса в глазах подчиненных. Здесь очень много тонких человеческих взаимоотношений, реалистически мотивированных бытовых деталей и уместно введенных сложных психологических моментов. Воспроизводя в широких рамках бытовую обстановку богатыря-правителя, героическая песня часто превращается в поэму, в зрелое произведение, возникшее в результате сознательной творческой воли автора. Соответственно этому оформлен в основном и словесный стиль поэмы.

Из чоро, окружающих и постоянно разделяющих с героями все тяжести походов, тоже можно выделить старших богатырей, как Чубак, Сыргак, а из ханов — Кокчо, Джамгырчы и др. За исключением отдельных редких случаев, вроде поединков или других событий, играющих роль испытания, все чоро показаны группой как окружение, фон, рельефно выдвигающий Манаса. Этот показ имеет определенные фиксированные места в сюжете (сборы в поход, массовые бои, сборы на торжество и т.п.) и ведется по одному только способу. Певец устраивает как бы парад

героев, причем рядом с именами ханов упоминаются подчиненные им роды. В древних вариантах ханы, как постоянные вожди своего племени, носители его славы, выражающие единство и мощь определенной группы, фигурировали, видимо, более самостоятельно, независимо. Тогда и отдельные части поэмы были слабее спаяны между собой. Сагымбаевский вариант и сейчас носит на себе следы этого: ханы часто показаны у него в качестве вождей равноправных киргизам племен союзников. Такая трактовка роли ханов чередуется с другой трактовкой: беспрекословное подчинение воле Манаса, что обнаруживает влияние более поздней эпохи. В первом случае индивидуальность ханов обрисована отчетливо, во втором случае образы их бледнеют, стусевываются, сливаясь с руководимой ими массой, редко попадающей в поле зрения певца и составляющей общий фон окружения Манаса.

Подобно тому, как все побочные темы сюжетно подчиняются одной центральной, все образы в поэме подчинены одному главному. Каждый из положительных героев замечателен лишь тем, что оказывает какую-нибудь услугу Манасу, проявляет верность ему. Лучшие друзья его воспеваются как истинные герои. Исключение составляют отдельные родственники, вроде кезкаманов, рассказ о которых возник, очевидно, позднее, когда в родовом строе в силу диалектического процесса развития обнаружились противоречия, когда низы коллектива превращались постепенно в антагонистов родовой верхушки. Зависть как внешняя мотивировка этого явления не вскрывает всей сущности борьбы между героем и обиженными им родственниками.

Из антагонистов Манаса самую большую группу составляют враги, главным образом из стана калмыков и китайцев. Но даже и их образы, всегда отрицательные, обреченные на постоянную немилость певца, служат для того, чтобы выгоднее оттенить главного героя как светлую фигуру на темном фоне. Они представляют крайние полюсы характеров, от которых певец отталкивается в изображении лучших, высоких достоинств Манаса.

Вероломный и алчный насильник Конурбай противопоставлен справедливому, честному и прямому Манасу.

Трагикомический, хвастливый носитель стихийной физической силы Джолой также противопоставлен скромной, уверенной в себе, сознательной силе и воле Манаса. Таким образом, каждая фигура из среды врагов оттеняет, подчеркивает положительные качества главного героя. Излюбленный эпосом прием антитезы и контрастов играет определенную конструктивную роль и в более полной характеристике как центрального образа, так и близко стоящих к герою лиц.

Словесно-поэтические приемы “Манаса”

В исполнении Сагымбая каждая большая глава или книга начинается вступлением, прелюдией, стиховой размер и ритмический строй которой не сливается с напевным строем остальных стихов. Эти прелюдии, очевидно, самостоятельно представляют традиционное начало, исполнявшееся как “жорго соз” без напева, бессюжетное вступление, по общему смыслу могущее совпадать и не совпадать с трактуемой дальше темой. Прологом у Сагымбая часто служат вставки о себе, об условиях работы, послания различным лицам. Вполне возможно, что раньше пролог посвящался манану, в доме которого исполнялась поэма.

Характерная для всех зачинов черта — их небрежная стиховая форма с установкой на декламацию, форма, известная у казахов как “такпак”. Например:

Манас Манас болуп,
Доолоту колдей толуп,
Кытайга туйшук салып,
Кылымды колуна алып,
Ааламга данкы кетип,
Алтымыш жашка жетип.

Манас, став Манасом,
Богатства свои, наполнивши озером,
Китайцев обрекши несчастьям,
Весь мир захватив в свои руки,
Распространив о себе славу на всю вселенную,
Достигнув шестидесяти лет.

Такие начала совершенно чужды высокой поэтической культуре основного стихотворного потока всех песен.

Начало каждого эпизода, каждой песни совершенно не обнаруживает связи будущих событий с изложенными выше событиями. Сюжетное начало песен всегда самостоятельно, и к описанию новых событий певец приступает сразу же после пролога. Если в событиях есть связь и ее нужно подчеркнуть, певец разрешает этот вопрос просто, механически. Например, во многих эпизодах, где Манас бывает выключен из действия или мало принимает в нем участия, певец прибегает к одному неизменному приему, переключающему внимание слушателей непосредственным обращением к ним в таких выражениях:

Оны таштап салынар,
Манастан кабар алынар.
(Оставьте это, узнайте, где пребывает Манас.)

Певцу этот прием помогает и в описании массовых боев, когда на время он переходит к действиям других лиц, но вскоре должен вернуться к герою. Таким образом, переходы от одной большой темы к другой тоже не сложны и сюжетно не мотивированы. Тематическая близость эпизодов, при господствующих способах рассказывания в виде ступенчатого построения или нанизывания, осуществляется искусственной словесной мотивировкой, обнаруживающей механическую связь между ними.

Общераспространенные виды изложения литературного материала — описание, повествование, драматизация, главным образом в виде монологов — представлены во всей поэме, но в пределах каждой из больших тем неодинаково.

Если в “Поминках по Кокетею” преобладают описания и повествования, то в “Великом походе” равное место занимают речи героев. В походах статические мотивы, включенные описательным приемом в мотивы динамические, сменяются повествованиями, а моменты наибольшего душевного напряжения, острых столкновений, отмечены речами героев, двигающими событие, тогда как столкновения героев с врагами переданы исключительно авторским повествованием.

Речи характеризуют положительных героев в моменты осложнений их внутренних взаимоотношений, личных переживаний или мотивируют известные поступки, действия. В поэме можно найти самые различные виды речей: совещательные речи – на сборе в совете (речи Манаса и Алмамбета перед походом на Бейджин); воинственные увещевания (речь Манаса на аше); речи-угрозы (послания Манаса семи ханам); задушевные речи, выражающие раскаяние, огорчение (знаменитая речь Алмамбета в “Чон казате”, которая в конце превращается в личное воспоминание, автобиографию); речи-завещания (“керез” Кокетея); дружеские наставления, укоры (речи Бакая, Кошоя, часто обращенные к Манасу). Кроме этих и других видов речей, которыми вообще изобилует поэма, встречается много простых разговоров, шуток, острот. Так как и в этом случае, несомненно, имеет место эволюция формы, то нетрудно установить элементы архаические и наслоения более позднего формирования.

Судя по многим речам, в которых говорящему лицу никто не задает вопросов, никто не прерывает его, можно было бы полагать, что диалог в собственном смысле слова неизвестен данному эпическому произведению. Характерна, вероятно, встречающаяся уже в самых старых вариантах возбужденная речь Алмамбета, обращенная к вызвавшему его справедливый гнев Чубаку, на которую последний ответил молчанием. У опытного исполнителя это молчание мотивировано психологически: уже убежденный в неправоте своих поступков, Чубак сознательно не отвечает Алмамбету, чтобы дать ему излить весь свой гнев. Но по одним только большим речам, произнесенным в памятные случаи видными героями, речам, уже давно ставшим популярными среди слушателей и канонизированными при долгих исполнениях, было бы неправильным заключить, что диалог вовсе не присутствует в поэме. И действительно, он имеет место в ней. Конфликт между Манасом и Урбу при участии Кошоя на аше, спор, возникший среди чоро во время игры в “ордо” в “Чон казате”, и многие подобные мелкие сцены представляют в авторском показе настоящие драматические сцены с возмущенными речами нападающей стороны и возбужден-

ными, быстрыми репликами обороняющихся. В таких случаях поэт мастерски рисует картины нарастающей словесной и душевной борьбы, с постепенным вводом, как в настоящих драматических эпизодах, заинтересованных, задетых борьбой новых лиц.

Для характеристики стиля произведения, перерастающего рамки дружинной песни и представляющего собой в некоторых моментах переходную к поэме форму или даже являющегося уже зрелой поэмой, интересна передача этих речей. В редких случаях они даются дословно, повторяются как прямая речь. Если в этом факте мы должны усмотреть архаическую форму, то в нем же, наряду с древними элементами, наличествует и авторская сокращенная передача смысла речей, то есть косвенная речь (например, авторская передача речи-завещания Кокетея в последующем повторении ее перед Манасом и др.)

Из моментов описаний, кроме упомянутых нами новейших наслоений пространных статических картин встречаемых героями местностей, сохранились традиционные формулы, описывающие излюбленные и типичные для былинных сюжетов положения героев и былинную обстановку. К ним в “Манасе” относятся сватовство, просьба о благословении, сборы в поход, некоторые моменты поединков и массовых боев, обязательные картины после боя и постоянно повторяющиеся описания внешнего вида вражеской рати перед боем.

Из общераспространенных поэтических форм в поэме наименее представлена лирика вообще и лирика природы в частности. В противовес более лирическому, почти романтическому стилю своего продолжения — “Семетея”, стиль “Манаса” строго выдержан в возвышенных героических тонах, совершенно чужд интимности, сдержан или натуралистически откровенен без всяких недомолвок и туманностей. Это легко обнаруживается (как строгий принцип) во всех линиях исследуемых нами основных моментов и самого содержания поэмы, которая в этом отношении выделяется особой мускулатурой стиля настоящей героической эпопеи.

Как уже было указано, в поэме совершенно отсутствуют картины природы в лирическом воспроизведении. Но это

вообще не исключает наличия отдельных конкретных картин природы в форме описания вообще. Для поэмы характерен особый интерес к стихийным явлениям – грозе, ливню, сильным морозам, небывало бурным потокам и пр. Ярко выделяется своей изумительной художественностью два описания реки Орхон* – первое в момент ее бушевания, второе, когда Алмамбет, укротив реку заклинаниями, обнажил ее глубокое русло и дно с погибшими рыбами-великанами и громадными деревьями, вырванными с корнями.

Характерен примененный здесь особо динамический прием, когда певец представляет себя находящимся лицом к лицу со слушателем и апеллирует к мнимому показанию этого же слушателя. Заканчивая второе описание Орхона, певец говорит:

Озун коргон ал кунку,
Огуздой кара балыктар
Олуп жатат тороюп.

Черные, как волы, рыбы,
Что ты видел сам в тот день,
Теперь лежат, распластавшись, мертвые.

Это – установка не только на слушание, но и на показ. Представлен мнимый слушатель, будто бы находившийся в первый раз вместе с певцом на берегу Орхона, а второй раз отсутствовавший и теперь слушающий впечатления вторично побывавшего там певца. Между прочим, это не случайный стилистический прием, он встречается, хотя и редко, и в других сценах.

Напомним также приведенные раньше описания внешности героев и особо выделяющихся комических персонажей.

Характеры героев изображаются в поэме по преимуществу не в авторском описании, а в малых или больших

* Название, широко известное тюркологам по знаменитым орхонским надписям, включенное в поэтический контекст данной поэмы без изменений. Это название реки относится, очевидно, к числу позднейших наслоений.

действиях-поступках или в действиях-словах. А действия-поступки, как и многие другие динамические мотивы, развернуты уже в плане повествовательном. За исключением речей и указанных описаний этот прием изложения встречается в поэме повсюду.

На долгие повествования остаются, главным образом, динамические, эффектные сюжетные линии, как-то: встречи, битвы, столкновения между самими героями, борьба не только физическая, но и внутренняя, катастрофы моральные и физические. Все это составляет обильный повествовательный материал в словесно-поэтическом оформлении эпопеи.

Нельзя не вспомнить о повествовательной функции некоторых речей. В большинстве своем пространные, они в отдельных частях всегда двигают действие и даны не как авторское повествование, а в форме сказа, где в качестве рассказчика выступает произносящий речь герой. В подобных случаях, иногда в пределах одной длинной речи, повествовательная форма попеременно смешивается со сказовой. Характерный пример представляет та же речь Алмамбета из “Великого похода”, которая то ведется от первого лица, то говорит о нем в третьем лице:

Атагана, дунуйо,
Айтпасам кетер арманым,
Ойротко Алман баш эле.
Ошо кунде Алмамбет
Он сегиз менен он тогуз
Ортосунда жашы эле...

О тленный мир!
Если не расскажу, то печаль останется во мне.
Твой Алман был главой на весь мир.
В эти дни года Алмамбета
Были между семнадцатью и восемнадцатью.

Другим основным вопросом словесного оформления поэмы является вопрос о стихе.

В “Манасе” имеются самые разнохарактерные формы соединения стихов: здесь есть рифмы, созвучная концовка стихов, а также звукопись, основанная на аллитерации

и ассонансах. Безусловно соглашаясь с исследователями истории и теории рифмы относительно более позднего возникновения рифмы как таковой, мы все же затрудняемся указать в пределах данного произведения грань между усиленным распространением рифмы и сохранением существовавших до нее стиховых сочетаний. Дело в том, что и в признаваемых условно сравнительно более древними стихотворных отрывках (отдельные типические места и некоторые речи, например, речь Алмамбета и др.) рифма занимает устойчивое положение. Здесь акустически подчеркнуты как начала, так и концы стихов.

Констатируя доминирующее значение аллитерации и ассонансов в стихотворной композиции почти всех частей поэмы во всех известных вариантах, одновременно приходится отмечать и безусловное наличие рифмы. Однако следует оговориться, что последняя отличается от рифмовки печатного стихотворения с его устойчивым строфическим членением, с твердо установленными размерами четверостиший, шестистиший, восьмистиший и т.д. Рифма в поэме фигурирует в качестве конечного повторения одних и тех же комбинаций – морфологических и всех прочих. Но в то же время стихи поэмы основаны на тактовом делении, они, как речевое творчество, не предназначены для печатного текста и индивидуального чтения. Если при исполнении и отсутствует музыкальный аккомпанемент, то вокальная сторона не отпала, и, кроме того, наличествует еще игровое исполнение (жестикация, мимика). Стих не только поется, но и исполняется, так что в своем творчестве, возникновении и одновременном исполнительском воспроизведении он не утрачивает первоначальных элементов синкретизма.

Певец производит свою продукцию по заказу, находя для нее непосредственное бытовое потребление, а не читательско-индивидуальное, и все же организует речевой материал и акустическим способом, и способом конечных однозвучных повторов, т.е. рифмования.

Причем рифмы здесь совсем не случайны. Приходится считать законным, даже обязательным акустическое подчеркивание начала и конца стиха, или переменное усиление внимания то на одном, то на другом:

Кан кылгын дедим киминди?
Кааладым келдим дининди,
Канын экоон бирикчи,
Каардансам шу жерде,
Каалабалуу Чубагым,
Каагайынбы жининди.

Кого из вас я просил сделать меня ханом?
Я пришел к вам сам, избрав эту религию.
Хоть и вступится за тебя твой хан
Все равно, если разозлюсь,
Заносчивый Чубак,
Я выбью из тебя спесь!

Эти признаки распространяются на все эпические произведения киргизские, казахские и на большинство эпосов других тюркских племен. Этой характерной особенностью отмечен весь поэтический стиль одного из замечательных видов восточного эпоса.

Таким образом, указанные принципы организации речевого материала здесь не исключают друг друга, не отталкиваются один от другого, а сливаются в органическое единство, давая возможность обнаружить талант певца в многоплановости звуковой инструментовки стиха.

Приведенный выше отрывок со своим дальнейшим продолжением характерен подчинением принципу строфического членения в виде четверостиший:

Улук кылгын дедим киминди?
Урматтап келдим дининди,
Улугун экоон бирикчи,
Урайынбы жининди.

Кого из вас я просил сделать меня начальником?
Я пришел к вам и уважаю вашу веру.
Хоть и вступится за тебя твой начальник,
Я выбью из тебя спесь!

Здесь мы имеем строфический параллелизм с подчеркнутыми повторениями как нарастание, нагнетание смысловых и синтаксических связей, выражающее все

усиливающееся душевное возбуждение героя. Повторы имеют целью усилить впечатление. Наряду с этим в поэме часто встречаются смежные рифмы:

Шондо Манас коп айтат:
“Ээ, калайык” деп айтат.

Со словами: “О, народ...”
Тут Манас обращается.

Встречаются также перекрестные рифмы:

Атышкан жоосун кулаткан,
Найзасынын темири
Кулач карыш болоттон.
Жарды сайса эшкендей,
Каарданып бир койсо,
Кара ташты тешкендей.

Железо его копя,
Что разит врагов,
Из булата (величиной) с маховую сажень.
Разрушит он и крутые берега,
А когда рассердится,
Протыкает и черный камень.

Часто встречаются и однорифменные тирады различной длины, известные в казахском фольклоре под названием “жельдирме”.

Аябагын озумду,
Урпек башту туу келгин,
Устун астын чуу келгин,
Уйор аккан суу келгин,
Упчун кийген эр келгин,
Кара куйрук шер келгин,
Айдама шынга кол келгин,
Азаматын мол келгин.

Не жaley ты меня (я не боюсь),
Пусть придут косматые бунчуки,
Пусть придет шум, поднимающийся вверх дном,
Пусть придет вода, бегущая горным потоком,

Пусть придут богатыри в доспехах,
Пусть придет лев с черным хвостом,
Пусть придут несметные войска,
Пусть бесчисленные придут храбрецы.

В последнем случае выступают редифы, характерные для некоторых видов тюркского эпоса, отмеченные иногда слабой поэтической техникой. Но, как устанавливают исследователи, есть редифы слабые и редифы допустимые при высокой поэтической технике. Одинаковые окончания стихов в поэме с семантически однообразным повторением всегда требуют перед повторяющимися словами еще дополнительно рифмующихся сочетаний слов или фонетических и т.п. частей слов. Таким образом, появляется уже удвоенная рифма.

Уйор аккан суу келгин,
Упчун кийген эр келгин,
Кара куйрук шер келгин.

Пусть придет вода, бегущая горным потоком,
Пусть придут богатыри в доспехах,
Пусть придет лев с черным хвостом.

“Жельдирме” такого рода в киргизской и казахской поэзии создает, если не строфическое, то тирадное объединение стихов. И со стороны поэтической техники оно не ощущается как слабое место. Напротив, в моменты сгущенных событий, при достижении эффектных вершин повествования певец сознательно вводит “жельдирме” для усиления темпа исполнения, ускоряя непрерывный поток стиха. Создается впечатление беспрерывно льющейся мерной речи, которая вызывает одобрительные возгласы слушателей. Не напрасно стихи с этой рифмой названы “жельдирме”, что значит – рысистый бег, образное противопоставление другим рифмам, якобы ведущим стихи спокойным “шагом”.

Но, как указано выше, и строфическое членение, и тирадные объединения не обнимают всех стихотворных видов без устойчивой рифмы, со случайной созвучной

концовкой через два, три, иногда четыре стиха в пределах целой тирады (речи, описания или повествования). В такие моменты смешиваются все перечисленные виды рифмы, ритмический строй стихов подчиняется напеву, акустическому моменту повторов, конструктивное значение которых выступает здесь особенно ярко.

Несомненно, что за долгую историю бытований эпоса напевы менялись так же, как содержание и форма. Сегодняшний распространенный напев, делая тактовый упор на долготе и краткости слогов, акустически чаще подчеркивает начала стихов или начальные слоги отдельных слов в стихе. Получается впечатление как бы не свойственного тюркским языкам скандирования стиха по начальным слогам, тогда как вообще в языке ударения имеют устойчивое место на последнем или предпоследнем слоге, определяя тем самым силлабическую систему стихосложения со счетом слогов в стихе.

Но здесь надо иметь в виду один специфический момент в фонетическом составе киргизского наречия, для которого характерны долгие гласные, особо подчеркиваемые в стихе. Они играют особую ритмическую роль в тактовом делении и произносительно-интонационном строе стихов не только при сопровождении их напевом, но и при обычной декламации. Распространенные в настоящее время напевы используют эти долгие гласные для подчеркивания начала стихов ритмическим усилием голоса, который постепенно снижается к концу стиха и слова, резко поднимаясь в начале следующего. При этом, если группа смежных стихов образует строфу в виде четверостишия, шестистишия и т.п., то самый последний рифмующийся с предыдущим стих заканчивается песенно-протяжным удлинением голоса, создавая впечатление периодически повторяющегося припева.

Этот напевный строй, ориентирующийся, главным образом, на начало стихов, сопровождается одновременно указанной выше созвучной концовкой, причем весьма важное конструктивное значение подобного напева обнаруживается в узаконении им звуковых повторов в виде внешней и внутренней аллитерации:

Карап турсам, дунуйо,
Кан кырган эрдин шору экен,
Калкынан азган кор экен,
Кытай да болсо зор экен!
Кыйрынан азган кор экен,
Кыйышкан эрдин шору экен!

Посмотрю на этот мир и вижу:
Он – несчастье для отбившегося (от своих) батыра,
Хоть и китайцы они, но это большой народ,
Ты – презренный, оторвавшийся от своего народа,
Ты – презренный, оторвавшийся от своих родных,
Он (мир) – несчастье для провинившегося батыра!

Или как ассонансы начальных гласных:

Атадан бездим дин учун,
Алда таала бир учун,
Акбалтанын Чубагы,
Ардыгасын ким учун?
Аскерге кызмат кылдырбай,
Аркамдан чабыш кай кучун?

Отказался я от отца ради веры,
Ради единого, всевышнего бога.
Чубак, сын Акбалты,
Из-за чего ты сердиться?
Не допуская управлять войском,
За что ты преследуешь меня?

Здесь налицо начальное созвучие, более обязательное, чем конечное, но состоящее из аллитерации и ассонансов, крепко связанных с ритмическим усилением голоса в начале каждого стиха. Эти примеры доказывают несомненную обусловленность начальных повторов и напева. Во всяком случае, тесная связь их в первоначальном возникновении и в дальнейшем узаконении в качестве особо конструктивного принципа бесспорна.

Поющий стих, где внимание певца фиксируется только на началах, может или совсем не иметь конечной рифмы или, как было сказано выше, перебирать различные случайные рифмы через один-два-три стиха.

В пределах этих различных норм, различно организуя способы речетворчества, следует упомянуть еще о размерах стиха.

Размеры, конечно, тоже связаны с напевом, причем в этой зависимости есть минимум и максимум, переход за которые означал бы разрыв стиха и напева, что может случиться либо при изменении напева, либо только при самостоятельном выделении стиха, освобождении его от вокального момента. Но в рамках данной поэмы этот процесс еще не совершался, поэтому размер ее стихов не выходит за указанные пределы, за установленные напевы. В последнем варианте мы имеем размеры, соответствующие только одному, самому распространенному типу напева. По счету слогов они колеблются между 6 и 9. И какие бы рифмы, какие бы начальные звуковые повторы ни были обязательны для всех стихов, размеры их не выходят за определенные рамки. Исключения составляют запевы, вступления к большим темам или отдельным книгам, организованные совсем по другим признакам, без напева (как жорго соз) и имеющие 4-5 слогов, иногда больше.

Напев, повлиявший на увеличение количества аллитерации и ассонансов в началах стихов, в дальнейшем, через узаконенные звуковые повторы внутри стиха, способствует подбору определенных эпитетов и метафор, подчиняющихся принципу “звукового притяжения”.

Каангырын келген бир кулду,
Каап которуп зор кылдын.
Каалайык эригиз,
Каалдайган кара шор кылдин.

Или:

Ошол Оркон суусуна,
Суунун тийган буусуна,
Жээгинде жекен желпилдеп,
Каамыштын бары калкылдап,
Ааттай кара балыктар,
Аржерине карасан,
Атылып тушуп жаркылдап!

Раба, бродившего без пристанища,
Возвеличил ты, объявив его ханом.
Навлек ты на народ столько горя,
Что никогда не уйдет.

Или:

Оглянись во все стороны
На эту реку Орхон,
На берега, что омывает эта река,
На них жекен*, развиваясь,
Рыбы черные, величиной с лошадь,
Выбрасываясь и сверкая...

Как правило, звуковые повторы вообще приходится только на начала слов, совпадения же повторяющихся звуков внутри этих слов — явление случайное или не всегда нарочито подобранное.

Подбору эпитетов по звуковому притяжению подчинены и иностранные слова (чаще персидские):

Асысы арбын...
Коп куспанд...

Постоянные эпитеты к некоторым именам также подобраны по этому принципу:

Ырмандын ырчы уул,
Катагандын Кошою.

Сын Ырмана певец,
Кошой, сын Катагана.

В поэме, как уже сказано, очень много названий местностей, городов и иностранных собственных имен, которые сами по себе мало что говорят слушателю, но приобретают интерес, когда попадают в благозвучное окружение аллитерирующих с ним слов.

* Жекен — болотное растение.

Сакалаттан Сары доо
Самсап келди эки мин.
Саандыргалуу Кейкубат
Бу да келди жети мин.
Кайчы кулак каман алп,
Киндиги темир Кетен алп,
Калдан Ширен дегени,
Каргап жүз мин колменен.
Кара манжууга барыптыр.

Из Сакалата Желтый див
Прибыл с двумя тысячами.
Надменный Кейкубат*
Прибыл с семью тысячами.
Каман алп с ушами, как ножницы,
Кетен алп с железной пуповиной,
Именуемые Калдан и Ширен,
Скопом в десять тысяч войск,
Отправились в Кара манжуу.

В таком же порядке аллитерируются и всякие иные географические названия и названия племен, кроме метафор, подбираемых по звуковому притяжению, представляющих в большинстве общепотребительные языковые метафоры. Существуют и другие виды словесных образов, правда, не осложненные, как это свойственно чисто индивидуальной поэме, но все же показывающие значительную эволюцию в образном представлении описываемых явлений.

Вообще большинство образов берется из окружающей природы и животного мира. Этой особенностью отличается основной стиль поэмы. Образы обычно вводятся неосложненно, простым сопоставлением одного явления с другим или уподоблением, например, героя – льву, врага – волку или кабану.

Адам сыны булунуп,
Арыстан сыны корунуп.

* Эти имена, между прочим, не всегда сходны с реальными именами у определенных народностей. Характерны имена Конурбай, Эсен-хан, данные китайцами, или Марди Калян. Имя, данное не то калмыку, не то китайцу, на самом деле это имя по-персидски означает “большой человек”. Но есть много имен не киргизских и не мусульманских.

Потеряв облик человека,
Превратившись в льва...

Огуздой болгон чон Жолой.

Великий Джолой, как бык... и т.д.

Впрочем, наряду с этими простыми образами есть и более сложные. К ним относятся описания внешности героев и их врагов:

Он козунон от чыгып,
Сол козунон чок чыгып,
Оозунан ойрондун
Ок жазайын топ чыгып.

Из правого глаза огонь пышет,
Из левого глаза – угли,
Изо рта проклятого
Сыплются пули, как из пушки.

Или о Джолое:

Сакалдары туу куйрук,
Сараптан тешип откондой.

Борода его, как щетина лошади,
Пробивающая даже шубу.

Тогулгон жору каштаньп,
Огуздой болгон чон донуз
Орттонгон донгоч баштаньп.

Брови его повисли, как у линияющего коршуна.
Он боров, ставший (большим) как бык,
Голова его, как обгоревшее бревно.

Если здесь при наличии известного сдвига образы все же слишком преувеличены, то в приводимом ниже ответе Манаса семи ханам они могут считаться уже художественно полноценными:

Аябагын озумду,
Урок баштуу туу келгин,
Устун астын чуу келгин,
Уйор анкан суу келгин,
Уй токтоткус жел келгин,
Уй токтоткус жел келгин,
Тобокелчи бир озум,
Алтын бакан тироочиун,
Тобокелче турармын.
Уйор аккан сел келсен,
Айры кетмен колумда,
Алым келсе бурармын,
Баясы бийик дубалмын,
Майышпасан байып чык,
Жалгзын кой да жамын кел,
Жетоон эмес, жетмиш кан.

Не жалея ты меня (я не боюсь),
Пусть придут косматые бунчуки,
Пусть придет вода, бегущая горным потоком,
Пусть придет ветер, опрокидывающий юрты,
Встречу я все это сам один.
Золотой бакан* моя подпорка,
Устою с решимостью я сам.
Пусть придет сель** грозный,
В руках у меня раздвоенный кетмень,
Если смогу, отведу в сторону поток.

.....
Я – высокий дувал,
Если не сгибаешься, то взберись на него.
Я – чинар с золотой листвою,
Если твой топор острый, срежь его.
Приходите хоть все скопом, не только по одному.

Жетимишин чогулуп,
Женер жерин камын кыл...

Соберитесь все семьдесят, не только семеро,
Соберите все силы, чтобы победить меня.

* Бакан – шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты.

** Сель – горный поток.

Характерно, что эти сложные образы совпадают с осложненной тематикой, когда заговор вызывается многими мотивами, в числе коих не последнее место занимают социальные. Ответ Манаса еще больше оттеняет этот момент, подчеркивая, что герой не разделяет ни с кем своего высокого места и борьбы за него. Если по идеологическим тенденциям в авторской проекции можно усмотреть здесь установку на всевластного монарха, идущего против вассальных ханов, то и образы тоже подчеркивают противопоставление единой, сознательной силы якобы слепой, бессознательно двигающейся стихии: герои укрощают слепые силы природы – поток, ураган. Эти и многие подобные им сложные поэтические образы являются результатом длительной эволюции образов в пределах развивающейся формы и содержания поэмы, а также результатом развития поэтически-речевой культуры народа.

Таков еще один из стилистических фактов, превращающих былинную песню в зрелую поэму.

Из других стилистических особенностей “Манаса” заслуживает внимание вопрос о поэтической лексике поэмы. Язык ее в последнем варианте в основном – современный, на котором до сих пор говорят, слагают песни и пишут. За редкими исключениями он понятен, доступен основной массе слушателей. Но в поэме наличествуют и архаизмы, и варваризмы. Архаические слова и обороты “Манаса” могут составить особую тему для лингвистического исследования. Хотя поэма, бытовавшая до последнего времени в качестве произведения устного творчества, не представляет собой старинного текста, все же в ней сохранилось много элементов старого, хотя бы в виде устойчивых эпитетов и большого количества архаизмов. Встречаются отдельные вышедшие из употребления слова, непонятные современному слушателю и восходящие, быть может, к какой-нибудь древнетюркской или монгольской основе.

Еще больше внимания обращают на себя заимствования из иностранного, обнаруживающие следы вмешательства поэта или поэтов книжно-грамотных. Не говоря о таких арабо-персидских и персидско-узбекских заимствованиях, как “шер” (лев), “муштум” (кулак), “тамам” (конец), “урматтуу” (уважаемый), “наюмут” (безнадежный) и т.п.,

ставших общеупотребительными, встречаются такие слова, как “биабан” (пустыня), “барг” (листья), “бузурук” (великий), “жам” (чаша) и т.д. — яркое доказательство влияния иранского книжного эпоса или чагатайской литературы. Иногда певец тут же, в стихе, расшифровывает такие слова, и тогда получаются парные слова с одним значением: “чолбиябан”, “жам-кесе” и т.д. Характерно распространение этого книжного влияния на образы, когда какой-нибудь герой сравнивается с Рустемом:

Устуно кийген кок темир,
Чопкут соот киягы,
Улкон Алма батырдын
Урустемдей сыягы...

Одетый в серое железо,
В латы из литого панциря,
Великий Алма батыр
Подобен Рустему...

В другом случае певец не только упоминает имя Рустема, ставшее вообще в тюркском эпосе нарицательным, но и оказывается знакомым с фабулой “Шахнаме” и с некоторыми его персонажами, как, например, Афрасияб и др.

В “Манасе”, “Шахнаме” много совпадающих мотивов в характеристике образов и судьбе героев. Так же сходны и антагонисты героев — Конурбай и Афрасияб (оба неверные).

Необычайно долго живет Зал, пережив своего сына Рустема, который тоже успевает выступить в совместном бою со своими потомками чуть ли не четвертого колена. Если не в такой степени долговечен Манас, то его отец Бай-Джакып живет очень долго и тоже переживает сына и погибает насильственной смертью от руки внука. Долго живет враг Рустема Афрасияб. В “Манасе” долговечны Конурбай, Джолой и все его сильные враги и лучшие друзья-соратники. Всю жизнь не расстаются герои обеих поэм со своими конями. Рустем терпит вероломство близких ему людей, как например, родственника Кейкауса, обязанного ему своим тронном. Враждуют с Манасом и покушаются на его жизнь ближайшие родственники кезкаманы.

Внешняя разница в положении Рустема и Манаса заключается в том, что первый – не шах, тогда как Манас становится ханом. Зато Рустему обязаны своим тронами все жившие при нем “властители мира” (Шах Джахан), фактически ставленники его. Различны также семейные мотивы жизни героев. Рустем имеет много детей, что составляет для него одновременно и счастье, и трагедию. История его поединка с неузнанным сыном Сохрабом кладет начало получившему впоследствии почти мировое распространение странствующему мотиву “боя отца с сыном”. Манас же почти всю жизнь остается бездетным, увидев появление на свет единственного сына Семетея лишь перед смертью. На этом подчеркнутом противоречии с идеалами семейно-родового начала построена, собственно говоря, единственная трагедия жизни самого Манаса и его любимой жены Каныкей.

Таким образом, рассматривая вопрос о книжном влиянии эпоса других народностей на “Манас”, мы должны признать, что персидский эпос, в особенности “Шахнаме”, занимает здесь одно из самых видных мест.

Разберем еще вопрос об элементах комического, вообще веселого в поэме с точки зрения конструктивных особенностей, а также стилистической обработки речевого материала.

Прежде всего, надо отметить, что и комизм положения, и комизм речевой занимают в поэме, особенно в сагымбаевском варианте, значительное место. Певец подробно останавливается на всяких развлечениях, играх, состязаниях, своеобразном (тоже отмеченном печатью известного героизма) спорте*, уделяет и немало внимания всему занимательно-веселому, смешному, необычайному. Редко в каком другом эпическом произведении развлечения и увеселительные игры занимают так много места**.

* Почти все эффектные события “аш” составляют игры, состязания: стрельба из лука, борьба, саши (бой на копьях), скачки, отвязывание верблюда и др. Каждая из игр занимает целую песню, а скачки – две песни.

** Исключение составляют гомеровские поэмы.

В “Манасе” эта черта выступает как признак большой жизнерадостности народа-кочевника, азартно любящего развлечения в своем относительно изолированном историческом существовании, в окружении гор, величественных пейзажей вечных снегов, озер и альпийских лугов, с пестрыми табунами скота.

Описание игр и развлечений встречается не только в “Поминках по Кокетею”. Каждое значительное событие в жизни героев, начиная с рождения Манаса, кончая его женитьбой и рождением сына Семетая, отмечается устройством большого “тоя” (как это бывает и в действительности) в сопровождении игр. Почти каждая большая тема, каждый цикл обязательно содержат в себе одну или несколько песен, посвященных развлекательным моментам. В этом, пожалуй, самое выдающееся, высокоценное качество сагымбаевского варианта.

Большинство повествований о войнах, сопровождающихся тяжелыми испытаниями для героев, заканчивается у Сагымбая рассказом о всеобщем торжестве или каком-нибудь занимательном развлечении, либо перемежается с комическими сценами, которые хотя бы на время отвлекают от серьезных переживаний как самих героев поэмы, так и сочувствующих их судьбе слушателей.

Подобные сцены встречаются в “Чон казате”, где события протекают особенно напряженно. Например, исключительные трудности девятидневного переезда как бы облегчены вводом комической сцены с малодушным, назойливым Кыргыз-Чалом или трагикомической сценой с злополучным Таз-Байматом, который при перечислении подчиненных ему воинов упустил Манаса. Еще замечательнее в том же “Чон казате” игра ближайших соратников Манаса на привале в “ордо” (национальная киргизская игра). Между участниками игры возникают споры, которые переносятся в реальную сферу их взаимоотношений и вызывают чуть ли не раскол всей рати, идущей на Бей-джин.

Ввод подобных развлекательных сцен певец практикует в любых случаях. Все комическое в поэме всесторонне мотивировано, оправдано ее сюжетным и конструктивным заданием. Это обеспечивает (не в пример даже книжному

“Шахнаме”) художественную полноту произведения, широкий охват творческим воображением джомокчу героики будней, быта и психологических черт киргизского народа.

Комическое в поэме осуществляется различными приемами. Прежде всего обращают на себя внимание целые сцены, специально подчиненные этой теме. Особенно изобилует такими сценами “аш” Кокетея (эпизод отвязывания верблюда и др). Если исключить скачки, борьбу, саиш, вызывающие напряженное чувство соревнования между родовыми, часто враждующими группами, то все остальные состязания протекают как легкие развлечения, игры в настоящем смысле этого слова, в которых, безусловно, должен присутствовать элемент веселого и комического. Очень яркой в этом отношении является сцена отвязывания верблюда. Комическое здесь достигнуто построением необычного на необычном: голая пара появляется перед многолюдной и исключительно требовательной аудиторией ханов. Необычны также действия этой пары. Острая шуточная сцена и по своему словесному оформлению протекает в стиле натуралистического реализма с перечислением всех деталей и с описанием отношения зрителей — мусульман и “неверных”.

Единственную победу в состязаниях (враги) одерживают только в этом случае. При этом здесь допущено отступление от обычного приподнятого тона повествования о героях (даже тогда, когда они веселятся, развлекаются), что является результатом пренебрежительного отношения певца к “неверным”, которых он всегда подает в гротескном изображении. Таким образом, в этой сцене основной мотивировкой является прием контраста, противопоставления спортивных талантов героев (в предыдущих сценах стрельбы, борьбы и турнира) животной-грубым наклонностям врагов.

В этом же духе протекают и остальные картины “аша” с участием отдельных персонажей из неверных. Например, объектом постоянных насмешек служит Джолой с его жадностью, тупым упрямством, хвастовством и прочими отрицательными качествами. Это хорошо показано

в маленьком эпизоде с варкой мяса для гостей. Нетерпеливый Джолой выхватывает прямо из котла куски мяса, а поваров, пытающихся помешать ему, хватается за ноги и ударяет головами о землю. Целую песню, подобно сцене с отвязыванием верблюда, занимает “таз сузушу” – состязание паршеголовых, подражающих бою баранов. Это наиболее безобидная для обеих сторон картина просто смешного.

Кроме таких целых песен и эпизодов, в эпосе рассыпано очень много шуток, острот, веселых прибауток, шуточных прозвищ и т.д. Например, Кошой перед поединком с Джолоем острит по поводу своих шаровар. Шутливо описывает певец отказ богатырей европейских народов, например, англичан, немцев, от участия в саише (турнире). Один из них говорит, что всю жизнь ездил только на телеге, а с коня его снимает всякий, другой заявляет, что никогда не держал в руках копья:

– А, калайык, – деп айтат:
Араба болуп мингеним,
Бала эконден маш болуп,
Ат миништи билбедим.

.....
Байкуш Эбел коздоду:
– Найза деген немеңе?
Ошу кунчо найзанды
Уштап, кармап корбодум.

– О, народ! – он говорит:
Всю жизнь свою я ездил на арбе,
С самого детства
Не знаю, как садиться на коня.

.....
Бедняга Эбель распрашивал:
– Что такое копьё (найза)?
До этого самого дня
Не держал я копьё в руках.

С точки зрения киргиза-наездника, ценящего копьё больше всякого другого оружия, оба этих мотива должны казаться очень смешными.

Шутки допускаются и по адресу самого Манаса. Так, например, над ним смеется Бакай, когда герой, увлеченный красотой своей будущей жены Кара-Борук, оказывает ее отцу такое почтение, которое в качестве традиционной церемонии требуется только от жениха при виде тестя. А Манас в то время женихом еще не был.

Комическое, как прием освещения, развертывания определенных тем, встречается и в показе некоторых моментов, связанных с религией. Весьма интересно в одном эпизоде (принятие ислама жителями Ташкента) описание молитвы мусульман с точки зрения язычников. Последние совершенно упускают из виду ритуальную сторону, как будто она вовсе не существует. Они видят только, как мусульмане стоят рядами, все в одно время нагибаются, становятся на колени, поднимают руки вверх ладонями, говорят что-то непонятное. Так с точки зрения немусульман очень подробно описывается певцом вся внешняя сторона молитвы. Путем применения такого приема певец сознательно обесмысливает исполнение, показывая только внешние стороны и не касаясь внутреннего содержания. Этот мотив сам по себе аргументирован, оправдан точкой зрения язычников как недоумевающих наблюдателей. В результате получается целая картина, отстраненность которой резко ощущается мусульманами и одновременно слушателями, ибо для них недоуменные вопросы язычников должны звучать только комически:

Барын кырка турдунар,
Башка бир жумуш мунунар.
Обоктоп ооро болдунар,
Боорунарда колунар,
Болжолу жок бир жумуш,
Башынды жерге койдунар.
Катар-катар турушкан,
Кайсы турлуу ойнунар?
Элиниздин барысы
Эки жагын карады,
Ушу кылган ишинер
Эмине ишке жарады?
Биз билбеген бир созду
Кожурашып калдунар,
Нении кордун барынар?

Все вы, ставши в ряд,
Что-то делали.
Все вы стояли, нагнувшись,
Держа руки на животе (буквально: на печени).
Что же это за бесполезное дело?
Головами касались земли,
Что же это за игра такая?
Вы стояли в несколько рядов,
Смотрели попеременно по сторонам,
Что за польза от этого дела?
Стали бормотать
Непонятные нам слова,
Поглаживая свои подбородки,
Что вам за польза от этого?

В дальнейшем этот прием служит мотивировкой для ввода серьезной темы поучения, пропаганды в пользу ислама. Однако серьезное, с точки зрения верующего, дело воспринимается и здесь язычниками-слушателями в комически отстраненной форме. Когда Абу Насыр Самыш посвящает язычников-киргизов в учение ислама, Кокетей, в то время еще язычник, но уже склонившийся к новой вере, прерывает его:

Навстречу вышел Кокетей,
– Подождите! – он сказал.
Что это за слова
О том, что покарает тебя периште?
Наговорив много слов,
Вы заботитесь о судном дне.
Погодя, еще один говорит,
Что “побьет тебя периште”.
А что такое “периште*?”
Расскажите о его приметах.

Дальше из объяснений он делает вывод, что ангел – это товарищ бога и т.д. Сходный характер имеют представления мусульман о языческих обрядах, в особенности – о языческих идолах. Последние много раз описываются подробно, причем

* Периште, бериште – ангел.

имеются “чоюн кудай” (чугунный бог). В данном случае тот же прием служит сниженно комическому осмыслению изображаемого.

В том же духе шутливо-иронического отношения к чужим обаячам и представлениям переданы картины встречи Манаса с родственниками Канькей, когда он приезжает сватать невесту. Осмеивается оседлый быт горожан, которые не только не пользуются лошадьми, но даже боятся их, принимая за опасных зверей:

Много таджиков,
Ловких и известных,
Как увидят дерущихся жеребцов,
Разбегаются в страхе по домам,
Думая, что они их проглотят.
Многие из щелочки своего дома
Выглядывают потихоньку,
И когда жеребцы гонят лошадь,
Думают, что они съедят друг друга.
Никогда не видавшие,
Как лягаются на улице лошади,
Удивляются тому
И разбегаются в разные стороны,
Точно они их лягают.

Заканчивая разбор художественной формы поэмы, напомним еще раз, что здесь намечены лишь некоторые предварительные вехи для дальнейшего глубокого изучения ее. Наши наблюдения излагаются только в порядке постановки вопроса, наметок отдельных проблем исследования эпоса.

Помимо многих не затронутых мною моментов, остается совершенно неразрешенным большой вопрос, вытекающий из специфических особенностей поэмы, вопрос об авторах хотя бы даже одного разбираемого нами варианта. С одной стороны, несомненно, что в разрастании поэмы, в сюжетном построении ее участвовали многие авторы, с другой стороны, налицо и подлинно творческая, огромная работа последнего певца, как бы взявшего на себя роль редактора, подчинившего все перечисленные моменты общему замыслу и тем самым придавшего варианту харак-

тер некоторого единства. Это единство достигается, кроме того, известной, правда, не всегда выдержанной последовательностью событий.

Задачей дальнейшего исследования формы поэмы должен быть анализ словесного стиля, словаря, рифмы, звукописи (в связи с напевами) и синтаксических оборотов для выявления авторской техники как последнего исполнителя, так, может быть, и его предшественников. Решить эту задачу можно лишь путем коллективной работы специалистов-фольклористов, в основном – исследователей из среды киргизских научных работников, которым дух родного языка понятнее и ближе, чем кому бы то ни было.

**Ғылыми
түсініктемелер**

“О труде многолетнем и вдохновенном”

“Абай жолы” эпопеясының жазылуы жайындағы ой-толғаныстарын, тәжірибелерін М. Әуезов оқушыларымен ұдайы бөлісіп отырды және жыл өткен сайын онысын жетілдіріп, толықтырып, шыңдап-шымырлаумен болды. Бұл жөніндегі жинақталып қалған ой-пікірлерін біраз еңбектері мен сөйлеген сөздерінде айтқан. “Абай” романының жазылуы жайынан” деген мақаласы баспасөз беттерінде жарияланды (Әдебиет және искусство. 1955. № 3). Соңынан ол толықтырылып, “Как я работал над романом “Абай” и “Путь Абая” деген атпен басылды. Ал “О труде многолетнем и вдохновенном” алдыңғы айтылған еңбектердің мүлде жаңа бір түр-нұсқасы десе де болады. Мұндағы толғаныс, талдау, ұғындыру басқаша қалыптанған. Осы еңбек жазушы мұрағатындағы машинкада басылған данасы (205-бума, 1–71-бб.) бойынша академиялық басылымда алғаш рет жарияланып отыр.

Т. Әкім

“Народный “Бустан”

Бұл мақаланың қазақ тіліндегі алғашқы нұсқасы “Халықтық “Бустан” деген атпен “Қазақ әдебиеті” газетінің 1958 жылғы 12 желтоқсанында жарияланған. Кейін “Культура и жизнь” журналының 1959 жылғы № 2 санында (33–36-бб.) орыс тіліне дәлме-дәл аударылып басылған. Бұдан кейін жазушының көп томдықтары мен мақалалар жинақтарына енген. Мақаланың түпнұсқасы сақталмаған.

Жазушы бұл мақалада 1958 жылдың 12–23 желтоқсаны аралығында Мәскеуде өткен қазақ өнері мен әдебиетінің онкүндігінен алған әсерлерін, сондай-ақ қазақ халқының өнері мен әдебиетінің, мәдениетінің ондаған жылдар ішінде қауырт қарқынмен көктеп, гүлденуін парсы елінің ұлы ақыны Сағдидің “Бустанына” (жемісті бақ) ұқсататынын баяндаған.

Мақала елу томдық академиялық басылымға журналдағы нұсқасы бойынша берілді.

1. 54-б. “...бустаном”, – как некогда назвал поэт свой прославленный сборник стихов” – Парсы елінің ақыны Сағди өзінің асыл диванын (өлеңдер жинағын) “Бустан” (жемісті бақ) деп атаған.

А. Пірімбетова

“60-летие академика Каныша Имантаевича Сатпаева”

Мақала Қазақстан Ғылым академиясының “Вестник” журналында (1959. № 4. 58–61-бб.) жарияланған. М. Әуезов өзінің бұл ой-толғанысын сол кездегі Қазақстан Ғылым академиясының президенті, КСРО Ғылым академиясының толық мүшесі, еңбек сіңірген ғылым қайраткері, Сталиндік және Лениндік сыйлықтардың лауреаты Қаныш Имантайұлы Сәтбаевтың 60 жасқа толған мерейтойына арнады. Бұл ретте ғалымның елу жасқа толуына орай “Қазақ халқының зор ғалымы” деген атпен арнайы жазылған мақаласы да бар. Қаламгер осы еңбектерінде Қаныштың сауатын ауыл мұғалімнен ашып, Павлодардағы орысша-қазақша училищеде, одан кейін Семей қаласындағы оқытушылар семинариясында, Томскідегі технология институтының тау-кен факультетінде оқығаны, онан соң Ақмола түсті металлургия тресін, Жезқазғандағы Қарсақпай, Спасск комбинаттарын, Одақтық Ғылым академиясының қазақстандық филиалын басқара жүріп, дүниеге белгілі Байқоңыр, Қияқ секілді бірсыпыра кен орындарын ашқаны жөнінде айтады.

Қаныш Имантайұлы Ғылым академиясын ұйымдастырушы және оның алғашқы президенті болды. Одақтық Ғылым академиясының толық мүшелігіне қазақтан тұңғыш сайланды. Автор Қ. Сәтбаевтың қазақ тарихында алатын орны, атқарған қызметі, еңбектері жөнінде сөз қозғай отырып, оның Абай мен Шоқан, Ыбырай мен Жамбыл сияқты айрықша орны бар қайраткер екенін, еңбегіне сол деңгейден қарау керектігін, Қазақстандағы Ғылым академиясын жолға қоюдағы істерінің өзі айтып жеткізгісіз табыс болғанын айтады. Бұрынғы көшпелі елдің киіз үйінде өскен жанның ғылымда жеткен нәтижелі жеңісі халқын ғана емес, өзгелерді де таңғалдырды. Ғалымның жетекшілігімен әлемге беймәлім, аса бай Байқоңыр, Қияқ секілді бірсыпыра кен көздері ашылды. Мұндағы байлықты көне замандардағы сақ, массагеттер де білген. Қордың мөлшері

қандай екенін Қ. Сәтбаев анықтап, нақтылап көрсетті. Бұл ретте М. Әуезов ғалымның көпшілікке мәлім емес қырсырларына да ой жүгірткендей болады.

Жазушының елу томдық шығармалар жинағына мақаланың осы журналдағы нұсқасы өзгеріссіз толық жіберіліп отыр.

А. Пірімбетова

“Братство наших литератур”

Мақала “Правда” газетінде 1959 жылы 8 мамырда жарияланған. Осы бойынша кейін М. Әуезовтің орыс тіліндегі 5 томдық шығармалар жинағында (М., 1973. Т. 5. С. 338–344), жиырма томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1985. 295–300-бб.) басылған. Мақаланың қолжазбасы “Әуезов үйі” ФМО қолжазба қорындағы 329-бумада сақталған.

Жазушы бұл мақаласында партияның ХХІ съезі ұсынған шешімдерді жүзеге асыруға қатысты басқа мәселелермен бірге көркем әдебиет пен өнер қайраткерлері алдында тұрған жауапты міндеттерге тоқталады. Әдебиетте сол дәуірдегі маңызды тақырыптардың бірі – халықтар достығын жырлау, кеңестік өмір шындығына сай түрлі халықтар әдебиетінде ұлттық сипаттардың өзгеруі сияқты мәселелерге назар аударған. Сонымен бірге мақалада “кеңес халқы”, “коммунизм құрылысшылары”, “социалистік реализм”, “жеті жылдық жоспар”, “социалистік мазмұн”, “маркстік-лениндік эстетика”, “кеңестік шығыс”, “буржуазиялық идеологтар”, “социалистік лагерь” сияқты кеңестік саясатқа байланысты қолданылған көп тіркестер сол уақыттағы әдебиет пен көркемөнер саласындағы жүргізілген жұмыстардың партиялық ұстанымын, өзіндік ерекшеліктерін білдіреді.

1. 68-б. **Абовян Хачатур (1805–1848)** – армян жазушысы. “Армения жаралары” (1841) романы, “Тынығу кезіндегі ермек” (1864), “Бәйіттер” (1864) атты кітаптары шыққан. Ағартушы-демократ, жаңа армян әдебиеті мен тілінің негізін салушы. Этнограф, ойшыл, прогресшіл армян педагогикасының ірі қайраткері.

2. 68-б. **Ахундов Мирза Фатали (1812–1878)** – әзірбайжан жазушысы. Әзірбайжан реалистік әдебиеті мен драматургиясының негізін салушы. “Алданған жұлдыздар”, “Хаужи Кара” (1852), т.б. шығармалары басылған.

Мақала М. Әуезовтің елу томдық шығармалар жинағына газеттегі нұсқасы бойынша басқа да басылымдармен салыстыра отырып әзірленді.

К. Рахымжанов

“Әдебиетіміздің туысқандығы”

Бұл мақала ең әуелі “Братство наших литератур” деген атпен “Правда” газетінде жарияланған (1959. 8 мамыр). Ал “Қазақ әдебиетінің” 1959 жылғы 15 мамырдағы 21-санында “Әдебиетіміздің туысқандығы” атты тақырыппен аударылып басылады. Газет “Правдаға” сілтеме жасаған.

“Жазушылардың Бүкілодақтық съезі алдында” деген айдарға орайластырылып берілген мақаланың қолжазбасы сақталмаған. Бұдан кейін еш жерде жарияланбаған.

М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық жинағына “Қазақ әдебиетіндегі” жарияланамы ешбір өзгеріссіз жіберілді.

Е. Қаныкейұлы

“Как я работал над романами “Абай” и “Путь Абая”

М. Әуезовтің көлемді мақаласы 1959 жылы “Вопросы литературы” журналының 6-санында шыққан. Кейін жазушының орыс тілінде жарияланған бес томдық жинағының бесінші томында (М.: Худож. литература, 1975. С. 439–460) жарияланған. Мақаланың қолжазбасы сақталмаған. “Жазушы еңбегі” айдарымен берілген мақалада “Абай жолы” романы, қазақ әдебиеті, қазақ әдебиетіндегі Абай Құнанбаевтың алатын орны жайында ғана емес, М. Әуезовтің өзіндік шығармашылық ерекшелігі туралы хабар беретін деректер де бар. М. Әуезовтің Абай образын терең түсініп, көркем бейнеге айналдырумен қатар, қазақ халқы тарихының бүтін бір ғасырлық суретін беру жолындағы шығармашылық еңбек барысы осы мақаладан көрінеді. Эпопеяның тууына әсер еткен алуан түрлі мәліметтер мол.

Жазушының Абайға адами, шығармашылық тұлға, халық өміріне рухани ықпал жасаған ой иесі ретінде қарауының өзіндік ерекшеліктері байқалады. Автор Абайдың адам ретіндегі, шығармашылық тұлға ретіндегі эволюциясы ақынға орасан зор тарихи міндет артып, осы міндетті терең сезіну оны трагедиялық тұлғаға айналдырғанын атап көрсетеді. Бұл мақала М. Әуезов шығармашылығын зерттеушілерге жазушы туындыларының тарихи сипаттары мен өзіндік қолтаңбасын ашуда жол сілтер еңбек болды.

1. 78-б. **Моруа Андре** – шын аты-жөні Эмиль Герцог, француз жазушысы, Француз академиясының мүшесі. Мақалада Моруаның “Байрон” романы жайында айтылып отыр. Бұл роман 1936 жылы орыс тілінде жарияланды.

2. 78-б. **“Поучительной для меня оказалась критика по адресу “Смерти Вазир-Мухтара” Тынянова”** – Мұнда М. Әуезов өзі оқыған М. Серебрянскийдің “Советский исторический роман” монографиясы (М., 1936) жайында сөз етіп отыр. Ю. Тынянов Грибоедовты декабристер ісіне сатқын-

дық жасаған адам ретінде суреттеді, шығармада пессимистік сарын бар, формализмге салынып, роман тілін күрделендіріп жіберген дейтіндей сын пікір орын алған. Бұл жайлы М. Горькийдің көзқарасы басқаша болатын. Ол Тыняновқа “Тамаша адамдар өмірі” сериясы бойынша Грибоедов жайлы кітап жаздырмақ болған (Қар.: “Наследие М. Горького и современность”. М.: Наука, 1986. С. 72). Бұл дерек Әуезовке белгісіз болатын, оны 1986 жылы С.Д. Островская жариялады.

3. 87-б. **“Одно из его замечательных стихотворений целиком посвящено охоте”** – Сөз Абайдың “Қансонарда бүркітші шығады аңға...” өлеңі жайында.

Р. Қайшыбаева

“Қазақтың халық жұмбақтары” (Кіріспе)

Бұл мақала тұңғыш рет “Жұмбақ туралы” деген атпен 1938 жылы “Әдебиет майданы” журналының 10-санында жарияланған. Тап осы басылым “Уақыт және әдебиет” (құрастырған, алғы сөзін жазған Ы. Дүйсенбаев) жинағына (Алматы: ҚМКӘБ, 1962. 294–300-бб.); он екі томдықтың 11-томына (Алматы: Жазушы, 1969. 198–205-бб.), жиырма томдықтың 17-томына (Алматы: Жазушы, 1985. 140–146-бб.), жазушы шығармаларының елу томдық толық жинағының 13-томына (Алматы: “Жібек жолы” баспа үйі, 2004. 57–64, 347-бб.) негіз болған. Бұл бес жарияланым – бір нұсқа.

1940 жылы КСРО Ғылым академиясының қазақстандық филиалы дайындаған “Жұмбақтар” (Алматы: Қаз. мем. бас., 1940. 3–10-бб.) деген кітапта “Жұмбақтар туралы” деген атпен толықтырылып қайта басылған және “Қазақ жұмбақтары” деген жинаққа (Алматы: Ана тілі, 1993. 3–9-бб.) да енген. Бұл екеуі – бір нұсқа.

Ал, бұдан соң, 1959 жылғы ең соңғы нұсқаны М. Әуезов қайта қарап, өңдеп, тағы да толықтырып, “Қазақтың халық жұмбақтары” (Алматы: ҚМКӘБ, 1959. 3–12-бб.) деген жинаққа “Кіріспе” мақала ретінде жазған. Бұл – үшінші нұсқасы. Айырмашылықтар үшеуінде де бар. Мақаланың қолжазбасы сақталмағандықтан, өзара текстологиялық салыстырулар аталған үш түрлі басылымдардың арасында жүргізілді.

Жазушы шығармаларының толық жинағына 1959 жылғы жарияланымы негіз болды. Осы соңғы нұсқаны (1959) 1938, 1940 жылғы басылымдармен салыстырғанда кездескен айырмашылықтар төмендегідей:

1959 жылғы нұсқада “Қазақ жұмбақтарын ертеде П.М. Мелиоранский... ..күнды қазына екендігі даусыз. ...Бұл жинақты...” деген үш абзац және төртінші абзацтың бірінші екі сөзі бүтіндей қайта қосылған.

Ал 1940 жылғы нұсқада бұл абзац жоқ, оның орнында болған “Міне, осымен қазақ тіліндегі бұрынғы-соңғы жұмбақтың бірталайын құрастырып, осындай бір жинақ қып беріп отырмыз.

Бұл кітапты Ғылым академиясының қазақстандық филиалы әзір өзінің қолына түскен қазақ жұмбақтарын жинастырып, олардың дұрыстарын тұтас беруге мақсат етті. Сол себепті мұнда бұрынғы жұмбақ, бүгінгі жұмбақ деп бөлген бөлектер болмады. Екінші, жұмбақ, мақал, ертегі сияқты, фольклор түрлерін жиналған ауданына қарап, аудан, өлкесі бойынша жіктейтін әдет бар еді. Мұнда ол негізді де алғамыз жоқ.

Қазіргі бірінші кітапты...” деген екі абзац және үшінші абзацтың үш сөзі 1959 жылғыда қысқарып, жоғарыда аталған жаңа толықтырулармен бір-бірінің орнын алмастырғаны белгілі болды.

“Бұрын қазақта күйеу таңдаған қыз...” деп басталатын абзацтың соңғы – “Мәселен, Әсет пен Рысжанның, Нұржан мен Сапарғалидың айтыстары жұмбақтасу түрінде жырланған” деген сөйлемі 1940 жылғы нұсқада жоқ.

Сондай-ақ “Осы жинаққа кірген жұмбақтардың ішінде трактор, аэроплан, поезд, пароход, радио, телефон сияқты жаңа техника бұйымдарының талайын атайтын жұмбақтар бар” деген (1940) абзац 1959 жылғы нұсқада қысқарған, ал 1940 жылғыда кездеспейтін “Социалистік дәуірдегі Советтік...” және соңғы “Еңбектің осы екінші басылуына...” деген қос абзац мұнда (1959) бар.

Жазушының “Қазақтың халық жұмбақтарына” (1959) дайындаған “Кіріспесі” мен “Жұмбақтар” (1940) жинағына жазған мақаласы арасындағы өзгешеліктер, айырмашылықтар, толықтырулар, міне, осындай.

“Әдебиет майданында” (1938) және әр жылдарда жарық көрген көптомдықтары (12, 20 томдық,) мен жинақтарында (“Уақыт және әдебиет”, 1962) жарияланған нұсқасын (бұлардың бәрі бір нұсқа) 1959, 1940 жылғылармен салыстыру барысында жазушы төмендегідей өңдеулер мен толықтырулар, қысқартулар мен түзетулер енгізгені байқалды.

1959 жылғы нұсқадағы “Қазақ жұмбақтары ертеде П.М. Мелионарский...” деп басталатын сөйлемнен “Енді біраз сөзбен бұрынғы ескі жұмбақ деген фольклордың қандай жайды сөз қылатынын айтып өтейік” деген сөйлемге дейінгі бір бет мәтін 1938 жылғы нұсқада кездеспеді.

“...ойының, қиялының шамасын білдіреді” – “азынаулақ шама-шарқын білдіреді”; “Осы аталған жайлар еңбекші халықтың өзіне жанасатын жақтарынан ғана алынады” – “Жұмбақтар еңбекші халықтың өміріне, тұрмысына жанасатын жақтарынан ғана алады”; “қоян тәрізді” – “қоян тәріздісі”; “паразиттер, шыбын-шіркей” – “бит, бүрге, шыбын”; “қой малына” – “қол малына” болып кездессе, “Сарқыраманың ар жағында, сылдыраманың бер жағында маңыраманы ұлыма жеп жатыр. Қынамадан жаныманы әкел”, – деген тәрізді.

Мұнда қасқырдың шаруаға келтіретін залалы көрсетілді. Сонымен қатар жұмбақ өзенді, қамысты айтады” деген сөйлемдер 1959 жылғы нұсқада қысқарған. “Жұмбақтың осылайша бір емес” – “Жұмбақтың кейде бір емес”; “Бөлім-бөлшектеріне де” – “бөлім-бөлшектеріне де (детальный)”; “Халық өзінің күнделікті жағдайындағы бар заттарды көбірек жұмбақ етеді” – “Сонда да және халық өзіне керекті жақындығы бар заттарды көбірек жұмбақ етеді”; “әбзел” – “жегу сайман”; “Мұның барлығы” – “Барлығы”; “Оны бар мүшелерін” – “Оның бар денесін, бар мүше-мүшесін” деп түзетілген.

“Барлығын шешкендегі мәнісі сол, жұмбақ топтап, жалпылап айтпайды. Жалқылап, саралап, тарам-тармағына бөліп айтады. Мал, аң деп тоқтамайды, қой, сиыр, түйе, қасқыр, түлкі деп атап айтады” деген абзац қысқарған (1959). “Заты шағын нәрселерді” – “затын жақын нәрселерді” деп түзетілген.

“Өз еліме шөп едім,
Желкідеген боз едім.
Қолға түстім қиналдым,
Он жерімнен буылдым” –

(Ши)

деген жұмбақ 1959 жылғы нұсқада кездеспеді. “Осы ерекшелік” – “аса ерекшелігі” боп түзетілсе;

“Атқа мінбейді, жаяу жүрмейді,
Күніне мың шақырым жерге барып келеді” –

(Көңіл)

деген де жұмбақ 1959 жылғы нұсқада жоқ. “...барлығын ақындық сөзбен” – “барлығын жұмбақ және де ақындық

сөзбен”; “Қоғамдық сырды” – “Қоғамдық сыр”; “ескі жұмбақтың” – “көп ескі жұмбақтың”; “еңбек иесі” – “еңбек елі”; “кәсіпшілер өздерінің күндегі айналысып жүрген заттарын сөз қылады” – “кәсіпшілер және өздерінің күндегі сайланысып жүрген заттарын сөз қылады”; “әрекет” – “харекет”; “Бұнда” – “Мұнда”; “кең ақылға байланысты түсінігінің” – “өнерленген түсінігінің”; “Көп елдің” – “Көп-көп елдердің”; “Жұмбақтарын қарасак” – “Жұмбақтарын жалғастыра қарасак”; “Бұл азан айтқан мәзінді ажуалау” – “деп азан айтқан мәзінді әжуалайды”; “ұқсас болғандықтан” – “ұқсас болған себебінен”; “трактор мен паровозды өгізге, тұлпарға” – “тракторды, паровозды ат, тұлпарға”; “Бұрын қазақта” – “Қазақта”; “ерекше орын” – “көп орын” боп өзгертілсе, “Мәселен, Әсет пен Рысжанның, Нұржан мен Сапарғалидың айтыстары жұмбақтасу түрінде жырланған” деген сөйлем 1938 жылғы нұсқада жоқ. “Жалпы жұмбақ деген сөз түрін” – “Жалпы жанның деген сөз түрін”; “жыр айтуды” – “хор айтуды”; “жұмбақтарымыз” – “жұмбағымыз”; “өлеңмен келетін жұмбақтар осы жинақтың ішінде де толып жатыр” – “өлеңмен келетіні толып жатыр”; “түрді” – “түрлі”; “олар өз мүддесі үшін, халықты алдау үшін” – “Олар өз үгітінің бетімен”; “тықпалады” – “қыстырады” болып кездеседі. “Бірақ, бұл жұмбақтар сөзі асыл, теңеуі дәл, ақындығы әсем келетін халық жұмбақтарындай емес. Тілі мақау, тегі шикі, құрғақ жамаулар” деген сөйлем 1959 жылғыда жоқ. “...тілге ұста болу мақсатымен оқиды, жаттайды” – “тілге ұстарту мақсатымен тексереді”; “Одақ көлемінде” – “совет көлемінде”; “қабырға газет” – “газет”; “Бұның” – “Мұның” болып келсе, “Еңбектің осы екінші басылуына...” деп басталатын соңғы абзац 1938 жылғы нұсқада жоқ.

1. 100-б. **Сәрсен Аманжолов** – Аманжолов Сәрсен Аманжолұлы (27.12.1903–28.01.1958) – қазақ филологиясының көрнекті қайраткері, белгілі түрколог, филология ғылымдарының докторы (1948), ҚазКСР ҒА-ның корреспондент мүшесі (1954). Бұл жерде Мұхаң 1940 жылы Қазақ мемлекеттік баспасынан жарық көрген “Жұмбақтар” жинағын айтып отыр.

2. 107-б. **Жанұзақов Телқожа** – Жанұзақов Телқожа Сейдінұлы (15.07.1927. Алматы облысы, Райымбек ауданы, Нарынқол) – көрнекті ғалым, филология ғылымдарының докторы (1976), профессор (1991). ҚР Мемлекеттік сый-

лығының, Қазақ КСР ҒА-ның Ш. Уәлиханов атындағы сыйлығының иегері.

3. 107-б. **Аманжолов Алтай** – Аманжолов Алтай Сәрсенұлы (02.06.1934. Алматы) – лингвист-ғалым, түрколог, филология ғылымдарының докторы (1976), профессор (1978).

Е. Қаныкейұлы

“Искреннее большое сорадование”

1959 жылы Мәскеуде Әдебиетшілердің орталық үйінде өткен онкүндікте өзбек жазушыларының шығармаларын талдауға қатысты жасаған бұл баяндама “Мұхтар Әуезовтің қолжазбалары” қорында сақтаулы (223-бума, “М. Әуезов. Туысқан әдебиеттер туралы мақалалар, баяндамалар”. Архив беттеуінде 107–116-бб.).

Машинкаға басылған бір данасын автор өз қолымен қысқартқан, “16/II” – деп белгілеген жерлері бар.

Баяндама кейін осы “Искреннее большое сорадование” деген атпен кітапқа (Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961. С. 24–28) енген, “Литературная газетаның” 1959 жылғы 24 ақпандағы санына “Дискуссия окончена – работа продолжается” (“Пікірталас бітті – жұмыс жалғасуда”) деген атпен П. Қадыровтың “Три корня” – “Үш тамыр” атты романы жайында сөйлеген сөзі ретінде қысқартылып басылған.

1. 108-б. **Абдулла Кадыри** – өзбек жазушысы. Медреседі оқып, араб және парсы тілдерін меңгерген. 1915 жылдан бастап еңбектері жарық көре бастаған. Оның “Несчастный жених”, “Развратник” атты ертедегі ескі ауылдар туралы шығармалары және фельетондарында өткеннің қалдығына қарсылық білдіріледі. Гоголь мен Чеховтың шығармаларын және т.б. аударған.

2. 108-б. **“И “Сестры” Мухтарова...”** – Мұхтар Асқад – өзбек жазушысы. Орта Азиялық университеттің филология факультетін тамамдаған. “Наши предки” – “Біздің арғы бабаларымыз” атты Бұхараның тарихы туралы жазған поэмасы алғаш 1939 жылы жарық көрген. Балалар әдебиетіне де үлесін қосқан. А. Пушкин, М. Лермонтов, М. Горький, В. Маяковскийлердің және де т.б. шығармаларын тәржімелеген.

3. 109-б. **“...и Кадырова...”** – Қадыров Пірімқұл – өзбек жазушысы. 1951 жылы Ташкент университетінің шығыстану факультетін бітірген. 1950 жылдан беріде еңбектері жарық көре бастаған. Әңгімелер мен повестер жинағының авторы,

Л. Толстойды, К. Федин және т.б. шығармаларын тәржімелеген. 1958 жылы жарық көрген “Уч илдиз” (“Три корня”) романын өзбек зиялыларының жас толқынына арнап жазған.

4. 112-б. **Каравалева Анна** — орыс жазушысы. 1922 жылдан бастап еңбектері жарық көре бастады. Алғашқы шығармалары революциядан кейінгі жылдардағы ауыл өміріне арналған. 1931–1938 жылдары “Жас гвардия” журналының бас редакторы болды. “Атамекен” триологиясы үшін 1951 жылы КСРО Мемлекеттік сыйлығына ие болды.

А. Қуанышбаев

“Оңтүстік сапарынан”

Бұл Әуезовтің шығарма жазу мақсатында Оңтүстік Қазақстан облысына барған сапарынан кейін (1959 жылдың қыркүйек, қазан айлары) жазылды. Очерк алдымен “Социалистік Қазақстан” газетінің қазан айының 22, 23, 25, 27 күндеріндегі сандарында жарияланды. Келесі жылында “Алғы шептегілер” деп аталатын очерктер жинағына (Алматы: ҚМКӘБ, 1960. 3–28-бб.) енді. Осыдан кейін он екі (Алматы: Жазушы, 1967. 3-т. 79–100-бб.), жиырма томдық (Алматы: Жазушы, 1980. 67–88-бб.) шығармалар жинағының 7-томында басылды.

Негізінде очерк алдағы жазылар шығармасының кейбір тарауларының жалпы нобай-жоспары сияқты. Оны романның (“Өскен өркен”) екінші тарауының бас жағындағы “Бұл бөлімше бұрын жазылған материалды тыңайтып, романша жаңартып өсіре пайдалану қалпында қаралатын болады. Бұрын жазылған Оңтүстік жөніндегі біраз деректі жайлар осы бөлімнің негізгі мазмұны болады. Тақырыбы да сол бұрын жазылған шығармалар іргесінен тарайды” деген ойы көрсетеді. Соңынан мұны ұлғайтып, көркемдеп жетілдірмек болған. Сонда облыстың оңтүстік, солтүстігіндегі аудандарды түгелге жуық аралап, сондағы мал, ауыл шаруашылығы, егіншілігі, өндірісі, экономикасы, тарихы мен мәдениетіне қатысты дүниелердің барлығына назар аударды. Осындағы көрген-сезген, ойына тоқығандарын “Талап та, тақырып та осы мақта”, “Қадімнен мәлім Қаратауда”, “Қаратау тәжі – Кентау”, “Баға жетпес қасиеттер жайында” деген тақырыптар төңірегіне топтастырды. Осылардың өзінен-ақ қаламгердің үлкен құлшыныс, күш-қуатпен ауқымды еңбекке бет алғандығы аңғарылады.

Облысқа келісімен әңгіме ауаны мақтаға қарай ойыса беретінін көрді. Сондықтан да елмен таныстықты ең алдымен мақталы аймақтардан бастағанды жөн санады. Мұның өзі жаңа заман шындығын тарихи шығармаларындағыдай кең, мол толғасам деген алдағы бағытын мүлде бекітіп, орнықтыра түсті.

“Абай жолы” біткеннен кейінгі бүкіл ой-мақсаты осындай ұстанымдарға бағытталса, оның бастамасы осы очеркінен өзек алды. Өйткені жаңа роман жазуға ықылас-ниеті біржола ауған кездегі сапарының өзгешеліктері шығарма елесін көлденең тартты. Сондықтан да болған жерінің, ортасының барлығында да кіммен сұхбаттаспасын, көз алдында шығарма тұрды, көріп-білгендері мен сезіп-түйгендері осы тұрғыдан әсерлендірді, сондағы шығармаға жарарлығы ойынан кетпеді. Болашақ кейіпкерлерінің үй-іштік, жеке бастық, тұрмыстық, әлеуметтік жағдайлары мен хал-күйлерін, өмірдегі, еңбектегі қам-қарекеттерін жеріне жеткізе көрсетсем, көркемдеп жеткізсем деген ойларының жүзеге асуына ел адамдарының, ауыл, аудан, облыс басшыларының өлшеусіз көмегі тиді.

Алғашқы сапарындағы көрген, сезген, көз алдынан өткергендерінің барлығын очеркінде тұтас қамтуды мақсат тұтпады, түйінді-түйінді деген тұстарын ғана жазды. Бұлардың ешқайсысы кейін романынан шет қалмайтынын, қазіргі деректерінің қайсысы қай тұсқа қалануы керектігін өзінің қойған, сызған белгілері көрсетеді.

Т. Әкім

“Шаяндағы шешен Керекең”

Бұл очерк “Өскен өркен” романына деректер жинау мақсатымен 1960 жылдың көктемінде Оңтүстік өңіріне екінші рет барған сапарынан соң жазылды. Сол жолы жазушы Шаян ауданының шаруашылықтарын аралап жүріп шопан Керімбек Мамановтың үйінде болады. Керімбекті (очеркте Керімқұл) осы өңірді былтыр аралап жүрген кезінде кезіктірген (538-бума, 25-б.), одан кейін малшылардың облыстық жиынында сөйлеп тұрған сәтінде көрді. Бұл мезетті қойын дәптеріне “Шибарқыт мешбет, қара тақия, шаш алынған, шоқша сақалында сәл ғана қара бурыл бар, даусы шықпайды, қолмен жест жасайды — бытовое казак” — деп жаза отырып, оның: “Бірінші мәрта, анақ-мынақ әңгімеге қызықпайтым, малды ерінбей бағам, қой он сегіз сағат жайылат” деп жергілікті сөздерді қолданатынын айтыпты. Бұған дейін дүниеге келген “Оңтүстік сапарынан” очеркінде “Ал әзірге біздің келе жатқан жолымызда әр беткейден ассақ, төскейден аққан бұлақ, бастау, тегіс түкті өлкелер, ырысы мол өңірлер екені айқын танылады” деген жолдардың тұсын, астын сызып: “Бұларды Карпов көріп-білуі керек” дегенді жазыпты. Бұл жерде малшылар тұрмыс-тіршілігіне айрықша көңіл аударған Карповты қаламгер осы шопанның отбасында болғыздырады. Киіз үйді алғаш көрген кейіпкер “Менің сенімен алғаш ұшырасуым” дейді. Сонда үй іші көріністеріне, ондағы қатар-қатар сандықтар үстіндегі жиылған әр түсті, әртүрлі бояулы үлкенді-кішілі көрпе-жастықтар мен іргеде ілулі тұрған киім үлгілеріне қарап отырып ойға беріледі. Осындағы “Мысалы, бәріміз осында бүгін қонатын болсақ, тегі, қатар жататын боламыз ғой” деген ойы тұрмыстың әсіресе қыста қалай болатынын, жуынып-шайынудың қиындығын елестетеді. Осыларға сын көзбен, біртүрлі аянышпен қараса да, онда қамқорлық ой басым жатады, енді оны қалай жақсартып, қалай жеңілдетудің жолдары бар деген ойлар мазалайды. Кейін романында осының айналасында шопандар өмірі туралы қаншама мәселелерді

топтастырады, шешімін күткен проблемалық ситуацияларға айналдырады.

Очерк алғаш рет “Қазақ әдебиеті” газетінің 1960 жылғы 8 шілдедегі санында жарияланды. Одан кейін қаламгердің жиырма томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1980. 7-т. 102–107-бб.) басылды.

Т. Әкім

“Америка әсерлері”

Мұхтар Әуезов кеңес жазушыларының сапында 1960 жылдың ақпан, наурыз айларында Америка Құрама Штаттарында болды. Делегация құрамына Алексей Щипачев, Леонид Леонов, Олесь Гончар енді. Осы елге баратындығын 1959 жылдың басында естіген. Сонда жіберген телеграммада делегацияны Константин Федин басқаратындығы көрсетілген, дәл жүрер кезде құрамының да, басқарушысының да өзгергенін білді.

Осы елге баратындығы жөніндегі хабарды алысымен, елдің өткені мен бүгінін, болашағын білмекке, ұғынбаққа күш салды. Осы ниет, мақсатпен ең алғаш оқығандарының бірі – “Үлкен Совет Энциклопедиясының” 39-томындағы көлемді мақала. Мақаланы қиып алып, оны сызып, әртүрлі белгілерін қоя отырып мұқият оқыған. Сондағы білмекке ұмтылдырғаны осы бір алып елдің шаруашылығы, өндірісі, жағрафиялық ерекшеліктері, табиғаты, адам қолымен жасалған құндылықтары, түрлі-түрлі саяси, әлеуметтік ағымдары, тарихы, мәдениеті, әдебиеті, ғылымы, өнері, философиясы еді. Осылардың ішінде әдебиетіне деген ықыласының айрықша екендігі көрінді. Бұндағы шығармашылығы XVII ғасырдан бастау алатын Дж. Смит, Дж. Уинтроп, У. Бредфорт, В. Франклин, Т. Пэн, Т. Джеффрсон, Ф. Френо, Дж. Барлод, Т. Дуайт, Ф. Купер, У. Уитмен, Ф. Брет-Гарт, М. Твен, Т. Драйзер, Э. Колдуэлл, Э. Синклер, Т. Уайлдер, Э. Хемингуэй сияқтылар әдебиеттің ірі өкілдері саналады.

Әрине, бұл өзінің осындай бағыттағы алғашқы сапары емес, сондықтан өз қалауларымен жүріс бағытын өзгертуге болатынын біледі. Мұнда да солай болды. Чикаго, Детройт секілді техникасы, завод-фабригі, түрлі-түрлі жарыс, бәсеке, компаниясы мол қалалардың үнсіз-түнсіз көрініс-келбетімен танысқаннан гөрі қайшылығы, бір-бірінен айырмашылығы алшақ өлке-аймақтарды көріп-білгенді жөн санады. Нью-Йорк, Вашингтон, Бостондай қалаларынан бөлек, жағрафиялық

аумағы кең, мемлекеттің екінші бір қиыры саналатын Калифорнияны, одан кейін Американың байырғы тұрғындары мекендейтін үндістер резервацияларын көрмекті ниет етісті. Сонда елдегі әр алуан, әртүрлі халықтардың өмірімен, тыныс-тіршілігімен, түрлі-түрлі топ өкілдерімен танысып, дидакталасты, пікір алмасты, сұхбаттасты, біраз штаттарында болып, олардың мақсат-мүдделерінен хабардар болды. Сол елдің күні мен түні, таулары мен даласы, теңізі мен өзені, көлдері, аптабы мен желінен бастап адам қолымен жасалған құндылықтарын барынша көріп-білмекке тырысты. Қорықтарындағы төрт-бес мың жылдық саквойя ағаштарына ежелгі мамонттардың, Илиада, Кейқауыс, Рүстемнің замандасы деп қарады. Американдықтардың өздерінің біріне ұнаса, біріне ұнамайтын Нью-Йоркті техникалы, ғылымды, өнерлі замандағы адамзат ізденістерінің жемісті ескерткішіне, “Манхэттен аспанына мәңгіге қалатын тозбас тастан соғылған поэмаға” теңеді. Бүкіл елге тарайтын ең ірі телекомпания өздерімен сұхбат өткізгенде “Абай жолы”, фольклор, өзі туралы айта келіп, қазақ халқында бүгінге дейін фольклордың дамып, өркендеп отырғанын әңгімелейді. Егер осында жетсе, бұндағылар жаңа Гайаваталар тапқандай, жаңа Америка ашқандай болар еді дейді. Өзі осы үшін ғана бұл елге келуге болатынын айтады.

Сапардан оралысымен өзінің ой-толғаныстарын диктовкамен жаздыруды бастайды, бірақ ажал оның аяқталуына мүмкіндік бермеді. Сонда Вашингтон, Нью-Йоркте болған кездері ғана баяндалды. Бұларды жазылар беттердің төрттен немесе бестен біріндей ғана десе де болады. Сол біткен тарауы өзі қайтыс болғаннан кейін “Қазақ әдебиеті” газетінің 1964 жылғы шілде айының 8, 10, 17, 24 күндеріндегі сандарында жарияланды. Осыдан кейін он екі (Алматы: Жазушы, 1967. 3-т. 358–391-бб.), жиырма томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1981. 8-т. 273–309-бб.) басылды. Түпнұсқасының жоқтығынан бұларды бірімен-бірін салыстыруға мүмкіндік болмады да, жиырма томдықтағы басылымы өзгеріссіз берілді.

Т. Әкім

“Америка сапары” (Жолжазбалар)

Мұхтар Әуезовтің бұл жолжазбалары 1960 жылдың ақпан және наурыз айлары ішінде жазылды. Олары үш блокнот-дәптерден тұрады. Бірінші дәптердің алғашқы бетіне: “Мұхтар Әуезов. 1960. Копенгаген, отель “Европа”, 1008-комн. Вашингтон, отель “Шорм” (16). Нью-Йорк, “Барбизон плаза”, 1803-комн. 16/II–27/II (11 күн); екінші дәптерге – “1) Фресно (Калифорния), мотель (9) аты “Насиенда”. 2) Лос-Анджелес, “Чайман парк” (532), Феникс, отель “Весвард Хо” (на западе), 812; үшінші дәптерге – 1) 1960, март (9/III). Феникс, “Весвард Хо” (на западе), 812. 2) Вашингтон, “Стэтлер (847). 3) Бостон, “Шератон плаза” отель (478). 4) Нью-Йорк парк, “Шератон плаза” отель (767)” деп жазған. Бірінші дәптер архивтің беттеуінде 226–276, екінші дәптер 277–327, үшінші дәптер 328–349 беттерді қамтиды (392-бума).

Осы жолсапарлар араб, кирилл әріптерінде жазылған.

Бұл ретте жазушының бұған дейінгі Индия, Жапония сапарларының жолжазбалары түгелдей дерлік араб әрпінде болса, бұл жолы оны сиректеу қолданыпты. Сонда қаламгер елді жай ғана көруші, аралаушы ғана емес, бәрін де қалт жібермей жіті бақылайтын, дәл, дәп танитын, таңдау, талдау сүзгісінен өткізетін көреген, қырағы саралаушы, сондағы көріп, білгендерін кейінгі ұрпаққа жеткізуші, таратушы болып көрінеді. Ол алғашқы күннен бастап қашан қайтқанға дейін ондағы алуан-алуан көріністерді күн демей, түн демей, мейлі поезд, мейлі автобус, мейлі ұшақта болсын, әрбір көріністі талмай қадағалап, қойын дәптеріне түсіріп отырды. Алыс, ұзақ жолдар тұсында да ол тыныштық іздеп, демалудың орнына көргендерінің барлығын көңіл-көкейіне тоқумен болды. Сондағы көргендерін өз еліміздің кейбір өлке-аймақтарымен салыстырып, ұқсастықтар тауып отырды, оны Калифорния мен Аризона, Колорадо, Бостон штаттары төңірегінен тапқандай болды. Осындағы көрініс, табыс, жетістіктерге қарап, өз елінің жақындағы болашағы осындай болса етті дегенді үнемі ойлаудан танбады.

Т. Әкім

“Манас” – киргизская народная героическая поэма”

Қырғыздың батырлық эпосы “Манас” туралы М. Әуезов зерттеуінің алғашқы нұсқасы 1934 жылы жазылды. Осыдан бастап оның (1934–1954 жылдар аралығында) бес түрлі нұсқасы (176-бума) дүниеге келді. Ал 1959 жылы шыққан “Әр жылдар ойлары – “Мысли разных лет” (Алматы: ҚМКӘБ) деп аталатын мақалалар, зерттеулер жинағында шыққаны да бірсыпыра өңдеу-жөндеулерге ұшырады. Осы еңбектің ықшамдалған нұсқасы Зейнолла Қабдоловтың аударуында “Қырғыздың батырлық эпосы “Манас” (Алматы: ҚМКӘБ, 1962. 175–205-бб.) атты кітапта, одан кейін он екі томдық шығармалар жинағында (Алматы: Жазушы, 1969. 102–163-бб.) шықты. Жиырма томдық басылымында (Алматы: Жазушы, 1985. 66–163-бб.) орысша нұсқасы берілді. Басқа нұсқасында жоқ кіріспені (Введение, 182-бума) 1948 жылғы нұсқасына арнап өз алдына бөлек жазған екен, ол да қалпына келтірілді. Осылардың ішінде кейбіреулерінен нұсқалық деңгейге көтерілгендей сипат байқалмайды. Дегенмен жиі-жиі айналып соғып, көңіл аудара берген соң ірілі-ұсақты түзетулер, өңдеулер, жетілдірулер енгізіп отырғандығы көрінеді. Осылардың ара-арасында көптеген жиын-конференциялардағы талқылауларда баяндамалар жасап, жарысөзге қатысқандағы жазбалары бұл салаға қаншалықты еңбек сіңіргенін көрсетеді. Әсіресе елуінші жылдардың басында бұл мұраны халықтық мұра ма, мұра емес пе деген даулы, сынды кезеңде оның халықтық мұра екенін дәлелдеуде М. Әуезов айтып жеткізгісіз еңбек сіңірген. Әртүрлі келеңсіз ойлар, орынсыз кінәлаулардан аса бағалы мұраны қорғап қалғаны ерлік саналады. Бұл нұсқаның машинкада басылған жалғыз данасы сақталып қалғандықтан, оны бірімен-бірі салыстырудың мүмкіндігі болмады.

Т. Әкім

МАЗМҰНЫ

I. МАҚАЛАЛАР	3
О труде многолетнем и вдохновенном	5
Народный “Бустан”	54
60-летие академика Каныша Имантаевича Сатпаева	58
Братство наших литератур	63
Әдебиетіміздің туысқандығы	70
Как я работал над романами “Абай” и “Путь Абая”	77
Қазақтың халық жұмбақтары (Кіріспе)	100
Искреннее большое сорадование	108
II. ОЧЕРКТЕР МЕН ЖОЛЖАЗБАЛАР	115
Оңтүстік сапарынан	117
Шаяндағы шешен Керекең.....	151
Америка әсерлері.....	155
Америка сапары (Жолжазбалар)	191
III. ЗЕРТТЕУ	253
“Манас” – киргизская народная героическая поэма	255
IV. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	381

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ

Шығармаларының елу томдық толық жинағы

38-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:

С. Назарбаева, Б. Қанапиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан, А. Шаихова*

Көркемдеуші редакторы *С. Оспанова*

Техникалық редакторы *Н. Ромахова*

Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 10.07.2014 ж. қол қойылды.
Пішімі 84x108 ¹/₃₂. Офсеттік қағаз.
Қаріп түрі “Таймс”.
Шартты баспа табағы 21,4.
Таралымы 4000 дана.
Тапсырыс № 1326.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: gpik-dauir81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-180-7

9 786012941807